

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

National Research University
«Higher School of Economics»

VERBS OF ANIMAL SOUNDS:
typology
of metaphorical extensions

Languages of Slavic Culture
Moscow
2015

Институт языкознания Российской академии наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ГЛАГОЛЫ ЗВУКОВ ЖИВОТНЫХ: типология метафор

Языки славянской культуры
Москва
2015

УДК 80/81
ББК -3*81.2
Г 52

Данное научное исследование было выполнено при поддержке Программы
«Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г. (№ 14-05-0060)

Печатается по решению Ученого совета ФГБУН Института языкознания РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук Д. О. Добровольский
кандидат филологических наук Т. А. Майсак

Составитель:

Е. В. Рахилина

Под редакцией

Т. И. Резниковой, А. С. Выренковой, Б. В. Орехова, Д. А. Рыжовой

Г 52 Глаголы звуков животных: типология метафор / Ред. Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова. Сост. Е. В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-94457-254-7

Монография посвящена глагольным системам звуков животных и свойственным им метафорическим сдвигам в зону человека, природных объектов и артефактов (*пациент взвыл от боли, ветер выл в трубах, где-то воет пожарная сирена*). Исследование проведено на материале более чем 20 языков разной структуры — в основном они описаны в отдельных главах; подробно примеры отражены в специально созданной базе данных. Вводная и заключительная главы книги суммируют полученные выводы, значимые не только для семантики конкретных глаголов, но и для теории и типологии метафоры в целом. Книга адресована специалистам по семантике, типологии и всем, кто интересуется лингвистикой.

УДК 80/81
ББК -3*81.2

ISBN 978-5-94457-254-7

© Коллектив авторов, 2015
© Надя Плунгян, обложка, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Оглавление

Введение

1. *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Б. В. Орехов*
И хрюкотали зельюки:
предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике9

Индоевропейские языки

2. *А. С. Выренкова*
Звуки животных в английском языке.....37
3. *Т. И. Резникова*
О кукарекающем ребенке и мурлычущем холодильнике:
глаголы со значением звуков животных
и их семантические переносы в немецком языке.....54
4. *Е. С. Лучина, С. М. Баранова*
Глаголы звуков животных в идише.....88
5. *Е. А. Кузьменко*
Метафоры звуков животных в норвежском языке.....97
6. *Г. Обери, Е. А. Парина*
Глаголы, обозначающие звуки животных в валлийском языке.....107
7. *Е. А. Кузьменко*
Глаголы звуков животных в греческом языке120
8. *А. О. Максимова*
Армянские глаголы звуков животных.....131
9. *Е. В. Бессонова, Д. А. Рыжова*
Звуки животных в хинди.....144

Финно-угорские языки

10. *Е. В. Кашкин*
Глаголы звуков животных в мордовских языках163
11. *А. Никулласси, Е. Протасова*
Финские глаголы, описывающие издаваемые животными звуки178

Тюркские и монгольские языки

12. *Э. Г. Мустакимова, Б. В. Орехов*
Глаголы звуков животных в башкирском и татарском языках 199
13. *А. Э. Комарова*
Звуки животных в калмыцком языке 218

Языки Северного Кавказа

14. *М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова*
Глаголы звуков животных в бжедугском диалекте адыгейского языка 235
15. *С. Р. Мерданова, Т. И. Резникова*
Звуки животных и их переинтерпретация в агульском языке 247

Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

16. *А. С. Панина*
Выражение звуков животных в японском языке 263
17. *Е. Л. Рудницкая, С. Хван*
Общая характеристика лексического поля звуков животных
в корейском языке 282
18. *Л. С. Холкина*
Особенности лексической системы звуков животных
в современном китайском языке 297
19. *Э. Г. Мустакимова*
Глаголы звуков животных в индонезийском языке 310

Заключение

20. *М. В. Кюсева, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*
Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей 327

Приложение

21. *И. Кор Шаин, М. В. Кюсева*
Некоторые замечания о глаголах звуков животных в славянских языках 349
22. *Е. В. Кашкин, Т. И. Резникова, Е. К. Павлова, Е. С. Лучина*
От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанию 362
- Список литературы 381
- Сведения об авторах 389
- Указатель животных 391

Введение

Глава 1. *И хрюкотали зелюки:* предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

1. История книги

Эта книга имеет свою историю. В настоящем виде она является результатом коллективной годовой работы Научно-учебной группы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в составе четырех преподавателей направления Фундаментальной и прикладной лингвистики Факультета гуманитарных наук: Т. И. Резниковой (руководитель группы), А. С. Выренковой, Б. В. Орехова и Е. В. Рахилиной, двух студентов магистратуры, а затем аспирантов М. Кюсевой и Д. Рыжовой и трех студентов третьего курса Е. Кузьменко, А. Максимовой и Э. Мустакимовой. Однако лингвистическая проблема, которую решал этот проект, — изучение глаголов, описывающих звуки животных — была сформулирована гораздо раньше и обсуждалась в самых разных вариантах (см. Рахилина 2010) и самых разных аудиториях. Сначала — на летней лингвистической школе в Дубне, которая проводится ежегодно для старших школьников, потом на студенческом спецкурсе по лексической типологии Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ и научно-исследовательском семинаре НИУ ВШЭ, а также на воркшопе по лексической типологии в Стокгольме, где собрались участники большого международного проекта по описанию типологии температурных признаков. Всем участникам этих обсуждений мы очень благодарны за плодотворные дискуссии: оказалось, что поставленная задача интересна не только школьникам, но и профессиональным лингвистам. Поэтому осенью 2011 года совместно с французскими коллегами в университете Экс-ан-Прованса была организована международная конференция, которая рассматривала эту проблематику комплексно — и сквозь призму литературы и фольклора, и в отношении истории языка, но — среди прочего — и в лексико-типологическом освещении¹. По результатам той конференции в скором времени должен выйти сборник трудов университета Экс-ан-Прованс, где также с разных точек зрения будет обсуждаться языковая, исторический и социокультурный материал нескольких языков.

Между тем, осталась нерешенной задача создания единой и представительной базы данных, которая бы давала ответ на вопрос о возможности типологии глаголов,

¹ Сотрудничество с французской стороной было позже продолжено в рамках двусторонних отношений университета Ниццы Антиполис и НИУ ВШЭ.

обозначающих звуки животных: какого рода животные отражаются в звуковых глаголах и воспроизводятся ли семантические переходы от звуков животных к человеческому поведению (а также к звукам неодушевленных объектов) в языках мира. Речь идет о степени системности сдвигов значения типа ‘реветь’ (о льве или медведе) → ‘плакать’ (о ребенке); ‘ржать’ (о лошади) → ‘смеяться’, ‘выть’ (о волке или собаке) → ‘издавать звук’ (о сирене) и др. Тогда мы задумали описание этой семантической зоны по единому принципу, и настоящая (уже сугубо лингвистическая) коллективная монография воплощает эту идею более чем для 20 языков.

2. О звуках животных: некоторые особенности данного исследования

Надо сказать, что звукоизобразительной лексикой, особенно лексикой, передающей звуки животных, занимались многие. На сегодняшний день можно найти десятки и даже сотни сайтов, которые предлагают «перевод» идеофонов, соответствующих разным животным и птицам, с языка на язык (ср., напр., <http://www.eleceng.adelaide.edu.au/Personal/dabbott/animal.html>, <http://www.boredpanda.com/animal-sounds-different-languages-james-charman/>); эта тематика хорошо известна и чрезвычайно популярна в разного рода академических исследованиях, вплоть до диссертационных (Воронин 1982, Вельди 1988, Шляхова 2003, Петухова 2007, Вашквичус 2011 и мн. др.). Заметим, однако, что речь в них идет именно о звуковой составляющей, т. е. о том, как «голоса» животных (мычание, кукареканье, рычание и проч.) воспроизводятся лингвистическими средствами, превращаясь в идеофоны (ср. русск. *му-у*, *кукареку* и др.). Традиция состоит в описании моделей звукоизображения, принятых в разных естественных языках — в первую очередь с фонетической точки зрения.

Наш проект совершенно другого рода: он посвящен не звукоизобразительным словам, а предикатам, и изучаем мы прежде всего их значение, а не форму. Подобные предикаты иногда производны от идеофонов, но их внутренняя форма занимать нас не будет. Основой для сравнения структуры изучаемого поля в разных языках — или, иначе говоря, для построения его лексической типологии — будет семантика.

Существенно и то, что исследуемые нами глаголы могут быть не связаны со звукоподражанием напрямую. Ср., с одной стороны, русские *р-р-р*, *ш-ш-ш* или *му-у-у* и соответствующие им глаголы *рычать*, *шипеть* и *мычать*, с другой — совсем не коррелирующие фонетически *гав-гав* и *лаять* или *иг-го-го* и *ржать* и, наконец, глаголы, которые, как кажется, не имеют никакого звукоизобразительного аналога, как *щебетать* или *реветь*. Этот лексический материал, как правило, менее интересен с фонетической точки зрения: акустически он дальше от того звукового сигнала, который непосредственно воспринимается человеком. С этой точки зрения он меньше поражает воображение и меньше притягивает к себе внимание исследователей, потому что здесь едва ли можно ожидать внешнего межъязыкового сходства: глаголы в разных языках, собственно, и должны быть разными.

Тем не менее, их можно сравнивать, и у нас есть опыт такого рода работы — это проекты по лексической типологии, которые ведутся Московской лексико-типологической

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

группой (MLexT) с начала 2000-х гг. (подробнее о них см. на сайте lextur.org, см. также в обзорных статьях Рахилина, Плуноян 2007, Кортъевскаја-Тамм 2008, Рахилина, Резникова 2013). Особенностью предлагаемого нами подхода к типологическому исследованию лексики является анализ языкового контекста. Этим он отличается от двух других известных направлений в лексической типологии — экспериментального, представленного прежде всего в работах психолингвистической группы института им. Макса Планка в Неймегене, и подхода Анны Вежбицкой и Клиффа Годдарда, опирающегося на универсальный естественный семантический метаязык NSM (Natural Semantic Metalanguage). Для получения языковых данных мы используем анкеты, для создания которых мы привлекаем не зрительные, звуковые или иные стимулы, как это делают психолингвисты, и не общие толкования, как сторонники NSM, а словари и корпуса. На основе корпусного исследования сочетаемости интересующей нас лексики, с учетом статистики употреблений тех или иных лексических комбинаций, мы выделяем множество типичных для данного поля ситуаций, а затем изучаем и сопоставляем способы их вербализации в различных языках.

3. Глаголы звука в контексте других типологических проектов MLexT

Итак, в наших проектах сравнение лексики опирается на прототипические ситуации, релевантные для многих языков. Мы называем их *фреймами*, но — в отличие от традиционного представления о фреймах как своего рода «пустых» пропозициональных формах — имеем в виду при этом еще и типичные способы заполнения важнейших переменных такой формы представителями определенных семантических классов объектов (подробнее о теории фреймов в применении к лексической типологии см. Рахилина, Резникова 2013). Заданный фрейм может выражаться в том или ином языке отдельной лексемой или же лексически совмещаться с другими, при этом в разных языках способы комбинации фреймов различаются. Задача типологического описания при этом подходе состоит в том, чтобы понять, чем мотивированы те или иные лексические комбинации и противопоставления, какие стратегии объединения вообще возможны, какие — часто встречаются в естественных языках, а какие, наоборот, маловероятны.

Такое исследование предполагает анализ большого объема языковых данных и тем самым достаточно трудоемко. Тем не менее, усилиями MLexT несколько семантических зон уже имеют свое типологическое описание, пусть и на небольших, по меркам грамматистов, выборках языков, а именно: зона плавания (см. Майсак, Рахилина (ред. 2007), качания (Рахилина, Прокофьева 2005, Шапиро 2015), вращения (Круглякова 2010), а также несколько десятков качественных признаков, таких как ‘острый’ и ‘тупой’ (Кюсева 2012), ‘полный’ и ‘пустой’ (Тагабилева 2011), ‘мягкий’ — ‘жесткий’ — ‘твердый’ (Павлова 2014), ‘ровный’ — ‘гладкий’ — ‘грубый’ — ‘шершавый’ (Кашкин 2013, Виноградова 2013) и др.

Анализ этих зон показал, что для одноместных предикатов, к которым, в частности, относятся глаголы движения и признаковая лексика, лексические противопоставления определяются прежде всего типом субъекта. Так, в зоне плавания разными лексемами

могут описываться активные субъекты (прежде всего люди), суда, пассивные субъекты, движущиеся по течению (как, например, сплавляемый вниз по реке лес), и малоподвижные субъекты, находящиеся на поверхности (щепки, лист дерева, попавшая в воду шляпа и проч.); подробнее см. Майсак, Рахилина 2007: 30 и след. Показательна в этом отношении система английского языка, которую можно (несколько упрощенно) представить как отражающую все эти противопоставления с помощью четырех глаголов: *swim, sail, drift* и *float*.

Для зоны качания важны топологические свойства субъекта, т. е. его прототипическая форма и ориентация в пространстве: закреплен ли субъект снизу, как дерево или забор, либо подвешен, как маятник или детская колыбель; представляет ли он собой мягкую, лабильную, не имеющую своей формы, или жесткую вертикальную поверхность, ср. занавеска, пламя свечи или стенка. Существен для зоны качания и функциональный потенциал субъекта: является ли качание нарушением обычного для субъекта фиксированного положения в пространстве и свидетельством потери функциональности (ср. шатающийся зуб или качающийся стул) или это предмет, который предназначен для колебательного движения (ср. кресло-качалка).

Некоторые из этих противопоставлений отражаются в русской системе глаголов качания, где сосуществуют и конкурируют такие глаголы, как *качаться* (общий глагол качания, плохо применим к мягким поверхностям разного рода), *шататься* (об объектах с нарушенной функциональностью, закрепленных снизу), *колыхаться* (о мягких поверхностях) и др.

В зоне вращения релевантны другие типичные ситуации, или фреймы: так, однонаправленное вращение вокруг своей оси, регулярное и механическое, как вращение планет (ср. русск. *вращаться*), может лексикализироваться иначе, чем быстрое (ср. *крутиться*), и иначе, чем плохо контролируемые повороты в разные стороны (*вертеться на стуле*). Отдельными лексемами часто выражается движение вокруг внешней оси — например, над ориентиром (*орел кружит*) или поступательное движение, совмещенное с вращением (ср. *листья кружатся в воздухе*).

Все обсуждавшиеся до сих пор примеры касаются противопоставлений, которые затрагивают лексемы в их прямых значениях. Но обычно в рамках проектов MLexT объектом изучения становятся не только прямые, но и переносные употребления слов. Задача здесь состоит в том, чтобы понять, в каких других семантических полях могут фигурировать лексемы рассматриваемой зоны и как они при этом меняют свой смысл. Для исследуемой нами лексики такая постановка задачи совершенно естественна. Действительно, мы выбираем для анализа слова, описывающие общезначимый для носителей разных культур и языков физический мир, поскольку такой выбор обеспечивает базу для широкого типологического сопоставления. Между тем, хорошо известно, что частотная лексика, характеризующая физический мир (движение, пространственные характеристики, физические качества и свойства и под.), используется языками как средство лексико-семантического описания абстрактных, невидимых и не воспринимаемых через другие перцептивные каналы (т. е. на слух, вкус, запах или тактильно) понятий и категорий. К ним относятся, например, эмоции, время, оценка, интенсификация и др., и наш материал, изобилующий примерами переносов в эти абстрактные зоны, лишний раз подтверждает известную закономерность.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Однако вопрос о том, есть ли система в этих переносах и в какой степени можно признавать их типологическую релевантность, в лингвистике до сих пор не решен, потому что для его решения еще не накоплено и не обработано достаточного количества языкового материала. Наши частные наблюдения направлены на то, чтобы сформулировать гипотезу — пока они показывают, что семантические сдвиги действительно до определенной степени воспроизводятся в разных языках и, главное, управляются общими когнитивными лингвистическими механизмами.

Особый интерес в этом отношении представляют семантические зоны, которые практически целиком заполняются за счет лексических заимствований из других полей, путем метафоризации исходных лексем. Это зоны достаточно абстрактной семантики, и хотя большинство проектов MLexT ориентировано на конкретную лексику, тем не менее у нас есть опыт описания и такой высокометафоричной — но вместе с тем тоже универсальной для разных культур — области. Речь идет об исследовании предикатов боли (см. подробнее Брицын и др. (ред.) 2009). Как правило, собственно болевых предикатов в языках единицы — от одного (ср. русское *болеть*) до трех-четырех (ср. англ. *to hurt, to ache, to pain*). Эти предикаты имеют самую общую семантику и не обеспечивают противопоставлений, необходимых для структурирования поля. Они не описывают ни причину боли, ни ее интенсивность, ни характер (пульсирующая боль, длительная или резкая, сильная или слабая и под.), ни область человеческого тела, которая затронута болью. Все эти смыслы лексикализуются с помощью глаголов, для которых семантика боли является производной. Примечательно, что разные языки заимствуют такие вторичные болевые предикаты из одних и тех же зон: это глаголы разрушения (ср. русск. *колет, режет*), движения и каузации движения (*крутит*), горения (*жжет, горит*) и, кстати, звука (*гудит, звенит*). В метафорическом значении каждый из этих предикатов описывает частный тип болевой ситуации, определенный в отношении сразу нескольких признаков — части тела, затронутой болью, причины этой боли и ее характера. Так, например, русское *стреляет* описывает преимущественно боль в ухе, пульсирующую, средней степени интенсивности; в случае *ныть* это длительная боль, как в суставах при ревматизме или в ногах от долгой ходьбы; для *щипать* — особого рода неприятные ощущения на поверхности кожи или слизистой.

При переходе в другую семантическую область предикаты меняют не только семантику, но и морфологию и синтаксис, уподобляя свои свойства новым квазисинонимам (ср.: исходная агентивная переходная конструкция *резать*, как у глагола разрушения, ср. *он резал хлеб перочинным ножом* VS. результирующая болевая безличная и безобъектная конструкция *у него режет где-то в правом боку* — по аналогии с *у него болит где-то в правом боку*). Этот процесс в типологической перспективе подробно описан нами в Рахилина и др. 2010а, а также в Reznikova et al. 2012. Он очень интересен с теоретической точки зрения, наглядно демонстрируя единство и слаженное взаимодействие разных уровней языка, а также их безусловную мотивированность лексическим значением: именно мена лексической семантики обуславливает грамматическую перестройку слова.

В целом, поле глаголов звучания похоже на поле боли: лингвистически оно тоже привлекательно именно своими семантическими переходами. Различие в том, что боль представляет собой так называемую реципиентную зону, т. е. зону результата метафоры,

тогда как поле глаголов звука, и в частности звуков животных, является активным донором — в том числе, как мы только что видели, и для болевых значений, но и для многих других, связанных, в первую очередь, с поведением человека. Действительно, человеческое поведение выходит за рамки физических ситуаций, в том смысле, что является результатом интерпретации — и поэтому оказывается благодатной зоной для сравнения и отождествления, в частности, со звуковым поведением животных.

В этой книге для каждого языка нашей выборки мы рассматриваем глаголы, обозначающие звуки животных, и выявляем возможности их переинтерпретации для описания человеческого поведения. Общая задача состоит в том, чтобы сформулировать предварительные гипотезы для построения типологии семантических переходов между этими зонами. Отметим, что кроме ситуаций, связанных с человеком, переносные употребления данных глаголов могут относиться еще и к «звуковому поведению» артефактов и природных объектов. Случаи такого рода мы тоже будем иногда обсуждать.

Всего в монографии собраны подробные данные более чем по 20 языкам — все они подверглись тщательному анализу, включающему, среди прочего, обязательную проверку предварительных корпусных (в случае их доступности) и/или словарных материалов с помощью опросов носителей языка: это индоевропейские языки (английский, немецкий, норвежский, идиш, валлийский, греческий, армянский, хинди, бенгали), тюркские (башкирский, татарский), монгольский (калмыцкий), финно-угорские (эзьянский, мокшанский, финский), языки Северного Кавказа (адыгейский, агульский), Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (японский, китайский, корейский, индонезийский). В книге также имеется небольшая глава, содержащая заметки о сопоставительной этимологии славянских звуковых глаголов. Рассматриваются представители каждой ветви: сербский (южнославянский), польский (западнославянский) и русский (восточнославянский). Синхронное исследование русского материала в типологическом аспекте (Рахилина 2010) легло в основу этой монографии, но его результаты здесь отдельно не описываются. Принцип отбора языков, конечно, состоял в том, чтобы материал получился как можно более разнообразным. Тем не менее, как и в других наших работах, мы не исключали родственных языков, считая, что для лексической типологии ограничения на генетическую близость не так существенны, как, например, для типологии фонетической (подробнее об этом см. Рахилина, Резникова 2013: 8, а также Главу 12 настоящей монографии). В основном (как видно из оглавления) языковой материал был собран участниками Научно-учебной группы, однако нам удалось привлечь к нашей работе и нескольких экспертов по крупным языкам мира — прежде всего, китайскому (Л. С. Холкину, РГГУ и РАНХиГС), корейскому (Е. Л. Рудницкую, ИВ РАН), японскому (А. С. Панину, ИВ РАН), хинди (Е. В. Бессонову, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова), а также финскому (А. Никунласси, Е. Протасову, университет Хельсинки), но кроме того, и некоторым более редким — идишу (Е. С. Лучину, НИУ ВШЭ), валлийскому (Е. А. Парину, ИЯ РАН), мордовским (Е. В. Кашкина, ИРЯ РАН), калмыцкому (А. Э. Комарову, РГГУ) и агульскому (С. Р. Мерданову, ИЯ РАН). Без их неоценимой помощи в столь короткий срок, заданный проектом, обработать сложные и объемные данные этих языков мы, безусловно, не смогли бы.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

В последующих разделах Введения мы обсудим некоторые типологические наблюдения, которые основаны на всей совокупности исследованных данных, а затем — в основной части книги — будут представлены подробные описания конкретных языковых систем.

В силу лингвистических особенностей глаголов, обозначающих звуки животных, — а именно, регулярности их метафоризации — типология этой зоны должна учитывать, во-первых, лексическое устройство собственно зоны-источника, во-вторых, семантику переносных употреблений. Начнем с прямых значений, и в разделе 4 обсудим факторы, которые, по нашему мнению, существенны для типологии языковых систем:

- возможные классификации субъектов-животных, с учетом их нестандартных объединений;
- антропоцентричность системы;
- степень доминантности системы.

4. К типологии исходных значений

4.1. Типы субъектов-животных

Как мы помним, структуру поля, которая описывается одноместными предикатами, определяют релевантные для них классы субъектов. В нашем случае набор субъектов ограничен и достаточно однороден: это животные, насекомые и птицы. Представительный список их разных видов (всего свыше 80) послужил входом в анкету, которая использовалась для сбора материала по разным языкам.

Естественно, что языки не обозначают звук каждого из этих 80 живых существ отдельным глаголом. Во-первых, многие животные «соединяются» в одном звуковом глаголе с другими. Во-вторых, звуки некоторых животных вообще не лексикализуются. И хотя частные стратегии объединения и лексикализации варьируются от языка к языку, тем не менее за ними стоят общие и хорошо объяснимые закономерности.

Так, совмещение животных в одном глаголе может обуславливаться двумя причинами: акустическим сходством издаваемых звуков и / или сходством самих животных. Звуковой близостью объясняется объединение утки и лягушки, наблюдаемое во многих языках (татарском, адыгейском, индонезийском и др.), ср. также общий глагол для вороны и лягушки в валлийском (заметим, что и в русском, где звуки утки, вороны и лягушки лексически противопоставляются, соответствующие глаголы — *крякать*, *каркать* и *квакать* — тоже фонетически похожи). Другой пример такого рода — отождествление звуков змеи и агрессивных реакций некоторых крупных птиц (лебедей, гусей), ср. русск. *шипеть*, а также общие глаголы для змей и птиц в сербском (*сиктати*), немецком (*zischen*), татарском (*ысылдау*) и др. Более экзотический пример объединения представлен в калмыцком, где одним глаголом (*мәәлх*) описывается бляенье козы или овцы и мяуканье кошки.

Биологическое сходство субъектов (а не только акустическая близость звука) определяет совмещения таких животных, как лев и тигр (ср. русск. *рычать*, греческ.

βρουχάται, индонез. *menderu*) или овца и коза (ср. русск. *блеять*, литовск. *mekenti*, англ. *bleat* и др.; заметим, однако, что звуки этих животных могут и противопоставляться, как, например, в немецком, ср. *blöken* <об овце> VS. *meckern* <о козе>). Представление о сходстве задействуется и тогда, когда необходимо обозначить звук какого-л. редкого животного — в этом случае выбирается глагол, характерный для «похожего», но вместе с тем более привычного зверя. Так, лисам и шакалам во многих языках приписывается собачий лай, зебрам — лошадиное ржание.

4.2. Антропоцентричность

Носители иногда затрудняются с наименованием звука редких животных, разные информанты называют разные глаголы: не все представители фауны имеют в языке конвенциональное звукообозначение. Об эффекте своеобразной лингвистической избирательности естественных языков относительно отражения свойств животного мира писала еще А. Вежбицка в книге «Lexicography and Conceptual Analysis» (1985). Согласно А. Вежбицкой, язык антропоцентричен, поэтому в нем лексикализуются только те свойства зверей, которые существенны для человека. Отсюда — «молчание» во многих языках животные, которые на самом деле, конечно, издают какие-то звуки — например, заяц или крот.

Напротив, те существа, с которыми человек чаще всего вступает в контакт, ассоциируются — в соответствии с этим же принципом — не с одним, а сразу с несколькими стандартными звуками. К этому классу животных относятся прежде всего домашние питомцы — собаки и кошки: для них в языках наряду с нейтральным глаголом (ср. русск. *лаять* и *мяука́ть*, англ. *bark* и *mew*, эрзянск.² *uvams* и *m'afksnams* и под.) используются другие, подразумевающие определенное «эмоциональное состояние» животного, ср. глаголы, описывающие жалобные звуки собаки (русск. *скулить*, англ. *yelp*, эрзянск. *urnums/urnams*) или кошки (немецк. *maunzen*), агрессивные реакции собаки (русск. *рычать*, валлийск. *chwyrnu*, татарск. *ырылдау*), звуки, которые издают довольные кошки (русск. *мурлыкать*, эрзянск. *turkijams*, франц. *ronronner*).

Как правило, устойчивый способ обозначения имеется в языках для звуков обитателей скотного двора: коров, коз, овец, свиней, петухов, кур, гусей и под. (здесь надо упомянуть еще и лошадей, которые задействованы не только в домашнем хозяйстве, но и в разных других жизненных сферах). В отдельных случаях их звуки тоже выражаются более чем одним глаголом: тогда «дополнительная» лексема характеризует определенное состояние животного, функционально важное для человека. Так, в молдавском, наряду с нейтральным куриным глаголом *cotcodăci* ‘кудахтать’, имеется специальная лексема *cîrîi*, обозначающая звук, который издает курица, снесшая яйцо (то же в агульском, см. раздел 2.1. Главы 15).

Важную семиотическую функцию имеют и звуки хищных зверей — они предупреждают человека об опасности. В этом смысле закономерно, что во многих языках львы, тигры, волки и медведи тоже «обслуживаются» звуковыми глаголами, ср. русск. *рычать*, *выть* и *реветь*. Примечательно, что иногда разные хищники описываются одной общей

² Здесь и далее, говоря об эрзянском материале, мы приводим данные из диалекта с. Шокша (см. подробнее Главу 10).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

лексемой (ср., напр., *meraung* в индонезийском — о тиграх, львах и медведях) — хотя, скажем, между медведем и тигром внешнего (и биологического) сходства практически нет. Однако в «функциональном» восприятии человека они близки, поскольку в равной степени представляют для него угрозу. Тем самым антропоцентричный характер языка проявляется не только в отсутствии тех или других конвенциональных звукообозначений, но и в том, как происходит объединение разных звуков в одном глаголе.

Зависимость языковой «освоенности» звуков от интенсивности взаимодействия человека с соответствующим животным хорошо видна и на примере грызунов. Из этой группы люди больше всего сталкиваются с мышами и крысами — и именно для них во многих языках имеется общеизвестный звуковой глагол (ср. русск. *пицать*). Другие же представители этого семейства — скажем, бобры или сурки — в языковом восприятии «молчат»: действительно, для человека их звуки, в отличие от мышинных, нерелевантны.

Наконец, две последние группы объектов животного мира, которые часто получают звуковое описание в языке, образуют насекомые и птицы. Среди насекомых в первую очередь лексикализуются звуки тех, кто неприятен человеку и может нанести ему непосредственный вред (комары, осы и пчелы), остальные могут не получать языкового выражения. Так, носители индонезийского в ходе анкетирования затруднились назвать глаголы, описывающие звуки стрекоз, кузнечиков или мух.

Зона звуков, издаваемых птицами, во многих исследованных языках разработана достаточно подробно: здесь, как правило, противопоставляются крупные и мелкие виды, при этом специфические звукообозначения характерны главным образом для мелких. По-видимому, этот эффект, хорошо видный в типологической перспективе, объясняется тем, что в восприятии человека порождение звука — это основная отличительная особенность мелких птиц (ср. термин «певчие птицы»), так что это «главное» свойство вполне закономерно получает лексическое выражение.

До сих пор речь шла об общих типологических тенденциях в лексикализации звуков животных, которые позволяет выявить наш языковой материал. Но конечно, отдельные языки обнаруживают и индивидуальные особенности, обусловленные культурными традициями и географическим положением. Так, показательно, что в хинди лингвистически «выделенным» оказывается слон: его звуки описываются специальным глаголом *çi'ghāRnā*, калмыцкий же задействует даже два разных предиката для верблюда — *хэркрх* и *буульх*. Географический фактор хорошо прослеживается на примере птиц: «особые голоса» получают те из них, которые распространены в данной местности: в частности, в русском (и многих других европейских языках) собственный звуковой глагол есть у голубя и вороны (ср. *ворковать* и *каркать*), в коми-зырянском — у гагары (*n'uguny*) и т. д.

4.3. Доминантность системы

Особенности того или иного языка проявляются не только на уровне отдельных лексем, но и на уровне устройства семантического поля в целом. Наш материал позволяет говорить о двух типах систем для звуков животных: условно их можно назвать доминантным и дистрибутивным. Более привычным для нас является дистрибутивный тип — он присущ как русскому, так и другим крупным европейским языкам. Такого

рода системы предполагают, что звуковых глаголов в языке довольно много (не менее нескольких десятков), и они более или менее равномерно распределяются между основными животными, с которыми каким-то образом взаимодействует человек: каждый глагол описывает одно или несколько живых существ. Так, в русском собаки лают, кошки мяукают, тигры и львы рычат, вороны каркают и т. д. Напомним, что различные параметры лексикализации поля, а именно — какие животные объединяются в одном глаголе, какие выделяются в отдельную лексему, какие вовсе не ассоциируются с определенным звуком — могут варьироваться, но в принципе разные языки отражают достаточно сходные модели лексического распределения.

Доминантные системы, характерные прежде всего для дальневосточных языков, но в некоторой степени и для кавказских, устроены иначе. Здесь имеется общий глагол со значением ‘издавать звук, кричать’, который применим ко всем или к очень многим животным, ср. *naku* в японском, *jiào* в китайском. Заметим, что в дистрибутивных системах такой доминантной лексики нет: скажем, в русском есть глагол достаточно широкой семантики *кричать*, который может относиться к разным живым существам, ср. о человеке, чайках, осле, выпи и др. Однако он далек от универсальности: ни собака, ни кошка, ни корова, ни волк — вне сказочных контекстов с говорящими животными — не могут описываться глаголом *кричать*.

Таким образом, опасения, высказанные А. Франсуа в François 2008: 179 по поводу размытости семантики обобщающих глаголов типа ‘кричать’, совершенно напрасны: у каждого генерического предиката в любом языке есть свои жесткие ограничения на употребление, определяющие границы его применимости и (ускользающую от внимания Франсуа, обсуждающего только полисемию, но забывающего про синонимию) внутриязыковую конкуренцию генерических предикатов с более частным значением.

В системах типа китайской помимо доминантного глагола всегда есть несколько лексем, соотносящихся со звуками конкретных животных. Их, как правило, мало — в этом смысле можно говорить о «бедности» языков доминантного типа. Иными словами, существует очень ограниченный набор животных, которые в таких системах «получают» свой звуковой глагол — и тем интереснее, кого из живых существ эти языки выделяют подобным образом.

В число таких «избранных» животных, по нашим данным, всегда попадают собаки (ср. китайск. *fèi*, корейск. *cic-ta*, агульск. *ʒamf(a)q'as/ jarHas*), а также, как правило, хищники (китайск. *hǒu* <о льве>, *háo* <о тигре>, корейск. *wulpucic-ta*, *phohyoha-ta* <о льве, медведе, волке и др.>; в японском для собак и хищников используются общие глаголы *hoeru* и *unaru*). Отметим в этой связи и звуки птиц (японск. *saezuru*, корейск. *wucic-ta*, китайск. *míng*) и — чуть реже представленных в нашем материале — лошадей (японск. *inanaku*, адыгейск. *š'əš'ən*). Существенно, однако, что для дальневосточных языков в этот набор не входит домашний скот, что кажется удивительным с точки зрения «правила Вежбицкой», предсказывающего, как мы помним, что у важных для человека животных должны иметься конвенциональные звукообозначения. Можно было бы здесь апеллировать к тому, что исторически на Дальнем Востоке молочное хозяйство не было развито, поэтому коровы и козы и не играли особой роли в жизни населения этого региона. Тем не менее, это не совсем верно: скотину использовали в земледелии, так что, безусловно, она должна была бы занимать важное место в культуре и языке.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Аналогичное «нарушение» принципа антропоцентричности обнаруживается и в агульском (один из дагестанских языков). Здесь тоже звуки коровы обычно не описываются специализированным глаголом — в повседневной речи мычание передается общим звуковым предикатом. В принципе, для коров в языке есть специальный идеофон, который в сочетании с так называемым «легким» глаголом (*light verb*) с семантикой ‘делать’ может выступать и в предикативной позиции, однако такая конструкция используется главным образом в метаязыковых контекстах — при рассказе о коровах детям и под. В обычной же речи предпочтение, как было сказано, отдается общему глаголу — несмотря на то, что, по свидетельству носителей, коровы были традиционно широко задействованы у них в хозяйстве.

Не только для коров, но и в других случаях, когда специальная лексема для тех или иных животных в языке отсутствует, их звуки могут описываться общим глаголом. Степень «доминантности» этого глагола варьируется: в частности, в китайском он отличается наибольшей универсальностью — он предпочтителен даже для тех животных, у которых имеются специальные звукообозначения. Напротив, в агульском или адыгейском при наличии специализированных средств выражения чаще выбираются именно они, а не общая звуковая лексема.

Вместе с тем, использование для большинства животных одного и того же глагола совсем не означает, что доминантные языки не имеют возможности лексически противопоставить звуки разных существ. Для этой цели привлекаются идеофоны, которые употребляются в качестве наречия при «легком» глаголе — часто в этой функции выступает как раз доминантный звуковой глагол (по модели ‘кричать му’). Большое разнообразие и широкое распространение таких идеофонных конструкций являются еще одной особенностью рассматриваемых систем.

Эти конструкции могут иметь в языке разный статус, то есть быть более или менее лексикализованными. Так, в агульском для многих животных наблюдается значительная вариативность идеофонного компонента, носители испытывают затруднения при необходимости точно описать определенный звук — в подобных случаях степень лексикализации составных глаголов достаточно низкая. Чем более «освоенным» становится идеофонный глагол в системе языка, тем легче и единообразнее он воспроизводится информантами, но и — что особенно интересно для нашего проекта — тем вероятнее развитие у него переносного значения. В этом смысле показательна корейская система.

Примеры из корейского мы приводили в контексте языков доминантного типа. Но на самом деле корейский образует своего рода промежуточный случай. С одной стороны, здесь имеется глагол достаточно широкой семантики *wul-ta* (он может применяться, например, по отношению ко льву, ежу, соколу, жабе), и к этому глаголу, как и в других доминантных языках, могут добавляться идеофоны, уточняя характер звука (ср. *may.may wul-ta* <о козе>, *ppekkwuk.ppekkwuk wul-ta* <о кукушке>, *kaykwul.kaykwul wul-ta* <о лягушке> и под.). Кроме того, употребляется несколько специализированных лексем для отдельных животных. С другой стороны, корейская система не ограничивается перечисленными предикатами. Наряду с ними имеется еще один — достаточно широкий — лексический пласт: эти глаголы тоже идеофонной природы, однако они образованы не при помощи самостоятельной лексемы *wul-ta*, а посредством суффиксальных формантов *-keli/-tay-*. Такие глаголы (их не менее 25) по своему лингвистическому

поведению похожи на глаголы в дистрибутивных системах: каждый из них описывает звуки одного или небольшой группы животных. Соответственно, в корейском наше поле уже никак нельзя назвать «бедным» — оно существенно расширилось за счет идеофонных дериватов.

Понятно, что по морфологическим критериям идеофоны на *-keli/-tay-* находятся на более поздней стадии лексикализации, чем сочетания с независимым глаголом *wul-ta*. И, по-видимому, именно процесс лексикализации приводит к пополнению класса звуковых глаголов, в результате которого доминантная система может эволюционировать в дистрибутивную.

Но в свете тематики нашего исследования важно еще обратить внимание на то, что морфология оказывается не единственным показателем большей или меньшей степени лексикализованности предиката. Выясняется, что многие глаголы на *-keli/-tay-* имеют переносные значения, тогда как ни одна конструкция с *wul-ta* метафорических употреблений не развивает. Этот пример еще раз доказывает известную теоретическую идею, неоднократно подтверждавшуюся в исследованиях по грамматикализации и Грамматике конструкций, согласно которой изменения обычно происходят параллельно на разных уровнях языковой системы. В данном случае большая морфологическая спаянность глагола повышает его потенциал к семантическим сдвигам. О том, какие значения могут развиваться в результате подобных сдвигов, речь пойдет в следующем разделе.

5. Результирующие значения

Основной производной зоной для глаголов изучаемого семантического поля являются ситуации, связанные с человеком. Причем, как и можно было бы предположить, речь здесь идет в первую очередь о таких ситуациях, которые включают в себя звуковую составляющую — именно акустическое сходство служит основанием метафорического переноса. Иными словами, в результате семантического сдвига действие или состояние человека, сопровождающееся звуками, описывается через глаголы звуков животных.

«Звучание» свойственно разным видам человеческого поведения, однако далеко не все из них моделируются звуками животных. Так, по нашим данным, ни движение (ср. ‘шаркать’), ни воздействие на объект (ср. ‘стучать’) лексемами типа ‘лаять’ или ‘хрюкать’ не выражаются. Напротив, продуктивной зоной-мишенью для исследуемых глаголов выступают все действия, соотносимые с ротовой (реже — носовой) полостью (собственно речь, неречевые реакции — эмоциональные, как смех или плач, или физиологические, как кряхтение или сопение, — а также ситуация еды, ср. ‘чавкать’).

В целом производные значения, относящиеся к человеку, можно разделить на пять классов:

- физиологические звуки (раздел 5.1);
- характеристики голоса (5.2);
- эмоциональные проявления (5.3);
- характеристики речи (5.4);
- семантически нагруженная речь (5.5).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

В особый класс мы выделяем результаты сдвига, которые не связаны со звуком — или приобретают яркую поведенческую семантику, наряду с переинтерпретацией исходного звукового образа (см. о них в Главе 20).

Остановимся на каждом из классов подробнее: некоторые из них требуют более дробного деления и дополнительных комментариев.

5.1. Физиологические звуки

Как правило, физиологические звуки вызваны какими-то спонтанными внутренними процессами в человеческом теле. Эта область заимствований очень гомогенна и воспроизводится от языка к языку. Кроме того, сам круг результирующих значений не так уж велик: сюда относятся болевые ощущения и некоторые рефлекторные реакции организма.

Отметим в этом ряду, например, кашель и чихание (ср. в валлийском *beichio* ‘реветь’ <о быке> → ‘сильно кашлять’), затрудненное дыхание — сопение, храп, кряхтение (ср. в калмыцком *хорэсннх* ‘хрюкать, мурлыкать’ <о свинье, кошке> → ‘храпеть’ или в коми-пермяцком *узъы мурзыньен* ‘спать с мурлыканьем’ как ‘храпеть’), а также уже упоминавшуюся «шумную» еду — чавкание или прихлебывание (ср. коми-зырянск. *furskyny* ‘фыркать’ <о лошади, кошке> → ‘шумно есть или пить’).

Неприятные и болевые ощущения образуют особый класс производных значений в физиологической зоне. В отличие от большинства рассматриваемых метафор, звук здесь не привязан к ситуациям, в которых задействован рот или нос — звуковые глаголы могут соотноситься с самыми разными частями тела. Кроме того, такой звук может быть не только реальным, т. е. слышимым со стороны (как при урчании в животе после еды или от голода), но и субъективным, существующим только в восприятии экспериенцера (как при боли в голове или ушах).

Описание болевых ощущений через глаголы звука имеет вполне прозрачную когнитивную природу. Части тела при нормальном функционировании не производят никаких звуков, поэтому их «звучание» должно свидетельствовать о каком-то отклонении (Рахилина и др. 2010a, Reznikova et al. 2012). Звуки при этом могут быть разной природы: неодушевленных объектов (ср. русск. *голова трещит, в ушах звенит*), человеческие (ср. грузинск. *kuč'i maginebs* букв. ‘живот на меня ругается’) и — интересующие нас здесь — звуки животных, ср. про «звучание» живота: русск. *в животе урчит*, греческ. ‘мой живот мурлычет / воркует’ (*γοργουπίζω*) или корейское описание этой же ситуации через глаголы ‘кудахтать’ (*kkwululuk.keli/tay-ta*) и ‘хрюкать’ (*kkwul.kkwul.keli-ta*), а также про боль в голове и ушах: немецк. *mein Kopf brummt* букв. ‘моя голова ревет’ (где *brummen* — глагол, описывающий звуки медведя и гудение насекомых) или греческ. ‘звенеть в ушах’ как ‘жужжать’ или ‘гудеть’ <о насекомых> (*βοιίζω* и *βομβίζω*) и др.

Обратим внимание, что важнейшую роль в этой группе ситуаций играют хрюшки как источник метафоры. Речь идет о характерном хрипящем (хрюкающем) звуке, который, как уже было видно по некоторым приведенным примерам, — в силу своей фонетики — легко уподобляется различным физиологическим процессам: в калмыцком он интерпретируется как храп, в английском и эстонском как отрыжка, в болгарском как кряхтение (в том числе и от удовольствия). Досадное исключение представляет русский, в котором все упомянутые ситуации (храп, кряхтение и проч.) лексикализованы,

т. е. каждая выражена своим глаголом, но не с помощью зоометафоры, и глагол *хрюкать* не имеет устойчивого, конвенционального контекста, в котором бы он применялся к людям.

5.2. Характеристики голоса

Во второй класс производных значений попадают метафоры, выражающие характеристики голоса. Через звуки животных могут передаваться такие параметры, как высота голоса, его громкость, а также хриплость, источниками которой часто служат крики «громких» и «хриплых» птиц — прежде всего, ворон и гусей, ср. англ. *croak* и немецк. *krächzen* ‘хрипеть’ (исходно о воронах) или болгарск. *гpача* ‘хрипеть’ (о воронах и гусях).

В основном применение таких метафор означает не описание объективных свойств звука, а их оценочную квалификацию: вполне предсказуемо, что сравнение с животным для человека в большинстве случаев порождает отрицательную оценку. Неприятным может быть, например, **чрезмерно громкий голос**³ (соответствующие глаголы обычно восходят к звукам крупных зверей — рогатого скота или хищников), ср. употребление адыгейского глагола *бэwэп* ‘мычать <о корове>, выть <о волке, собаке>’ в следующем контексте: *wətəbəwə dev^we zexesexə* ‘не ори, я и так хорошо слышу’, или французского глагола *beugler* ‘реветь, мычать’ <о быке, буйволе, корове> в примере (1):

(1) французский

On peut voir tous les bateaux sur lesquels les touristes font des fêtes privées et picolent en beuglant tellement qu'on les entend de la plage.

‘Видны все корабли, на которых туристы устраивают частные праздники и выпивают, **крича** (букв. ‘ревя’) так, что их слышно с пляжа’.

В немецком в таких случаях используется глагол *brüllen* ‘реветь’, описывающий в своем прямом значении звуки львов, тигров или быков.

Очень высокий голос тоже может оцениваться негативно, такие употребления развиваются от глаголов, обозначающих писк мышей или птенцов, ср. венгерск. *ne cincogj már!* ‘не говори таким писклявым голосом!’ (исходно *cincog* применяется к мышам и другим мелким животным) или пример (2) из финского (*piipittää* описывает звук мышей, цыплят, птенцов и др.):

(2) финский

Nainen piipittää, että ei edes muista sellaista...

‘Женщина **пищит**, что не помнит ничего такого...’.

Вместе с тем высокий голос может вызывать и приятные эмоции. Примечательно, однако, что источником для этого — положительно окрашенного — значения всегда служит не мышинный писк, а птичье щебетание⁴, так что оценки у переносных значе-

³ По нашим данным, тихий голос обычно склеен либо с ворчанием (см. 5.3), либо с идеей неразборчивости речи и ее безадресности (5.4).

⁴ Щебетание может интерпретироваться не только как характеристика голоса, но и как описание общей ситуации детского или девичьего разговора, см. 5.4.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

ний естественным образом повторяют отношение к соответствующим живым существам — ср. здесь для контраста другой финский глагол *liverää* ‘петь, щебетать’ <о жаворонках, соловьях и др. певчих птицах>:

- (3) финский
Tyttösten äänet liversivät kirkkaina.
 ‘Звонко **щебетали** девичьи голоса’.

К метафорам, описывающим различные параметры голоса в процессе речи, тесно примыкают употребления, характеризующие звуки при **пении**. Например, глаголы, которые выражают громкость голоса, зачастую могут применяться и к говорящему, и к поющему человеку. В частности, если предикат присоединяет к себе прямой объект, называющий музыкальное произведение, то речь идет о громком пении — правда, с неизбежной отрицательной оценкой (ср. (1) и франц. *beugler la chanson* ‘орать песню’, букв. «реветь песню»), ср. также (видимо, оценочное) калмыцкое *яңих* ‘заливисто лаять’, которое может иметь переносное значение длительной и громкой речи, в том числе чтения молитв или пения.

Но для пения иногда характерны и специальные метафоры: так, другой калмыцкий глагол, *доңһдх*, обозначающий звуки крупных птиц, имеет в качестве переносного значения как раз пение (ср. пример 34 в Главе 13 со значением ‘Он целыми днями что-то напеваёт’)⁵. Однако, как и следует ожидать, особенно частотна для наших глаголов оценочная метафора фальшивого или — в случае множественного субъекта — нестройного пения. Источником для этих значений выступают, во-первых, протяжные звуки различных животных — завывание волка, скуление собаки, мычание, а во-вторых — громкие прерывистые крики птиц (ворон, гусей и др.), ср. башкирск. *олоу* ‘выть’ <о волке> → ‘фальшиво петь’, коми-зырянск. *vurzoony* ‘выть’ <о волке, собаке> / *n'iuḡuny* ‘кричать’ <о гагаре> → ‘нестройно петь’ <о хоре>⁶.

Завершая обзор метафор, характеризующих те или иные особенности голоса, отметим, что эти параметры часто ассоциируются с определенным эмоциональным состоянием человека. Так, громкость речи может вызывать представление о ее агрессивности, высокий голос — связываться с жалобой и просьбой. Соответственно, головые характеристики и эмоции часто метонимически «склеиваются» в одной лексеме, а контекст может «высвечивать» тот или иной аспект ее семантики.

Тут мы как раз подходим к третьему классу результирующих значений для глаголов звуков животных — эмоциональным проявлениям.

5.3. Эмоциональные проявления

Эту группу можно условно разделить на два подкласса — в зависимости от того, проявляются ли эмоции в вербальной или невербальной форме.

⁵ Другое его значение — сигнал паровоза или парохода, а также звуки некоторых музыкальных инструментов (сигнал горна), см. раздел 7, а также примеры (35) и (36) в Главе 13.

⁶ О напевании мелодии себе под нос см. в разделе 5.4.

К **невербальным** реакциям относятся прежде всего смех и плач.

По нашим данным, в зоне **смеха** звуки животных используются преимущественно для очень громких эмоций. Типологическим частотным источником такой семантики становится ржание лошади (ср. этот переход в русском глаголе *ржать*, а также англ. *neigh*, немецк. *wiehern*, франц. *hennir*, башкирск. *кеиһәү*, коми-зырянск. *gärdlyny* и др.). Распространены в этой области и прерывистые звуки птиц — гусей, куриц, ворон, сорок, ср. русск. *гоготать*, коми-пермяцк. *китинкыны* ‘стрекотать’ <о сороке>, норвежск. *klukke* ‘кудахтать’ <о курице>.

Для плача наблюдается большее разнообразие ситуативных типов, каждый из которых характеризуется своим набором источников в животном мире. Здесь релевантно главным образом два параметра: субъект (его возраст и пол) и причина плача (безысходность, жалоба, желание добиться чего-л. и др.). К часто лексикализуемым ситуациям относятся, например, громкий плач взрослого (обычно — от большого горя или сильной боли) или хныканье капризничающего ребенка. Громкий плач от горя или боли восходит во многих языках к звукам волка (ср. русск. *выть*, валлийск *udo*, индонезийск. *melolong*, корейск. *wulpicic-ta*), источником громкого плача (детского или взрослого) нередко выступает также рев медведя или быка (ср. русск. *реветь*, греческ. *μωυκρίζω* <о быке>, коми-пермяцк. *буксыны* <о быке>). Для детского хныканья, как правило, выбираются другие звуки: скуление собаки или щенка (ср. калмыцк. *эңсх*, греческ. *κλαψουρίζω*), мяуканье кошки или котенка (ср. эрзянск. *m'afksnams*)⁷, писк мыши или жужжание насекомых (корейск. *ing.ing.keli-ta* ‘жужжать’ <о летающих насекомых>, коми-пермяцк. *пиксыны* ‘пищать’ <о комаре, мыши>)⁸.

Интересно, что развитие семантики детского капризного плача демонстрирует, что выбор метафорического источника диктует разное отношение к одной и той же ситуации. Если источником являются звуки собаки или кошки, то переход основан на эмоции, которая приписывается этим животным и переносится на ребенка (действительно, если собака скулит, то в восприятии человека она на что-то жалуется). Если же в исходном значении глагол описывает насекомых и мышей, то семантический сдвиг ориентирован уже не на эмоцию того, кто производит звук, а на ощущения слышащего. Неприязнь, которую вызывает у человека мешающий ему комар, переносится на отрицательное отношение к нытью ребенка.

Вербальные проявления эмоций несколько разнообразнее: в этом случае у человека в голосе или в манере говорить отражается его настроение или отношение к какому-либо событию.

Хорошее расположение духа, одобрение происходящего, удовольствие от общения соотносятся с воркованием голубей и горлиц, ср. пример из сербского:

⁷ Заметим, что мяуканье часто соотносится с хныканьем как надоедливой просьбой, причем не только детской, ср. греческ. *μιαουρίζω* ‘мяукать’ → ‘клянчить, выпрашивать’ (о женщине), а также близкие переносы в норвежском (*mjaue*) ‘мяукать’ и финском (*naukua*).

⁸ Нестандартный источник для метафоры детского плача представлен в калмыцком: здесь плач новорожденного ассоциируется со звуками вороны или лягушки (см. в Главе 13 о синонимичных глаголах *бэркx* и *бээгx* ‘квакать / каркать’).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

- (4) — *То је истина, истина је!* — **зүкаше** мило баруница Софија.
 ‘— Это правда, правда! — мило и ласково говорила (букв. «ворковала») баронесса София»⁹.

Для многих языков нашей выборки с этими же звуками ассоциируется разговор влюбленной пары и флирт. В целом метафоры воркования образуют семантически достаточно однородную область переносных значений. Исключение на этом фоне составляет агульский, в котором голубиное звуковое поведение соответствует не положительным эмоциям, а тихой человеческой речи и, как следствие, — идее заглазного обсуждения (сплетен) (см. 5.5. ниже, а также раздел 3.2 Главы 15).

Еще одним источником для значения мягкого голоса, отражающего особое расположение субъекта к адресату своей речи, выступает кошачье мурлыканье (ср. русск. *мурлыкать*, немецк. *schurren*, эрзянск. *turkijams* и др.).

Отрицательные эмоции сквозь призму зоометафор оказываются гораздо разнообразнее положительных: языки различают для недовольства разные степени проявления — ворчание, еле сдерживаемую агрессию, громкое агрессивное поведение — и относят их со звуками разных животных.

Ворчание — это самая слабая степень неодобрения: человек недоволен некоторой ситуацией и выражает это недовольство репликами, которые в принципе не рассчитаны на адресата (отсюда типологически частое совмещение ворчания с идеей неразборчивости речи, см. 5.4). Адресат может слышать эту «внутреннюю» речь, но ни ответа на нее, ни отмены события не предполагается. Источником такой метафоры могут быть звуки медведя (немецк. *brummen*, финск. *murista*), мяуканье недовольной кошки (эрзянск. *turnam*), квохтанье курицы (хинди *kuRkuRānā*) и даже, как в адыгейском, жужжание насекомых (*nənən*).

Ворчание предполагает, скорее, продолжительное выражение недовольства (и вследствие этого может «склеиваться» с семантикой надоедливости, см. 5.5, как, например, в случае только что упомянутого адыгейского глагола *nənən*). Однако неодобрение иногда сводится к короткой (в ряде случаев даже бессловесной) реакции на ситуацию — для этого значения используются глаголы, исходно описывающие фыркание того или иного животного, ср. норвежские синонимичные глаголы *snøfte* и *pruste* ‘фыркать’ <о быке и лошади>, немецк. *fauchen* ‘фыркать’ <о кошке, гусе и лебеде>, а также соответствующий переход в русском:

- (5) — *Подумаешь, дамасский шелк!* — **фыркает** моя соседка Фрида. [Дина Рубина. Окна (2011)]

Сдерживаемая агрессия, обычно выражающаяся в злобном — и при этом тихом — неодобрительном суждении, характерна в первую очередь для женской речи и часто передается в языках змеиным шипением. Такой тип реакции очень распространен; он тоже, как и ворчание, не затрагивает реального хода ситуации и не предполагает ответа,

⁹ Пример из словаря *Речник српскохрватскога књижевног језика «Матица Српска»*, Нови Сад — Загреб, 1967.

ср. адыгейское *лалал*, норвежское *hvese*, финское *sihistä* и мн. др., а также следующий характерный русский пример:

- (6) — *Только по вечерам, когда приползаешь, вусмерть уставшая, к своему подъезду, бабки шипят: «Торгаши проклятые! И когда вы только все передохнете!»* [Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)]

Наконец, **громкое агрессивное поведение** нацелено на то, чтобы ситуацию переломить. Эта реакция наступательна: она предполагает ругань, крик, грубость и другие способы активного возмущения — прототипически такая манера общения ассоциируется с собаками, ср. русск. *облаять*, *рычать*, англ. *bark* ‘лаять’, немецк. *bellen* ‘лаять’, *kläffen* ‘тявкать’, валлийск. *cyfarth* ‘лаять’, *chwyrnu* ‘рычать’, хинди *gurrānā* ‘рычать’, финск. *räksyttää* ‘гавкать’, мокшанск. и эрзянск. *uvams* ‘лаять’ и мн. др. Вполне предсказуемо, что в этой области иногда «действуют» и более крупные звери, ср. в норвежском (*brøle* ‘рычать’ <о льве, тигре и медведе>), финском (*karjua* ‘реветь’ <о медведе или льве>) или корейском (*ululeng.keli-ta* ‘рычать’ <о льве, леопарде, тигре и др.>). Вместе с тем агрессия может соотноситься и с громкими криками птиц, ср. карканье вороны как злая, раздраженная речь в греческом (*κράζω*) (напомним, подобные птичьи звуки и в других метафорических зонах выражают, скорее, отрицательно оцениваемые ситуации, как фальшивое пение или хриплость голоса).

В особый класс выделяются реакции больших групп людей — множественных субъектов — здесь обычно одобрение и неодобрение неотличимы в том смысле, что отображаются одним и тем же глаголом. Прежде всего это касается громкого поведения толпы: восторженные приветствия и агрессивное недовольство (как, например, на футбольном матче, когда забили или пропустили гол) часто описываются общей зоометафорой, которая восходит, как правило, к быкам, лвам, тиграм и медведям, ср. английск. *roar* или русск. *реветь*.

В то же время в отдельных случаях производные значения «специализируются» на одном типе реакции. Так, одобрение как покорное единодушное поддакивание может сопоставляться с бляением коз или овец, ср. глагол *mengembik* в индонезийском. Среди отрицательных коллективных реакций отдельное лексическое выражение часто получает ситуация осуждения оратора или представления, что-то вроде *шиканья* и *освистывания*: в русском она не соотносится со звуками животных, но в других языках «прообразами» такого человеческого поведения могут становиться змеи (ср. англ. *hiss*). Ничего хорошего не предвещает и реакция толпы, уподобляемая звучанию роя насекомых, ср. *гудеть* в русском¹⁰:

- (7) *Поэтому, едва градоначальник разинул рот, чтоб предложить второй вопросный пункт, как толпа загудела — Что ты с ним балы-то точишь! Он в бога не верит! Тогда Грустилов в ужасе разорвал на себе вицмундир.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869–1870)]

¹⁰ Иную интерпретацию гудения — как эффект от разговора большой группы людей — мы рассмотрим в следующем разделе.

5.4. Характеристики речи

Человеческая речь сближается со звуками животных, когда она неразборчива — кажется ли она такой потому, что слишком медленная (от неуверенности), или слишком тихая (бормотанье себе под нос), или слишком быстрая (если тараторят без умолку), или оттого, что говорит много людей сразу. Каждый такой подкласс соотносится со своей группой животных.

Медленная и неуверенная речь как зоометафора встречается часто и, как правило, уподобляется мычанию и / или бляению, ср. в греческом (*βελιάζω* ‘бляеть’), русском (*мычать, бляеть, мекать*), эрзянском (*mekijams* ‘мекать’), коми-зырянском (*buksynu* ‘мычать’) и др. Прототипической ситуацией здесь служит речь человека, не знающего, что сказать (ср. неуверенный ответ на экзамене), но так же может восприниматься и замедленная речь пьяного, ср. в эрзянском тот же глагол *mekijams*.

Иначе «слышится» **тихая, ни к кому не адресованная речь** — бормотание себе под нос с нечеткой артикуляцией, ср. русские глаголы *бормотать* и *бубнить* (не восходящие к зоометафоре) — и примерно в том же значении семантически производный греческий *χλιινδρίζω*, который в прямом употреблении описывает звуки лошади, ср. также коми-пермяцкий *мурзыны* (исходно — о мурлычущей кошке) или валлийский *clwecian* ‘квохтать’ <о курице>, переносно выражающий неразборчивую тихую речь женщины.

Бормотание иногда совмещается с идеей тихого пения, не предназначенного для стороннего слушателя, ср. такую комбинацию значений у лексемы *gungunānā* в хинди, изначально «специализирующейся» на звуках голубей и насекомых. Глаголы жужжания насекомых — видимо, в силу акустической близости — вообще регулярно развивают семантику тихого пения, прежде всего напевания мелодии без слов, ср. англ. *buzz*, немецк. *summen* или французск. *bourdonner*.

Слишком быстрая речь, подразумевающая безостановочную болтовню, приписывается, конечно, в первую очередь женщинам — и соотносится обычно с криками домашних птиц или других представителей фауны с резкими голосами, ср. немецк. *schnattern* ‘крякать, гоготать’ <утки, гуси>, коми-зырянск. *vatškynu* ‘трещать’ <сороки>, финск. *säksättää* ‘трещать’ <сороки, белки>. Тараторить может и ребенок — однако его быстрая речь уподобляется, скорее, щебету мелких птиц (ср. *cicekwi-ta* в корейском).

Очевидно, что разные источники сопряжены с различной оценкой ситуации¹¹. Так, приятные звуки певчих птиц переносятся на милое детское лопотание (показательно, что «детские» глаголы, как упомянутый корейский *cicekwi-ta*, иногда распространяются и на быструю речь юных беззаботных девушек, которая тоже обычно вызывает положительные эмоции). Между тем, болтовня женщины в возрасте, вряд ли способная нравиться окружающим, передается неблагозвучными криками уток, сорок и под.

¹¹ Напомним, что аналогичный эффект мы уже наблюдали в зоне метафор высокого голоса, которые, кстати, в силу сходства субъектов — там тоже речь шла о женщинах и детях — часто «склеиваются» с обсуждаемой здесь семантикой быстрой неразборчивой речи. Действительно, определенные свойства голоса и речи часто просто дополняют друг друга: один и тот же глагол может описывать одновременно разные аспекты коммуникативной ситуации — в данном случае и высоту голоса говорящего, и темп и понятность его речи.

Быстрая речь одного человека — женщины или ребенка — со стороны очень похожа на общение **множества людей** — соответственно, женщин или детей, — когда они говорят одновременно, перебивая друг друга. В сущности, две ситуации акустически почти неотличимы: раздается настолько быстрый поток слов (произнесенных одним человеком или разными), что невозможно уловить содержание сказанного. На языковом уровне эта близость ситуаций проявляется в общности метафорических источников: множественный разговор, как и болтовня единичного субъекта, возводится к домашним или мелким птицам. Так, в агульском громкие женские пересуды характеризуются составным глаголом *q:aq:ra jarHas* ‘кудахтать’, а в греческом для множества детских голосов, перекрикивающих друг друга, используется лексема *τιγβίζω* ‘щебетать’. Правда, в этой зоне встречаются и некоторые более редкие модели переходов: например, в том же греческом разговор женщин, отрицательно оцениваемый говорящим, передается как кошачье мяуканье (*viaοριζω*).

Интересно, что группы женщин и детей, как видно из нашего материала, нередко наделяются особым зооморфным «звучанием». Между тем, специальной метафоры, выделяющей мужские компании, нет — однако большие собрания людей, которые что-то обсуждают (особенно в гулком помещении), соотносятся, скорее, именно с людьми мужского пола. В этой ситуации люди обычно уподоблены рою насекомых¹² (ср. русск. *гудеть*, англ. *buzz*, франц. *bourdonner*): со стороны слышен низкий звук — гул, и невозможно представить, чтобы среди собравшихся были одни женщины.

5.5. Семантически нагруженная речь

До сих пор мы говорили только о метафорическом моделировании внешних характеристик человеческой речи (тембра, эмоций, скорости речи, пола и возраста говорящего, множественности говорящих и под.) — посредством звуков, которые издают животные. Все рассмотренные классы практически не затрагивали содержание — и в принципе, мы могли бы ожидать, что никаких содержательных черт звуки животных и не будут отражать, поскольку сами по себе они не несут никакой смысловой нагрузки. Тем не менее, есть несколько ярких поведенческих и одновременно речевых концептов, которые оказываются во многих языках настолько связанными с животными, что для их описания носители регулярно используют соответствующие «животные» глаголы. К ним относятся прежде всего сплетни, хвастовство, надоедливое повторение и неуемные глупости.

Сплетни — сугубо женское занятие, и для его концептуализации в основном используются звуки сугубо «женских» животных. Многие из них уже встречались нам в этом качестве, характеризуя другие аспекты женской речи — либо ее чрезмерную скорость и, как следствие, неизбежную многословность, либо агрессивный настрой. Более того, по-видимому, именно чрезмерная разговорчивость, с одной стороны,

¹² Толпа уподобляется рою не только в ситуации, когда много людей разговаривают одновременно: как мы уже писали, подобные звуки могут служить сигналом недовольства собравшихся, см. об этой метафоре в разделе 5.3.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

и злость — с другой, часто служат промежуточными этапами той семантической эволюции, которая приводит к идее сплетничания¹³. Соответственно, сплетни могут ассоциироваться с двумя классами источников: во-первых, это крики различных птиц, например, куриц (греческ. *какари́ζω*, коми-пермяцк. *худа́кчитны*), сорок (башкирск. *шыһылдау*) или мелких пернатых (индонезийск. *mengocoh*), а также лягушачье кваканье (идиш *kvaken*) — в этом случае сплетни подразумевают болтливость. Во-вторых, среди источников встречаются агрессивные звуки, связывающие сплетни со злословием, ср. шипение змеи в адыгейском (*лэлэл*) или собачий лай в корейском¹⁴ (ср. *sic-ta* ‘шумно и грубо рассказывать что-либо, сплетничая’).

Хвастовство как особый и довольно характерный вид речевого поведения, по нашим данным, устойчиво связывается с пегушиным кукареканьем, ср. в агульском (*ʔi-ʔi jarHas*), коми-пермяцком (*кутсасьны*), валлийском (*clochdar*) или норвежском (*gale*).

Надоедливая речь, обычно состоящая из многократных повторений одного и того же, в восприятии адресата подобна поведению преследующих человека насекомых¹⁵ и поэтому часто передается соответствующими звуками, ср. русский глагол *зудеть* (о комарах), коми-зырянский *зуугулу*, адыгейский *пәпәп*. Среди других источников для семантики повторения, заикливания на одном утверждении встречаются птицы, как в индонезийском *berkicau* ‘щебетать’, и козы или овцы, ср. здесь опять же индонезийский глагол *mengembik* ‘блеять’, ср. также семантически довольно близкий концепт ‘придираться’, который в немецком имеет источником блеющую козу (*meckern*), наследуя его итеративность.

Последний класс — **неуместное речевое поведение**, ср. реплика, произнесенная в неподходящий момент, или высказывание, оцениваемое другими участниками ситуации как глупость или бессмыслица. По-видимому, это значение должно развиваться от животных, которые считаются в данной культуре крайне бестолковыми. По нашим данным, к числу таких животных могут относиться овцы и козы (армянск. *тәк’әк’ал* ‘блеять’, финск. *mäkättää* с тем же значением), лягушки и жабы (норвежск. *kvekke* ‘квакать’, индонезийск. *meleter* ‘квакать/крякать’), а также различные птицы (индонезийск. *berkaok-[kaok]* ‘каркать’, *bercuap, bercuit, berkicau* ‘чирикать, щебетать, пищать’, агульск. *laq’-laq’ (a)q’as* ‘издавать звуки’ <о цапле>). Для выражения описываемой семантики эти глаголы часто выступают в составе прохибитивных конструкций (ср. агульск. *laq’-laq’ ma-q’a* ‘не болтай!’, букв. «не издавая звуки цапли») или синонимичных им вопросительных оборотов, указывающих на неуместность речи собеседника (ср. армянск. *Ի՞նչ է՞ս տե՞քեքս?* ‘Что ты говоришь ерунду?’, букв. «что ты блеешь?»).

¹³ Особый случай в этом отношении представляют данные агульского языка: здесь идея обсуждения сплетен, по-видимому, производна от семантики тихого разговора.

¹⁴ Заметим, что корейский глагол *sic-ta* в исходном употреблении описывает не только лай, но и крики ворон и сорок, однако его переносное значение возводится именно к идее лая, см. Главу 17.

¹⁵ Надоедливими могут казаться и другие типы человеческого поведения, уже обсуждавшиеся ранее, в частности, разные виды эмоциональных проявлений, как хныканье ребенка или бесконечное ворчание (см. 5.3) — неудивительно, что они тоже нередко передаются через жужжание насекомых.

6. База данных

В разделе 5 мы рассмотрели параметры, которые, исходя из наших данных, следует признать типологически релевантными для формирования семантического сдвига из поля звуков животных в поле звуков человека.

Подробнее языковой материал, обсуждавшийся в нашем Введении, представлен в главах основной части монографии, а также в Базе данных, созданной в рамках работы над проектом. База данных была спроектирована в двух форматах, принципиально различных по замыслу и архитектуре. Обе получившиеся в итоге системы находятся в свободном доступе в сети Интернет.

Первый вариант базы данных¹⁶ реализует традиционную табличную форму представления материала с возможностью поиска по ряду важных для исследователя полей. Каждая запись соответствует примеру употребления глагола, который снабжается следующей информацией: из какого языка взят этот пример, какова начальная форма использованного глагола, для обозначения звука какого животного этот глагол характерен (наименование животного приводится и на языке примера, и в русском переводе), даются русскоязычные переводные эквиваленты глагола в исходном значении, а также сведения о его метафорическом употреблении (метафорический класс результирующего значения, его толкование, пример его реализации). Для большинства примеров также указаны конструкции, в составе которых глагол выступает в своем прямом и переносном употреблении.

Интерфейс базы позволяет поиск по следующим полям (возможен поиск по комбинации полей): язык, русское название животного, русский переводной эквивалент глагола, класс метафоры, слово в переводе примера. Возможен также показ всех записей базы на одном экране в виде простой таблицы.

Второй вариант базы данных¹⁷ представляет более изысканный и в какой-то мере экспериментальный способ подачи того же самого материала. Хотя интерфейс включает в себя и классический табличный вид, прежде всего база ориентирована на специфический сетевой (графовый) принцип отражения связей между элементами и построена на платформе специализированной графовой базы данных Neo4j.

В сети, которая показывается по запросу пользователя, узлом является информационный элемент, т. е. животное, глагол или тип метафорического значения. Узлы имеют цветное маркирование, облегчающее пользователю обращение с выданной информацией.

Поскольку граф прежде всего отражает связи между элементами, такая форма подачи материала лучше всего подходит для представления отношений. Например, сеть по запросу пользователя выдает информацию о наличии или отсутствии в каком-либо языке глагола, который совмещал бы звуки заданных в запросе животных или звуки выбранного животного и определенного метафорического значения.

Например, результаты по запросу <животное> с неспецифицированными полями «язык» и «тег» (тип перехода) будут представлены следующим образом. Пользователю

¹⁶ <http://nevmenandr.net/cgi-bin/zvukimu.py>

¹⁷ <http://web-corpora.net/zvukimu/>

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

будет показан связанный ненаправленный граф, центральным узлом которого выступит искомое животное, а ближайшими его узлами-соседями станут случаи вхождения в базе глаголов, обозначающих звук этого животного в некотором языке. При этом соседи центрального узла не будут связаны между собой ребрами. Наведение указателя на один из этих узлов вызовет всплывающую подсказку, которая позволит определить, какой язык обозначается этим узлом, и увидеть сам глагол в записи на этом языке или в транслитерации. В случае, если у этого глагола есть метафорические переносы, то при нем будет еще один сосед. Если переносов нет, то единственным соседом глагольного узла будет центральный. Узлы, обозначающие метафоры, также снабжены всплывающими подсказками, репрезентирующими тип переноса. Если у нескольких глаголов (в одном или в разных языках) тип переноса совпадает, то все они будут связаны ребрами с одним узлом переноса. Это позволяет сразу найти и визуально отобразить сходные модели семантических переходов для разных языков.

Запрос <животное> и <тег> (тип переноса) также покажет пользователю связанный граф, по структуре напоминающий предыдущий, но отбрасывающий такие узлы, у которых единственным соседом является центральный узел (животное).

Наконец, запрос, в котором будет специфицирован язык, но не указано содержание других полей, выведет на экран несвязанный граф более сложной структуры. В нем соседями также будут узлы, репрезентирующие животных и глаголы. При этом в случае, если один глагол характеризует нескольких животных (например, волка и медведя в корейском), соответствующие узлы также будут связаны ребрами между собой. В то же время узлы, представляющие разных животных, никогда не будут соседями в отношении друг друга.

Еще одной особенностью базы является то, что пустой поисковый запрос не приводит к отказу в обслуживании и сообщению об ошибке — в этом случае на экран выводится вся сложно организованная сеть, отражающая связи между животными, глаголами и типами метафор в нашей выборке. Это панорамное представление материала — благодаря семантически обусловленному размеру узла (он соответствует количеству найденных примеров) — мгновенно показывает пользователю тех животных, которые чаще других встречаются в наших данных (собака, корова, кошка, птица и т. д.).

7. Вместо заключения

Основную часть книги составляет материал свыше двадцати языков, подтверждающий сказанное в этой вводной главе. Он собран и систематизирован с участием носителей и экспертов. В основном авторы глав придерживались рекомендованного им плана: для каждого языка сначала давался краткий обзор глагольной подсистемы звуков животных, включая случаи совмещения, а потом рассматривались возможности их семантических переходов в зону звуков человека. Теоретическая интерпретация этих переходов дается в Главе 20.

За пределами нашей монографии остались две проблемы, которые мы затронули лишь в слабой степени, — их обсуждение мы вынесли в приложение.

Первая проблема — это пути исторического развития наших глаголов. Она нетривиальна, потому что звукоизобразительность лишает этимологические исследования настоящей почвы. Тем не менее уже на китайском материале (Глава 18) видно, что эта проблема и интересна, и актуальна. Некоторые самые начальные наблюдения по этому поводу на славянском материале сделаны Ириной Кор Шаин и Марией Кюсеовой в Главе 21.

Вторая проблема — это связь звуков животных со звуками, не имеющими отношения к человеку, — то есть со звучанием природных объектов и артефактов. Это вопрос настолько естественный, что почти все авторы в той или иной степени обсуждали его в своих исследованиях.

Из природных явлений зоометафоры, как правило, затрагивают звуки **ветра** и **воды** (моря, ручья), причем похоже, что одушевление этих стихий часто происходит именно благодаря их соотносению с животными. Так, звук бушующего ветра (иногда и шторма) регулярно передается как вой волка или лай / скуление собаки (ср. русск. *выть*: *ветер воет*, и аналогично в английском *howl*, эрзянском *uvams*, финском *ulvoa*, адыгейском *bəwən*), в качестве источников здесь также встречаются рычание хищников (индонезийск. *menderu*, корейск. *wulpucic-ta*, китайск. *hōu*) и ослиный крик (валлийск. *nadu*). Более спокойный и тихий ветер может соотноситься со звуками змей (сербск. *suktami* ‘шипеть’ → ‘свистеть’ <о ветре>) или насекомых (ср. в корейском *wayng.wayng.keli-ta* ‘жужжать’ → ‘гудеть’ <о ветре>, в валлийском пчелиное жужжание — *suo* — и вовсе переносится на легкий шелест ветерка в траве). Любопытный пример перехода представляют зоометафоры, описывающие журчание ручья: источником для них служат птенцы в корейском (*caycal-keli/tay-ta*), жуки в коми-пермяцком (*жуужгыны*), свиньи и кошки в калмыцком (*хоржѣнх*).

В зоне **артефактов** разнообразия существено больше. Главная метафора в этой области — звуки приборов и машин с работающим мотором. Они восходят, как правило, либо к звукам насекомых, ср. *жуужжать* или *гудеть* (как рой пчел) в русском, *pung.pung.keli-ta* ‘жужжать’ <о большом летающем насекомом> в корейском, *pöristä* ‘громко жужжать’ <о пчеле и др.> и *surista* ‘жужжать’ <о мухе> в финском), либо к мурлыканью довольной кошки (немецк. *schnurren*, финск. *kehrätä* и *hyristä*). Более громкий звук — как, например, в случае гоночной или резко стартующей машины / мотоцикла, самолета и др. — ассоциируется с крупными животными, ср. немецк. *heulen* ‘выть’ <о волке, собаке>, греческ. *μουγκρίζω* ‘мычать’, валлийск. *rhuo* ‘реветь’ <о быке, льве>, финск. *mylviä* ‘реветь’ <о быке>.

Часто зооморфный звук свидетельствует о возникшей в устройстве или механизме поломке или его плохом функционировании: такое значение обычно выражают прерывистые звуки различных животных, ср. русск. *квакать* (о радио), сербский *роктати* ‘хрюкать’ (о тархтящем моторе), финск. *sirritää* ‘стрекотать’ (о неисправных бытовых приборах). Но неоднородный звук может описывать и приборы, работа которых сопряжена с дробными звуками, например, ткацкий станок или швейную машинку, ср. русск. *стрекотать*, в котором сорока совмещается с кузнечиком, или финск. *säkstättää* (сорока совмещается с белкой). Высокий звук электронных приборов — телефона, компьютера и др. — передается писком мышей, птенцов и под. (русск. *пищать*, корейск. *ccik.ccik.keli-ta*).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Другая характерная зооморфная метафора — это условные сигналы, как, например, звук сирены, ср. калмыцкий глагол *доңһох*, исходно обозначающий крики крупных птиц, но также сигнал трубы или парохода, калмыцкий же *бээгх* ‘квакать, каркать’, переходящий на сигнал автомобиля, сербский *арлаукати* ‘выть’ <о волке, собаке>, указывающий на громкий звук сирены.

Скуление собак может переноситься на скрипучие двери (финск. *vinkua*) и плохо звучащие музыкальные инструменты (ср. *kkayng.kkayng.keli-ta* о скрипке в корейском). К другим характерным артефактным звукам, иногда описываемым через звуки животных, относится свист пухля: он возводится или к жужжанию насекомых, ср. сербск. *zujati*, армянск. *dəʔəʔal* и аналогичную метафору в русском, или к шипению змеи, ср. корейск. *swik.swik.keli-ta*. Судя по совпадающему набору зооморфных источников, акустически близкими к свисту пухля представляются звуки кипящего чайника (тот же корейский глагол со значением шипения) и бурление нагретой воды (хинди *gungunānā* ‘жужжать, ворковать’ <о насекомых, голубях>), а также шум масла на сковороде (ср. русск. *шипеть*).

Семантические переходы, связанные с артефактами, слишком разнородны, они нуждаются в дополнительной систематизации, которая должна опираться на классификацию звуков артефактов в целом, причем типологическую. Эта задача выходит за рамки нашей монографии — но поставлена в Главе 22 («От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанью»): в ней рассматривается материал пяти разноструктурных языков — русского, немецкого, французского, хантыйского и коми-зырянского — она помещена в Приложение, потому что основной задачей монографии мы считаем исследование связей между звуками животных и звуковым и незвуковым поведением человека в языках мира. К обсуждению этой проблематики мы и приступаем.

Индоевропейские языки

Глава 2. Звуки животных в английском языке¹

1. Введение

Несмотря на свою относительную морфологическую бедность, английский язык очень богат лексически. Особенный интерес при изучении его лексического состава, безусловно, представляют разнообразные и активно функционирующие механизмы семантической деривации. Настоящая глава — это попытка описать и систематизировать английские слова со значением звуков животных, а также проанализировать способы образования производных значений, характерные для этого семантического поля.

Лексические единицы разделены на группы по типам животных, для каждой лексемы рассматриваются прямые значения и образованные от них производные.

В исследовании анализируются данные литературной нормы британского и американского английского и некоторые частотные разговорные употребления. Основным материалом послужили корпусные данные (BNC, COCA), также использовались результаты поиска в Google Books и английские толковые словари (The Oxford English Dictionary, The Merriam Webster Dictionary).

2. Домашние животные

2.1. Собаки

В английском, как и во многих других языках, наиболее «богатыми» в звуковом отношении являются животные, приближенные к человеку, — это прежде всего собаки и кошки. С ними человек общается как с себе подобными и поэтому наделяет их достаточно широким спектром эмоций, многие из которых находят свое выражение в глаголах звука.

Для описания звуков, свойственных собакам, выделяется одна основная лексема, которая обозначает собачий лай, и несколько слов, относящихся к более специфичным ситуациям. Весь список таких ситуаций можно разделить на два типа: для первого релевантным показателем при выборе нужного слова является размер животного (тявканье мелких собак и лай крупных), для второго — его внутреннее состояние (рычание,

¹ Автор выражает глубокую благодарность студентам второго курса направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» (2013 год), помогавшим собирать материал для настоящего исследования.

скуление и вой). В отличие от случаев первого типа, которые покрываются как специальной, так и общей лексемами, ситуации второго типа могут быть названы только специальным словом, причем многие из этих слов обозначают поведение не только собак, но и крупных хищных животных. Соответственно, здесь мы ограничимся глаголами, описывающими лай собак разных размеров, а также скуление, тогда как рычание и вой будут представлены ниже — в разделе, посвященном хищникам (см. 3.1).

Сначала речь пойдет о прямых и переносных значениях основной лексемы и ее звукоподражательного эквивалента, а позже мы обратимся к словам с более узкой семантикой.

Глагол *to bark* ‘лаять’ обозначает лай любой собаки и является наиболее частотной лексемой, описывающей этот звук:

- (1) *A dog may bark for a number of reasons: to induce play, discipline young, warn of danger, threaten intruders, or it may bark because it's curious.*²

‘Собака может **лаять** по нескольким причинам: затевая игру, воспитывая потомство, предупреждая об опасности, угрожая незванным гостям или же просто из любопытства’.

Помимо собак, *to bark* употребляется по отношению к лисам, морским котикам и некоторым другим животным. Этот глагол имеет звукоподражательный эквивалент *to woof*, закрепленный, однако, только за звуком, который издают собаки:

- (2) *She crossed the bridge, but the dog woofed and she stayed back.*

‘Она пересекла мост, но собака **гавкнула**, и она остановилась’.

В прямом значении при глаголах *to bark* и *to woof* может стоять дополнение с предлогом *at*, выражающее адресата. Кроме того, они могут употребляться в сочетании с пространственным предлогом *around* в конструкциях типа *bark around the house* (букв. «лаять вокруг дома»).

И основной глагол, и звукоподражательный дают метафорические переносы, причем интересно, что эти переносы разные.

Лексема *to bark* образует два производных значения в зону характеристик человеческого поведения и одно — в зону звуков артефактов. В первом «человеческом» значении, которое можно сформулировать как ‘говорить резким голосом / выкрикивать приказания’, *to bark* попадает в класс глаголов речи, ср. (3) и (4). Из примеров видно, что в подобных употреблениях *to bark* требует выраженного дополнения, заполняющего либо валентность адресата (вводимого предлогом *at*), либо валентность содержания³:

- (3) *The coxswain was barking at the crew. (bark + at + Obj)*

‘Штурман **кричал** (букв. «лаял») на команду’.

- (4) *He barked orders into the telephone for coffee and food. (bark + D.Obj)*

‘Он **выкрикивал** (букв. «лаял») в телефонную трубку распоряжения относительно еды и кофе’.

² Примеры найдены с помощью Google Books.

³ Могут быть выражены и обе валентности, ср. *he barked orders at his subordinates* ‘он прокричал указания своим подчиненным’.

Во втором переносном значении (тоже связанном с человеком) *to bark* обозначает сильный детский кашель, ср. (5), а в третьем («неодушевленном») — короткий, резкий и громкий звук, производимый артефактом (6):

- (5) *When your child wakes up **barking**, bundle him up and go outside.*
 ‘Когда ваш малыш просыпается, сильно **кашляя** (букв. «лая»), укутайте его и идите на улицу’.
- (6) *The big guns **barked**.*
 ‘**Грянули** (букв. «пролаяли») большие ружья’.

Глагол *to woof* употребляется в переносном значении в разговорной речи (особенно он характерен для американского английского) и обозначает ‘говорить впустую / говорить неправду’:

- (7) *Quit **woofing**! You sound silly.*
 ‘Кончай **врать** (букв. «лаять»)! Ты выглядишь глупо’.

Очевидно, что основа для образования производных значений у глаголов *to bark* и *to woof* разная. В первом случае перенос вызван непосредственным звуковым сходством: резкая грубая речь, кашель и громкий хлопок действительно напоминают лай. Во втором случае источник метафоры — поведение животного, то есть беспричинный лай собаки, раздражающий хозяина. Подобное явление зафиксировано также в русском (ср. *брехать*) и болгарском языках, см. Рахилина 2010, Rakhilina 2010, а также Главу 20 настоящей монографии.

Расхождение в метафорах между лексемами *to woof* и *to bark* вполне объяснимо. Вспомним, что в своих прямых значениях эти глаголы имеют разный экстенционал. Как мы уже сказали, *to woof* может употребляться только по отношению к собакам, тогда как *to bark* обозначает звук, издаваемый и другими животными. Таким образом, семантика первого глагола ориентирована на конкретное животное как источник звука, а второго — на акустические характеристики звука — его резкость и громкость.

Помимо глаголов, описывающих лай любых собак, в английском языке существует и ряд слов с более узким значением.

Так, для громкого лая крупной собаки используется лексема *to bay* ‘лаять громко и гулко’. Этот глагол развивает только одно переносное значение: ‘говорить громким голосом / кричать’:

- (8) *He **bayed out** desperate calls for help. (bay + out + Obj)*
 ‘Он отчаянно **звал** на помощь (букв. «лаял отчаянные крики о помощи)’.

Тявканье маленьких собак и щенков передается двумя лексемами — *to yap* и *to yip* ‘тявкать’, ср. (9):

- (9) *We could hear the puppy **yipping** playfully in its kennel.*
 ‘Было слышно, как в конуре игриво **тявкал** щенок’.

Можно было бы предположить, что при явном фонетическом сходстве эти глаголы являются взаимозаменяемыми, однако это не так. Даже в прямом значении первый

из них чаще обозначает долгий, бесцельный, раздражающий лай, в то время как второй лишен негативной коннотации и обозначает тихий звук, который животное издает по какой-то причине — в игре (слабое тьяканье), во сне или от боли (тихое поскуливание). Различие между *to yap* и *to yip* проявляется и в метафорических переносах. Для глагола *yap* характерно употребление в значении ‘пустая болтовня’ (часто в отношении женщин, ср. русск. *трещат*) или ‘говорить впустую’, где он сохраняет свою исходную отрицательную оценку. *Yip* в переносном значении обозначает, скорее, ‘жаловаться’ или ‘ныть’:

(10) *She seems to spend all her time **yapping** on the phone.*

‘Она все время **трещит** (букв. «тявкает») по телефону’.

(11) *My wife **was yipping at** me again last night about getting a new kitchen.*

(*yip + at + Obj*)

‘Моя жена опять вчера вечером **ныла и просила** (букв. «тявкала про») новую кухню’.

Последняя лексема, относящаяся к собакам, которую мы рассмотрим в этом разделе, — это глагол *to yelp* ‘громко скулить’. *Yelp* обозначает громкое скуление или визгивание, чаще всего от боли:

(12) *The dog **yelped** in pain.*

‘Собака **заскулила** от боли’.

Любопытно, что тем же глаголом передается и индюшачий крик:

(13) *Far up the ridge a wild turkey **yelped**.*

‘Вдалеке на пригорке **закричала** индейка’.

Применительно к людям *to yelp* употребляется в значении ‘вскрикнуть’ (например, от удивления):

(14) *John **yelped** with surprise when everything fell off the closet shelf and onto his head.*

‘Джон **вскрикнул** от неожиданности, когда все содержимое полки свалилось ему на голову’.

Как видно из примеров, метафоры, восходящие к лаю собак, могут иметь под собой два основания — это, во-первых, акустическое сходство между звуком животного и звуком, возникающим в ситуации-мишени, и, во-вторых, собственно поведение собаки, которое во всех зафиксированных нами случаях воспринимается человеком как негативное.

2.2. Кошки

Звуки, характерные для кошек, представлены в английском языке более скудно. Лексически различаются следующие ситуации: кошачье мяуканье, мурлыканье / урчание довольной кошки, громкий кошачий крик.

Глагол с общим значением ‘мяукать’ *to mew* имеет достаточно широкую сферу употребления⁴. Так, например, в отличие от лексемы *to bark*, которую можно использовать только по отношению к взрослым собакам, *to mew* обозначает также мяуканье котят:

- (15) *She said a kitten was mewling at her and following her.*
 ‘Она сказала, что котенок **мяукал** ей и шел следом’.
- (16) *The kitten was mewling for its mom.*
 ‘Котенок **искал** (букв. «мяукал») маму’.

To mew употребляется в составе разных конструкций. Как и глагол *to bark*, *to mew* сочетается с пространственным предлогом *around*, совмещая звуковое значение с семантикой хаотичного движения субъекта, а с помощью предлога *at* при нем может быть выражен адресат, ср. (15).

Достаточно частотной является конструкция, в которой дополнение при *mew* вводится посредством предлога *for*, как в примере (16). Конструкция ГЛАГОЛ + FOR + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, где существительное выражает цель действия, достаточно частотна в английском языке (ср. *to ask for smth* ‘просить о чем-л.’, *to demand for smth* ‘требовать чего-л.’, *to search for smth* ‘искать что-л.’ и под.). Соответственно, в сочетании с лексемой *to mew* предлог *for* вводит цель, ради которой кошка издает звук. Такая конструкция допускает и другие глаголы со значением звука, однако для *to bark* она не характерна: в большинстве рассмотренных нами употреблений *for* имеет временное значение⁵.

В переносном значении *to mew* употребляется по отношению к человеку и обозначает ‘говорить тихо и невнятно’:

- (17) *The Apple sales person was mewling about it not being to his taste. (mew + about + Clause)*
 ‘Продавец что-то **бормотал** (букв. «мяукал») о том, что ему это не нравилось’.

Довольное кошачье мурлыканье передается в английском языке глаголом *to purr* ‘мурлыкать’:

- (18) *The cat was purring contentedly on my lap.*
 ‘Кошка довольно **мурлыкала** у меня на коленях’.

В переносных значениях *to purr* может относиться как к людям, так и к артефактам, причем в обоих случаях важно, что описываемый звук приятен или по крайней мере не раздражает ухо. В сочетании с субъектом-человеком *to purr* означает ‘говорить тихим, мягким голосом’:

- (19) *The way she was purring in his ear was more than he could handle.*
 ‘Он становился совершенно безоружным, когда она тихо **мурлыкала** о чем-то ему на ухо’.

⁴ Другой глагол со значением ‘мяукать’ — *to meow* — употребляется реже и не дает метафорических переносов.

⁵ Ср. *The dog was barking for two hours* ‘Собака лаяла на протяжении двух часов’.

Основой для метафорического переноса в данном случае является, скорее, не акустическое сходство (хотя таковое тоже наблюдается: применительно и к прямому, и к данному переносному значению речь идет о тихом, нерезком звуке), а соотнесение эмоциональных состояний субъектов. Как кошка мурлычет только от удовольствия, так и человек, описываемый соответствующим словом, очевидно, находится в состоянии удовлетворения.

Применительно к артефактам *to purr* обозначает тихий звук мотора (в этом случае в основе перехода лежит уже именно акустическое сходство), ср. (20), а также — метонимически — гул машин вдалеке, ср. (21). В обоих случаях речь идет о мягком звуке, который не раздражает человека. Для громкого шума, издаваемого мотором, используется глагол *to roar* (см. раздел 3.1).

(20) *Roger turns on the ignition and the engine purrs to life, all his doubts vanish.*

‘Роджер включает зажигание и мотор **оживает** (букв. «мурлычет к жизни»), все его сомнения улетучиваются’.

(21) *The cars were purring along the highway.*

‘Машины тихо **гудели** (букв. «мурлыкали») по шоссе’.

Выражая состояние дискомфорта, кошка либо агрессивно шипит (*to hiss*), либо кричит / воет (*to yowl*). О шипении мы поговорим позже, в связи со змеями (см. 3.2). Что же касается громкого протяжного кошачьего крика, то глагол с такой семантикой (*to yowl*) кажется нам редким и специфическим для английского языка. Заметим, что по отношению к другим животным он практически не употребляется.

(22) *Unspayed female cats in heat will yowl to attract a mate.*

‘Непрооперированные кошки во время течки громко **кричат**, чтобы привлечь самца’.

Глагол *to yowl* развивает только одно переносное значение в область человеческих реакций — ‘громко кричать / выть от боли’:

(23) *Matt was yowling in pain.*

‘Мэт **вопил** от боли’.

2.3. Домашний скот

Достаточно большим количеством лексем выражаются и звуки домашнего скота. Для описания мычания взрослых коров и быков в английском языке есть три глагола: *to low*, *to moo* ‘мычать’ и обозначающий более сильный и агрессивный звук *to bellow* ‘реветь’.

To low и его звукоподражательный эквивалент *to moo* задают обычное мычание и могут употребляться применительно как к корове, так и к быку. Глагол *to bellow* чаще обозначает громкий рев быка, но если корова издает слишком интенсивный звук, то он тоже описывается этим словом:

(24) *The cow bellowed for the calf.*

‘Корова **позвала** (букв. «громко промычала») теленка’.

Как и в случае с лексемами, обозначающими собачий лай (*to bark* и *to woof*), *to low* и *to moo* в прямом значении описывают один и тот же звук, но по-разному проявляют себя, когда речь идет о переносных значениях. В рамках нашего проекта мы неоднократно наблюдали, что семантические сдвиги в большей степени характерны для тех глаголов, которые утратили связь со своим идеофонным источником. На этом фоне нетипичным кажется то, что глагол *to low*, не будучи звукоподражательным, не дает метафор, тогда как его идеофонный эквивалент *to moo* имеет вполне характерное для зоометафор производное значение: он употребляется в значении ‘мямливать’.

- (25) *The tearful wife who was always mooing about how much she loved him... (moo + about + Clause)*
 ‘Убитая горем жена, которая постоянно мямлила, как сильно она его любит...’

Кроме того, как существительное *moo* употребляется в значении ‘женщина, которая слишком печется о своих детях (делая много ненужных вещей)’:

- (26) *Mrs. Andrews is such a moo. She is completely obsessed with children ...*
 ‘Миссис Эндрюс такая **наседка** (букв. «му»). Она полностью поглощена своими детьми...’

Глагол *to bellow*, обозначая в прямом значении громкий агрессивный звук, в переносном характеризует злобный крик человека, а также сильный шум ветра или бури:

- (27) *He bellowed that he would fight any man at the bar. (bellow + that + Clause)*
 ‘Он **орал**, что мог бы победить любого в этом баре’.
- (28) *The tempest bellowed outside.*
 ‘Снаружи **ревела** буря’.

Тремя предикатами передается в английском языке и лошадиное ржание — *to neigh* ‘ржать’, *to nicker* ‘ржать тихо’ и *to whinny* ‘ржать от возбуждения’:

- (29) *The horses neighed when the rider came into the barn.*
 ‘Лошади **заржали**, когда в стойло вошел всадник’.

Эти три глагола развивают типологически стандартную метафору в зону человеческого смеха и обозначают, соответственно, ‘громкий смех’ (*neigh*) и ‘тихий смех / хихиканье’ (*nicker, whinny*), ср. (30), (31) и (32):

- (30) *He laughed gently — not that snorting neigh, but a real, genuine laugh of amusement.*
 ‘Он тихо засмеялся — это было не фыркающее **ржание**, а настоящий радостный смех’.
- (31) *Some of them nickered curiously.*
 ‘Некоторые любопытно **захихикали**’.
- (32) *He was whinnying at himself in the mirror! (whinny + at + Obj)*
 ‘Он **хихикал** над своим отражением в зеркале!’

To whinny применительно к человеку, кроме того, имеет значение ‘издавать резкий звук от эмоционального возбуждения’:

(33) *And here she was, **whinnying**, and coming over to me.*

‘И вот она тихо **вскрикнула** и подошла ко мне’.

Звук, характерный для баранов, овец, козлов и коз, передается одним глаголом *to bleat* ‘блеять’:

(34) *The goat **was bleating softly**...*

‘Козел тихо **блеял**...’

Такое объединение не является уникальным и наблюдается также в финском, французском, валлийском, русском и других языках. В то же время *to bleat* обозначает еще и мычание теленка, что, как кажется, является специфической особенностью английского языка⁶:

(35) *We heard a new calf **bleating incessantly**.*

‘Было слышно, как непрерывно **мычал** (букв. «блеял») теленок’.

Этот глагол имеет три переносных употребления. С субъектом-человеком он может обозначать ‘говорить глупости’ или ‘жаловаться’, а по отношению к артефактам — ‘издавать высокий вибрирующий звук’ — о приборах и механизмах:

(36) *He **is always bleating about working overtime**. (*bleat + about + Obj*)*

‘Он вечно **жалуется** (букв. «блеет»), что его заставляют работать сверхурочно’.

(37) *They heard the **bleat of a cell phone**.*

‘Они услышали, как **пищал** (букв. «блеял») телефон’.

Последнее домашнее животное, которое мы рассмотрим в этом разделе, — свинья. Звук, который она издает, выражается одной лексемой — *to grunt*:

(38) *An enormous pig **grunted and shuffled in a sty outside**.*

‘Огромная свинья **захрюкала** и зашуршала в стойле на улице’.

Этим же словом описывается фыркающий звук, который производят верблюды и ежи:

(39) *Two hedgehogs put in together, one will often **grunt a lot to show who's boss** ...*

‘Если посадить вместе двух ежей, один **зафыркает**, чтобы показать, кто тут босс’.

Метафорически *to grunt* употребляется только по отношению к человеку — но зато сразу в двух ситуациях: во-первых, для обозначения отрывки (а также срыгивания младенцев), а во-вторых, как глагол речи в значении ‘ворчать’:

⁶ Заметим, правда, что объединение коз и овец с коровами в нашем материале встречалось неоднократно, ср., например, валлийский глагол *brefu* или эрзянский *params*.

- (40) *This ... **grunting** is actually just an overreaction to a normal intestinal reflex called the gastro-colic reflex.*
 ‘Эта ... **отрыжка** — всего лишь излишняя реакция на нормальный кишечный рефлекс, называемый желудочно-ободочным рефлексом’.
- (41) *He **grunted** his answer. (grunt + D.Obj)*
 ‘Он недовольно ответил’.

3. Дикие животные: хищники и мелкие животные

3.1. Львы, тигры, волки

Звуки, которые издают львы и тигры, в английском языке описываются одними и теми же лексемами. Для обозначения рычания этих животных используется глагол **to growl**, а в случаях, когда этот звук особенно громкий и агрессивный, — глагол **to roar**. И та и другая лексемы используются также для обозначения звуков не-хищников: рычания собак и хрипа лошадей или быков:

- (42) *The lion **growled** / **roared** and showed its claws.*
 ‘Лев **зарычал** и показал свои когти’.
- (43) *The horse **was growling** / **roaring**, he was so mad, he was tearing around the paddock bucking and kicking.*
 ‘Конь **ревел**, он был зол и метался по загону, вставал на дыбы и брыкался’.

Зато в области переносных значений эти глаголы ведут себя неодинаково — и не случайно. Меньшая интенсивность звука, обозначаемого **to growl**, дает этому глаголу основание для развития двух значений: первое относится к области физиологических ощущений человека — это урчание в животе, второе же сочетает невысокую громкость звука с негативными коннотациями, которыми обладает этот глагол (ср. рычание как агрессивная реакция животного). Эта комбинация смыслов порождает идею недовольного ворчания:

- (44) *My stomach's **been growling** all morning.*
 ‘У меня живот **урчал** (букв. «рычал») все утро’.
- (45) *He's always **growling about** the government. (growl + about + Obj)*
 ‘Он вечно **ворчит** (букв. «рычит») на правительство’.

В свою очередь, глагол **to roar**, описывающий более громкий звук, может передавать оглушительный шум речного потока:

- (46) *When I looked up, the river **was roaring**, the decibel level of the water was deafening.*
 ‘Когда я посмотрел наверх, река **ревела**, и сила этого звука была оглушительной’.

Оба глагола могут быть употреблены со множественным субъектом — в этом случае они обозначают шум толпы, причем как неодобрительный, так и дружелюбный. Одно

и то же переносное значение эти глаголы дают и применительно к артефактам, описывая шум мотора и сохраняя различие в громкости:

- (47) *The crowd **roared** / **growled** its approval.* (*roar* / *growl* + D.Obj)
 ‘Толпа одобительно **зашумела** (букв. «зарычала свое одобрение»)’.
- (48) *The **roar** / **growl** of the airplane engines made me confused.*
 ‘**Рев** / **шум** моторов самолета привел меня в смущение’.

Как лексемы, обозначающие агрессивный звук, в зоне природных явлений они развивают метафору ревущей бури. Возможно, кроме того, употребление этих глаголов для описания раскатов грома. При этом *to growl* характеризует приглушенный звук, скорее всего, доносящийся издалека:

- (49) ... *the storm **was roaring**, and the darkness was at hand.*
 ‘... буря **ревела**, и тьма была совсем близко’.
- (50) ... *the thunder **growled**.*
 ‘... вдалеке **гремел** гром’.

Еще один «хищный» звук, который мы хотели бы здесь рассмотреть, — это вой. Безусловно, подобное звуковое поведение присуще не только хищным животным — прежде всего волкам, — но и их одомашненным родственникам — собакам. В английском языке собачий и волчий вой выражается глаголом *to howl*.

- (51) *According to most biologists, wolves **are not howling** at the moon at all.*
 ‘Как утверждает большинство биологов, волки вовсе не **воют** на луну’.

Глаголом *to howl* называется и продолжительный звук, который издают животные и люди от боли или сильного страха. Такой перенос обусловлен, безусловно, акустической близостью. На основе акустического сходства у *to howl* появляется и еще одно переносное значение — ‘громкий рев ребенка’. В зоне природных явлений этот глагол описывает вой ветра — такая метафора регулярно встречается в нашем типологическом материале:

- (52) *With a **howl** of pain he dropped his weapon.*
 ‘**Крича** от боли, он выронил оружие’.
- (53) *Here was a kid **howling** in the middle of the night.*
 ‘Посреди ночи **заревел** ребенок’.
- (54) *The wind **howls** through the trees.*
 ‘Ветер **воет** меж деревьев’.

To howl также развивает переносные значения, встречающиеся с множественным субъектом-человеком. Как фразовый глагол в сочетании с наречием *down* ‘вниз’ он характеризует толпу, громкими звуками выражающую свое негодование:

- (55) *They **howled down** the opposition.* (*howl* + *down* + Obj)
 ‘Оппозицию **освидали** (букв. «завыли вниз»)’.

3.2. Мыши, лягушки, змеи

Звук, который издают мыши (а также летучие мыши и крысы), описывается в английском языке глаголом *to squeak* ‘пищать’:

- (56) *Why a mouse squeaks depends on the circumstances.*
 ‘Мышь может **пищать** по разным причинам’.

Он имеет два переносных значения, основанных на звуковом сходстве. Во-первых, он характеризует высокий звук, издаваемый человеком во внеречевой ситуации, а во-вторых, применительно к артефактам, выражает скрип. В свою очередь, скрип обычно возникает из-за трения друг о друга близко расположенных предметов, и это позволяет глаголу *to squeak* на основе семантики, проиллюстрированной в (58), развить еще одно — незвуковое — значение с более сложным механизмом семантического перехода — ‘втискиваться с трудом’:

- (57) *She squeaked when I pinched her.*
 ‘Она **пискнула**, когда я ее ущипнул’.
- (58) *My shoes squeak when I walk.*
 ‘Мои ботинки **скрипят**, когда я хожу’.
- (59) *He squeaked into office by fewer than 2,000 votes.*
 ‘Ему удалось **протиснуться** в партию, набрав менее 2000 голосов’.

Кваканье лягушки в английском объединяется с карканьем, ср. (60–61). Подобное явление, когда специфический хриплый звук, издаваемый вороной, выражается в языке той же лексемой, что и лягушачье кваканье, наблюдается также в валлийском, индонезийском и др.

- (60) *We could hear the frogs croaking by the pond.*
 ‘Было слышно, как у пруда **квкали** лягушки’.
- (61) *The crow croaked and hopped back and forth on the shelf and Henriette smiled.*
 ‘Ворона **каркнула** и запрыгала туда-сюда на полке, Генриетта улыбнулась’.

В переносном значении *to croak* употребляется для обозначения ворчания или человеческого хрипа. Хрип, и в частности предсмертный хрип, который описывается этим же глаголом, метонимически преобразуется в значение ‘умереть’.

- (62) *He tried to speak but could barely croak.*
 ‘Он пытался говорить, но еле **хрипел** (букв. «каркал»)’.
- (63) *He had a heart attack and croaked.*
 ‘У него случился сердечный приступ, и он **умер** (букв. «каркнул»)’.

Следующий глагол, который мы рассмотрим в этом разделе, — *to hiss*. Считается, что он используется прежде всего для обозначения шипения змеи — однако, по моему мнению, этот глагол, скорее, описывает качество звука и жестко не закреплен

за каким-либо животным, поэтому он же характеризует звук, который издает кошка в агрессивном состоянии, а также некоторые птицы, например, гуси:

(64) *The snake **hissed** angrily as Jansen reached in.*

‘Змея злобно **зашипела**, когда приблизился Янсен’.

Описывая долгий глухой звук, *to hiss* развивает переносные значения в область артефактов — обычно так говорят о шипении пара или разогретого масла. В зоне природных звуков он описывает негромкий глухой шум воды, который в русском языке передается с помощью «неживотного» слова *шелест*:

(65) *Mushrooms with meat on a **hissing** frying pan.*

‘Мясо с грибами на **шипящей** сковородке’.

(66) *He heard the sea **hiss** against a seawall.*

‘Он услышал **шелест** (букв. «шипение») волн’.

Будучи применен к человеку, этот глагол усложняет исходный смысл и апеллирует не только к фонетическому облику шипения, но и к коннотациям, которые свойственны его прототипическому животному-источнику. Он употребляется для обозначения раздраженной, неодобрительной реакции (которая обычно приписывается и шипящим змеям, и, кстати, шипящим гусям), причем как с единичным, так и со множественным субъектом:

(67) *The audience **hissed** him off the stage. (hiss + D.Obj)*

‘Публика **выпроводила** (букв. «зашипела») его со сцены’.

4. Птицы

Теперь рассмотрим звуки, характерные для домашних и певчих птиц.

Немногие птицы в английском языке имеют «свой» глагол звука, и прежде всего такого привилегированного статуса удостоиваются домашние птицы. Так, глагол *to cluck* в своем первом значении описывает кудахтанье кур и цыплят:

(68) *The hen **clucked** at her chicks.*

‘Курица **кудахтала** на своих цыплят’.

Типологически стандартным является появление у этого глагола метафорического значения ‘суетиться / хлопотать’:

(69) *You are **clucking** over your old Mum.*

‘Ты **слишком суетишься** о своей старой матери’.

Помимо кудахтанья, *to cluck* обозначает и звук прищелкивания языком: по-видимому, это значение является самостоятельным звукоподражанием, производным от куриного крика. Прищелкивание языком часто сопровождает выражение осуждения или, наоборот, поощрения, так что вполне предсказуемым оказывается метонимический перенос

с шелкающего звука на неодобрительную или, напротив, одобрительную реакцию человека (при этом **cluck** может употребляться и как существительное).

(70) *She clucked her disapproval.* (*cluck* + D.Obj)

‘Она неодобрительно **шелкнула языком**’ (букв. «шелкнула свое неодобрение»).

Как существительное **a cluck** может иметь еще одно значение — ‘глупый человек’.

(71) *Don't be such a dumb cluck.*

‘Не будь таким **тупицей**’.

Заметим, что похожий сдвиг значения в русском характерен для существительного, обозначающего саму птицу (ср. *кураца* как ‘глупая женщина’). В английском же, как видно из примера (71), источником здесь выступает лексема со звуковым значением (*a cluck*).

Другой специализированный глагол — **to quack** ‘крякать’ — употребляется по отношению к утке.

(72) *Ducks quacked from the lake.*

‘На озере **крякали** утки’.

В принципе, домашний скот и домашние птицы часто ассоциируются с недалекостью ума и бесцельностью действий. Эти ассоциации прослеживаются и в переносных значениях глагола **to quack**. Метафорически он употребляется как глагол речи, обозначая при этом, как правило, пустую, лишённую всякого смысла болтовню, ср. (73). Иными словами, если высказывания человека описываются глаголом **to quack**, то они оцениваются говорящим как бессодержательные⁷.

(73) *He was still quacking about vinyl's alleged superiority to CDs.*

‘Он все что-то **молил** о том, что виниловые диски якобы лучше CD’.

Звуки диких (но не хищных) птиц — пение и чириканье — обычно передаются одними и теми же лексемами. Существует, однако, отдельный глагол для обозначения писка птенцов: звук, издаваемый маленькими птенцами, передается лексемой **to cheep** ‘пищать’. Этот же глагол используется для высоко звучащих сигналов, которые производят артефакты (ср. похожее переносное значение глагола **to bleat** ‘блеять’):

(74) *The toaster cheeps to indicate that the toast is done.*

‘Если хлеб поджарился, тостер начинает **пищать**’.

Чириканье взрослых птиц обозначается в английском языке двумя способами: **to chirp** (**to chirrup**) или **to tweet**.

(75) *The birds were chirping / tweeting in the trees.*

‘Птички на деревьях **щебетали**’.

⁷ Надо сказать, что у существительного *quack* существует очень распространенное употребление ‘мошенник, шарлатан’, в особенности если речь идет о враче, однако точное происхождение этого значения не установлено.

Оба глагола дают метафорический перенос в область человеческой речи. Однако, если *to chirp* означает ‘говорить живо, с воодушевлением’, то *to tweet* обозначает прежде всего быстро (и от этого иногда невнятную) речь, ср.:

(76) *He chirped, and coughed, and sang, in his cracked old voice...*

‘Он болтал (букв. «щебетал»), кашлял и напевал разные песенки своим разбитым старческим голосом...’

(77) “Attention, boys and girls,” she *tweeted*, clapping her hands.

‘«Внимание, мальчики и девочки», — быстро **выкрикнула** она, хлопая в ладоши’.

Заливистое пение птиц тоже описывается двумя лексемами — *to trill* ‘пускать трели’ и *to warble* ‘петь / заливаться песней’. Разница между этими глаголами состоит в том, что для первого доминантой в значении является постоянное повторение одних и тех же нот, в то время как для второго семантически значимой оказывается музыкальность и плавность переливов. Отсюда разница в метафорических переносах. *To trill* дает рефлекс в зону артефактов, а именно, вибрирующих звуков звонков или сирен, в то время как *to warble* в производном значении положительно характеризует человеческое пение.

(78) *The phone trilled sharply.*

‘Телефон **издал** резкий **вибрирующий звук**’.

(79) ... a song which a young girl was *warbling* to her piano.

‘... песня, которую молодая девушка **пела** под аккомпанемент фортепиано’.

5. Насекомые

Поле звуков насекомых устроено в английском языке несколько иначе, чем области, описанные нами выше. Во-первых, здесь нет слов, которые приписывались бы какому-то конкретному насекомому. На первый взгляд кажется, что его структура даже избыточна, поскольку его покрывают несколько глаголов, квазисинонимичных двум русским словам — *жужжать* и *стрекотать*, — и каждый из этих глаголов может описывать звук, издаваемый несколькими разными насекомыми. Во-вторых, звуки насекомых часто выражаются глаголами с более общей семантикой — такими, как, например, *rustle* (‘шуршать’), *crackle* (‘трещать’) и др. Здесь мы их не будем рассматривать, так как они не являются специализированными и в своем прямом значении не ограничены звуками насекомых.

Большинство лексем этого поля — *to buzz*, *to hum* и *to drone* — прототипически описывают звук летящих насекомых, которому в русском языке соответствует один глагол *жужжать*. Лексема *to churr (to chirr)*, напротив, не предполагает, что насекомое движется. Традиционно этот глагол переводится на русский язык как ‘стрекотать’ — по отношению к кузнечикам. Заметим, однако, что встречаются контексты, в которых кузнечики и цикады могут «жужжать»:

(80) *Grasshoppers buzzed out of the weeds ahead of him.*

‘Кузнечики **выскочили** (букв. «прожужжали») из травы прямо перед ним’.

Если в области прямых значений границы между лексемами, обозначающими жужжание, размыты, то образованные от них метафоры позволяют выявить более четкие расхождения в их употреблении. Правда, и метафорические контексты обнаруживают некоторое сходство. Так, все глаголы, описывающие звуки насекомых, развивают перенос в область звуков артефактов, ср., например, (81), где речь идет о звуке, издаваемом телефоном:

(81) *The telephone buzzed / hummed / droned on / chirred.*

‘Телефон **прозвонил** (букв. «прожужжал»)’.

Однако более подробный анализ показывает, что даже уже в отношении телефона рассматриваемые глаголы не вполне симметричны. Так, дальнейшее развитие от звука телефона к метонимической ситуации ‘звонить по телефону’ допускает только лексема *to buzz*, встречающаяся в субстантивированной форме в выражении *to give smb a buzz* ‘позвонить кому-нибудь по телефону’, — остальные глаголы этого ряда так не употребляются. Напротив, звук голоса в телефонной трубке может описывать только лексема *to drone*:

(82) *The telephone droned in her ear.*

‘Из телефонной трубки **доносились звуки** (букв. «телефон жужжал в ее ухо»)’.

Не являются абсолютно взаимозаменяемыми и лексемы *to buzz* и *to hum* в сочетаниях с существительным *plane* ‘самолет’. Глагол *to buzz* предполагает, что самолет пролетает достаточно низко, а *to hum*, напротив, обозначает тихий гул самолета, летящего высоко:

(83) ... *the plane buzzed low over the beach then landed expertly just below the cliffs.*

‘Самолет **прогудел** (букв. «прожужжал») низко над пляжем, а потом с легкостью приземлился прямо за скалами’.

(84) *A plane hummed high above them.*

‘Самолет **пролетел** (букв. «прожужжал») высоко над их головами’.

При описании шума чайника также используются все три глагола жужжания — и снова неравнозначно. Если чайник исправен, то его звук передается глаголами *to drone* и *to hum*, причем, если в первом случае речь идет просто о закипающем чайнике, то во втором подразумевается приятный звук, создающий ощущение уюта:

(85) *The kettle was humming, the cat sleeping. — all quiet as peace itself!*

‘Тихонько **потрескивал** (букв. «жужжал») чайник, дремала кошка, — сплошное умиротворение!’

To buzz обозначает более громкий, часто неприятный звук: если он описывает электрический чайник, то речь, как правило, идет о неисправном приборе:

(86) *The kettle was buzzing as if ready to blow up.*

‘Чайник **шумел** (букв. «жужжал») так, что казалось, он вот-вот взорвется’.

С субъектом-человеком глаголы *to drone*, *to hum* и *to buzz* также обнаруживают некоторые различия. Лексема *to drone* имеет значение ‘говорить занудно, монотонным голосом, надоедать разговором’ (также в составе конструкции ‘*to drone on about*’), а для *to buzz* и *to hum* характерно представление о множестве выполняемых субъектом одновременно действий (‘суетиться’).

(87) ... *her voice continued to **drone on**, snapping out an instruction here, a correction there...*

‘... ее голос продолжал **надоедать** (букв. «жужжать»), то указывая, то поправляя’.

(88) *She watched him **buzz around** the kitchen cooking.*

‘Она наблюдала, как он **суетился** (букв. «жужжал вокруг») на кухне, готовя обед’.

Такая асимметрия в семантических сдвигах объясняется тем, что прототипически эти лексемы, видимо, соотносятся с разными типами насекомых и разным качеством звука, несмотря на то, что синхронно в прямых значениях они часто взаимозаменяемы. В частности, глагол *to drone* образован от существительного ‘трутень’, причем все коннотации, присущие названию этого насекомого в русском языке, обнаруживаются и в английском. Так, существительное *a drone* имеет переносное значение ‘лодырь, бездельник’, а его глагольный дериват, соответственно, — ‘бездельничать, не приносить пользы’. Отсюда развитие у *to drone* метафоры скучного занудного разговора, не приносящего никакого результата. Напротив, *to hum* и *to buzz* ассоциируются с жужжанием пчел и мух — «занятых» насекомых. Об этом как раз и свидетельствует значение ‘суетиться’, свойственное обоим этим глаголам.

В свою очередь, различия между *to hum* и *to buzz* легко сформулировать, обратившись к метафорам артефактных звуков, которые мы рассмотрели выше. Видно, что в переносных значениях *to hum* обозначает мягкий звук (ср. ‘гул самолета, летящего вдалеке’, ‘приятное гудение закипающего чайника’), в то время как *to buzz* характеризует звук более резкий (‘треск неисправного чайника’, ‘шум пролетающего низко самолета’). По той же причине эти лексемы могут давать разные переносы применительно к человеку: *to hum* выражает значение ‘мурлыкать, петь себе под нос’ — этот звук не доставляет неприятных ощущений слушающему, тогда как *to buzz* задает ситуации, воспринимаемые негативно: ‘бурчать сквозь зубы’ и ‘распространять слухи и сплетни’.

Правда, эти различия нейтрализуются в контекстах с множественным субъектом:

(89) *The crowd **buzzed / hummed / droned / chirred** excitedly.*

‘Толпа возбужденно **гудела** (букв. «жужжала»)’.

(90) *The room **buzzed / droned / chirred / hummed**.*

‘Вся комната **гудела** (букв. «жужжала»)’.

В подобных употреблениях скопление людей уподобляется рою, единый гул которого не позволяет вычленить жужжание отдельных насекомых. Основа для такого переноса есть в семантике каждой рассмотренной нами лексемы. Пример (90) иллюстрирует, что это переносное значение метонимически может реализовываться и при субъекте, называющем пространство, где находятся шумящие люди.

6. Заключение

Представленный в данной главе анализ демонстрирует некоторые специфические черты английского языка в области глаголов со значением звуков животных. Так,

в большинстве языков нашей выборки звукоподражательные слова оказываются менее продуктивными в отношении метафор, чем их аналоги, не имеющие идеофонного коррелята — иными словами, чем дальше глагол отстоит от своего источника-идеофона, тем выше его шансы на развитие производных значений. Вопреки этой общей закономерности, ряд английских звукоподражательных лексем имеет больше переносных значений, чем их непроизводные эквиваленты (ср., например, звукоподражательный глагол *to moo* ‘мычать’, у которого обнаруживаются метафорические употребления, и его неидеофонный эквивалент *to low*, таковыми не обладающий).

Кроме того, в некоторых случаях, как мы показали, звукоподражательное и непроизводное слово порождают разные группы метафор (ср. глаголы *to woof* ‘гавкать’, который может обозначать клевету, бессодержательную речь, и *to bark* ‘лаять’, развивающий, в частности, семантику резкого, громкого высказывания или сильного детского кашля). Отдельную исследовательскую задачу мог бы составить анализ подобных различий на материале других языков и выявление регулярных закономерностей в образовании переносов от идеофонов и незвукоподражательных слов.

Особый интерес также представляют способы расширения звуковых значений в английских лексико-грамматических конструкциях, которые не приводят к образованию новой метафоры, а модифицируют прямое значение. Среди самых частотных примеров — употребление звуковых лексем в сочетании с пространственными или целевыми предлогами. Звуковая семантика в этом случае интегрируется в общее значение фразы, в результате чего возникают такие структуры, как *mew around* (букв. «мяукать вокруг») или *bellow for* (букв. «мычать/реветь для»), которые на русский язык могут быть переведены только через составные описательные обороты типа ‘блуждать мяукая’ и ‘мычать, прося чего-то’. Исследовать такого рода явления было бы целесообразно в рамках Грамматики конструкций (см. Fillmore et al. 1988, Goldberg 1995, 2006 и др.), которая анализирует лингвистические выражения с точки зрения тесной взаимосвязи всех составляющих ее элементов на различных языковых уровнях. Более глубокая систематизация конструкций, обозначающих звуки животных или смежные с ними ситуации, и выявление правил их построения также могла бы стать предметом отдельной работы.

Источники

Корпуса

British National Corpus (BNC): corpus.byu.edu/BNC/

Corpus of Contemporary American English (COCA): corpus.byu.edu/coca/

Словари

The Merriam Webster Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/>

The Oxford English Dictionary, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Глава 3. О кукарекающем ребенке и мурлычущем холодильнике: глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

1. Введение

Немецкий язык чрезвычайно богат глаголами, обозначающими звуки животных. Однако лексемы, относящиеся к исследуемому полю, значительно различаются по степени употребительности: некоторые из них принадлежат к основному фонду немецкого словаря и известны всем носителям языка, некоторые же являются профессионализмами, характерными в первую очередь для речи охотников. К последним относятся, например, многочисленные обозначения для крика оленей (*knören, mahnen, trensen*), диких птиц — вальдшнепов, куропаток, глухарей и под. (*quoren, schleifen, spissen*). Эта лексика приводится в специальных словарях охотничьего жаргона (ср., например, Haseder, Stinglwagner (Hrsg.) 1996; Frevert 2007), но при этом, как правило, непонятна вне профессионального дискурса.

В настоящем исследовании нас будут интересовать только общеупотребительные глаголы со значением звуков животных (специальная лексика этой зоны, а также слова, описывающие звуки экзотических для немецкой культуры зверей — таких, как носороги или слоны, — обсуждаются в работе Balnat (to appear)). Сначала мы рассмотрим некоторые особенности исходных значений изучаемых предикатов, а далее подробнее остановимся на механизмах и результатах их семантической эволюции. Источниками материала для нас послужили толковые словари (Duden, DWDS) и корпуса немецкого языка (DeReKo, DWDS, DeTenTen), все примеры были проверены в ходе опроса информантов.

2. Глагольная лексикализация звуков животных

Как и другие языки, немецкий неравномерно распределяет звуковые глаголы между представителями разных видов животных: отдельные звери характеризуются значительным разнообразием производимых ими звуков, тогда как многие животные устойчиво ассоциируются ровно с одним типом звучания. Если же речь идет о редких

представителях фауны, то носители просто затрудняются однозначно приписать им тот или иной звуковой глагол (о последней группе см. Balnat (to appear)).

2.1. Собаки и кошки

Наиболее разработанной зоной, как и в других европейских культурах, оказываются звуки собаки. Самым общим глаголом здесь является *bellen* ‘лаять’: показательно, в частности, что именно он обычно выступает в контексте отрицания, когда речь идет об отсутствии собачьих звуков, ср. (2):

(1) *Wenn über 1.000 Hunde **bellen**, dann ist das über große Distanzen zu hören.* [Die Zeit, 11.03.2014]

‘Если **лает** больше тысячи собак, то это слышно на большом расстоянии’.

(2) *Es war warm, sternenklar; nicht einmal Hunde **bellten**.* [Die Zeit, 22.02.2008]

‘Было тепло, на безоблачном небе сияли звезды, даже собаки не **лаяли**’.

Для мелких собак и щенков используется глагол *kläffen* ‘тявкать’, описывающий более высокий звук, чем *bellen* (3). Семельфактивное значение (однократный лай) выражается глаголом *blaffen* ‘гавкнуть, тявкнуть’ (4):

(3) *<...> und meerschweinchengroße Schoßhündchen **kläffen** ihr {=der Bahn} aufgebracht entgegen.* [Die Zeit, 20.05.1988]

‘... а собачки размером с морских свинок сердито **тявкают** навстречу поезду’.

(4) *Wir klingeln am Tor. Kehlig **blafft** der Schäferhund.* [Die Zeit, 03.04.2000]

‘Мы звоним в ворота. **Раздается** гортанный **лай** овчарки’.

Остальные глаголы ассоциируются с той или иной эмоцией, приписываемой собаке. Звучание агрессивно настроенной собаки передается лексемой *knurren* ‘рычать’:

(5) *„Deutsche und litauische Wachen“, berichtete Kuki, „standen am Eingang mit Hunden, die an der Leine zerrten, **knurrten** und wild **bellten**“.* [Die Zeit, 30.01.2012]

‘— Немецкие и литовские охранники, — рассказывал Куки, — стояли у входа с собаками, которые рвались с поводка, **рычали** и дико лаяли’.

Жалобные протяжные звуки описываются глаголами *winseln*, *heulen* и *jaulen*. При этом *winseln* соответствует, скорее, тихому (ср. ‘скулить’), см. (6), а *heulen* — более громкому звучанию (ср. ‘выть’), см. (7). Лексема *jaulen* выражает резкий и неравномерный звук (ср. ‘визжать’), который часто является реакцией на болевое ощущение (если собаку кто-то ударил или если она наступила на что-л. острое и под.), см. (8). Характерны также употребления *jaulen* в сочетании с инхоативной частицей *auf-* (‘взвизгнуть’), см. (9).

(6) *Im Keller **winselte** ein Hund, der in einer Kammer eingesperrt war.*

[Die Zeit, 24.11.1961]

‘В подвале **скулила** запертая в кладовке собака’.

- (7) <...> und Sir Arthur Conan Doyles Hund von Baskerville **heult** durch Nebel und Ödnis von Devonshire. [Die Zeit 17.09.1998]
 ‘... а Собака Баскервилей сэра Артура Конан-Дойля **воет** сквозь туман и пустоту Девоншира’.
- (8) Die Hündin <...> stürmt auf stachelige Yuccatrees zu, kniehohe, mit Spitzen wie abgenagte Hechtgräten; sie schlagen in ihr Fell, krallen sich fest, sie **jault** und kämpft gegen den Feind, den Stummen... [Hildegard Knef. Der geschenkte Gaul. 1970]
 ‘Собака ... набрасывается на колючие юкки, по колено высотой, с колючками, похожими на обглоданные кости шуки, они впиваются ей в шерсть, она **визжит** и борется с немим врагом...’
- (9) Wenn ein Hund in eine Glasscherbe tritt, **jault** er laut **auf**, leckt sich die verwundete Pfote und humpelt davon. [Die Zeit, 18.03.1994]
 ‘Когда собака наступает на осколок, она громко **взвизгивает**, лижет пораненную лапу и ковыляет дальше’.

Некоторые из приведенных выше собачьих звуков могут издавать и другие звери — и здесь немецкий следует типологически достаточно распространенным моделям объединения животных. Так, глаголы с более общей семантикой *bellen* ‘лаять’ и *kläffen* ‘тявкать’ могут относиться к звукам лисы, *knurren* ‘рычать’ может характеризовать волка, льва и тигра, *heulen* ‘выть’ — прежде всего волка.

- (10) Das Leben im Forsthaus könnte idyllischer nicht sein. „Beim Zubettgehen hört man hier die Füchse **bellen**, das Käuzchen und die Waldohreule rufen“. [Rhein-Zeitung, 22.04.2006]
 ‘Жизнь в домике лесничего едва ли могла быть идилличнее. «Ложась спать, слышишь, как **лают** лисы, кричат сычи и совы»’.
- (11) Zwischendurch blieb sie mehrmals stehen und lauschte auf Geräusche außerhalb der Mauern. Ein Fuchs **kläffte** irgendwo am Waldrand und ein Käuzchen schrie. [Simone Knodel. Adelheid von Lare. 2004]
 ‘Время от времени она останавливалась и прислушивалась к звукам снаружи. Где-то на краю леса **лаяла** лиса и кричал сыч’.
- (12) Vorsichtig wagte sie einen Blick zurück. Der Löwe **knurrte**, bewegte sich aber noch immer nicht. [Torsten Hirschberger. Das Geheimnis im Gauangelbach. 2013]
 ‘Она осмелилась осторожно посмотреть назад. Лев **рычал**, но по-прежнему не двигался’.
- (13) Sibirien ist weit weg. Da **heulen** Wölfe, und ein lausekalter Wind weht beinah das ganze Jahr. [Frankfurter Rundschau, 22.03.1997]
 ‘Сибирь далеко. Там **воют** волки, и почти весь год дует пронизывающий холодный ветер’.

Наряду с собачьими, немецкий язык достаточно подробно описывает и звуки кошки. Здесь различаются нейтральный звук *miauen* (‘мяукать’, производный глагол

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

от идеофона *miau* ‘мяу’) (14); *schnurren* ‘мурлыкать’, характеризующий довольную кошку (15); а также звук выпускаемого с шумом воздуха *fauchen* ‘шипеть’, которому соответствует выражение недовольства или ярости (16). Последний глагол, опять же в соответствии с типологически регулярными моделями, может соотноситься не только с кошкой, но и с другими животными, прежде всего кошачьими (тигр, лев), а также и с некоторыми птицами (гусь, лебедь) (17).

- (14) *Es riecht nach Ge grilltem, irgendwo miaut eine Katze.* [Die Zeit, 02.07.2007]
‘Пахнет жареным на гриле мясом, где-то **мяукает** кошка’.
- (15) <...> *die Katze, die sich im Schoß kringelt und schnurrend streicheln läßt.* [Bernhard Schlink. Der Vorleser. 1995]
‘... кошка, которая сворачивается клубком на коленях и, **мурлыча**, дает себя гладить’.
- (16) <...> *danach sprang eine Katze heraus, fauchend, das Fell gestäubt.* [Kerstin Jentzsch. Seit die Götter ratlos sind. 1999]
‘... затем выскочила кошка, **фырка** и щетинясь’.
- (17) *Der Schwan fauchte, stellte sich auf und spreizte die Flügel, als die Beamten sich ihm näherten.* [retter.tv, 04.09.2014]
‘Когда полицейские попытались приблизиться, лебедь **зашипел**, поднялся и раскинул крылья’.

Следует особо отметить, что в немецком имеется специальный глагол для тихого жалобного звука кошки *maunzen* (заметим, что русский лексикализует подобный звук для собаки, ср. *скулить*, но не для кошки):

- (18) *Die Katze maunzte vor meiner Zimmertür; ich ließ sie hinein.* [Die Zeit, 11.08.2008]
‘У меня под дверью **жалобно мяукала** кошка, я пустил ее внутрь’.

2.2. Домашние копытные животные

Звучание прочих домашних животных немецкий язык дифференцирует не столь подробно, не выделяя, как правило, различных типов звука для одного и того же вида. Для коров используется прежде всего производный от идеофона глагол *muhen* (ср. звукоподражание *muh*). Мычание может описываться и лексемой *brüllen* — но она соответствует более громкому звуку и применяется преимущественно к быкам.

- (19) *Bad Abbach, 11.000 Einwohner; ein Idyll. Kinder spielen auf den Straßen, in der Ferne muhen Kühe.* [Die Zeit, 01.06.2009]
‘Бад Аббах, 11 000 жителей, идиллия. На улицах играют дети, вдали **мычат** коровы’.
- (20) *Ein Bulle brüllt und wühlt den Boden auf, wirft Erde über sich.* [Manfred Schlüter. SINA: und das Kaff am Ende der Welt. 2005]
‘Бык **ревет** и копытами взрывает землю, разбрасывая ее вокруг себя’.

Специфической чертой немецкой системы является наличие двух отдельных (неидеофонных!) глаголов для звуков овцы и козы (соответственно, *blöken*¹ и *meckern*).

(21) *Jeden Abend habe er von der Kreuzberger Seite der Mauer Schafe blöken, Ziegen meckern, Esel schreien gehört* [die tageszeitung, 09.07.2009]

‘Каждый вечер, по его словам, он слышал с той стороны стены, где находился Кройцберг, как **блеют** {=*blöken*} овцы, **блеют** {=*meckern*} козы, кричат ослы.’

Интересно, что во многих языках овцы и козы ассоциируются с разными идеофонами (ср. в русском *бе* для овец и *ме* для коз и их глагольные дериваты *бекать* и *мекать*), тем не менее, лексикализуясь, их звуки «склеиваются» в одном глаголе (ср. *блеять*). В немецком же, напротив, лексикализованные варианты четко разводят два вида парнокопытных, тогда как в идеофонных образованиях различие их звуков прослеживается не так однозначно: глагол *mähen* (<*mäh*>) может описывать и коз, и овец (для последних также имеется собственная звукоподражательная форма *bähen* <*bäh*>).

В остальном эта зона не представляет особых неожиданностей: специальными лексемами обслуживаются звуки лошадей (*wiehern*) и свиней (*grunzen*). Важной роли свиньи в немецком хозяйстве и культуре следует, по-видимому, приписать существование особого глагола для поросят (*quieken*):

(22) *Satte rosige Schweinchen quieken im sauberen Stall.* [Die Zeit, 12.12.1997]

‘Сытые розовые поросята **пищат** в чистом хлеву’.

Для ослов используется как общий глагол *schreien* ‘кричать’ (ср. (21) выше), так и звукоподражательный *iahen*.

2.3. Хищники и насекомые

Об основном волчьем звуке речь уже шла выше — это вой, который описывается той же лексемой, что и вой собаки (*heulen*). К тиграм и львам применяется глагол, который упоминался в связи с быками, — *brüllen* ‘реветь’.

(23) *An erster Stelle <...> stand natürlich <...> das Einstudieren des Zirkusprogramms. Und so übten die Jongleure mit ihren Bällen, <...> die Zauberer probierten ihre Zauberstücke, die Löwen brüllten prächtig...* [St. Galler Tagblatt, 09.10.2000]

‘В первую очередь ... предстояло, конечно, ... разучить программу циркового выступления. Так что жонглеры репетировали со своими шарами, ... фокусники отработывали свои фокусы, звучно **ревели** львы’.

¹ Отметим, что прототипически «овечий» глагол *blöken* иногда может выражать коровье мычание:

Noch heute gackern Hühner; blöken Rinder auf seinem Hof im friesländischen Dangast [Die Zeit, 16.12.1994].

‘В его хозяйстве во фризском Дангасте и сегодня кудахчут куры и **мычат** коровы’.

Ср. в английском использование глагола *bleat* ‘блеять’ (о козах и овцах) по отношению к телятам (см. Главу 2).

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

Любопытным представляется совмещение в одной лексеме (*brummen*) звуков медведя и гудения летающих насекомых (как правило, производимого не отдельной особью, а целым роем — например, пчелиным)². Жужжанию же единичных насекомых — прежде всего мухи или комара — соответствует более высокий и тихий звук *summen*:

- (24) *Irgendwo brummte ein Bär, als Herr K. an seinem neuen Text saß und gerade schrieb, dass irgendwo ein Hund bellte. Herr K. stutzte und kratzte sich hinter dem Ohr: War es nicht eher eine Fliege, die irgendwo gesummt hatte?* [die tageszeitung, 22.06.2010]
 ‘Где-то **заревел** медведь, когда господин К. сидел над своим новым текстом и как раз писал, что где-то лаяла собака. Господин К. оторопел и почесал за ухом: а не муха ли это где-то **прожужжала**?’
- (25) *Egal wie bedrohlich er aussieht oder wie laut er brummt: Ein Bienenschwarm ist völlig ungefährlich.* [Kraut und Rüben, 06.2015]
 ‘Неважно, насколько опасно он выглядит и насколько громко **гудит**: пчелиный рой не представляет совершенно никакой опасности’.

Насекомые могут также описываться глаголом *surren*, но его семантика часто ассоциируется не только со звуком, но еще и с движением. Понятно, что любой звук мухи или комара возникает за счет взмахов крылышек и тем самым за счет перемещения по воздуху — именно поэтому звуковые глаголы этой зоны регулярно в разных языках метонимически выражают движение (ср. рус. *Муха осторожно прожужжала мимо меня в глубь кабинета.* [Нодар Джин. Учитель (1980–1998)]). Однако в немецком в конструкциях, содержащих явное указание на перемещение насекомого (т. е. с выраженной начальной или конечной точкой или маршрутом), чаще других глаголов употребляется как раз обсуждаемый *surren*, ср. пример (26), в котором обозначена цель движения (используется *surren*) и (27), где звуковая ситуация просто локализована в пространстве (*summen*):

- (26) *Eine Fliege surrt heran und lässt sich nieder auf dem Brot.* [<http://www.dallach.de/tags/lustig>]
 ‘**Подлетает** (букв. «жужжит сюда») муха и садится на хлеб’.
- (27) *Es bleibt ganz still. Die Fliege summt so schön im leeren Zimmer.* [Karl Krolow. Täglich. 1988]
 ‘По-прежнему все спокойно. В пустой комнате приятно **жужжит** муха’.

Отмеченные нами различия между глаголами отражают, конечно, не жесткие семантические правила, а, скорее, тенденции в их функционировании. Интересно при этом, что специфика значения *surren*, которую в исходных употреблениях можно постулировать лишь с некоторыми оговорками, наглядно проявляется при семантическом сдвиге — об этом речь пойдет в разделе 3.1.

Лексическое выражение получают и звуки некоторых нелетающих насекомых, ср. *zirpen* (о кузнечиках, сверчках):

² Типологический аналог такого объединения встретился в нашей выборке в хантыйском, ср. глагол *omiti*.

- (28) *Mit dem Rad vorbei an saftig grünen Wiesen, auf denen Grillen zirpen.* [Kronen Zeitung, 22.07.2011]
 ‘На велосипеде вдоль сочных зеленых лугов, на которых **стрекочут** сверчки’.

2.4. Птицы

Система глаголов, обозначающих звуки птиц, разработана в немецком достаточно подробно. Хорошо лексикализованы, во-первых, звуки домашних птиц — куриц (*gackern*), петухов (*krähen*), индюков (*kollern*), гусей и уток (*schnattern*).

- (29) *Vor den Hütten gackern ein paar Hühner.* [Die Zeit, 14.06.2007]
 ‘Перед хижинами **кудахчут** несколько куриц’.
- (30) *In Kocudza <...> krähen morgens noch die Hähne.* [Die Zeit, 30.05.2012]
 ‘В Коцудзе ... по утрам все еще **кричат** петухи’.
- (31) *Für Irene Köster klingt es wie Musik in den Ohren, wenn die Frösche im Teich vor ihrer Haustür quaken oder die Enten schnattern.* [Nordkurier, 24.11.2009]
 ‘Когда в пруду перед домом квакают лягушки или **крякают** утки, Ирена Кестер воспринимает эти звуки как музыку’.

К уткам наряду со *schnattern* может применяться еще и глагол *quaken*, который выше в примере (31) употреблен по отношению к лягушкам. Тем самым в немецком реализуется непривычное для русского, но широко представленное типологически совмещение в одном предикате кряканья и кваканья:

- (32) *<...> die traumhaft schöne Lage des Unicampus am Innufer, wo die Enten quaken und auf den gegenüberliegenden Hängen die Schafe blöken.* [Die Zeit, 15.03.1996]
 ‘... сказочно красивое расположение университетского кампуса на берегу Инна, где **крякают** утки, а на склонах напротив блеют овцы’.

В случае гусей лексическое выражение получает не только стандартный крик (гоготание, ср. *schnattern*), но и звуки рассерженной птицы: выше в этой связи уже обсуждался глагол *fauchen* ‘фыркать’, описывающий помимо гусей недовольство кошки. В сходной функции используется также лексема *zischen* ‘шипеть’, прототипически характеризующая звуки змеи.

Из прочих птиц устойчивые ассоциации со специальной лексемой характерны для голубей (*gurren*), ворон (*krächzen*) и чаек (*kreischen*), ср.:

- (33) *Der Nachbar <...> streute Vogelfutter auf seinen Balkon, und die Tauben kamen und gurrten.* [Bernhard Schlink. Der Vorleser. 1995]
 ‘Сосед ... насыпал у себя на балконе птичий корм, и голуби слетались и **ворковали**’.
- (34) *Die Sonne strahlt, die Ostsee leuchtet, die Möwen kreischen.* [Die Zeit, 15.04.2014]
 ‘Светит солнце, сияет Балтийское море, **кричат** чайки’.

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

Звуки певчих птиц передаются глаголами *zwitschern*, *tirilieren* и (реже) *tschilpen*. Встречается в подобных контекстах и предикат более широкой семантики *singen* ‘петь’, который наряду с птичьим стандартно описывает и человеческое пение.

(35) *Draußen scheint die Sonne, man hört Vögel **zwitschern**, es wird langsam Frühling.* [Die Zeit, 9.06.2014]

‘На улице светит солнце, слышно, как **щебечут** птицы, постепенно наступает весна’.

(36) *Im Gebüsch vor der Alm **tirilieren** die Vögel.* [Die Zeit, 16.07.2010]

‘В кустах у луга **заливаются** птицы’.

(37) *Im Frühling, wenn alles zu neuem Leben erwacht, wenn <...> Vögel **singen** <...>, dann denkt man nicht an den nächsten Winter.* [St. Galler Tagblatt, 08.01.2001]

‘Весной, когда все просыпается к новой жизни, когда ... **поют** птицы ..., не думаешь о следующей зиме’.

Наконец, отдельной лексемой выражаются звуки птенцов (*piepen*), причем, как и во многих других языках, они совмещаются с мышинным писком:

(38) *<...> der Amselvater war schwer verletzt, und die Küken **piepten** hungrig im Nest.* [Braunschweiger Zeitung, 12.07.2006]

‘... дрозд был тяжело ранен, и птенцы, голодные, **пищали** в гнезде’.

(39) *Mäuse **piepten** in einer Ecke. Ich horchte hinaus, ob nicht jemand käme, mich zu besuchen.* [Ludwig Renn. Nachkrieg. 1930]

‘В углу **пищали** мыши. Я прислушался, не идет ли кто-нибудь меня навестить’.

Итак, немецкий язык представляет богатую систему глаголов звуков животных, которая, с одной стороны, во многом следует стандартным европейским и — шире — общетипологическим моделям лексических совмещений и противопоставлений (ср. объединение хищников с быками, уток с лягушками, лексическое обособление животных, находящихся в постоянном контакте с человеком — как лошади или курицы), а с другой — оказывается в некоторых фрагментах более дробной (ср. различные глаголы для коз и овец, специальный предикат для «жалующейся» кошки). Обсудим теперь, как эта система функционирует в зоне переносных значений.

3. Глаголы звуков животных в переносных употреблениях

Большинство глаголов, описывающих звериные звуки в немецком языке, претерпевают семантические сдвиги, причем во многих случаях речь идет о развитии нескольких производных значений у одного глагола. Возникающая тем самым разветвленная система переносных употреблений позволяет подробно проследить за их семантической эволюцией и выявить механизмы появления значений того или иного типа.

Отметим, что не охваченными общей тенденцией к семантической эволюции, т. е. моносемичными, оказываются прежде всего те глаголы, которые образованы непосредственно от функционирующих в современном языке идеофонов, ср. *miauen* ‘мяу-кать’ (< *miau*), *muhen* ‘мычать’ (< *muh*), *iahen* ‘кричать (об осле)’ (< *iah*), *mähen* ‘блеять (об овце или козе)’ (< *mäh*), *bähen* ‘блеять (об овце)’ (< *bäh*). Остальные предикаты многозначны — далее мы последовательно рассмотрим те семантические зоны, которые могут быть результатом их семантических сдвигов. Мы начнем с краткой характеристики метафорических переносов в область звуков неодушевленных объектов (3.1), а затем подробнее остановимся на употреблении интересующих нас глаголов по отношению к человеку (3.2–3.7). В 3.8 речь пойдет об особых конструкциях, в состав которых могут встраиваться лексемы изучаемого класса.

3.1. Звуки неодушевленных объектов

Семантическая зона артефактов и природных звуков в немецком языке активно использует зоометафору. Подробный анализ этого материала заслуживает более развернутого представления, чем позволяют рамки этой главы — так что здесь мы просто обозначим основные области, которые покрываются «животными» глаголами.

Как и во многих других языках нашей выборки, в немецком в число таких областей попадают звуки ветра и бури — они ассоциируются с собачьим или волчьим воем (*heulen*) и ревом быка или хищников (*brüllen*). Из артефактов частотной зоной-мишенью для звериных глаголов выступают приборы, издающие звук в процессе функционирования. Очень громкие звуки такого рода (например, шум спортивных машин) описываются, как сильный ветер и буря, лексемами *heulen* и *brüllen*. Характерным субъектом для *heulen* являются также сигнальные источники звука (прежде всего сирены). Во многих употреблениях близкую к *heulen* семантику обнаруживает глагол *jaulen* (исходно — резкий собачий вой), однако, наследуя особенности своего прямого значения, он задает, скорее, звук, изменяющийся по высоте (например, сигнал машины скорой помощи, заводящегося мотоцикла).

Звук нормально функционирующего мотора описывается глаголом *brummen* (изначально — о медведе или пчелах), для более тихих приборов используются лексемы *summen*, *surren* (жужжание комара или мухи) или *schnurren* (кошачье мурлыканье). Интересно, что семантическое различие между *summen* и *surren*, которое в исходных употреблениях соблюдается не вполне строго, гораздо заметнее проявляется в переносных контекстах. Как мы отмечали, глагол *surren* в большей степени соотносится с идеей движения насекомого — поэтому и в метафорическом значении он применяется чаще к приборам с движущимися частями, ср. прототипические источники такого звука — вентилятор, кинокамера, веретено.

Исходная семантика определяет специфику метафорических употреблений и в случае *schnurren* ‘мурлыкать’. Будучи характеристикой довольной кошки, этот глагол и в переносных контекстах сохраняет положительную оценку описываемой ситуации. Речь идет об умиротворяющих звуках безупречно работающих приборов, например, мотора в машине, швейной машинки или холодильника (ср. метафору, вынесенную в название главы):

(40) *Der Motor **schnurrte** und es ging gemütlich durch die schöne Pfälzer Spätsommerlandschaft immer Richtung Mainz*³.

‘Урчал мотор, мы уютно ехали, наслаждаясь прекрасными пфальцскими пейзажами уходящего лета, по направлению к Майнцу’.

(41) *Hallo, soweit alles wunderbar! Kühlschrankschnurrt so vor sich hin und macht das was er soll, kühlt mein Alsterwasser auch wunderbar runter*⁴.

‘Привет, пока все прекрасно! Холодильник урчит себе и делает, что должен, прекрасно охлаждая мое лимонадное пиво’.

Со звуками животных могут ассоциироваться и шумы плохо функционирующих или испорченных артефактов. В частности, плохо транслируемый акустический сигнал передается глаголом *krächzen* ‘каркать’ (ср. об этой лексеме в разделе 3.3 в контексте хриплого голоса). Отметим, что в русском в этой зоне используется глагол *квакать* (ср. *радио квакает*). Любопытно, что немецкий *quaken* выступает как будто бы в похожих контекстах, описывая голоса, раздающиеся из радиоприемников или автоответчиков — так что можно было бы предположить, что глаголы в двух языках следуют общей метафорической модели. Однако на самом деле семантика переносных употреблений *квакать* и *quaken* не совпадает. В русском речь идет, скорее, о прерывающемся сигнале, тогда как в немецком — о монотонном, «металлическом» голосе.

На первый взгляд кажется удивительным, что столь разные акустические эффекты возводятся к общему источнику. Но, по-видимому, такое расхождение имеет вполне прозрачную природу. Дело в том, что за кваканьем лягушки стоит не один, а два разных фрейма: во-первых, это крик одной особи, и с ним естественно сравнивать прерывистые сигналы, а во-вторых, это «хор» множества лягушек, который воспринимается как ровный, монотонный звук с несколько специфическим тембром (такой «концерт» можно услышать вечером на берегу озера, если в нем живут лягушки). Соответственно, источником русской метафоры выступает первый, а немецкой — второй из описанных фреймов.

Наконец, последнюю область-мишень для зоометафор, которую мы здесь упомянем, образуют звуки выстрелов: они ассоциируются с собачьим лаем (ср. *blaffen* ‘гавкнуть, тявкнуть’ и *kläffen* ‘тявкать’). Подробнее о принципах лексикализации звуков неодушевленных объектов и их приложении к немецкому (в том числе и в отношении глаголов, производных от звериных криков) см. в Главе 22 настоящей монографии.

3.2. Физиологические звуки: болевые ощущения и кашель

Типологическое исследование метафорических предикатов боли показало, что звуковыми глаголами разного типа (это могут быть не только звериные, но и природные или человеческие звуки) в различных языках чаще всего описываются неприятные ощущения в животе, в голове и в ушах (Рахилина и др. 2010a, Reznikova et al. 2012). В немецком языке все эти области могут покрываться звуками животных.

³ <http://qps.ru/xrDEo>

⁴ <http://qps.ru/iwzKX>

Болевые ощущения в животе, описываемые предикатами звука, обычно действительно сопровождаются звуковым эффектом, так что этот звук может быть слышимым для внешнего наблюдателя. Такие ощущения выражаются глаголами *kollern* ‘курлыкать (об индюке)’, ср. (42), и *knurren* ‘рычать (о собаке, тигре, льве)’ (43). При этом *knurren* часто соотносится с ощущениями, вызванными чувством голода, соответственно, сочетание (*mein*) *Magen knurrt* букв. «(мой) живот рычит» может метонимически пониматься как сообщение не столько о боли в животе, сколько о физиологическом состоянии голода, ср. (44).

(42) *Irgendwo habe ich mal gelesen, dass man keine Äpfel essen soll vor wichtigen Besprechungen, weil dann der Magen kollert*⁵.

‘Я где-то читал, что перед важными переговорами не следует есть яблоки, потому что от них в животе **урчит**’ (букв. «тогда живот курлычет»).

(43) *Mein Magen knurrt ständig. Ich versteh das nicht. Ich esse echt ganz normal, nicht zu viel, nicht zu wenig*⁶.

‘У меня постоянно **урчит** в животе (букв. «Мой живот постоянно рычит»). Я не понимаю. Я ем совершенно нормально, не слишком много, не слишком мало’.

(44) *Nachts unterwegs in München, der Magen knurrt, was tun? Die tz stellt Ihnen fünf Restaurants für den späten Hunger vor.* [tz, 16.09.13]

‘Ночью в Мюнхене, **урчит** в животе (букв. «живот рычит»), что делать? TZ представляет пять ресторанов на случай позднего голода’.

Неприятные ощущения в ушах и голове, в отличие от боли в животе, не имеют внешне наблюдаемой звуковой составляющей — звук в данном случае существует только в субъективном восприятии экспериенцера. Этот звук соотносится с жужжанием насекомых и описывается глаголами *summen* (более тихий звук, например, о комаре) и *brummen* (более громкий звук, например, о шмеле или рое пчел)⁷:

(45) *Mir wird schwindelig, es summt in den Ohren*⁸.

‘У меня начинает кружиться голова, **жужжит** в ушах’.

(46) *Mir brummt der Schädel, bin müde und kalt ist mir auch noch*⁹!

‘У меня башка **гудит**, я устал, да к тому же мне еще и холодно!’

⁵ <https://blaubeerpfannkuchen.wordpress.com/2013/01/08/>

⁶ <http://qps.ru/0MKvc>

⁷ Как уже отмечалось, глагол *brummen* из животных описывает не только звуки насекомых, но и рев медведя, однако если болевая метафора распространяется сравнением, то стандартными эталонами служат пчелиный улей (*Bienenstock*), пчелиный рой (*Bienenschwarm*) или осиное гнездо (*Wespennest*), ср. *Mein Kopf brummt wie ein Bienenstock und ich bin totmüde* ‘Голова у меня **гудит, как пчелиный улей**, и я смертельно устал’.

⁸ <http://www.parfumo.de/Parfums/Chanel/Beige>

⁹ <http://www.pflegi-dickie.de/dickie/bilder.html>

Из собственно звуковых физиологических ситуаций с животными в немецком ассоциируется, во-первых, сильный кашель — он может выражаться через основной «собачий» глагол *bellen*. Правда, *bellen*, как правило, выступает в этом значении не в качестве самостоятельного предиката, а в роли модификатора или при глаголе *husten* ‘кашлять’, или при соответствующем отглагольном имени (ср. в русском *лающий кашель*):

(47) *Eltern sollten nicht in Panik geraten, wenn ihr Kind nachts bellend hustet und um Luft ringt*¹⁰.

‘Родителям не следует паниковать, если ребенок ночью **надрывно** (букв. «лающе») кашляет и ему не хватает воздуха’.

Во-вторых, звериным глаголом может описываться храп (хотя для этой ситуации существует и более стандартный способ лексикализации — специальный глагол *schnarchen*). Из животных звуков с храпом ассоциируется хрюканье (*grunzen*) — аналогичная модель переноса встречается и в других языках, ср., например, калмыцкий глагол *хоржэңнх*.

(48) *Peter war eingeschlafen und grunzte leise*¹¹.

‘Петер заснул и тихо **храпел**’.

Grunzen может выражать и короткие произвольные звуки-реакции, например, если человека ударили, потревожили во сне или если он столкнулся с чем-то неожиданным:

(49) *einmal stieß der Gefangene gegen das Bein eines ausgestreckt Daliegenden <...>, der Mann am Boden aber grunzte nur und wälzte sich auf die andere Seite seines Lagers.* [Yorck Kronenberg. Ex voto. 2011]

‘Однажды пленный споткнулся о ногу лежащего... но мужчина на полу только **хрюкнул** и перекатился на другую сторону своего ложа’.

(50) *Ich <...> grunzte nur, als sie mich mit dem Fuß anstieß.* [Kim Harrison. Bluteid. 2011]

‘Я ... только **хрюкнул**, когда она пнула меня ногой’.

3.3. Характеристики голоса

Наиболее естественным аналогом звуков животных у человека является его речь. Если она соотносится со звучанием животного, то самым очевидным основанием для уподобления является ее «внешняя» — акустическая — составляющая, то есть физические характеристики голоса. Неудивительно поэтому, что исследуемые глаголы часто описывают те или иные голосовые особенности человека — показательны в данном отношении сочетания активных причастий собственно с существительным *Stimme* ‘голос’ (ср. *grunzende Stimme* ‘хрюкающий голос’, *blökende Stimme* ‘блеющий [«овца»] голос’, *zirpende Stimme* ‘стрекошущий голос’ и т. п.). Правда, обсуждаемые глаголы в разной степени конвенционализированы: в ряде случаев подобные употребления представляют, скорее, «живые» метафоры, вызывающие в сознании звуковые образы соответствующих

¹⁰ <http://qps.ru/LeCXI>

¹¹ <http://www.fanfiktion.de/s/4e413ba200008ed5067007d0/3/Der-Schueleraustausch>

животных. Однако некоторые глаголы не просто подразумевают образные сравнения, а устойчиво ассоциируются с определенными физическими характеристиками голоса — его громкостью, высотой или более специфическими свойствами, как, например, охриплость. Именно о таких конвенционализированных употреблениях пойдет речь в этом разделе.

Широко распространенным средством описания громкого голоса является глагол *brüllen*, исходно характеризующий рев львов, тигров или быков. Показательно, что в корпусах переносные значения данного предиката встречаются гораздо чаще, чем прямые.

(51) *Der 35jährige Sohn <...> muss ins Ohr des 92jährigen brüllen, damit der Vater etwas hört.* [St. Galler Tagblatt, 27.01.1998]

‘35-летнему сыну ... приходится **орать** в ухо 92-летнего отца, чтобы он что-то услышал’.

(52) *Da hörten sie plötzlich lautes Geschrei. „Bleib gefälligst stehen, du Bürschchen!“, brüllte eine Stimme.* [Braunschweiger Zeitung, 30.08.2008]

‘Вдруг они услышали громкий крик. «Эй, парень, немедленно остановись!» — **ревел** чей-то голос’.

Звук хищников или быков в первую очередь, естественно, связывается с мужским голосом, хотя в отдельных примерах субъектом может выступать и женщина:

(53) *Dann bedankte sich Lena bei vielen Leuten! Und zum Schluss brüllte sie dem Publikum in der Halle laut „Dankeschööööön“ entgegen.* [Nürnberger Zeitung, 26.03.2011]

‘Затем Лена выразила благодарность множеству людей! И под конец **громко прокричала** публике в зале «большое спасибо»’.

Характерны также употребления *brüllen* в ситуации с множественным субъектом: глагол описывает скандирование толпы.

(54) *„Betrug, Betrug“, brüllten die aufgebrachten Fans, die bis zu 10.000 Schilling für eine Eintrittskarte bezahlt hatten.* [Neue Kronen-Zeitung, 09.09.1996]

‘«Обман, обман», — **ревели** возмущенные фанаты, которые заплатили за свой входной билет вплоть до 10.000 шиллингов’.

(55) *„Don Bosco! Schieß ein Tor!“ brüllten die begeisterten Fans auf der Tribüne.* [Aachener Zeitung 11.03. 2009]

‘«Дон Боско! Забей гол!» — **ревели** воодушевленные фанаты на трибуне’.

Если *brüllen* охватывает зону громкого и, скорее, низкого голоса, то для громких и высоких звуков используется глагол петушиного крика *krähen* — правда, в отличие от *brüllen*, *krähen* не так частотен в своем метафорическом значении.

(56) *Was suchst denn du hier? krähte sie durch den Raum.* [C. Janacs. Der Gesang des Coyoten. 2002]

‘Что ты здесь ищешь? — **вопила** (букв. «кукарекала») она на всю комнату’.

- (57) „*Ihr macht genau das, was der Marshal befohlen hat*“, **krähte** er mit einer hellen Stimme, die überhaupt nicht zu ihm passte [Frank Callahan. Höllentrail der Teufelskerle. 2014].

‘«Вы будете делать в точности то, что приказал маршал», — **вопил** он звонким голосом, который ему совсем не шел’.

Громкий голос описывают и другие глаголы, восходящие к звукам животных (ср., например, *bellen* ‘лаять’ или *quieken* ‘визжать (о поросенке)’), однако они всегда выражают определенное эмоциональное состояние субъекта, поэтому мы рассмотрим их ниже — в разделах, где речь специально пойдет об эмоциях (см. 3.4.2 и 3.4.3). Особенность же *brüllen* и *krähen* на этом фоне состоит в том, что они могут, во-первых, описывать эмотивно нейтральные ситуации (ср. пример (51)) и, во-вторых, выступать в контексте различных состояний субъекта, ср. (54–55) выше, а также (58–59):

- (58) <...> *entdeckte ich tief unter uns einen der bekanntesten Berge. „Da ist das Matterhorn“*, **brüllte** ich euphorisch. [Braunschweiger Zeitung, 08.03.2007]

‘... глубоко под нами я увидел одну из известнейших гор. «Это Маттерхорн», — **заорал** я восторженно’.

- (59) „*Ich bezahle Sie doch nicht dafür, daß Sie hier traurige Geschichten erzählen*“, **brüllt** der Direktor. „*Wenn Sie nicht gleich was Lustiges singen, fliegen Sie raus!*“ [Die Zeit, 02.05.1986]

‘«Я плачу вам не за то, чтобы вы здесь рассказывали грустные истории, — **орет** директор. — Если вы немедленно не споете что-то веселое, вы отсюда вылетите’.

Как уже было сказано, *krähen* характеризует высокий и громкий голос — часто так описывается женский крик. Если же речь идет об обычном разговоре, без повышения тона, то женский высокий голос, как и во многих других языках, уподобляется щебетанию птиц, ср. глагол *zwitschern*:

- (60) „*Er hat mir zum Abschied eine Kusshand zugeworfen*“, **zwitschert** sie, während sie mich zum Fahrstuhl begleitet. [Die Zeit, 13.05.2015]

‘«На прощание он поцеловал мне руку», — **щебечет** она, провожая меня до лифта’.

- (61) *In diesem Moment ging die Türklingel. „Meine Güte, noch mehr Gäste“*, **zwitscherte** die Frau und lief hin. [Unni Lindell. Das dreizehnte Sternbild 1999]

‘В этот момент в дверь позвонили. «Боже мой, еще гости», — **прощебетала** женщина и побежала к двери’.

Хриплый голос тоже ассоциируется с птичьим звуком, а именно, с карканьем вороны (*krächzen*):

- (62) „*Wenn das Leben einfach ist, dann sind eure Ziele nicht groß genug*“, **krächzt** er, dann bricht die Stimme endgültig. „*Ich hatte letzte Woche einen kleinen Malariaschub*“, **hustet** er noch zur Erklärung. [Die Zeit, 03.01.2013]

‘«Если жизнь проста, это значит, что у вас недостаточно великие цели, — **хрипит** он, а затем голос совсем срывается. — У меня на прошлой неделе был небольшой приступ малярии», — объясняет он, давясь от кашля’.

Свойства голоса проявляются не только в речи, но и в пении, так что все рассмотренные здесь глаголы могут характеризовать и поющего человека. При этом, как и можно было бы ожидать, громкость (*brüllen, krähen*) создает представление, скорее, о плохом исполнении, а сходство пения с щебетом певчих птиц (*zwitschern*, а также *tirilieren*), напротив, задает положительную оценку:

(63) *Frau Kindermann spielte beim Dessert Klavier und sang Couplets dazu, das heißt, sie krähte vielmehr. Das klang so komisch, dass wir alle lachen mussten.* [Margarete Böhme. Tagebuch einer Verlorenen. 1905]

‘Во время десерта госпожа Киндерманн играла на фортепиано и пела куплеты, то есть, скорее, **вопила**. Это звучало так забавно, что мы все не могли сдержать смех’.

(64) *Dazwischen zwitscherte der reizende Sopran und bezauberte mit glockenreinen Koloraturen.* [Gmünder Tagespost, 11.10.12].

‘Тем временем восхитительное сопрано **щебетало** и очаровывало чистейшими колоратурами’.

3.4. Эмоциональные проявления

3.4.1. Плач и смех

Обе зоны — и плача, и смеха — используют целый ряд глаголов, заимствованных из домена звериных звуков. Однако мотивация этих переходов для каждой зоны своя.

Плач восходит к глаголам, обозначающим жалобные звериные звуки, ср. *heulen* ‘выть (о собаке, волке)’, *winseln* ‘скулить (о собаке)’, *maunzen* ‘жалобно мяукать’, — тем самым в основе перехода здесь лежит та эмоция, которая приписывается издающим их животным. В результирующей зоне эти глаголы предполагают разные типы субъектов плача и ситуаций в целом.

Heulen соотносится с громким плачем, чаще всего речь идет о взрослом человеке, причем поводом может служить не только горе (65), но и другие сильные эмоции (ярость, злость), ср. (66). Более того, стимулом такого состояния иногда выступают даже положительные переживания (радость, счастье) (67):

(65) *„An jedem neuen Morgen heulen neue Witwen, weinen neue Waisen“, heißt es in Shakespeares Stück.* [Die Zeit, 12.09.2012]

‘Как написано в пьесе Шекспира, «каждое утро **рыдают** новые вдовы, плачут новые сироты»’.

(66) *Kramer heulte vor Wut, als die Laterne mich verfehlte.* [Jeaniene Frost. Verlockung der Nacht. 2012]

‘Крамер **завыл** от ярости, когда фонарь в меня не попал’.

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

- (67) *Wenn dein Vater das noch erlebt hätte, daß sein Junge studiert, ich glaube, er hätte vor Freude **geheult**.* [Hermann Kant. Die Aula. 1965]
 ‘Если бы твой отец дожил до того момента, когда его сын начал учиться, я думаю, он **бы рыдал** от радости’.

Положительные эмоции могут выступать стимулом для ситуации *heulen* прежде всего в тех случаях, когда субъект глагола подразумевает толпу, множество людей:

- (68) *Sieben Sekunden lang hat es gedauert, bis die mehr als drei Meter hohe Statue auf den Boden fiel und mit der Nase im Schnee landete. Die Menge **heulte** vor Begeisterung.* [Die Welt, 11.12.13]
 ‘Прошло семь секунд, прежде чем трехметровая статуя упала на землю носом в снег. Толпа **выла** от восторга’.

Кроме эмоций взрослых глагол может описывать и рыдания безутешного ребенка:

- (69) *Malin versuchte, die Mädchen zu beruhigen, aber Sophia **heulte** nun lauthals, weil die anderen mehr Plätzchen ausgestochen hatten als sie.* [Die Zeit, 05.12.2011]
 ‘Малин попыталась успокоить девочек, но София **рыдала** теперь во весь голос из-за того, что другие вырезали формочкой больше печений, чем она’.

Два других глагола плача — *winseln* ‘скулить’ и *maunzen* ‘жалобно мяукать’ — описывают плач-просьбу. При *maunzen* в роли субъекта выступает, как правило, ребенок, который капризничает, пытаясь добиться чего-л.

- (70) *Das Baby **maunzt**. Farina stillt ihr Kind.* [Die Zeit, 24.02.2003]
 ‘Младенец **хныкает**. Фарина кормит ребенка’.
- (71) *Ihr sollt euch waschen, hab ich gesagt! Vati, **maunzte** Wolfgang, der Kleine. Kannst du nicht lieber Peterchens Mondfahrt erzählen?* [Die Zeit, 04.05.2005]
 ‘Мыться, я сказал! — Папа, — **захныкал** Вольфганг, — ты не мог бы лучше рассказать «Путешествие Петерхена на Луну?»’

Для *winseln* характерен прежде всего взрослый субъект. Поскольку слезные мольбы прототипически связаны с унижением просящего, то глагол часто подразумевает отрицательную оценку действия говорящим.

- (72) *Er warf sich auf den Boden und **winselte** um Gnade* [Hans Ulrich Schmid. Sagaspuren: eine Reise ins alte Island. 2008]
 ‘Он бросился на колени и **слезно молил** о пощаде’.
- (73) *Das Fernsehen zeigte jüngst einen furchterregend kostümierten Rock 'n' Roller. So gefährlich er auch aussah, so demütig **winselte** er in die Kamera, dass er sein neuestes Video gerne korrigieren werde.* [Die Zeit, 22.12.1999]
 ‘По телевизору недавно показывали рокера в устрашающей одежде. Сколь опасным он выглядел, столь же смиренно он **ныл** в камеру, что он был бы рад переписать свое последнее видео’.

Отрицательная оценка является определяющей и для глаголов смеха. Смеющийся человек может ассоциироваться с лошастью (*wiehern* ‘ржать’), козой (*meckern* ‘блеять’) или с курицей (*gackern* ‘кудахтать’) — каждый раз речь идет о неприятном смехе. При этом *wiehern* выражает, скорее, громкий, *meckern* — более тихий, а *gackern* — преимущественно женский смех. Негативные коннотации здесь появляются за счет уподобления человека животному (ср. аналогичный результат при метафорическом соотношении человека с животным в других семантических областях, как, например, еда и питье: *fressen* ‘жрать’ — нейтральный глагол еды для животных и грубый для людей, *saufen* ‘пить’ — нейтрально для животных, по отношению к людям обозначает чрезмерное употребление алкогольных напитков, ср. тж. Главу 20 настоящей монографии).

(74) *Da hielt es Markus nicht mehr länger aus. Er sprang auf und lachte wie ein Verrückter. Die ganze Klasse wieherte. „Ruhe!“ rief Herr Beißhauer.* [Regula Venske. Als Papa den Mond abschoss. 2009]

‘Тогда Маркус не выдержал. Он подскочил и засмеялся как сумасшедший. Весь класс **заржал**. «Тихо», — кричал господин Байсхауэр’.

(75) *Er meckerte, und seine kleinen schwarzen Augen sprühten vor Vergnügen.* [Paul Busson. Die Wiedergeburt des Melchior Dronte. 1921]

‘Он **хихикал** (букв. «блеял»), и его маленькие черные глазки блестели от удовольствия’.

(76) *Da umgibt er sich lieber mit den Nervensägen, die <...> über seine Witze gackern*¹².

‘Он предпочитает окружать себя стервами, которые ... **хихикают** (букв. «кудахчут») над его шутками’.

Интересно, что отрицательная оценка возникает только если речь идет о контролируемом смехе. При отсутствии контроля над ситуацией, как, например, в случае смеющегося младенца, негативная коннотация не появляется. Такой смех выражается «петушиным» глаголом *krähen* ‘кукарекать’ (ср. метафору, вынесенную в название главы):

(77) *Mit einem lauten „Da“ ziehen Sie das Tuch wieder weg. Und Ihr Baby kräht vor Freude.* [Karin Schutt. Baby Fun. 2007]

‘С громким «вот» вы снимаете платок. И ваш младенец **смеется** (букв. «кукарекает») от радости’.

Заметим, что и за пределами зоны смеха неконтролируемость коррелирует с отсутствием отрицательной оценки, см., например, выше для физиологических ощущений, где перенос звериного звука на человека тоже не приводит к появлению негативной коннотации.

3.4.2. Радость и удовольствие

К метафорам смеха примыкают глаголы, выражающие другие типы звукового проявления положительных эмоций. Через звуки животных лексикализуются три ситуации такого рода: во-первых, это тихая речь или бессловесное звуковое поведение, свидетельствующее

¹² <http://forum.beziehungsdoktor.de/index.php?forum-showposts-3795-p48>

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

о том, что субъект пребывает в хорошем расположении духа, доволен происходящим. Источником этого значения выступают прежде всего звуки довольной кошки (*schurren*, ср. аналогичное употребление для его русского переводного эквивалента *мурлыкать*) — механизм переноса здесь сходен с тем, который мы наблюдали выше для глаголов плача: основой для развития производного значения служит та эмоция, которая приписывается животному. В таких контекстах речь идет преимущественно о женщинах:

(78) *Sie schurrte, dass er der Einzige in ihrem Leben sei.* [Laura Restrepo. Die Insel der Verlorenen. 2011]

‘Она **мурлыкала**, что он — единственный мужчина в ее жизни’.

Близкое значение развивает глагол, исходно описывающий воркование голубей (*gurren*), см. (79). Вместе с тем *gurren* может в некоторых контекстах приобретать дополнительные смысловые оттенки. Радостная, восторженная речь воспринимается в этом случае не как отражение эмоционального состояния говорящего, а как наигранная веселость, призванная отразить особое расположение к адресату и тем самым чего-либо от него добиться (80).

(79) *Ricky, Ricky, schrie die Mutter, bis das Kind in ihre Kamera sah, und gurrte dann glücklich, als das Bild gelang.* [Die Zeit, 28.05.2009]

‘«Рики, Рики», — кричала мать, пока ребенок не посмотрел в объектив, и счастливо **заворковала**, когда фотография удалась’.

(80) *Irgendwann im Frühjahr 2008, am kleinen Tisch in der Küche, gurrte Doris, sie möchte ein Fest, ein großes Fest mit allem Drum und Dran, eine echte Hochzeit <...>, sie in Weiß, Josef in Schwarz, bitte, bitte, bitteee.* [Die Zeit, 16.02.1996]

‘Как-то весной 2008 года, за маленьким столом на кухне, Дорис **ворковала**, что хотела бы праздника, большого праздника со всем, что положено, настоящую свадьбу..., она в белом, Йозеф в черном, ну пожалуйста, пожаааауйста’.

Во-вторых, к звуковым проявлениям положительных эмоций, лексикализуемым в немецком, относится произвольный и, скорее, низкий звук, выражающий удовольствие (глагол *grunzen* ‘хрюкать’)¹³:

(81) *Nun probierte auch Achim, grunzte zufrieden und verteilte den Sevruga auf die Tartarportionen.* [Manfred Peter Oebel-Herrmann. Achims Ring. 2013]

‘Теперь Ахим тоже попробовал, довольно **хрюкнул** и разложил севрюгу на порции для тартара’.

¹³ В принципе, данное значение *grunzen* тесно связано с семантикой произвольной реакции, которую мы обсуждали применительно к этому глаголу в разделе 3.2. По сути, речь здесь идет просто об определенном типе такой реакции, но именно с ней *grunzen* устойчиво ассоциируется в современном языке. Вместе с тем показательно, что стимулом для подобной положительной реакции чаще выступают телесные удовольствия, как еда, см. (81), или другие плотские утехы, — в этом смысле семантика *grunzen* пока что в большей степени соотносится с классом физиологических, нежели эмоциональных звуков. Еще одно значение этого глагола, также производное от идеи звука-реакции, будет обсуждаться в разделе 3.5.

- (82) *Der alte Chefredakteur grunzte vor Behagen, als ich mein Interview brachte.* [Erwin Rosen. *Allen Gewalten Zum Trotz*. 2012]
 ‘Старик главный редактор **хрюкнул** от удовольствия, когда я принес свое интервью’.

В-третьих, это громкий и высокий крик, характерный прежде всего для детей, визжащих от восторга, — этот звук восходит к пороссятам (*quieken*, ср. аналогичное совмещение значений в русском *визжать*).

- (83) *Ein kleiner Junge mit blonden, langen Locken läuft auf ihn zu, springt in Peters' Arm, quiekt vergnügt und setzt sich auf seinen Schoß.* (Die Zeit, 21.02.2014)
 ‘Малыш с длинными светлыми локонами бежит ему навстречу, прыгает Петеру на руки, радостно **визжит** и садится ему на колени’.
- (84) *Er <...> schaut den Kindern zu, die unter dem kalten Wasser der Dusche am See laut quieken.* [Mannheimer Morgen, 18.08.2006]
 ‘Он ... наблюдает за детьми, которые громко **визжат** у озера под холодной водой душа’.

Отметим, что *quieken*, как и русское *визжать*, может описывать еще и крик от ужаса или от боли¹⁴, ср. (85):

- (85) *<...> da schiebt sich ein Krokodil in den Weg und bleckt die Zähne. Rund zwanzig Individuen der Spezies Homo sapiens quieken erschreckt.* [Die Zeit, 21.06.1996]
 ‘... тут на дорогу, скаля зубы, выдвигается крокодил. Примерно двадцать представителей вида *Homo sapiens* в ужасе **визжат**’.

3.4.3. Раздражение и агрессия

В этом разделе речь пойдет о речевом поведении, в котором отражаются разные виды недовольства субъекта. Основным источником таких эмоций, как и во многих других языках, выступают собачьи звуки — четыре глагола этой группы могут развивать семантику агрессивной реакции: нейтральный *bellen* ‘лаять’, семельфактивный *blaffen*, описывающий сердитую собаку, *knurren* ‘рычать’ и глагол для щенков и маленьких собак *kläffen* ‘тявкать’.

В целом эти четыре предиката употребляются сходным образом: все они подразумевают, что субъект говорит что-либо раздраженно и злобно. Реализуется такое значение, как правило, в конструкции с прямой речью (см. 86–87) или в составе деривата

¹⁴ Ввиду такой разнородности употреблений глагол *quieken* можно было бы отнести к метафорическому классу «характеристики голоса» (наряду с *brüllen* и *krähen*, которые, как мы отмечали, как раз отличаются подобным разнообразием описываемых состояний субъекта). Однако между *quieken* и глаголами, причисленными нами к «голосовым», имеется существенное различие: предикаты типа *brüllen* и *krähen* часто выступают в конструкциях с прямой речью, задавая тем самым особенности голоса, которые необязательно свидетельствуют о том или ином эмоциональном настрое субъекта. Для *quieken* прямая речь

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

с приставкой *an-*, которая преобразует глагол в переходный с адресатом в позиции объекта (см. 88–89, ср. рус. *облаять*; заметим, что, как и в русском, транзитивные корреляты могут описывать и исходное значение собачьего лая, см. 90).

(86) *Er <...> steckt eine Zigarette in den Mund, der andere gibt ihm Feuer; er schiebt die Hand weg, bellt: „Ich rauch‘ nicht, verdammt noch mal“. Sein Hals wird dick vor Wut...* [Hildegard Knef. Der geschenkte Gaul. 1970]

‘Он засовывает в рот сигарету, другой дает ему прикурить, он отталкивает руку, **орет**: «Я не курю, черт подери». Его шея вздувается от ярости...’

(87) *„Alles nur Mache . So ein Mist...“, knurrte er.* [Thomas Brussig. Wasserfarben. 1991]
‘«Все это только уловка. Проклятье...», — **проворчал** он’.

(88) *<...> als ich noch in einem Fast-Food-Restaurant in New York arbeitete, die Burger umdrehte, in die Luft startete und der dicke Manager mich anbellte: Hey, Jean , hör auf, Löcher in die Luft zu starren!* [Die Zeit, 26.06.2008]

‘... когда я еще работал в ресторане фастфуда в Нью-Йорке, переворачивал бургеры, стоял, уставившись в одну точку, а толстяк менеджер **орал на** меня: «Эй, Жан, кончай считать ворон!»’

(89) *<...> Leute, die ihre Kinder anklaffen und sonst nur den Mund auf tun, wenn du bei Rot über die Straße gehst.* [Die Zeit, 13.04.1990]

‘... люди, которые **облаивают** своих детей и вообще открывают рот только тогда, когда ты переходишь улицу на красный свет’.

(90) *Der Pudel stand auf, reckte sich, bellte mich an, als hätte er mich erst jetzt bemerkt.* [Hildegard Knef. Der geschenkte Gaul. 1970]

‘Пудель встал, потянулся, **облаял** меня, как будто бы он меня только что заметил’.

Вместе с тем, несмотря на общую семантическую близость обсуждаемых глаголов, некоторые тенденции в их употреблении позволяют говорить об определенной специфике каждого из них. Во многом такая специфика, как мы увидим, обусловлена их исходными значениями. Рассмотрим эти глаголы последовательно.

Knurren ‘рычать’ изначально описывает звуки агрессивно настроенной собаки (и некоторых других животных), так что семантический переход на сходные эмоциональные проявления у человека наиболее предсказуем. При этом в случае животного рычание воспринимается как предупреждающий звук, сигнал того, что зверь в принципе может напасть, хотя пока еще ни на кого не бросается. При переносе на человека отсутствие действия (ненападение) переинтерпретируется как невозможность его совершить, т. е. невозможность противостоять сложившейся ситуации. Иначе говоря, человек недоволен тем, как складываются обстоятельства, но понимает, что изменить ситуацию не в его силах, ср.:

нехарактерна, он описывает крик, причина которого — это всегда определенное эмоциональное состояние (и это состояние нередко эксплицитно выражается в конструкции, ср. *vor Freude / vor Begeisterung / vor Schreck / vor Schmerz quieken* ‘визжать от радости / от восторга / от ужаса / от боли’).

- (91) „*Den Politikern ist die Massenarmut doch völlig egal*“, *knurrt der Ingenieur*, „*sie wollen nur eines: die eigenen Taschen füllen*“. [Die Zeit, 29.09.2011]
 ‘«Политикам массовая бедность совершенно безразлична, — **ворчит** инженер, — они хотят только одного — набивать собственные карманы»’.
- (92) „*Wir hätten das Spiel in der ersten Hälfte für uns entscheiden können*“, *knurrte der spanische Nationaltrainer nach dem 1:1 des Fußball-Weltmeisters gegen Frankreich*. [Die Zeit, 17.10.2012]
 ‘«Мы бы могли еще в первом тайме решить исход игры в свою пользу», — **про-ворчал** тренер сборной Испании после результата 1:1 в игре с Францией’.

Раздражение такого рода предполагает, скорее, тихое речевое поведение. Остальные «собачьи» глаголы в применении к человеку, напротив, обозначают громкую агрессию.

Klaffen исходно описывает звук щенка или маленькой собаки. Примечательно, что эта семантика на фоне нейтрального *bellen* может ассоциироваться с негативными коннотациями, как если бы такой звук производила недостаточно сильная, не совсем полноценная собака:

- (93) <...> *da fühl’ ich mich wie ein Pinscher, der aus Versehen auf’ ne deutsche Schäferhundausstellung geraten ist. Man will da immer mitbellen, aber es kommt nur ein Klaffen raus...* [Die Zeit, 7.06.1991]
 ‘... я чувствую себя как пинчер, который случайно оказался на выставке немецких овчарок. Хочется **лаять** вместе со всеми, а выходит только **тявканье**...’

Специфика *klaffen* особенно ярко проявляется в переносных употреблениях. В подобных контекстах обычно описывается человек или группа людей, которые агрессивно кричат, пытаясь чего-то добиться, однако их слова не имеют никакого действия, адресат не обращает на них внимания. В отличие от ситуации, описываемой *knurren* (см. выше), в случае *klaffen* бессилие злости осознает не сам субъект, а только говорящий:

- (94) „*Sie haben nur zwanzig Minuten*“, *klüffte er mich an*. „*Ich sagte, Sie haben nur zwanzig Minuten*“. *Erneut keine Reaktion*. „*Ihre Zeit läuft Ihnen davon. Warum sagen Sie nichts?*“¹⁵
 ‘«У вас только двадцать минут, — **орал он на** меня. — Я сказал, у вас только двадцать минут. — Снова никакой реакции. — Ваше время уходит. Почему вы ничего не говорите?»’
- (95) „*So läßt sich leicht regieren, aber gleichzeitig ist es äußerst abträglich für den Sozialismus* <...>“ *Der diesen Satz formulierte* <...> *war kein anderer als Alexander Dubček* <...>. *Seitdem klüfft die Meute der Agitpropagandisten*. [Die Zeit, 25.04.1975]
 ‘«В такой манере легко управлять страной, но вместе с тем это крайне вредно для социализма...» Произнес эту фразу не кто иной, как Александр Дубчек... С тех пор **не униμαστεя** (букв. «тявкает») свора агитпропаганды’.

¹⁵ http://www.paulinchen-ist-allein-zu-haus.blogspot.de/2012_08_01_archive.html

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

Для *bellen*, напротив, характерны субъекты, наделенные некоторой «силой», т. е., например, высоким социальным статусом, возможностью управлять ситуацией. Показательно, что часто при помощи *bellen* вводится прямая речь военных или других начальников, отдающих приказание подчиненным:

(96) „*Gefreiter*“, **bellte** der Oberleutnant, „was ist los mit Ihnen?“ [Eberhard Sablotny. Warum mit den Wölfen heulen? 2003]

‘«Ефрейтор, — **заорал** старший лейтенант, — что с вами случилось?»’

(97) *Meine Chefin war sowieso immer total unfreundlich. Vor einer Woche ist sie wieder in mein Büro gestürmt und hat mich angebellt, dass ich ihre dämlichen Akten bearbeiten sollte*¹⁶.

‘Моя начальница вообще всегда была крайне нелюбезна. Неделю назад она вновь ворвалась в мое бюро и **заорала**, что я должен обработать ее идиотские документы’.

Blaffen, как уже отмечалось, исходно передает короткий звук. В метафорических употреблении эта семантика получает интересное преломление. Как кажется, непродолжительностью в этом случае характеризуется эмоциональное состояние субъекта: его агрессивность — это не постоянное свойство его характера, а ответная реакция на какой-то раздражитель, непосредственно предшествовавший ситуации *blaffen*.

(98) *Als er <...> im zweiten Pflichtspiel als Chef die erste Niederlage kassiert hatte, blaffte der stets höfliche Achterberg in die Mikrofone: „Gute-Laune-Eddy hat heute keine gute Laune“.* [Spiegel Online, 14.10.2008]

‘Когда во второй официальной игре на посту главного тренера Ахтерберг потерпел первое поражение, обычно вежливый, он **рявкнул** в микрофон: «Эдди-хорошее-настроение сегодня не в духе»’.

(99) *Aber wie kann es sein, dass Qaida-Chef Osama Bin Laden gerade hier, nicht einmal einen Kilometer von der Militärakademie entfernt, Unterschlupf fand? „Wir können nichts dazu sagen“, blaffte der Hauptmann die Reporter an.* [Spiegel Online, 02.05.2011]

‘Как же это возможно, что лидер Аль-Каиды Усама бен Ладен нашел убежище именно здесь, меньше чем в километре от военной академии? «Мы ничего не можем сказать по этому поводу», — **рявкнул на журналистов капитан**’.

Дополнительным подтверждением тому, что *blaffen* ассоциируется с откликом на внешние обстоятельства, является его частотная сочетаемость с модификатором *zurück* ‘в ответ’ (букв. «обратно»), ср.:

(100) „*Es gibt keinen anderen Weg*“, **belehrt** Jens seine Schwester. „*Das sagst du!*“, **blafft** Marietta **zurück**¹⁷.

‘«Другого пути нет», — поучает Йенс сестру. «Это ты так говоришь», — **рявкает Мариэтта в ответ**’.

¹⁶ <http://qps.ru/tu7wZ>

¹⁷ <http://textearchiv.poesieundtexte.de/2008/11/page/5/>

Заканчивая обзор «собачьих» глаголов, подчеркнем, что отмеченные особенности их метафорической семантики не образуют жестких оппозиций, но отражают некоторые тенденции их употребления — и эти тенденции легко объяснимы, если учитывать специфику исходных значений данных лексем.

Помимо звуков собаки источником для выражения агрессивного поведения человека — в полном соответствии с типологически частотными моделями — могут служить шипение змеи (*zischen*) и фырканье кошки (*fauchen*). Оба глагола в переносном употреблении вводят слова, которые человек произносит в сильном раздражении. При этом для *zischen* характерны определенные речевые особенности — субъект говорит сквозь зубы, сдавленным от злости голосом, ср.:

(101) „*Das steht doch jetzt gar nicht zur Debatte*“, *fauchte* Hubert. [Kerstin Jentzsch. *Ankunft der Pandora*. 1996]

‘«Это сейчас вообще не обсуждается», — **фыркнул** Хуберт’.

(102) *Seine Lippen bewegen sich kaum, als er zischt*: „*Sind Sie bescheuert, Mann?*“ [Die Zeit, 21.04.2015]

‘Его губы едва шевелятся, когда он **со злостью произносит** (букв. «шипит»): «Вы совсем с ума сошли?»’

Интересно, что *fauchen* — наряду с метафорическим значением, относящимся к человеку, — выступает еще и в контекстах с неодушевленными субъектами, и прежде всего — для описания механизмов, выпускающих пар или дым (ср. паровоз, автомобиль и т. д., подробнее об артефактах см. в разделе 3.1):

(103) *Hamburg, vor etwa 100 Jahren: Schiffe tuten, Lokomotiven fauchen, Zeitungsjungen verkünden Neuigkeiten*. [Die Zeit, 09.04.2015]

‘Гамбург, примерно 100 лет назад: трубят пароходы, **пыхтят** паровозы, мальчишки-газетчики выкрикивают новости’.

Основание для этой метафоры вполне очевидно: *fauchen* исходно означает звук, который животное издает, с шумом выпуская воздух. Воздушная субстанция выходит и из артефактов типа паровоза. Таким образом, *fauchen* объединяет в своей семантике идею выделения паробразного вещества и представление о раздраженном эмоциональном состоянии. Примечательно, что эта концептуальная связь находит параллель и в русском, ср. выражение *нышет злобой*.

Наконец, упомянем еще одну лексему, имеющую отношение к эмоциональным проявлениям и выражающую самое «пассивное» недовольство — ворчание, бурчание себе под нос, — глагол *brummen* (исходно о медведях или рое насекомых), ср.:

(104) „*Der lernt auch nicht schneller als ich*“, *brummt* der Tenor.

‘«Он учит не быстрее меня», — **бурчит** тенор’.

Это значение для *brummen* неразрывно связано с семантикой неразборчивой речи — с обсуждения этой метафорической зоны мы начнем следующий раздел.

3.5. Характеристики речи

В отношении речи в немецком лексикализируются две типологически стандартных ситуации: представление о неразборчивости высказывания и идея излишней продолжительности (преимущественно женского) разговора.

Из звериных звуков **неразборчивую речь** прежде всего описывает упоминавшийся только что глагол *brummen*, исходно характеризующий медведей, а также жужжание роя насекомых. Нечеткость речи может быть вызвана эмоциональным настроением говорящего (если он раздражен, недоволен чем-то и, раздосадованный, ворчит себе под нос (105)), физиологическим состоянием субъекта (опьянение, см. (106)) или же его неуверенностью, смущением, попытками оправдаться (107) и т. п. Наконец, речь может быть непонятна просто потому, что произнесена на незнакомом языке (108), ср.:

(105) „*Wer ist ihr Auftragsgeber?*“ *Arlan brummte etwas unverständlich, dann ging er zähneknirschend ans Gerät*¹⁸.

‘«Кто вам выдает задания?» — Арлан **пробурчал** что-то неразборчивое, а затем, скрежеща зубами, пошел к прибору’.

(106) *Der Betrunkene brummte etwas vor sich hin, und ging zu seinen Sauftumpanen, die ihn johlend begrüßten*¹⁹.

‘Пьяный **пробурчал** себе что-то под нос и пошел к своим собутыльникам, которые шумно его приветствовали’.

(107) „*Immerhin habe ich es ihnen zu verdanken, daß wir hier festsitzen*“. „*Ich habe gar...*“ *brummte Jakob als Antwort, doch er wurde vom Lieutenant unterbrochen: „Jaja, ich weiß, sie haben gar nichts gemacht“*²⁰.

‘«Все-таки вам мы обязаны тем, что торчим здесь». «Я совсем ничего...», — **пробормотал** Якоб в ответ, но лейтенант его прервал: «Да-да, я знаю, вы совсем ничего не делали»’.

(108) *Er brummt etwas, das wie ‚grzksch‘ klingt, wahrscheinlich irgendwas serbisches*²¹.

‘Он **бормочет** что-то, что звучит как «грцкш» — вероятно, что-то по-сербски’.

Реже идею неразборчивости высказывания выражает глагол *grunzen* ‘хрюкать’, восходящий к звукам свиней.

(109) *Keiner von ihnen <von meinen Kollegen> sprach je ein Wort mit mir, auch untereinander grunzten sie sich nur das Nötigste zu.* [Walter Moers. Die 13 1/2 Leben des Käpt’n Blaubär. 1999]

‘Никто из них <из моих коллег> никогда не обменивался со мной ни словом, да и между собой они **буркали** (букв. «хрюкали») только самое необходимое’.

¹⁸ <http://www.projektstarwars.de/forum/projekt-star-wars-rollenspiel/12453-corellia-351.html>

¹⁹ <http://qps.ru/fNDYG>

²⁰ <http://www.treknews.de/treknews/newspro-treknews/static/102564469187097.php>

²¹ http://die-beste-juppi-schreibt-meer.blogspot.de/2013_02_01_archive.html

(110) *Der Hagere, ein Mann namens Strauch, grunzte etwas, das ich nicht verstand*²².

‘Худощавый — некто по имени Штраух — **буркнул** что-то, чего я не понял’.

При этом *grunzen*, напомним, используется еще и для произвольных звуков-реакций, не предполагающих речевой составляющей (см. 3.2). Обозначение такой реакции, по-видимому, первично для метафоры *grunzen* — действительно, оно представляет собой чистую имитацию звериного звука. Идея же неразборчивой речи развивается уже на базе этого звукоподражательного значения, и поскольку оно подразумевает короткий звук, то и речевые ситуации, вводимые глаголом *grunzen*, представляют собой, как правило, немногословные реплики, ср.:

(111) *Der Hilfs-Cop zeigte auf meine Wanderschuhe und grunzte: „Ausziehen!“* [die tageszeitung, 29.10.2001]

‘Помощник полицейского показал на мои туристские ботинки и **буркнул**: «Снять!»’.

В принципе, два значения *grunzen* — звукоподражательное и речевое — достаточно близки, так что контекст без прямой речи не всегда позволяет понять, описывается ли в данном случае неразборчивое высказывание или звук, не содержащий вербальных единиц, ср. (112). В то же время действие, задаваемое глаголом *grunzen*, может эксплицитно противопоставляться собственно речевому поведению — тогда на первый план, естественно, выходит семантика звукоподражательной метафоры (113):

(112) *Als er <Herr Leisegang> mich sah, grunzte er unwillig* [C. U. Wiesner. Die singende Lokomotive: 25 Kurzgeschichten. 1974]

‘Когда он <господин Лайзеганг> меня увидел, он недовольно **хрюкнул**’.

(113) *Dr. Whittaker sagte nichts, sondern grunzte nur vor Anstrengung* [David Weber. Flammenzeit. 2012].

‘Доктор Уиттакер ничего не сказал, только **хрюкнул** от напряжения’.

Нечленораздельность речи может быть обусловлена тем, что много человек разговаривает одновременно. Такая ситуация имеет место, например, если в одном помещении люди беседуют отдельными небольшими компаниями. Со стороны этот звук воспринимается как монотонное гудение: для его описания используется глагол *summen*, исходно обозначающий жужжание комара или мухи:

(114) *Der festlich geschmückte Saal summte von unzähligen Stimmen* [Sabine Weiß. Hanse-tochter: Historischer Roman. 2014]

‘Празднично украшенный зал **жужжал** от несметного числа голосов’.

При наличии в немецком противопоставления между двумя типами жужжания — высокого звука комара или мухи (*summen*) и более низкого тона (*brummen*), ассоциирующегося прежде всего с роем (хотя *brummen* иногда относится и к одной особи с низким «голосом», например, пчеле), — можно было бы ожидать, что множественный субъект разговора будет сопоставляться именно с роем (*brummen*), а не с отдельным насекомым

²² <http://www.bernhardmalinkewitz.de/>

глаголы со значением звуков животных и их семантические переносы в немецком языке

(*summen*). Тем не менее *brummen* в подобных контекстах встречается гораздо реже. По-видимому, более существенным для метафоры оказывается не количественное соответствие субъектов, а оценочное восприятие звука человеком. Жужжание комара или мухи слышится как умиротворяющий звук летнего дня, тогда как пчелиное гудение может ощущаться как сигнал опасности. Именно поэтому, как кажется, *summen* передает идею спокойных разговоров — так сказать, звукового фона, а *brummen*, скорее, возбужденное речевое поведение группы людей, которое в принципе может обернуться и неприятными последствиями²³:

(115) *Der Klassenraum brummt: Schüler arbeiten in Gruppen, rufen sich etwas zu, diskutieren lebhaft.* [Die Zeit, 28.04.2015]

‘Класс **гудит**: школьники работают в группах, что-то друг другу кричат, оживленно спорят’.

(116) *Der Saal brummt immer noch ganz aufgeregt*²⁴.

‘Зал по-прежнему возбужденно **гудит**’.

Такая интерпретация подтверждается и метафорическими употреблениями *summen* и *brummen* в отношении единичного субъекта. Как мы уже отмечали, *brummen* может описывать недовольное ворчание (104). Напротив, семантике *summen* и здесь соответствует «безмятежная» ситуация — тихое **пение без слов**, с закрытыми губами, ср.:

(117) *Er <Mick> trocknete gerade Gläser und summte ein Lied.* [Veronika Rusch. Das Gesetz der Wölfe: Ein Fall für Clara Niklas. 2009]

‘Он <Мик> как раз вытирал стаканы и **напевал себе под нос** какую-то песню’.

Идея **чрезмерной разговорчивости** в немецком, как и во многих других языках нашей выборки, возводится к птицам, ср. *schnattern* ‘крякать, гоготать (об утках, гусях)’ и *gackern* ‘кудахтать (о курицах)’. С гусями и утками ассоциируется прежде всего ситуация, когда много людей (обычно женщин) громко, оживленно говорят о чем-то, не обращая внимание на то, что происходит вокруг:

(118) *Meine Ruhe ist allerdings nur von kurzer Dauer. Plötzlich stürmt eine Horde Frauen herein und schnattert wild durcheinander.* [Die Zeit, 25.01.2006]

‘Покой мой, правда, длится недолго. Неожиданно врывается целая орда женщин, которые дико **тараторят** (букв. «крякают»), перекрикивая друг друга’.

(119) *In der Umfrage heißt es, Frauen schnattern über dies und das, alles mögliche, aber vor allem immer irgendwie positiv. Und Männer beschwerten sich eher*²⁵.

‘Согласно результатам опроса, женщины **тараторят** о том о сем, обо всем на свете, но в основном всегда как-то позитивно. А мужчины, скорее, жалуются’.

²³ Напомним, что отдельной лексемой (*brüllen*) описывается поведение толпы, шумно реагирующей на происходящие события.

²⁴ http://live.mainpost.de/Event/Wurzburger_Main-Post-Wahlforum_-_die_Kandidaten_im_Check?Page=1

²⁵ <http://www.jenshealth.de/blog/tag/frauen/page/3>

Schnattern может описывать и речь одной женщины, если она говорит много и очень быстро (ср. аналогичное значение для русских глаголов *тараторить* и *трепцать*):

(120) *Die Frau schnattert sehr schnell und erklärt alles — ich habe Mühe, ihr zu folgen*²⁶.

‘Женщина очень быстро **тараторит**, пытаясь все объяснить — мне стоит больших усилий поспевать за ее мысль’.

И быстрая болтовня, и разговор, при котором много людей возбужденно пытаются высказаться, создают впечатление плохо понятной речи — эта идея трудности для восприятия, сближающая *schnattern* с обсуждавшимися только что глаголами нечленораздельной речи, может эксплицитно выражаться в контексте:

(121) <...> *zum Ende hin schnatterten alle quer durcheinander, so daß ich kaum noch etwas verstehen konnte*²⁷.

‘...под конец все **трещали** наперебой, так что я едва ли что-то мог понять’.

Эта же идея находит воплощение в ситуации, когда несколько женщин быстро говорят на иностранном языке — метафорическая семантика *schnattern* хорошо подходит для подобных случаев:

(122) *Also ging ich mutig hinaus und begrüßte die große Gruppe der Frauen <...> auf armenisch. Sie schnatterten alle gleichzeitig auf armenisch los, bis ich sagte dass ich kein Armenisch spreche*²⁸.

‘Я смело выступил вперед и по-армянски поприветствовал большую группу женщин... Они сразу все одновременно **затараторили** по-армянски, пока я не сказал, что по-армянски не говорю’.

(123) *Und in Anas Polski Fryzier, einem Frisörsalon, schnattern zwei Dutzend polnische Frauen fröhlich gegen den Lärm der Haarföhne an.* [Die Zeit, 28.09.2006]

‘А в парикмахерской «Anas Polski Fryzier» две дюжины полячек радостно **тараторят** сквозь шум фенов’.

Куриный глагол *gackern* также указывает на излишнюю болтливость, однако его семантика несколько отличается от только что рассмотренного *schnattern*. По всей вероятности, специфика *gackern* согласуется с предпосылкой, заложенной в поговорке *Wer gackert, muss auch ein Ei legen* букв. «Кто кудахчет, должен и снести яйцо». Это устойчивое выражение подразумевает, что «кудахчут» иногда те, кто не сносит после этого яиц, то есть не совершают никакого полезного дела. Отсюда идея о кудахтанье как о пустом, бессмысленном разговоре, обсуждении, которое не дает результатов и заменяет собой реальное действие. Не случайно *gackern* часто выступает в комментариях к политическим событиям:

²⁶ <http://www.tabibito.de/armenien/jerevan.html>

²⁷ <http://www.annemarie-nutzhorn.de/?p=733>

²⁸ <http://kulturweit-blog.de/armenien2012/2012/11/>

(124) *Alle gackern, dass wir Zuwanderung brauchen. OK, dann lass uns ein Einwanderungsgesetz wie in souveränen Staaten wie USA, Kanada, Australien machen*²⁹.

‘Все галдят (букв. «кудахчут»), что нам нужны иммигранты. ОК, но тогда давайте примем закон об иммиграции, как в суверенных государствах типа США, Канады или Австралии’.

(125) *Da gackern die Politiker von gleichen Bildungschancen und gleichzeitig schafft man Privatschulen, wo auch der allerletzte Depp sein Abitur erhält. Hauptsache seine Familie hat Kohle*³⁰.

‘Политики твердят о равных шансах на получение образования, а одновременно создаются частные школы, где самый последний идиот может получить диплом. Главное — у его семьи есть бабки’.

Семантика пустой, бессодержательной речи содержит оценку уже не только ее внешних характеристик (продолжительность), но и ее смысла — тем самым мы переходим к обзору следующего класса переносных значений, учитывающего семиотику описываемых высказываний.

3.6. Семиотически нагруженная речь

В предыдущих разделах мы наблюдали, что в ходе семантической эволюции глаголы звуков животных, уже имеющие те или иные переносные употребления с субъектом-человеком, могут развивать дополнительные оттенки значения. В подобных случаях внешние характеристики голоса или речи интерпретируются как проявление определенного внутреннего содержания. Однако для глаголов, обсуждавшихся до сих пор, значения такого рода пока что нельзя считать полностью конвенционализированными. В этом же разделе мы рассмотрим лексему, которая устойчиво ассоциируется именно с содержательным наполнением описываемой речи, — глагол *meckern* (исначально — ‘блеять <о козе>’).

В переносных употреблениях *meckern* обозначает **выражение претензий**. Имеется в виду, что субъект придирается к мелочам, по любому поводу высказывает свое недовольство. По-видимому, в основе переноса здесь лежит итеративность производимого козой звука — идея многократного возобновления ситуации обычно сохраняется и при употреблении глагола в отношении человека:

(126) *Meine Mutter hatte an allem, was Lucie tat, etwas zu meckern.* [Kerstin Jentzsch. *Ankunft der Pandora*. 1997]

‘Что бы Люси ни делала — моя мать всегда находила, к чему **придраться** (букв. «что-то проблеять»)’.

Вместе с тем это значение настолько закрепилось в языке, что его связь с источником практически не ощущается носителями — и, как следствие, сфера использования глагола расширяется. «Прототипические» метафорические контексты подразумевают

²⁹ http://www.dasgelbeforum.net/forum_entry.php?id=365895

³⁰ <http://www.spiegel.de/forum/unispiegel/privatschule-die-bessere-alternative-thread-4266-8.html>

свойство человека во всем отмечать плохое и, как многие другие сравнения человека с животным, несут в себе сугубо отрицательную оценку субъекта. Однако в современных употреблениях фокус внимания в семантике *meckern* может смещаться: глагол задает уже не свойство человека, а собственно идею критики. Особенно ярко это прослеживается в контекстах с отрицанием — речь в таких случаях идет об объекте, который настолько хорош, что не придерешься. Соответственно, негативная оценка при подобном использовании глагола стирается:

(127) *Die Veranstaltung war super! <...> Es gab von Anfang bis Ende absolut nichts zu meckern!!!*³¹

‘Мероприятие было супер! <...> С начала до конца не было абсолютно ничего такого, к чему можно было бы **придраться!!!**’

3.7. Незвуковое поведение человека

Зона незвуковых ситуаций представлена в немецком нестандартным переходом: глагол *brummen*, исходно описывающий рычание медведя и гудение насекомых, наряду со своей речевой семантикой (неразборчивое бормотание и недовольное ворчание) развивает значение ‘отбывать наказание, сидеть в тюрьме’:

(128) *Ich sitz also im Bau, und denk jeden Tag daran, daß die Walter Mohr, die miese Ratte, nie geschnappt haben, aber ich muß brummen*³².

‘Я сижу за решеткой и каждый день думаю о том, что они так и не схватили Вальтера Мора, эту мерзкую крысу, а я вот должен **отсиживать**’.

Согласно этимологическому словарю (Kluge 1989: 109), этот нетривиальный семантический сдвиг произошел не собственно в глаголе: посредником здесь выступало жаргонное существительное-компонит *Brummbajes*, производное от *Bajes* ‘дом’ (диалектное заимствование из иврита через идиш). У составного имени *Brummbajes* (букв. ‘жужжащий дом’) засвидетельствовано два значения: ‘улей’ и ‘тюрьма’. При этом, очевидно, тюрьма как помещение, состоящее из множества камер, уподобляется улью с его бесчисленными сотами. Соответственно, корень *brumm-*, исходно характеризующий деятельность обитателей улья, осмысливается и как деятельность заключенных в тюрьме, т. е. собственно пребывание под арестом. В свою очередь, эта семантика может получать расширенную интерпретацию — ‘находиться где-либо против своей воли’, ср., в частности, о школьниках:

(129) *Ganztagsschule? Heißt das jetzt eigentlich auch, dass alle Schüler 40 Stunden in der Schule brummen müssen!*³³

‘Продленный день? Ведь это значит, что теперь все школьники должны **торчать** в школе 40 часов!’

³¹ <http://www.ticketcenter.de/fanforum/kuenstler/B%C3%BClent%20Ceylan.html>

³² http://www.cityinfonet.de/homepages/hammerschmitt/low_toepfer.html

³³ <http://derstandard.at/1254310559481/OeVP-Schwenk-bei-den-Lehrern>

3.8. Глаголы звуков животных в составе устойчивых конструкций

Особый класс переносных употреблений в нашем материале представляют случаи, когда заданное производное значение реализуется только в контексте определенных лексикализованных сочетаний. Речь идет о языковых выражениях с фиксированной синтаксической структурой и единым значением, которые хорошо описываются при помощи теоретического аппарата Грамматики конструкций (Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995, 2006 и др.). В частности, в рамках этой теории подробно изучен эффект «вынуждения» значения (coercion) — семантического изменения, которое претерпевает лексема, оказываясь в составе некоторой конструкции. Явления такого рода и будут рассматриваться в данном разделе: мы опишем два подобных примера.

Первая конструкция, в которую могут встраиваться глаголы звуков животных, имеет вид *X ist zum INF_{subst}*, где *X* — это безличное местоимение *es*, указательное *das* или существительное, *ist* — глагол-связка, *zum* — склеенный с артиклем предлог, имеющий целевое значение, а *INF_{subst}* — субстантивированный инфинитив. Таким образом, буквально это выражение можно было бы перевести как ‘*X* предназначен для деятельности *INF*’. Однако семантика конструкции далека от композициональности: она призвана передать эмоциональное отношение говорящего к объектам или явлениям. Стимул, описываемый конструкцией, в основном может вызывать смех, плач, отчаяние или отвращение — соответственно, в позиции инфинитива выступают прежде всего глаголы *lachen* ‘смеяться’, *weinen* ‘плакать’, *verzweifeln* ‘отчаиваться’ и *kotzen* ‘тошнить’. Вместе с тем этот слот могут занимать и лексемы, изначально не выражающие эмоцию или ее проявление — в частности, интересующие нас глаголы звуков животных. В контексте конструкции они задают идею смеха или плача. Примечательно, что здесь употребляются как лексемы, которые могут обозначать эти эмоциональные состояния и вне рассматриваемой конструкции (например, *heulen* ‘выть’ о плаче, см. 3.4.1), так и глаголы, развивающие подобное значение только в ее составе. В последнем случае семантика «навязывается» лексеме конструкцией, ср. *piepen* ‘пищать <о птенцах и мышах>’, *quieken* ‘визжать <о поросятах>’, *brüllen* ‘реветь <о быках и хищниках>’ или *grunzen* ‘хрюкать <о свиньях>’ — все четыре глагола соотносятся в описываемом контексте с идеей смеха:

(130) *Es ist zum Piepen! Man könnte tagelang darüber lachen, wenn ... also, wenn man nicht bloß 18 Pfennige in der Tasche hätte.* [Joachim Nowotny. Hexenfeuer. 1975]
 ‘Это просто **умора!** Можно было бы целыми днями над этим смеяться, если бы... если бы только в кармане не было всего 18 пфеннигов’.

(131) <...> *ein Studienkollege hat <...> mir und ner weiteren Kollegin das ganze Buch vorgelesen... wir waren immer total gespannt wie's weitergeht, vor allem der Humor beim gegenseitigen Kennenlernen von Leo und Emmi ist zum brüllen*³⁴.
 ‘... однокурсник ... прочел мне и еще одной однокурснице всю книгу вслух... мы всегда с нетерпением ждали, что будет дальше, особенно впечатлил юмор, с которым описано знакомство Лео и Эмми, — просто **обхохочешься**’.

³⁴ <http://forum.szene1.at/viewtopic.php?t=52850>

Существование второй конструкции, которую мы здесь обсудим, обусловлено распространенным в немецком языке синтаксическим явлением — возможностью опущения актанта, который является для данного глагола прототипическим или легко восстанавливается из контекста. Формальным заместителем аргумента в подобных контекстах остается артикль — он указывает на род и падеж пропущенного имени. В некоторых случаях такие конструкции могут лексикализироваться: в частности, та или иная семантика иногда закрепляется за сочетанием неопределенного артикля (совпадающего с числительным ‘один’) в позиции объекта и глагола. В первую очередь этот процесс затрагивает конструкции, в которых эллиipsis вызван эвфемистическими соображениями, ср., например, семейство устойчивых сочетаний, подразумевающих, по всей вероятности, существительное *Ohrfeige* ‘пощечина’ и описывающих ситуацию ‘давать пощечину’: *eine hauen* (где *hauen* имеет значение ‘ударить’), *eine knallen* (‘хлопнуть’), *eine scheuern* (‘натереть’), *eine schmieren* (‘намазать/вмазать’) и др.

В одну из эллиптических конструкций такого типа могут встраиваться интересующие нас здесь глаголы звуков животных. В качестве опущенного существительного в ней, по-видимому, восстанавливается *Schnaps* ‘шнапс (водка)’, а ее семантика сводится к идее ‘выпить порцию (любого) алкогольного напитка’. Базовым для этой конструкции является общий глагол *trinken* ‘пить’ (ср. *einen trinken*), но в ее составе могут выступать и более специальные лексемы, указывающие на потребление жидкостей, ср., например, *stüffeln* ‘пить небольшими глотками’. Кроме того, в подобном контексте употребляются и глаголы, которые обозначают действие, метонимически связанное с питьем — в частности, каузированное движение емкости перед ее опустошением, ср. *kippen* ‘опрокинуть’, *schmettern* ‘бросить’, или звук, сопровождающий эту ситуацию. Именно здесь конструкция и «задействует» глаголы звуков животных, например, *zischen* ‘шипеть <о змее>’ и *zwitschern* ‘щебетать <о певчих птицах>’:

(132) *Vielleicht stellst Du im Sommer noch einen Stehtisch in den Hof, damit man nach dem Joggen kurz **einen zischen** kann*³⁵.

‘Может быть, летом ты поставишь во дворе столик, чтобы после пробежки можно было быстро **пропустить стаканчик**’.

(133) *Ich danke dir Robert, wenn du mal in Berlin bist, gehen wir **einen zwitschern***³⁶.

‘Спасибо, Роберт, если будешь в Берлине, давай сходим куда-нибудь **выпить по стаканчику**’.

Правда, к какому именно звуку в ситуации питья изначально отсылают данные глаголы, не вполне очевидно. Если *zischen* в принципе может описывать шипение наливаемого напитка (прежде всего пива) и тем самым, по-видимому, подразумевает здесь собственно звук, сопровождающий выпивание, то для *zwitschern* акустическая основа менее прозрачна. В восприятии носителей это употребление мотивировано речевым поведением слегка выпившего человека: он начинает много, непринужденно говорить — такая речь и ассоциируется с щебетом птиц. Такой перенос кажется нетриви-

³⁵ <http://qps.ru/GQUxH>

³⁶ <http://forum.gameserverinfo.de/index.php?page=Thread&threadID=149>

альным, но так или иначе, примечательным здесь остается синтаксическое оформление исходно звуковых лексем: встраиваясь в конструкцию, они управляют винительным падежом, то есть фактически превращаются в переходные глаголы, по образцу лексики *trinken* ‘пить’.

4. Заключение

Немецкий язык отличается чрезвычайно богатой системой семантических сдвигов от глаголов, обозначающих звуки животных. В нашем материале представлены все результирующие зоны, характерные для зоометафор в типологической перспективе. Вместе с тем, особенности употребления глаголов в переносных значениях свидетельствуют о том, что эти зоны не вполне равноправны: они могут отражать как разные механизмы, обуславливающие переход звериных звуков в человеческие, так и разные этапы этой семантической эволюции.

О разной степени метафоризации можно говорить главным образом применительно к глаголам, развивающим речевое значение. Очевидно, что «наименьшее семантическое расстояние» от звуков животных проходят метафоры, задающие характеристики голоса. Сдвиг здесь основан прежде всего на акустическом сходстве — иными словами, используется самая «простая» техника смены значения (см. подробнее Главу 20 настоящей монографии). Поэтому окказионально в эту модель (звук животного → особенности голоса человека) встраивается достаточно широкий круг глаголов: действительно, по какому-либо основанию звучание речи легко можно уподобить характерным крикам того или иного животного. Правда, если метафора, связанная с особенностями человеческого голоса, конвенционализуется, то сравнение оказывается уже в меньшей степени «прозрачным». Так, речь, вводимая глаголом *brüllen* ‘реветь’, не просто чем-то похожа на звуки быка, тигра или льва, а отличается определенными параметрами, а именно — громкостью и низким тембром. Соответственно, конвенционализация метафор, основанных на акустической близости, связана с «фиксацией» тех особенностей, которые определяют сходство звучания человека и животного.

Но все же описание параметров голоса, как правило, образует лишь начальную точку метафоризации глаголов исследуемой области. Дело в том, что то или иное звучание человека часто ассоциируется с его определенным эмоциональным состоянием: в частности, громкость речи связывается с идеей агрессии, высокий крик — со страхом или восторгом и т. д. Это означает, что характеристики голоса могут в ходе дальнейшей семантической эволюции закрепляться за речевым выражением определенных эмоций. Безусловно, во многом «стимулируют» развитие такой семантики культурные представления о животном, звук которого выступает в качестве источника метафоры: так, собаки, змеи или хищники ассоциируются с агрессией (ср. *bellen* ‘лаять’, *zischen* ‘шипеть’ и др.), воркующие голуби — с миролюбивым настроением, довольным расположением духа (ср. *gurren*).

Основанием для переноса может быть не только образ, устойчиво связанный с данным зверем, но и временные эмоции животного, выражаемые в семантике глагола. Специфические состояния в немецком, как и во многих других языках, приписываются

прежде всего собакам и кошкам — при переносе глаголов с такой семантикой на человека сохраняется представление о характере эмоции субъекта (ср. *winseln* ‘скулить <о собаке>’ или *maunzen* ‘жалобно мяукать’ как источники для зоны плача или жалобной речи и *schurren* ‘мурлыкать’, описывающий довольную женщину).

Интересно, что эмоциональная характеристика (постоянная или временная), приписываемая животному, проявляется даже при переносах в зону артефактов, где было бы естественно ожидать сдвиги, основанные только на акустическом сходстве и не учитывающие «переживания» субъекта. Так, лай собаки, связанный с представлением об агрессии, переносится на звуки выстрелов, а мурлыканье кошки — на приборы, создающие впечатление уюта.

Обратим внимание, что смех, который регулярно возводится к звукам животных, в отличие от плача, не ассоциируется с эмоциональной окрашенностью исходной ситуации. Иными словами, метафоры смеха развиваются не на базе глаголов, обозначающих поведение довольных зверей. Источником для этой зоны выступают, скорее, нейтральные звуки — ржание лошади, бляение козы, кудахтанье курицы — их перенос на смех основан на акустическом сходстве, однако этот механизм осложняется добавлением отрицательной оценки ситуации, которая часто возникает за счет уподобления человека животному.

Наконец, дальше всех от исходного значения отстоит зона семиотически нагруженной речи: по нашим данным, в немецком она представлена только одним глаголом *meckern* ‘блеять’, который развивает значение ‘придираться по пустякам’. В этом значении лексема уже практически теряет связь со своим источником: ее употребление не вызывает у носителей никаких ассоциаций с козой. Любопытно, что при этом происходит постепенная утрата отрицательной оценки ситуации, которая, как мы только что отмечали, регулярно сопутствует зоометафорам (вне действия оценки оказываются в основном неконтролируемые ситуации, как, например, физиологические ощущения).

Различные ступени метафоризации звуковых предикатов находят отражение и на формальном уровне. На раннем этапе развития глагол практически не изменяет своей изначальной модели управления (S + V) — к этой структуре может добавляться только прямая речь. Чем дальше глагол продвигается по шкале метафоризации, тем более разнообразным становится репертуар конструкций, в составе которых он может выступать, а точнее (если рассматривать магистральный для звуков животных путь семантической эволюции) — тем больше он по своим синтаксическим свойствам приближается к глаголам речи (ср. в этой связи о развитии болевых значений в Рахилина и др. 2010a, Reznikova et al. 2012). Самыми «трудными» для зоометафор моделями — такими, которые максимально уподобляют их глаголам речи — являются, по-видимому, конструкции с косвенной речью (придаточные, вводимые союзом *dass* ‘что’, ср. *sie meckert, dass er keine Manieren habe* ‘она ворчит <букв. «блеет»>, что он плохо воспитан’) и с выраженной валентностью содержания высказывания (предложная группа с предлогом *über* ‘о’, ср. *Quentin Tarantino meckert über Hollywood* ‘Квентин Тарантино выражает недовольство Голливудом’). Заметим, что глагол *meckern*, который, как мы только что обсуждали, в своих речевых употреблениях далеко отошел от исходной «звериной» семантики, легко встраивается в обе эти конструкции — соответственно, его формальные свойства полностью согласуются с изменениями на уровне значения.

Необходимо подчеркнуть, что, говоря об этапах метафоризации глаголов, мы имели в виду прежде всего особенности их синхронного поведения, которые, как кажется, отражают различную степень их удаленности от области-источника. Между тем, безусловный интерес представлял бы собственно диахронический анализ семантической эволюции глаголов звуков животных, учитывающий содержательные и формальные изменения контекстов, в которых эти глаголы выступали в разное время. Изучение исторических путей метафоризации, равно как и системное описание конструкций, доступных для каждого глагола в современном языке и в более ранние периоды его семантического развития, — задача дальнейшего исследования.

Источники

Корпуса

Корпус DWDS, разработанный Берлинско-Бранденбургской Академией наук: www.dwds.de.

Корпус DeReKo, разработанный Институтом немецкого языка (Мангейм): <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>.

Корпус DeTenTen на платформе Sketch Engine: <https://www.sketchengine.co.uk/detenten-corpus/>.

Словари

DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: www.dwds.de.

Duden Online-Wörterbuch: www.duden.de.

Frevert, W. Jagdliches Brauchtum und Jägersprache. Stuttgart: Kosmos, 2007.

Haseder, I.; Stinglwagner G. (Hrsg.) Knaurs Großes Jagdlexikon. München: Droemersch Verlagsgesellschaft, 1996.

Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearb. von E. Seebold. 22., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Walter de Gruyter, 1989.

Глава 4. Глаголы звуков животных в идише¹

1. Введение

Язык идиш, принадлежащий к германской языковой семье, зародился в IX–XII веках на территории современной Германии как средненемецкий диалект, на котором разговаривали евреи. Так как все носители идиша в той или иной мере владели языками Священного Писания, существенный вклад в его лексику и морфологию внес семитский субстрат — древнееврейский и арамейский. При этом основной, германский, компонент в разные периоды развития языка занимал в нем разное место. В ходе своей истории идиш разделился на две группы диалектов — так называемый западный и восточный идиш. Западный идиш, существовавший на германоязычных территориях, в настоящий момент считается мертвым. Однако значительная часть евреев переселилась восточнее — на территории современной Украины и Польши, а также Молдовы и Литвы, не сменив при этом язык общения. Соответственно, новые языковые контакты оказали на восточный идиш сильнейшее влияние, проявившееся на всех уровнях языка, в том числе, как мы увидим, и в нашем материале. Именно восточный идиш стал основой литературного языка, и именно ему наследуют все существующие сейчас и распространенные по всему миру региональные варианты, которыми владеют около 1,5 миллионов носителей (большая часть — в США, Канаде и Израиле). Письменность идиша основана на еврейском квадратном письме, но мы будем использовать традиционную систему транслитерации YIVO.

Сбор данных для этой работы проводился с использованием словарей, корпусов и анкетирования информантов. Первым этапом исследования, как обычно, стал сбор материала по лексикографическим источникам. Заметим, что идиш раньше не изучался лексическими типологами. Таким образом, дополнительным промежуточным результатом является ранжирование словарей по их пригодности для лексико-типологического исследования.

Большое количество материала было взято из авторитетных идиш-английских словарей, которые мы использовали в электронном виде, что обеспечило поиск по переводам: Comprehensive Yiddish-English Dictionary (Beinfeld, Bochner 2012) и словаря А. Гарькави 1958 года с дополнениями Р. Финкеля (Финкель). Наряду с онлайн-словарями, был задействован словарь Шапиро «Русско-еврейский (идиш) словарь» (Шапиро

¹ Данное научное исследование (No 14-05-0074) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 году.

и др. (ред.) 1989). Несмотря на то, что этот словарь, обладая иным направлением перевода, теоретически позволяет искать переносные значения и содержит ценные комментарии об употребительности, для наших задач его оказалось недостаточно. Более ценным источником оказался *Oytser fun der yidisher shprakh* — словарь-тезаурус (объемом в 900 страниц), обширные синонимические ряды которого содержали интересующие нас лексемы, а главное — их метафорические значения. На основе собранного материала была составлена таблица, которая содержала все глаголы, обозначающие звуки животных.

Словарный материал обладал двумя недостатками: слишком богатый набор исходных лексем и слишком бедный — метафор. Именно поэтому мы обратились к информантам и корпусу. Корпус был источником отдельных примеров, а также послужил для выделения наиболее частотных лексем, но основным инструментом все же был опрос. Информанты-носители² разных диалектов («литовского» и «украинского»/«польского») в ответ на стимул в виде названия животного должны были выдать глагол звука и сообщить о наличии у него метафорических значений. Таким образом, обширный список глаголов, обозначающих звуки животных, оформился в более компактный, а также в перечень метафор, которые мы в дальнейшем исследовали с помощью дополнительного анкетирования.

2. Прямые значения

Материал словарей дал большой перечень глаголов: всего 75 лексем, при этом список не содержал каких-либо экзотических животных или неожиданных лакунов. Необходимо, конечно, учитывать, что не все из полученных глаголов одинаково частотны, а некоторые лексемы распределены по отдельным диалектам (что и подтвердилось при элицитации). Для ряда животных нашлось 5–6 глаголов. Впрочем, это касалось только распространенных домашних животных, которым свойственно иметь несколько вариантов звукообозначений даже в рамках одного идиома, но мы предполагаем, что история и социолингвистика идиша дополнительно поддержали эту диверсификацию. Так, звуки собаки (лай, тьякanye, скуление) могут описываться как германскими *biln, knurn*, так и славянскими *havken, skavutshen, hoyken*.

Совмещения звуков животных в одном глаголе достаточно типичны, но также интересны в свете диалектного варьирования. Обычно звуки мелкого рогатого скота обозначаются глаголами *meken* и *beken*, а крупного — *muken*.

- (1) *hob-n* *sheps-elekh* *ge-beke-t*,
иметь-PRS.3PL овца-DIM.PL РТСР-блеять-РТСР
- hob-n* *tsig-elekh* *ge-meke-t* [A Pastekhl A Troymer, Weinper Z³.]
иметь-PRS.3PL коза-DIM.PL РТСР-мекать-РТСР
- ‘Овечки **блеяли**, козочки **мекали**’.

² Благодарим всех информантов за участие в опросе, а в особенности — А. Лихтенбойма и Ф. Бранцовскую за бесценные замечания.

³ Все примеры цитируются по СМУ (Корпусу Языка Идиш), за исключением помеченных «[Inf]» (пример от информанта) и «Пословица».

- (2) *efsher ki muke-n azoy,*
возможно корова.PL мычать-PRS.3PL так

ven zey vil-n es-n [Yidishe mayselekh. Kipnis I.]
когда они хотеть-PRS.3PL есть-INF

‘Может, коровы так **мычат**, когда хотят есть’.

Однако встречаются примеры, в которых *meken* относится и к корове:

- (3) *ki hob-n ge-meke-t* [Gegesene teg. Shapiro L. 1931]
корова.PL иметь-PRS.3PL РТСР-мычать-РТСР

‘Коровы **мычали**’.

3. Переносные значения

Семантическое поле звуков животных воспроизводилось информантами в достаточном объеме (то есть говорить о его плохой сохранности в языке и идиолекте информантов нельзя, сокращение числа глаголов в нашем списке шло во многом за счет дублетов). При опросе мы уделяли основное внимание метафорическим переносам. Их обнаружилось всего 14, и связаны они как раз с самыми частотными глаголами. Полученные метафорические употребления делятся по своей семантике на неравные группы, которые будут рассмотрены в этом разделе.

3.1. Физиология

Физиологическая зона, как известно, во многих языках представляет собой подражание хрюканью или крикам громких птиц. Наш словарный материал содержал пример описания вороньего карканья глаголом *khripen* ‘хрипеть’. Однако и этимология, и баланс примеров в корпусе указывают на то, что у данной метафоры концептом-источником является не животное, а человек.

3.2. Качество голоса

Глагол *pishtshen* ‘пищать’ в прямом значении описывает звуки мышей и грызунов, а также птиц:

- (4) *feygelekh pishtshe-n in zayn shtayg* [Der meshugener batlen. Perets Y.-L.]
птица.DIM.PL пищать-PRS.3PL в его клетка

‘Птицы **чирикают** в его клетке’.

- (5) *fun tsayt tsu tsayt ho-t zikh ge-loz-t her-n*
время.от.времени иметь-PRS.3SG REFL РТСР-давать-РТСР слышать-INF

a hoferdik pishtshe-n fun shtshure-s
INDEF радостный пищать-NMLS PP крыса-PL

‘Время от времени раздавалось радостное **попискивание** крыс’.

В метафорическом значении *pishtshen* совмещает в себе тонкий голос и плач, но акцент делается, скорее, на субъекте — прототипически это ребенок.

- (6) *ot di yidish-e shprakh!.. zi ken pishtshe-n*
 вот DEF еврейский-НОМ.Е.СГ язык она мочь.ПРС.3СГ пищать-ИНФ
vi a kind un shelt-n vi a sedekhe.
 как INDEF ребенок и ругаться-ИНФ как INDEF торговка

‘О еврейский язык!.. Он может **пищать**, как ребенок, и ругаться, как торговка’.

3.3. Эмоциональные реакции

Метафора плача, как мы уже говорили, в значительной степени ограничена, зато существует метафора для смеха. Для этого используется глагол *hirzhen*, в прямом своем значении передающий ржание лошади или осла:

- (7) *yed-er eyzl ho-t lib tsu her-n*
 каждый-НОМ.М.СГ осел иметь-ПРС.3СГ любимый ПТЧЛ слышать-ИНФ
vi er aleyn hirzhe-t. [Пословица]
 как он сам реветь-ПРС.3СГ

‘Каждый осел любит слушать, как он сам **ревет**’.

Семантика смеха настолько конвенционализована, что даже указана в словаре (Финкель), однако только для деривата *hirzhen* — глагола с префиксом *tse* и рефлексивной частицей *zikh* (подробнее об этой проблеме в разделе 4).

3.4. Неразборчивая речь

Самую большую группу образуют глаголы нечленораздельной речи. Это четыре общих глагола: *muken* ‘мычать (о корове)’, *meken* ‘блеять (об овце или козе)’, *beken* ‘блеять (об овце или козе)’, *kalekotshen* ‘гоготать (о гусях)’.

- (8) *a kind in vigele red-t den klor-e diburim?*
 INDEF ребенок в колыбелька говорить-ПРС3СГ разве ясный-ПЛ слово.ПЛ
es beke-t un es meke-t un es plapl-t. [Forverts]
 оно бекать-ПРС.3СГ и оно мекать-ПРС.3СГ и оно лопотать-ПРС.3СГ

‘Говорит ли ребенок в колыбели четкими словами? Он **бекает**, **мекает** и лопочет’.

3.5. Выражение неодобрения

Агрессивные реакции выражаются тремя глаголами: *biln* ‘лаять (о собаке)’, *briln* ‘реветь (о льве)’, *kreyen* ‘кукарекать (о петухе)’. Приведем пример на наиболее интересный из них, *briln*, описывающий в прямом значении звуки льва, медведя или быка.

- (9) *oyf-n shuflod fun der komode bril-t a leyb*
 на-ДЕФ.М.ДАТ.СГ ящик ПР ДЕФ.ДАТ.Е.СГ комод реветь-ПРС.3СГ INDEF лев

un a yeger shis-t a hirsh [Forverts]
и INDEF охотник стрелять-PRS.3SG INDEF олень

‘На ящике комода лев **ревет**, а егерь стреляет в оленя’.

Информанты свободно приводили примеры на его метафорическое употребление, однако в корпусе все найденные примеры были из Священного писания, причем в специфической сочетаемости (например, в метонимических контекстах со словом ‘голос’). В связи с этим можно предположить влияние древнееврейского языка на развитие сферы этой метафоры.

(10) *got bril-t fun der heykh* [Tanakh: Yirmeyohu]
бог реветь-PRS.3SG с DEF.F.DAT.SG высота

‘Бог **ревет** с высоты’.

(11) *hinter dem bril-t a kol* [Tanakh: Iyev]
позади TOT.DAT.SG реветь-PRS.3SG INDEF голос

‘Позади него **гремит** голос’.

3.6. Множественный субъект

В нашем материале обнаружился один глагол, относящийся к этому классу метафор: множественный субъект характерен для переносных употреблений лексемы *zhumen* ‘жужжать, гудеть (о пчелах)’.

(12) *der klas zhume-t vi bin-en* [Inf]
DEF.M.NOM.SG класс жужжать-PRS.3SG как пчела-PL

‘Класс **жужжит**, как пчелы’.

Впрочем, для реализации этого значения желательнее употребление сравнительной конструкции, что говорит о малой степени его устойчивости в языке.

3.7. Семиотически значимая речь

Оба примера семиотически значимой речи специфицируют тип субъекта, на этот раз — его пол. Во-первых, это женское кокетство у *myauken* ‘мяукать (о кошке)’:

(13) *di froy ho-t epes oys-ge-myauke-t* [Inf]
DEF.F.NOM.SG женщина иметь-PRS.3SG что-то PERF-PTCP-мяукать-PTCP

‘Женщина что-то <нежно> **промяукала**’.

Во-вторых, это женские разговоры-сплетни, выражаемые глаголом *kvaken* ‘квакать (о лягушке)’. При этом параметр единичности-множественности субъекта в обоих случаях нерелевантен.

(14) *di vayb-er kvake-n bay-m vash-n vesh* [Inf]
DEF.PL баба-PL квакать-PRS.3PL при-DEF.M.DAT.SG стирать-NMLS белье

‘Женщины **сплетничают**, стирая белье’.

- (15) *er ho-t tse-kvake-t vi a bobe* [Inf]
 он иметь-PRS.3SG EVOL-квакать-PTCP как INDEF бабушка
 ‘Он **разворчался**, как бабка’.

Подводя итоги этого небольшого исследования, заметим отсутствие физиологических звуков, — впрочем, они далеко не так частотны, как другие метафоры. Помимо физиологических, полностью отсутствуют незвуковые метафоры, что не так удивительно при относительной бедности в зоне семиотически значимой речи.

Можно предположить, что идиш в целом повторил типологически частотные метафорические модели, но при этом зона агрессивных реакций более объемна, чем обычно (заметим, однако, что богатство этой зоны характерно и для немецкого, см. Главу 3 настоящей монографии; ср. также типологические наблюдения в Главе 1). Таковую несбалансированность можно было бы объяснить потерей некоторых редких значений как менее устойчивых. С другой стороны, физиологические звуки и семиотически значимая речь как раз могли бы лексикализироваться и потерять исходные значения (как *брехать* в русском), но таких примеров в нашем материале не обнаружено. Конечно, общие выводы о составе системы и ее изменениях во времени можно получить только при помощи корпусного исследования на более широком материале литературных текстов.

4. Морфосинтаксис глаголов-метафор

Звуки животных, наряду с другими областями типологических исследований, являются устойчивым источником метафорических переносов. Зачастую разница между исходным и производным глаголом понимается не только семантически, но и за счет морфосинтаксических изменений. Так, глаголы, исходно обозначающие, например, горение или разделение на части, переходя в класс глаголов боли, меняют свою модель управления и всю морфологическую парадигму: «исходные глагольные лексемы нередко утрачивают часть своей изначальной аспектуально-темпоральной парадигмы. Так, русские предикаты со значением инструментального воздействия или саморазрушения в болевом значении не сохраняют связь со своими «видовыми парами», ср. *режет* (но **разрежет*), *колет* (но **уколет*), *раскалывается* (но **расколется*)» (Бонч-Осмоловская и др. 2009, с. 15).

Однако для звуков животных примеров такого рода известно очень мало. Так, в работе Лучина, Стенин 2011, посвященной коми-зырянским языкам, приводится другой пример изменения морфологической парадигмы при метафоризации, а именно — ее расширения. «Глаголы звуков животных в массе своей имеют лишь одну диатезу, являясь и синтаксически, и семантически одновалентными. Однако, если значение глагола расширяется, включает дополнительный, незвуковой, компонент, то глагол может менять свои диатетические свойства». При этом, по свидетельству авторов, не все информанты оценивают такие предложения как правильные.

- (16) *star 'ik-ys šyd-se fursk-e.*
 старик-poss3SG суп-ACC фыркать-PRS.3SG
 ‘Старик **хлебает** суп’. [ibid., с. 276]

В статье также отмечается, что помимо морфологических изменений, сопровождающих появление актантов, при семантическом сдвиге можно встретить и просто нетипичные для данного класса деривации. Так, глаголы звуков животных при переходе в зону характеристик человека могут образовывать формы на *-ed-č-*, интерпретирующие действие как тип поведения.

(17) *čel'ad'-ys taj n'arg-ed-č-e.*
 ребенок-POSS3SG PTCL мяукать-TR-DETR-PRS.3SG

‘Ребенок **неспокойно ведет себя, капризничает**’. [ibid., с. 277]

Авторы выдвигают предположения относительно того, как появляются подобные расширения парадигмы, но все же их описание не содержит запретов. А вот в типологической статье «Звуки Му» (Рахилина 2010) морфосинтаксические различия между употреблениями глагола в прямом и в переносном значении отдельно не обсуждаются, зато специально выделяется параметр итеративности, ограничивающий метафоризацию глагола *лаять* в русском языке. По мнению автора, именно он отличает англ. *bark* от русского *лаять*. Заметим, что производные глаголы *облаять* или *пролаять* уже могут употребляться метафорически, что поддерживает высказанную идею об итеративности как препятствии для развития производных значений — префикс как раз и ослабляет итеративную семантику.

В связи со всеми этими наблюдениями нас заинтересовала возможность подробного сравнения морфологических парадигм глаголов в исходном и переносном значениях: важно понять, какие конструкции более естественны для носителей и, соответственно, более частотны. Такая статистическая задача побудила нас обратиться к корпусу (СМУ) и составить онлайн-анкету, на описании которой мы остановимся подробнее.

Носителю нужно было оценить каждое предложение по шкале от 1 до 5, где оценка ‘1’ соответствовала наименьшей, а ‘5’ — наибольшей приемлемости с точки зрения грамматической правильности. Всего в анкетировании приняло участие 10 информантов. Социолингвистический опрос, прилагавшийся к анкете, предлагал носителю указать возраст, место рождения, а также информацию о том, где он живет сейчас. Эти данные в нашей выборке сильно варьировались, косвенно указывая на тот факт, что носители представляют разные диалекты, — тем самым обеспечивалась полнота исследования.

Дизайн опросника таков: для каждого глагола-метафоры были приведены примеры в разных формах — с выраженными поверхностно актантами и без них, с различными префиксами, маркированные и немаркированные по итеративности. Для контроля аналогичные примеры были построены и для исходных значений. Таким образом, опросник помог определить различия в морфосинтаксическом поведении глаголов в разных семантических контекстах.

Результаты 10 участников опроса, как и предполагалось, распределились неравномерно, причем в паре ‘прямое значение — метафора’ носители обычно оценивали пример без метафоры более единодушно, чем пример с метафорой. Тем не менее, удалось заметить некоторые закономерности и построить гипотезы, которые мы позже уточнили у отдельных информантов.

4.1. Копирование модели глагола-мишени

При переходе в новый класс глагол приобретает новые семантические актанты. Обычно они связаны с актом коммуникации (Адресат, Тема). Однако не всегда их можно эксплицитно выразить — свидетельствует об этом тот факт, что примеры с поверхностно реализованными актантами получали у информантов более низкую оценку. Так, при глаголе *myauken* в значении ‘плохо/фальшиво играть на музыкальном инструменте’ затруднено выражение семантической роли инструмента:

(18) *di shlekht-e klezmerim myauke-n* [Inf]
 DEF.PL плохой-PL клезмер.PL мяукать-PRS.3PL
 ‘Плохие музыканты **фальшивят**’.

(19) *?er myauke-t oyf zayn fidl* [Inf]
 он мяукать-PRS.3SG на его скрипка
 ‘Он **пиликает** на скрипке’.

4.2. Метафорическое употребление приставочных дериватов

Как уже говорилось, для некоторых глаголов словари фиксируют метафорическое употребление только дериватов с инхоативной приставкой *tse-*: (*hirzhen* ‘ржать, ?смеяться’ → *tsehirzhen zikh* ‘начать ржать, рассмеяться’, ср. *lakhn* ‘смеяться’ → *tselakhn zikh* ‘рассмеяться’), что отчасти отвечает и нашим наблюдениям. Мы анализируем это не как одиночные лексикализованные примеры, а как часть общей тенденции. Во-первых, информанты в ответ на просьбу привести какой-нибудь пример на метафорическое употребление нередко первым приводят пример с приставкой. Во-вторых, результаты опросника-эксперимента показали, что для целого ряда глаголов (и не только тех, которые упомянуты в словаре) сконструированные примеры на метафорическое употребление с приставками *tse-* или более редкой и практически синонимичной ей *funander-* оцениваются выше, чем без них, и выше, чем пример на прямое значение с соответствующей приставкой.

Важно уточнить, что наше наблюдение касается исключительно этих двух приставок, которые, во-первых, выражают аспектуальную семантику и, во-вторых, являются частью высокопродуктивной модели (то есть входят в морфологическую парадигму глаголов звука). Добавление к изучаемому глаголу других приставок, наблюдаемых у дериватов сематического класса-мишени, оценивается информантами отрицательно.

5. Заключение

Метафорические модели и совмещения, найденные в материале языка идиш, несмотря на их небольшое количество и следование общим типологическим моделям, демонстрируют определенное своеобразие. Интересно наблюдать за тем, как лексемы, независимо от этимологии, развивают свои метафоры, не всегда объясняемые калькированием.

В нашу задачу не входит подробное сопоставление материала идиша и немецкого языка, описанного в Главе 3, однако нетрудно заметить различные пути развития когнатов: так, нем. *meckern* ‘блеять (о козе)’ развивается в сторону семиотически нагруженной речи (‘придирааться’), а его когнат в идише *meken* получает значение из зоны нечленораздельных высказываний, наряду с *muken* ‘мычать (о корове)’, тогда как нем. *muhen* не имеет метафорических употреблений. Зато в немецком частотен перенос в зону плача, например, у *heulen* ‘выть (о волке, собаке)’, *brüllen* ‘реветь’ (о быке, льве). В идише такой переход отсутствует: *hoyln* не имеет метафорических значений, а *briln* обозначает только агрессивные реакции.

Анализ морфосинтаксических особенностей проливает новый свет на продуктивность глагольных префиксов. Оказывается, что отличия морфологических парадигм глагола в исходном и переносном значении делятся на два принципиально разных типа. Этот факт еще раз указывает на ценность взаимодействия лексической типологии с другими областями лингвистики. Интересным результатом представляется также проведенный нами эксперимент с опросом носителей для подробного изучения переносных значений — разработанный метод показал свою состоятельность для исследования метафорики произвольного языка и мог бы найти применение в дальнейших лексико-типологических исследованиях.

Список условных сокращений

1 — первое лицо, 2 — второе лицо, 3 — третье лицо, ACC — аккузатив, DAT — датив, DIM — диминутив, DEF — определенный артикль, DETR — детранзитивизатор, EVOL — эволютив, F — женский род, INDEF — неопределенный артикль, INF — инфинитив, M — мужской род, NMLS — номинализатор, NOM — номинатив, PERF — перфективатор, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCL — частица, PTSP — причастие, PP — preposition, REFL — рефлексив, SG — единственное число, TR — транзитивизатор.

Источники

- Comprehensive Yiddish-English Dictionary / Beinfeld, Bochner (eds.). Bloomington, IN: Indiana University Press, 2013.
- Русско-еврейский (идиш) словарь: ок. 40 000 слов / ред. М. А. Шапиро, И. Г. Спивак, М. Я. Шульман; сост. Э. М. Фалькович, 1989. — 720 с.
- Финкель — словарь Гарькави с добавлениями Финкеля: <http://www.cs.uky.edu/~raphael/yiddish/dictionary.cgi>
- Der oytser fun der yidisher shprakh — Der oytser fun der Yidisher shprakh. Fun Nohem Stutshkov, unter der redaktsye fun Maks Vaynraykh. Nyu York: YIVO, 1950. Электронная версия в виде базы данных: <http://cs.uky.edu/~raphael/yiddish/searchOytser.cgi>
- CMU — Corpus of Modern Yiddish (Корпус языка идиш): http://web-corpora.net/YNC/search/?interface_language=ru

Глава 5. Метафоры звуков животных в норвежском языке

1. Введение

Норвежский язык (германская группа индоевропейской семьи) — государственный язык Норвегии, на котором говорят 4,6 млн человек. В стране государственным статусом обладают две формы норвежского языка — букмол (букв. «книжная речь») и нюнорск («новый норвежский»). Так как письменным языком Норвегии долгое время был датский, это привело к значительным различиям между языком, которым пользовались образованные слои населения (эта форма возникла из датского языка под воздействием норвежской фонетики и грамматики, в настоящее время ей соответствует букмол), и языком сельских жителей (в XIX веке на основе наиболее архаичных сельских диалектов был синтезирован новый искусственный язык, которому наследовал нюнорск). Однако различия между букмолем и нюнорском проявляются в основном в морфологии, словообразовании, а также в нормах орфографии и орфоэпии. Так, например, глагол ‘петь’ в букмоле имеет написание *synge*, а в нюнорске — *syngje*. Различия в семантическом плане являются незначительными. При этом букмол используют на письме 80–90 % населения Норвегии, а нюнорск — всего лишь 10–12 %.

В связи с тем, что семантических различий в интересующей нас зоне между формами букмола и нюнорска, по-видимому, нет, здесь мы приводим примеры исключительно из букмола как более распространенного идиома. Тем не менее, при поиске метафор учитывались и данные из нюнорска. Источниками языкового материала послужили словари, корпуса, а также сведения, полученные в ходе работы с информантами¹.

¹ Невозможно выразить словами ту степень благодарности, которую я испытываю по отношению к своим информантам — Уле Якобу Скотуну и Марии Нордрум. Без них мой материал был бы ограничен данными словаря и корпусов, которых, конечно, недостаточно для описания живой речи. Неоценимую помощь оказала Мария, которая не только детально прокомментировала каждый пример, но и пополнила мою выборку совместно со своими друзьями и родственниками — носителями норвежского языка. Я также очень признательна Евгению Валерьевичу Шаульскому, который высказал ценные замечания к предварительной версии текста.

2. Глаголы звуков животных в прямом значении

Система глаголов, использующихся в норвежском языке для описания звуков животных, включает как звуки домашних (овец, коров, лошадей, быков, собак и кошек), так и диких зверей (льва, тигра, змеи и даже лемминга и горносталя). В этом разделе мы рассмотрим, какими глаголами представлено это лексическое поле, и начнем с лексем, соединяющих в своем значении звуки нескольких различных животных.

Всего случаев объединения шесть — они касаются птиц (2.1), крупных хищников (2.2), «пищащих» животных (2.3), насекомых (2.4), копытных (2.5) и «шипящих» животных (2.6). Обратит внимание, что многим из них свойственно сразу несколько глаголов звука с очень близким значением. Это относится и к стоящим особняком собакам, кошкам и свиньям (2.7).

2.1. Звуки птиц объединяются глаголом *synge* ‘петь’, который может употребляться по отношению ко всем видам пернатых. Для отдельных видов, однако, существуют особые лексемы. Так, например, звуки, которые издают маленькие птицы (воробьи, синицы), могут обозначаться глаголом *kvitre* ‘чирикать’.

- (1) *Hørte en trost synge natt til lørdag i forrige uke.*
‘Он слышал, как **пел** дрозд в пятницу вечером на прошлой неделе’.
- (2) *Nå er det sommer og spurv kvitrer på grenen.*
‘Теперь лето, и воробей **щебечет** на ветке’.

Для сорок есть отдельная лексема *skvatre* ‘стрекотать’, а для воркования голубей — глагол *kurre*.

Звуки, которые издает курица, описываются двумя глаголами: *klukke* и *kakle*. Первый приблизительно соответствует русскому *кудахтать*, а второй — русскому *квохтать* (менее прототипические звуки, короткие и прерывистые, которые производят куры, когда беспокоятся). Для описания кукареканья петуха используется отдельная лексема *gale*.

- (3) *En hane vil typisk gale meget tidlig om morgenen.*
‘Петух обычно **кукарекает** рано утром’.

Важно, что общий «птичий» глагол *synge* ‘петь’ может относиться и к кузнечику (ср. русск. *пение цикад*):

- (4) *For å få dem til å synge i laboratoriet ble de derfor eksponert for en hunn-gresshoppe.*
‘Поэтому, чтобы заставить их **стрекотать** в лаборатории, к ним посадили самку кузнечика’.

В то же время, специфический звук, издаваемый кузнечиком, может описываться и отдельным глаголом — *gnisse* ‘стрекотать’:

- (5) *Det er en mørk og fuktig aften og gresshoppene som **gnisser** bakbeina sine mot hverandre på ryggen, spiller høye sure toner rett utenfor vinduet.*

‘Вечер темный и влажный, и кузнечики, которые **стрекочут** задними ножками на спинке, производят громкие, неприятные звуки прямо за окном’.

2.2. Другой случай совмещения звуков нескольких животных в одном глаголе касается льва, медведя и тигра — для них используется глагол *brøle* ‘рычать’ (к остальным кошачьим и крупным хищникам этот глагол не применим).

- (6) *Løver **brøler** for å forsvare deres eget territorium.*

‘Львы **рычат**, чтобы защитить свою территорию’.

- (7) *Jeg hørte også bjørn **brøle** fra skogen flere ganger, og jeg så flere spor etter bjørn i området rundt huset.*

‘Также я несколько раз слышал, как в лесу **рычит** медведь, и я видел следы медведя вокруг дома’.

- (8) *Tigeren er klar for å **brøle** igjen.*

‘Тигр готов снова **зарычать**’.

Такая модель колексификации является типологически частотной: в языках мира регулярно объединяются крупные кошачьи хищники и медведь (ср., например, финский, татарский, сходное совмещение наблюдается также в немецком и идише, где в этой функции выступают когнаты норвежского глагола — соответственно, *brüllen* и *briln*).

2.3. Глаголом *pipe* ‘пищать’ в норвежском языке объединяются пищашие звери, как мышь, и птенцы — этот эффект свойствен и многим другим языкам, например, башкирскому, индонезийскому и др.

- (9) *Kyllingen kan **pipe** de siste dagene den er inni egget.*

‘Цыпленок может **пищать**, когда он еще в яйце, последние несколько дней’.

- (10) *En mus **piper**.*

‘Мышь **пищит**’.

2.4. Глаголы *summe* и *surre* ‘жужжать’ используются для описания звуков насекомых. Обычно насекомые в языке разделяются на несколько групп, например: мухи, шмели и пчелы VS. комары VS. стрекозы и кузнечики. С одной стороны, такая дискретизация в некоторой степени представлена и в норвежском, ср. пример (5) для кузнечиков. С другой стороны, глаголы *summe* и *surre* обладают более широкой сферой действия, чем их переводные эквиваленты во многих других языках нашей выборки. Глагол *summe* обозначает низкое, приятное жужжание самых разных насекомых (например, комара, пчелы или стрекозы), которое доносится будто бы издалека, а *surre* описывает громкое, активное жужжание и используется чаще всего по отношению к мухам.

- (11) *Øyestikkere på størrelse med måker **summer** rundt på Jorden en gang i fortiden.*

‘Стрекозы размером с чаек когда-то в прошлом **жужжали** вокруг Земли’.

(12) *Man hører ikke mygg **summe**.*

‘Жужжания комаров не слышно’.

(13) *Per lukker døren og jeg kan ikke høre en eneste bie **summe** lenger.*

‘Пьер закрывает дверь, я уже не могу слышать жужжания ни единой пчелы’.

(14) *Matilde hørte en flue **surre** i vinduet.*

‘Матильда услышала, как муха жужжит у окна’.

2.5. В лексикализации звуков копытных домашних животных тоже проявляются некоторые особенности норвежской системы. Овцам и козам соответствует общий глагол *breke* ‘блеять’, а коровам — отдельная лексема *raute* ‘мычать’.

(15) *Jeg hørte en sau **breke**.*

‘Я слышал, как блеет овца’.

(16) *På den timen jeg var der hørte jeg ikke ei eneste ku **raute**.*

‘За тот час, что я там был, ни разу не услышал, как мычат коровы’.

Однако, в отличие от коров, к быкам почти никогда не применяется глагол *raute*, хотя и самостоятельного глагола мычания для них нет: в норвежском быки довольно редко мычат — в основном они фыркают, как лошади. Такое неожиданное сближение быков и лошадей осуществляется с помощью глаголов *pruste* и *snøfte* ‘фыркать’. Обратим внимание, что глагол *snøfte* может употребляться еще и по отношению к свинье — это очень интересное совмещение, не зафиксированное в других языках.

(17) *Hun høres virkelig ut som en gris, lager masse **snøfte** og gryntelyder.*

‘Она звучит, как свинья, фыркает и хрюкает’.

(18) *Du kan høre en okse **pruste** og stønne.*

‘Вы можете услышать, как бык фыркает и стонет’.

(19) *Jeg kunne høre en hest **pruste** og vrinske.*

‘Я мог слышать, как лошадь фыркает и ржет’.

Ржание лошадей описывается, по нашим данным, практически синонимичными глаголами *vrinske* и *knegge*.

(20) *Selvfølgelig kan man lære en hest at **vrinske** / **knegge** på kommando.*

‘Конечно, можно научить лошадь ржать по команде’.

2.6. В норвежском языке есть объединенный глагол и для редких с точки зрения обычного европейца животных — таких как лемминг, хорек и горноста́й. Все эти животные «шипят», но не так, как змея — их звук описывается глаголом *frese*, тогда как змеиное шипение — лексемой *hvese*:

(21) *En lemming **freser**.*

‘Лемминг шипит’.

- (22) *Idere seg imellom freser.*
‘Хорьки **шипят** друг на друга’.
- (23) *Jeg har aldri hørt en slange hvese.*
‘Я никогда не слышал, как **шипит** змея’.

2.7. Две оставшиеся группы — **собаки и кошки**, которые определенно являются главными в антропоцентричном мире, с другими не объединяются; отдельно лексикализуются и звуки свиньи.

По отношению к собаке используются глаголы *bjeffe / gneldre / gjø*, при этом они взаимозаменяемы и не дифференцируют лай и рычание:

- (24) *Hunden min bjeffer / gneldrer / gjør når det kommer folk på besøk.*
‘Моя собака **лает / рычит**, когда ко мне приходят в гости’.
- (25) *Jeg hører en hund bjeffe / gneldre / gjø på gården utenfor et hus.*
‘Я слышу, как **лает / рычит** собака на ферме за пределами дома’.

Заметим, что волки стоят особняком и, вопреки ожиданиям, не смешиваются с собаками. Характерный для волка вой называется глаголом *ule*:

- (26) *Har du hørt en ulv ule?*
‘Доводилось ли вам слышать, как **воет** волк?’

Звуки, которые издает кошка, как и в большинстве других языков, в норвежском распадаются на два глагола, соответствующих двум фреймам «кошачьих» звуков: явно звукоподражательное *mjaue*, которому фонетически естественно ставится в соответствие русское *мяукать*, и *male*, похожее на *мурлыкать*, ср.:

- (27) *Katten kan kommunisere med menneske ved å mjaue.*
‘Кошка общается с людьми, **мяукая**’.
- (28) *En sulten katt kan også begynne å male, men da med kortere og kraftigere malelyder.*
‘Голодная кошка может начать **мурлыкать** коротко и громко’.

Можно заметить, что наш перевод второго глагола как ‘мурлыкать’ все же не вполне точен: в русском представление о мурлыканье соотносится с выражением удовольствия, тогда как ситуация, представленная в (28), с удовольствием никак не связана.

Многообразие звуков свиньи передается тремя норвежскими глаголами: *grynte* ‘хрюкать’, *snorke* ‘храпеть’, *snøfte* ‘фыркать’, см. (29), ср. также пример (17).

- (29) *Hun hørt den store gris grynte og snorke.*
‘Она слышала, как большая свинья **хрюкает и храпит**’.

Как видим, система глаголов, использующихся в норвежском языке для описания звуков животных, чрезвычайно богата и разнообразна — и почти все эти глаголы используются метафорически.

3. Метафоры звука

В этом разделе мы рассмотрим употребления глаголов звуков животных по отношению к человеку в соответствии с классификацией, которая была дана во Введении к настоящей монографии: физиологические звуки (3.1), смех и плач (3.2), агрессивные реакции (3.3), одобрение и удовольствие (3.4), неразборчивая речь (3.5), семиотически нагруженная речь (3.6). При этом мы обсудим некоторые особенности обнаруженных метафорических переходов и представим типологическую перспективу описываемых сдвигов.

3.1. Физиологические звуки

Первый тип переходов, который мы рассмотрим, — метафоры, выражающие физиологические звуки. В норвежском языке этот класс представлен только одним фреймом — вскрикиванием от боли:

- (30) *Han hylar som en stukket gris.*
‘Он визжит, как заколотая свинья’.

С точки зрения теории метафоры такой контекст не вполне правомерен: он содержит эксплицитное сравнение. Вместе с тем данное выражение — *å hyle som en stukket gris* ‘визжать, как заколотая свинья’ — является частотным и устойчивым и при этом указывает не на любой громкий вопль, а именно на резкий крик от боли.

Сходный тип болевой реакции зафиксирован в русском (ср. *визжит как свинья*) и коми-зырянском: в последнем случае интересующая нас метафора развивается от глагола *n'iksuny* ‘пищать’, который исходно описывает звук, издаваемый котенком или щенком.

3.2. Смех и плач

Главным источником для метафоры смеха в норвежском оказывается курица. Так, глагол *klukke* ‘кудахтать’ в результате метафорического перехода выражает еле сдерживаемый смех:

- (31) *Pia ler så hun klukker der vi sitter og nipper til et glass rosèvin på favorittrestauranten le Pied dans le Plat.*
‘Пия (девушка) давится от смеха, мы сидим, выпиваем розовое вино в любимом ресторане Le Pied dans le Plat’.

Часто этот глагол обозначает смех, издаваемый группой людей, то есть множественным субъектом:

- (32) *En fullsatt sal med 115 gjester klukket og lo seg gjennom Feiringteatrets nypremiere på teaterstykket «Påskeeggerøre» torsdag kveld.*
‘В четверг вечером полный зал со 115 гостями давился со смеху на протяжении всей премьеры спектакля «Пасхальный омлет» в театре Feiringteatret’.

Другой зоо-глагол смеха в большей степени характеризует поведение, нежели реакцию на внешний стимул: *kakle* ‘квохтать’ в применении к человеку означает ‘болтать, смеяться’. В таком значении он часто употребляется по отношению к девушкам.

- (33) *Men dere kakler mye, det er den store forskjellen fra å spille i band med gutter.*
 ‘Но вы много **кудахчете**, в этом большое отличие от игры в музыкальной группе с парнями’.

Источником плача в норвежском служит глагол *pipe* ‘пищать (о мышах и цыплятах)’, соответствующий просительному, монотонному плачу, который раздражает говорящего.

- (34) *Han pep etter han hadde fått skjenneprekenen av faren.*
 ‘Он **ныл** после того, как отец прочел ему проповедь’.

Сильные реактивные эмоции (как позитивные, так и негативные) передаются с помощью глагола *brøle*, исходно описывающего рев льва, тигра или медведя. В метафорическом употреблении субъектом при данной лексеме выступает взрослый мужчина или толпа людей:

- (35) *Han brøler av latter / glede / sinne / smerte.*
 ‘Он **ревет** от смеха / радости / ярости / боли’.
- (36) *Fansen brølte av glede da Ronaldo scoret mål.*
 ‘Фанаты **зарычали** от радости, когда Рональдо забил гол’.

3.3. Агрессивные реакции

Звуки животных широко используются в норвежском для выражения раздражения и агрессивного поведения. Так, глаголы *snøfte* и *pruste* ‘фыркать’ (о быке и лошади, а также свинье — см. 2.5) описывают ситуацию, когда кто-то сильно разозлен, но сдерживает свой гнев — эта попытка приглушить эмоцию отличает семантику *snøfte* и *pruste* от метафор, которые будут обсуждаться далее.

- (37) *Han var så sint at han snøftet og prustet.*
 ‘Он был так зол, что **фыркал** и **вдыхал**’.
- (38) *Hun kan da begynne å pruste og kaste ting rundt seg.*
 ‘Тогда она может начать **фыркать** и разбрасывать вещи вокруг себя’.

Глагол *hvese* ‘шипеть (о змее)’ также используется в ситуации, когда кто-то разозлен или раздражен, однако в этом случае человек не скрывает своих чувств.

- (39) *Hun var så rasende at hun hveste.*
 ‘Она была в такой ярости, что **шипела**’.

Глаголы *bjefte* ‘лаять’ и *brøle* ‘рычать’ используются, когда человек открыто выражает свое негодование громкими криками:

- (40) *Du trenger ikke bjeffe til meg på den måten — det er frekt.*
 ‘Не нужно на меня так **кричать** (букв. «ляять») — это грубо’.

Общие свойства ситуации задают ярко выраженную негативную коннотацию рассмотренных метафорических значений.

3.4. Одобрение и удовольствие

К примерам метафор одобрительной реакции мы можем отнести глаголы *kurre* ‘ворковать’ и *klukke* ‘кудахтать’ — последний в значении, отличном от того, которое мы наблюдали в (31) и (32). В отношении человека эти лексемы, в частности, выражают состояние удовлетворения. Эти глаголы могут описывать влюбленных или очень счастливых людей, обозначая при этом более сдержанную эмоцию, чем открытый смех.

- (41) *Han kurrett fornøyd mens han observerte situasjonen.*
 ‘Он наблюдал за ситуацией и счастливо **ворковал**’.

3.5. Неразборчивая речь

В норвежском языке есть один глагол, описывающий нечленораздельную речь человека, — *kvekke* ‘квакать’:

- (42) *“Hei.” hun stoppet. “Øh...” stemmen brast. “blir du med på kino i kveld?” fikk han kvekket frem.*
 ‘«Привет!» — она остановилась. «Э...» — голос прервался ... «Пойдешь со мной в кино сегодня?» — с трудом **пробормотал** он’.

Этот глагол изображает неуверенную (и потому неразборчивую) речь, вызванную тем, что человек говорит с трудом из-за страха или от напряжения. Другое возможное прочтение глагола *kvekke* задает идею неожиданной или бестактной реплики, зачастую произнесенной в неподходящий момент.

3.6. Семиотически нагруженная речь

Разнообразным и неожиданным в отношении представленных в нем семантических сдвигов в норвежском языке оказалось поле семиотически нагруженной речи. Среди них есть как предсказуемые, так и совершенно новые для нашей выборки производные значения.

3.6.1. Глагол *mjaue* ‘мяукать’ при метафорическом переносе означает ‘ныть, просить о чем-либо’.

- (43) *Nå må du slutte å mjaue om de fridagene.*
 ‘Теперь ты должен прекратить мяукать об этих выходных (= просить, чтобы их тебе дали)’.

Подобные метафорические переходы зафиксированы также в финском и башкирском.

3.6.2. Любопытный пример семантического сдвига представляет собой метафора глагола *gale* ‘кукарекать’ — в переносном употреблении этот глагол приобретает значение ‘завнаваться, унижать, устанавливать господство над окружающими’. Похожий случай встретился в нашем материале в валлийском, где глагол *clochdar* ‘кукарекать’ при субъекте-человеке означает ‘хвастаться, зазнаваться’. Такая метафора, по-видимому, обусловлена особой, довольно распространенной, концептуализацией петуха в языке и культуре. Отметим, что в норвежском она реализуется главным образом в составе сравнительной конструкции.

(44) *Han spradet rundt som en galende hane hele tiden.*

‘Он все время расхаживал вокруг, как **кукарекающий** петух’.

3.6.3. Еще один интересный — на этот раз с теоретической точки зрения — пример перехода связан с глаголом *surre*, в прямом значении описывающим **жужжание мухи**. В результате переноса этот глагол приобретает значение ‘бесцельно брести, бежать без конкретного направления’:

(45) *Han surret rundt.*

‘Он **бесцельно бродил** вокруг’.

Этот сдвиг представляет богатый материал для изучения типов метафор и механизмов семантического сдвига, так как глагол, в прямом значении означающий звук, в переносном употреблении теряет звуковой компонент (см. подробнее Главу 20 настоящей монографии).

3.6.4. Глагол *ule* ‘**выть**’ может описывать речь человека, который полон энтузиазма и с жаром говорит о чем-либо. Так, в (46) *ule* задает ситуацию, при которой мужчина, ухаживающий за женщиной, постоянно восхваляет ее, говорит ей комплименты — для нашей выборки этот переход совершенно уникален:

(46) *Han var helt vill etter henne og ulte.*

‘Он был абсолютно без ума от нее, и **все время говорил только о ней**’.

3.6.5. Последний метафорический перенос, который мы рассмотрим, — употребление глагола *suse* по отношению к человеку. В принципе этот глагол не вполне попадает в интересующее нас семантическое поле: прототипически он не характеризует животных, а обозначает звук ветра или быстро проносящегося мимо объекта (ср. рус. *свистеть*). Вместе с тем *suse* может относиться и к звукам пролетающей пчелы или шмеля, и именно в сочетании со словом ‘шмель’ этот глагол вошел в состав устойчивого выражения, связанного с человеком. Речь идет о конструкции *å la humla suse* ‘быть спокойным, не волноваться по пустякам, вести беззаботную жизнь’ (букв. ‘позволить шмелю жужжать’). Это выражение используется, если речь идет о чем-либо не очень важном, из-за чего не стоит расстраиваться. Не вполне ясно, что в этом случае послужило основой семантического сдвига: выражение уже настолько идиоматизировано в языке, что носители

не могут однозначно интерпретировать его внутреннюю форму. По-видимому, здесь подразумевается, что следует предоставить событиям идти своим чередом.

4. Заключение

Система глаголов звука в норвежском схожа с данными других европейских языков: типы метафор в большинстве случаев легко расклассифицировать по разработанной нами системе. В то же время, норвежский демонстрирует некоторые особенности, которые не встречались (или редко встречались) нам в других языках (как родственных, так и неродственных норвежскому).

Во-первых, интересны глаголы, описывающие звуки самых близких человеку животных — собаки и кошки. Для собаки, как и в большинстве языков, существует не один глагол, а несколько — в норвежском их три (*bjeffe*, *gneldre* и *gjø*). Однако все три глагола взаимозаменяемы, они не дифференцируют лай и рычание. Для кошки тоже имеется два глагола, которые, в отличие от «собачьих», обозначают различные типы звуков. Один — звукоподражательный — является коррелятом русского *мяукать*, тогда как другой напрямую не связан со звукоподражанием и интересен своим употреблением не только в ситуациях, когда кошка довольна (что характерно, например, для русского *мурлыкать*), но и в негативном контексте.

Во-вторых, мы обнаружили глаголы, обозначающие звуки леммингов и хорьков. Ни в одном из языков нашей выборки нет специальных глаголов для этих животных — их наличие в норвежском связано, по-видимому, с культурными факторами и особенностями географического положения страны.

Наконец, в норвежском языке нашлось довольно большое число примеров, относящихся к семиотически нагруженной речи. Многие из этих метафор уникальны. Например, вой волка обычно означает плач от горя, в то время как в норвежском языке он порождает метафору ‘говорить с жаром’. Интересен и переход глагола жужжания в ‘бесцельно бродить’. Оригинальность и в то же время точность этой метафоры удивительны.

Нельзя не признать, что норвежский материал позволил существенно расширить нашу типологию глаголов звука.

Источники

Корпуса

<http://www.tekstlab.uio.no/norsk/nynorsk/> (нюнорск)

<http://www.tekstlab.uio.no/norsk/bokmaal/> (букмол)

Словари

Берков, В. П. 2006. *Новый большой русско–норвежский словарь*. М.: Живой яз.

<http://www.nob-ordbok.uio.no/>

Глава 6. Глаголы, обозначающие звуки животных в валлийском языке

A Bird uses	Mae Aderyn yn arfer
To fly, to sing:	Hedeg, canu:
A Fish, to swim,	Pysgodyn yn nofio,
A Bullock, to low,	Bystach yn bugynad neu'n brefu,
A Hog to grunt,	Mochyn yn rhochian,
A Sheep to bleat,	Dafad yn brefu,
An Ass to bray,	Asyn yn bloeddio,
An Horse to neigh,	Ceffyl yn gweryru,
A Lion to roar,	Llew yn rhuo,
An Wolf to howl,	Blaidd yn udo,
A dog to bark.	Ci yn cyfarth.

(Evans 1804: 75)

1. Введение

Валлийский язык распространен в Уэльсе, Великобритания, согласно данным переписи 2011 года на нем говорит 562 000 человек в возрасте от трех лет, что составляет 19 % всего населения Уэльса (2011 Census: First Results on the Welsh Language). Это индоевропейский язык, вместе с корнским и бретонскими языками относящийся к британской ветви кельтской группы. В течение XX века все носители валлийского языка постепенно стали двуязычными, не владеют английским языком лишь редкие дети дошкольного возраста. В результате английский язык оказывает огромное влияние на валлийский — от лексических заимствований до изменений синтаксиса. Возможно, что в результате этой интерференции некоторые из описанных выражений появились в валлийском лишь недавно и являются кальками с английского, однако для выяснения этого вопроса потребовалось бы отдельное диахроническое исследование. Поэтому на данном этапе мы не только обращаем внимание на те значения, которые не имеют параллелей в английском языке, но и описываем все словоупотребления, встреченные в корпусе.

При сборе данных были использованы основные словари (GA, GPC), а также корпуса и интернет-ресурсы¹, найденные примеры обсуждались с носителями языка.

¹ Большая часть примеров взята из корпуса современного валлийского языка (Ellis & al. 2001), состоящего из прозаических текстов XX века. Другие были найдены с помощью

2. Звуки животных: прямые значения глаголов

Поиск глаголов, сочетающихся с животными, перечисленными в базе данных, дал более 25 глаголов. Специфика современного валлийского языка заключается в том, что несмотря на существование литературного стандарта, в нем сохраняются значительные диалектальные различия. Так, например, ‘бык *reuet*’, согласно диалектальному атласу А. Томаса (Thomas 1973: 286–7), выражается в различных частях Уэльса восемью разными глаголами:

<i>rhuo</i> ²	север и юго-восток Уэльса;
<i>puo</i>	Англси и близкие к нему территории;
<i>beichio</i>	части севера Уэльса;
<i>bygloddi</i>	восточные части центрального Уэльса;
<i>bygynad</i>	большинство территорий на западе и в центральной части южного Уэльса;
<i>bygylad</i>	некоторые территории на западе и в центральной части южного Уэльса;
<i>boichen</i>	некоторые территории в южной части западного Уэльса;
<i>bolgen</i>	некоторые территории в южной части западного Уэльса.

Диалектальные различия также заметны в конструкциях, описывающих мурлыканье кошки. Соответственно, вся система прямых и переносных значений колеблется по диалектам. К сожалению, систематическое изучение этих различий пока невозможно, поэтому в нашей работе мы преимущественно описываем именно язык литературного стандарта.

Прежде чем приступить к описанию метафорических значений, в которых используются интересующие нас глаголы, хотелось бы остановиться на возможностях обозначения одним глаголом звуков различных животных. Необходимость исследования этого аспекта лексикализации звуков животных стала особенно очевидной, когда появилась большая типологически ориентированная база данных³. Возможно, не слишком интересный с теоретической точки зрения, этот феномен безусловно релевантен в свете лексической типологии, поскольку на нем видны, с одной стороны, разные стратегии категоризации звуковых ситуаций в различных языках, с другой стороны, повторяющиеся модели объединения этих ситуаций.

В валлийском языке мы находим четыре глагола, специфическим образом объединяющих звуки разных животных: *rhuo*, *breſu*, *crawcian* и *gwichian*.

Глагол *rhuo* обозначает звуки, издаваемые львами, быками, а также воображаемыми, но чрезвычайно важными для валлийской культуры созданиями, драконами.

поиска в интернете. Поскольку в интернете на валлийском языке пишут не только носители, но и люди, изучающие язык, все эти примеры были обсуждены с носителями.

² Глагольная система валлийского языка включает и синтетические, и аналитические формы. Словарной формой глагола является либо глагольное имя (verbal noun, berfenw — эту форму мы используем в нашей работе), либо 1SgPrs (как в словаре GPC).

³ См. <http://nevmenandr.net/cgi-bin/zvukimu.py> и <http://www.web-corpora.net/zvukimu>.

(1) *Clywch* у *tarw coch cethin,*
слушать:IMPER.2PL ART бык красный бурый

Yn rhuo draw yn y cae eithin;
P реветь:VN там В ART поле дрок

Clywir o ^Lbell, ni ^Lwelir o byth.
слышать:IMPER.3SG.M далеко NEG видеть:IMPER.3SG.M 3SG.M никогда

‘Послушайте рыже-бурого быка, **ревушего** на поле дрока; его слышно издалека, его никогда не видно’.

(2) *Ac y ffordd ma's ^Lwelon ni'r llewod*
а ART дорога наружу видеть:PRT.1PL мы=ART лев:PL

yn rhuo am ^Lfywyd, cegau mawr fel hyn — Arrr!
P рычать:VN о еда пасть:PL большой как так ppp

‘А по дороге к выходу мы видели, как львы **рычали**, требуя корма, (открывая) большие пасти вот так — Ppp!’

(3) *Y ^LDdraig ^LGoch yn rhuo unwaith eto.*
ART дракон красный P реветь:VN один.раз еще

‘Красный дракон снова **ревет**’. [газетный заголовок]

В интернете был также найден один пример, в котором глагол *rhuo* относился к собаке, но носители единодушно отвергли его как неестественный, поскольку для них субъектом этого глагола может быть только «большое животное».

(4) *Rhuodd y ci agosaf ati gan symud.*
реветь:PRT.3SG ART собака ближайший к:3SG.F при двигаться:VN

‘Собака рядом с ней **рычала** при движении’.

Глагол *brefu* обозначает звуки, производимые всеми видами рогатого скота: коровами, волами, овцами, козами. Аналогичный глагол встретился в рамках проекта, в частности, в шокшинском диалекте эрзянского языка (подробнее см. Главу 10).

(5) *Mae'r ^Lfuwch yn y beudy, yn brefu am y llo.*
быть:PRS.3SG=ART корова В ART коровник P мычать:VN о ART теленок

‘Корова в коровнике, **мычит** о теленке’.

(6) *Brefodd y ^Lddafad, tawodd y proffwyd*
мычать:PRT.3SG ART овца молчать:PRT.3SG ART пророк

a deffrodd y cwmni selog.
и проснуться:PRT.3SG ART компания пылкий

‘Овца **заблел**, пророк замолчал, и пылкая компания проснулась’⁴.

Глагол *crawcian* обозначает звуки ворон и воронов, а также лягушек.

⁴ Контекст предложения следующий: в церкви во время службы было душно, проповедник вел такую долгую речь, что все заснули, а проснулись только тогда, когда заблелая зашедшая к алтарю овца. http://www.tal-y-bont.org/uploads/270_287low.pdf.

- (7) *Mentrodd* *ambell* *^lwylan* *atom* *i* *^lfegera*,
осмеливаться:PRТ.3SG некоторый чайка к:1PL для попрошайничать:VN
crawcian *o'r* *uchelderau* *^lwnai'r* *^lgigfran*.
каркать:VN с=ART высота:PL делать:1PF.3SG=ART ворон

‘Некоторые чайки осмеливались подойти к нам, чтобы попрошайничать, с высоты каркал ворон’.

- (8) *Dim ond* *llyffantod* *gwrywaidd* *sy'n* *crawcian*.
только лягушка:PL мужской быть:PRS.REL.3SG квакать:VN

‘Квакают только самцы лягушек’.

Один глагол используется для обозначения звуков свиней, поросят и мышей (но не цыплят) — *gwichian*:

- (9) *'Dewiswch* *chi'r* *^ldrosedd* *i'w* *^schosbi*,
выбирать:1MP.2PL вы=ART преступление к=его наказать:VN
o *^lFrenhines* *y* *Cathod,* *gwichiodd* *Mini*.
о королева ART кошка:PL пищать:PRТ.3SG М.

‘«Выберите преступление, чтобы наказать за него, о королева кошек», — пропизала Мини (мышь)’.

- (10) *Ond yn sydyn* *dyma un o'r moch yn dechrau rhochian*
но р внезапно вот один из=ART свинья:PL р начать:VN хрюкать:VN
ac, yn y man, dyma eraill yn ymuno ag o
и в ART место вот другие р присоединяться:VN с он
ac yn dechrau gwichian hefyd.
и р начать:VN визжать:VN тоже

‘Но внезапно одна из свиней начала хрюкать, и сразу другие присоединились к ней и начали визжать’.

3. «Человеческие» метафоры глаголов звука, связанных с животными

С теоретической точки зрения, вероятно, наибольший интерес в изучении глаголов звука представляют их метафорические употребления. Переносные значения рассматриваемых лексем можно условно разделить на два больших класса: относящиеся к человеку vs. относящиеся к природным объектам и артефактам. Количественное соотношение этих метафор в валлийском приблизительно соответствует данным других языков. Наиболее широко представлены значения, относящиеся к людям, что можно объяснить антропоцентричной природой языка. Метафоры, относящиеся к природным объектам и артефактам, также имеются, но встречаются значительно реже. В дальнейшем изложении мы опираемся на классификацию метафор, которая обсуждается в первой главе этой монографии.

3.1. Физиология

В эту область включается человеческий храп, хотя не совсем ясно, в какую сторону в данном случае происходит метафорический переход — от звука животного к человеку или наоборот. Диахронически-ориентированные исследования китайского или романских языков показывают, что этот вопрос возникает постоянно.

- (11) *Mae'r gwŵr yn chwyrru'n ofnadwy bob nos.* <собака>
 быть:PRS.3SG=ART муж Р храпеть:VN=P ужасный каждый ночь
 'Мой муж ужасно **храпит** каждую ночь'.

- (12) *Stori i ^lblant ifanc yn dilyn ymdrechion anifeiliaid*
 история к дети:PL молодой Р следовать:VN усилие:PL животное:PL
у fferm i atal у ci rhag chwyrru.
 ART ферма к удерживать:VN ART собака от рычать:VN
 'История для маленьких детей, рассказывающая о том, как животные на ферме старались отучить собаку **рычать**'.

3.2. Качество голоса

Отдельный домен, в котором часто появляются метафоры от глаголов звуков животных, — качество голоса. С одной стороны, он близок предыдущей области — физиологии, с другой — с определенным качеством голоса часто связаны определенные эмоциональные реакции, о которых речь пойдет ниже. Как нам кажется, два примера в нашем материале относятся именно к этому домену.

Crawcio, глагол, обозначающий звуки ворон и лягушек (см. (7–8)), используется метафорически для описания хрипло говорящего человека, например, простуженного. В нем отсутствуют негативные коннотации относительно эмоциональной окраски высказывания, важен только неприятный звук.

- (13) *Yna, wrth i Gethin ei lapio'i hun amdano,*
 тогда у к Гетин его закутываться:VN сам вокруг
crawciodd yn ^lboenus, 'He, gofala lle wyt
 хрипеть:PR.3SG Р болезненный эй заботиться:IMP.2SG где быть:IMP.2SG
ti'n gosod у blydi sugnydd, wnei di! <лягушка, ворона>
 ты=Р ставить:VN ART чертов аспиратор делать:IMP.2SG ты
 'Потом, когда Гетин закутался, он болезненно **прохрипел**: «Эй, поаккуратнее ставь этот чертов аспиратор, ладно?»'

В сходном значении употребляется глагол *rhuo* 'реветь' (см. (1–4)), он относится к людям, говорящим громко и сердито, порой специально с целью устрашения слушателей. Его субъектом, скорее, может быть мужчина, чем женщина, поскольку голос говорящего должен быть низким и громким.

- (14) *'Mae'n rhaid i ni saethu Hurricane hwn i lawr!'*
 быть:PRS.3SG=P необходимость к мы стрелять:VN Харрикейн этот вниз

rhuodd un o swyddogion y Lufftwaffe,
 реветь:PRТ.3SG один из офицер АРТ Люфтваффе

llu awyr yr Almaen. <лев, бык>
 войско небо АРТ Германия

‘«Мы должны сбить этот Харрикейн!» — **проревел** один из офицеров Люфтваффе, немецких ВВС’.

3.3. Эмоциональные реакции

Следующая группа, представленная широко во всех языках проекта, — эмоциональные реакции. Для валлийского языка в этой зоне оказались релевантными сразу несколько ситуаций.

Если кто-то говорит высоким голосом, обнаруживая возбуждение или страх, используется глагол *gwichio* ‘пищать’ (ср. (9–10)), который в данном случае ассоциируется, вероятно, с мышами, а не свиньями. Субъектом этого глагола, скорее, являются женщины или дети, поскольку именно они чаще говорят голосом соответствующего тембра.

- (15) *'O Iesu mawr,' gwichiodd Morfudd, gan ^Lddychmygu'r*
 о Иисус великий пищать:PRТ.3SG Морвид с представлять:VN=АРТ

esgid ^Lfawr ^Lddynol yn ymddangos unrhyw eiliad
 ботинок большой мужской Р показываться:VN любой секунда

drwy ^Lbren y drws. <свинья, мышь>
 через дерево АРТ дверь

‘«Господи Иисусе», — **пискнула** Морвид, представившая себе, как в любую секунду на пороге двери может появиться большой мужской ботинок’.

Плач — один из самых частых человеческих звуков, которые обозначаются с помощью глаголов звуков животных, что демонстрирует, в частности, база данных проекта. В языках обычно сосуществуют разные слова для различных видов плача: релевантными могут оказываться категории субъекта плача (младенцы, дети, женщины), его громкости (тихо или громко), причины (например, боль, горе или жалобная просьба). Валлийский язык не является здесь исключением, в нем нашлось три метафоризованных глагола данной семантики.

Стандартное обозначение для громкого плача — *beichio crio* или *beichio wylo*. Хотя *beichio* — один из региональных глаголов для описания мычания коровы, носители не связывают эти «серийные конструкции» с животными. Сами лексемы *crio* и *wylo* означают плач, первая — это основная лексема ‘плакать’, вторая имеет, скорее, семантику ‘рыдать’.

- (16) *Eisteddodd Nain i lawr gan ochneidio'n ^Ldrwm*
 садиться:PRТ.3SG бабушка вниз с вздыхать:VN=P тяжелый

a dechrau beichio crio. <корова>
и начинать:VN мычать:VN плакать:VN

‘Бабушка села, глубоко вздохнула, и начала **плакать**’.

Сочетание *beichio wylo* относится скорее к высокому, литературному регистру и означает искреннюю скорбь.

(17) *ar ^lbennau'r tai, ac yn sgwâr y dref,*
на крыша:PL=ART дом:PL и в площадь ART город
bydd pawb yn udo ac yn beichio wylo. <корова>
быть:FUT.3SG всякий P выть:VN и P мычать:VN рыдать:VN

(Исаия 15, 3; *Y Beibl Cymraeg Newydd Diwygiedig* — Обновленный перевод Библии 2004 года)

‘на кровлях его [Моава] и площадях его все рыдает, утопает в слезах <букв. **мычит-рыдает**>’. (Синодальный перевод)

Ср. в новом переводе Библии на язык, приближенный к разговорному валлийскому:

Mae pawb yn udo ac yn beichio crio
быть:PRS.3SG всякий P выть:VN и P мычать:VN плакать:VN
ar ^lbennau'r tai ac yn y sgwariau.
на крыша:PL=ART дом:PL и в ART площадь

Udo, глагол, передающий вой волков⁵, выступает метафорически для обозначения громкого звука, который издает человек, испытывающий гнев или горе. Чаше глагол употребляется в отношении мужчины или ребенка, но не женщины.

(18) *Mi ^lgei di jips a ffish hefyd rhag ofn i*
P получать:FUT.2SG ты картошка и рыба тоже против страх к
chdi udo'n bod ni wedi dy ^lhwgu di. <волк>
ты выть:VN=P быть:VN мы после твой морить голодом:VN ты

‘Ты получишь и рыбу с картошкой, чтобы ты не **выл**, что мы тебя заставили голодать’.

(19) *Roedd yr hen ^lddyn yn udo mewn cynddaredd*
быть:IPF.3SG ART старый человек P выть:VN в ярость
wrth i'r lladron ^lreddeg i ffwrdd i'r nos. <волк>
у K=ART вор:PL бежать:VN прочь K=ART ночь

‘Старик **выл** от ярости, в то время как воров убили в ночь’.

Глагол *nadu*, обычно обозначающий звук, производимый ослами, передает также громкий неприятный звук, который издает плачущий или смеющийся от переизбытка чувств

⁵ Нужно отметить, что волки были истреблены в Уэльсе уже несколько столетий назад, равно как и медведи, хотя ниже мы будем говорить и о них. И тем не менее, издаваемые ими звуки явно являются частью валлийской языковой картины мира, так же как и звуки драконов.

человек. В таком значении он обычно встречается в сериальной конструкции с глаголами *crio* ‘плакать’ или *chwerthin* ‘смеяться’ (ср. 16).

- (20) *Roedd John yn nadu chwerthin*
 быть:PF.3SG Джон Р кричать:VN смеяться:VN
o ^Lwiriondeb y sefyllfa. <осел>
 о нелепость ART ситуации
 ‘Джон **громко смеялся** над нелепостью ситуации’.
- (21) *Roedd hi'n nadu crio yn ei galar.* <осел>
 быть:PF.3SG она=Р кричать:VN плакать:VN в ее скорбь
 ‘Она **громко плакала** в своей скорби’.

3.4. Неразборчивая речь

Для неразборчивой речи, категории, в которой в других языках было найдено множество интересующих нас метафор, в валлийском был обнаружен всего один «животный» глагол. Лексема *chwician* ‘квохтать’ <о курице> может описывать женщину, тихо бормочущую что-то, по мнению говорящего, не очень важное.

- (22) *Roedd yr hen ^Lwraig yn chwician yn ^Ldawel*
 быть:PF.3SG ART старый женщина Р квохтать:VN Р тихий
iddi 'i hun wrth chwilota yn y drôr.
 к ее сам у искать:VN в ART ящик
 ‘Старушка тихо **бормотала** что-то себе под нос, просматривая ящик’.

3.5. Выражение неодобрения

Для выражения неодобрения также часто используются метафоры звуков животных, они характерны для каждого из проанализированных языков. В валлийском в этой зоне обнаруживаются метафоры для описания как слабого, так и сильного неодобрения.

Для слабого неодобрения используется глагол *hisio* ‘шипеть’, обычно обозначающий звуки кошек и змей.

- (23) *Pleser o'r mwyaŷ yw cael dy ^Lgwmmi*
 удовольствие от=ART большой быть:PRS.3SG получать:VN твой компания
di y bore 'ma' hisiodd drwy'r bylchau yn ei dannedd'
 ты ART утро этот шипеть:PRТ.3SG через=ART дыра в ее зуб:PL
 ‘«Особое удовольствие — быть с тобой этим утром», — **прошипела** она сквозь зубы’.

Для выражения агрессивного неодобрения используется лексема *cyfarth* ‘лять’ (ср. калмыцкий, финский, хантыйский и др. языки в базе данных). Она описывает грубое и короткое высказывание, как правило, произнесенное хриплым голосом, и обычно относится к мужчинам.

- (24) *'Caewch eich pennau!' cyfarthodd y sarjant.*
 закрыть:IMP.2PL ваш голова:PL лаять:PRТ.3SG ART сержант
 «Заткнитесь!» — **рвкнул** сержант».

Глагол *chwyrnu* ‘рычать’, также обозначающий звуки собак (ср. (11–12)), переносится на угрожающую речь. Его субъектом опять же чаще выступает мужчина, а не женщина, поскольку он предполагает хриплый и низкий голос.

- (25) *'Gwell i chi beidio â symud,' chwynnodd y dyn.* <собака>
 лучше к вы удержаться:VN от двигаться рычать:PRТ.3SG ART мужчина
 «Лучше вам не двигаться», — **прорычал** мужчина».

3.6. Множественный субъект

Одновременная речь множества людей обычно нечленораздельна, соответствующие примеры часто находятся в базе данных. В валлийском языке глагол *rhuo* ‘реветь’ (ср. (1–4)) используется для обозначения громкого звука, производимого толпой.

- (26) *Roedd y torf yn rhuo wrth i Jack*
 быть:PRТ.3SG ART толпы Р реветь:VN у к Джек
anelu am y gôl. <лев, бык>
 целиться:VN на ART гол
 «Толпа **взревела**, когда Джек целился, чтобы забить гол».

3.7. Семиотически значимая речь

Как отмечено в Главе 1 (см. также Главу 20), семиотически нагруженная речь сложнее всего для типологического анализа, поскольку она оказывается в наибольшей степени культурно обусловленной. Два релевантных примера были найдены в валлийском языке.

Глагол *clochdar* ‘кукарекать’, обычно обозначающий крик петуха, развивает семантику хвастовства.

- (27) *Fe ^lwnes i ^lfwynhau'r Gemau Olympaidd, a hynny*
 Р делать:PRТ.1SG я наслаждаться:VN=ART игра олимпийский и то
er gwaetha clochdar y cyfryngau am ^llwyddiannau Prydain. <петух>
 хотя кукарекать:VN ART средство:PL о успех:PL Британия
 «Мне понравились Олимпийские игры, несмотря на то, что средства массовой информации **кукарекали** об успехах Британии».

Второй глагол — *swnian* ‘скулить’ — описывает и звуки собаки, несчастной от того, что ее оставили одну, и речь человека, жалующегося на что-то, что, по мнению говорящего, не является важным. Неясно, в какую сторону здесь работает семантический переход — от человека к собаке или наоборот — существенно, что в «человеческом» контексте у этого глагола другое управление — а именно, то, которое бы соответствовало стандартному глаголу говорения (подробнее об этом эффекте см. Главу 20), ср. (28–29).

- (28) *Peidiwch â gadael i'ch ci Lgyfarth neu swnian*
 удержаться:IMP.2PL оставлять:VN к=ваш собака лаять:VN или скулить:VN
am Lgyfnodau hir neu ei Ladael ar ei Lben ei hun.
 на период:PL долгий или его оставлять:VN на его голова его сам
 ‘Не оставляйте свою собаку лаять или **скулить** надолго или не оставляйте ее одну’.
- (29) *Roedd ffrind i mi o Ddolgellau eisoes wedi mynd yna,*
 быть:PRF.3SG друг к я из Долгеллай уже после ездить:VN туда
ac wedi bod yn swnian arna i i fynd hefyd. <собака>
 и после быть:VN P скулить:VN на я к ездить:VN тоже
 ‘Мой друг из Долгеллай уже туда ездил и все **ныл**, чтобы я туда тоже съездил’.

3.8. Иные метафоры человеческой речи, связанные с животными

Некоторые интересные ассоциации животных и человеческого поведения в валлийском языке не связаны с глаголами звука, являющимися основным предметом исследования этого проекта. Тем не менее нам хотелось бы затронуть и эту тему.

Первый пример — глагол *arthio*, являющийся морфологически прозрачным производным от *arth* ‘медведь’, Университетский словарь валлийского языка дает следующие английские эквиваленты для этого глагола: ‘to bark or growl like a bear, to speak or shout gruffly, scold’ [GPC 212]. Он не употребляется в отношении медведей или других животных, но часто используется в ситуациях, обозначаемых в нашей классификации как «отрицательная реакция: агрессивное противодействие».

- (30) ‘*Caewch eich pennau, arthiodd yr athro yn gas.*
 закрыть:IMP.2PL ваш голова:PL орать:PRF.3SG ART учитель P резкий
 ‘«Заткнитесь», — **заорал** учитель резко’.

Другой пример негативной реакции (слабое противодействие) — это сравнение с осой *cacynen*, использующееся для описания человека, надоедливо выражающего свое недовольство.

- (31) *Rwyd ti fel cacynen mewn pot jam.*
 быть:PRS.2SG ты как оса в банка варенье
 ‘Ты как оса в банке варенья’.

4. Метафоры, не связанные с человеком

В этом разделе мы остановимся на метафорах, относящихся к природным объектам и артефактам. Рассмотрим каждую из групп в отдельности.

Звуки, которые издает ветер, описываются как минимум четырьмя разными глаголами, в зависимости от интенсивности ветра.

- (32) *Roedd yr awel yn suo rhwng y dail.* <пчелы>
 быть:IPF.3SG ART ветерок P жужжать:VN между ART листва

‘Ветерок **шелестел** в листве’.

- (33) *Chwibanodd y gwynt o amgylch y castell
 a chwipiodd y glaw yn erbyn y ffenestri.* <птички>
 свистеть:PRF.3SG ART ветер вокруг ART замок
 и быть:PRF.3SG ART дождь против ART окно:PL

‘Ветер **свистел** в замке и дождь бил по окнам’.

- (34) *Gwasgai Carwyn, Morlais a Henedd eu hunain
 yn erbyn y graig wrth i'r gwynt nadu
 o'u cwmpas fel blaidd mewn cynddaredd.* <осел>
 жаться:IPF.3SG Карвин Морлайс и Хенед их сам
 против ART скала у K=ART ветер кричать:VN
 от=их круг как волк в бешенство

‘Карвин, Морлайс и Хенед прижались к скале, а ветер **выл** вокруг них как бешеный волк’.

- (35) *Chwythed y gwynt o'r Dwyrain,* <лев, бык>
 дуть:IMP.3SG ART ветер из=ART восток
Rhued y storm o'r môr;
 реветь:IMP.3SG ART шторм из=ART море
Hollted y meltt yr wybren
 раскалывать:IMP.3SG ART молния ART небо
A gwaedded y ^Ldaran encôr...
 и кричать:IMP.3SG ART гром Encore!

‘Пусть ветер дует с востока, / Пусть **ревет** шторм с моря, / Пусть молния раскалывает небо / и гром кричит «Encore!»...’

Yma o hyd (Все еще здесь), популярная песня Давида Иуана (Dafydd Iwan), ср. (1–4).

‘Реветь’ может и море — аналогичная метафора часто встречалась в исследованных языках (ср. финский, корейский, французский, русский, английский и др.).

- (36) *Mi fyddaf yn ^Lfalch o ^Lgael cyflawni fy neges
 P быть:FUT.1SG P гордый от получать:VN выполнить:VN мой задание
 yn y ^Lddinas ^Lfawr, brysur, ac ar fy ffordd adref,
 в ART город большой оживленный и на мой путь домой
 i'r pentref croesawus lle gallaf ^Lgerdded yn eithaf diogel
 в=ART деревня гостеприимный где мочь гулять:VN P вполне спокойно
 uwch y creigiau, a gwranddo ar y môr yn rhuo.* <лев, бык>
 над ART скала:PL и слушать:VN на ART море P реветь:VN

‘Я буду рад выполнить свое дело в большом, оживленном городе и отправиться домой, в гостеприимную деревушку, где я вполне спокойно могу ходить по скалам и слушать, как **ревет** море’.

Из прочих природных объектов глаголами звуков животных описываются только сучья, ломающиеся под ногами, — этот звук обозначается глаголом *gwichian*, ср. (9–10).

- (37) ...*dan ei s̄thraed gwichiai*
 под ee ноги:PL пищать:IPF.3SG
a s̄chleciai'r brigynnau coed. <свиньи, мыши>
 и хрустеть:IPF.3SG ветка:PL дерево:PL
 ‘...под ее ногами **пищали** и хрустели ветки деревьев’.

Плохо представлен в нашем материале и домен артефактов. Возможно, это объясняется не только объективными факторами (в частности, обсуждавшейся выше антропоцентричностью языка), но и субъективными причинами, а именно, большей сложностью поиска таких метафор. Если в области человеческих метафор возможна разработка единой классификации, охватывающей все представленные в изученных языках случаи семантических переносов, то природные явления и объекты, а также артефакты хуже поддаются исследованию. В идеальном случае для артефактов потребовался бы длинный список конкретных объектов, про каждый из которых нужно было бы спросить у информанта, может ли он описываться звуками животных. У нас не было возможности провести такой опрос, поэтому в данной области мы ограничились лишь анализом материала словарей, корпуса и интернет-ресурсов, который дал всего лишь одну — распространенную и в английском, и в других европейских языках — метафору — ревущих автомобилей (*rhuo*) <лев, бык>, ср. (1–4).

- (38) *Wrth l̄weld a s̄chlywed y moduron yn rhuo heibio*
 у видеть:VN и слышать:VN ART машина:PL P реветь:VN мимо
iddynt mor agos, daeth hiraeth ar y plant am l̄fod
 к:3PL так близко прийти:PRT.3SG тоска на ART дети о быть:VN
yn ôl ar yr ynys, yng Nngwynt y môr; gweld yr adar...
 назад на ART остров в ветер ART море видеть:VN ART птицы
 ‘Увидев и услышав, как машины **ревут** так близко к ним, дети захотели снова окатиться на острове, на морском ветру, увидеть птиц...’

5. Заключение

В валлийском языке встретились метафорические модели и стратегии категоризации, релевантные в других, далеких от него языках мира, что делает его интересным для исследований в области лексической типологии. Многовековое соседство с английским языком и полный билингвизм к концу XX века не могли не отразиться на разных уровнях структуры валлийского языка — результаты языковых контактов можно проследить и на материале изучаемой нами здесь семантической области. Глаголы, выражающие звуки разных животных, демонстрируют, с одной стороны, некоторые «склейки», не слишком распространенные в нашей выборке, но присутствующие и в валлийском, и в английском языке, например, *gwichio* — глагол, обозначающий звуки мышей и свиней, ср. аналогичное объединение в английском *squeak* или *squeal*; или *crawcian*,

соответствующий странной для носителей русского языка комбинации звуков ворон и лягушек — этот глагол даже этимологически является заимствованием английского *croak* (GPC 582) с той же сочетаемостью. С другой стороны, несмотря на долговременное влияние английского языка, валлийский сохраняет уникальную языковую картину мира, демонстрируя в исследованной области ряд черт, отсутствующих в английском. Примером совмещения в одном глаголе звуков разных животных, не имеющего аналогов в английском, является глагол *brefu*, которым обозначаются звуки разных видов домашнего скота — в английском, подобно русскому, у отдельных представителей этого класса есть свои звуковые глаголы (корова — *low*, *moo*, овца — *bleat* и т. д.). Как кажется, в области метафор заметный отличий от английского не наблюдается, большинство из переносных значений вполне возможны и у английских переводных эквивалентов (хотя этот вопрос и требует отдельного изучения). Однако на синтаксическом уровне встречаются конструкции, не имеющие аналогов в английском: речь идет о «сериальных» конструкциях типа *beichio wyllo / crio*, исходно ‘мычать + плакать’ или *nadu chwethin / crio* ‘реветь + смеяться / плакать’.

Таким образом, роль валлийского в сопоставительных исследованиях лексики не должна недооцениваться. Хочется надеяться, что дальнейшее развитие электронных ресурсов для валлийского языка сделает его еще более удобным объектом для изучения в области лексической типологии.

Список условных сокращений

1,2,3 — 1,2,3 лицо; ART — артикль; F — женский род; FUT — будущее время; IMP — императив; IMPERS — имперсонал; IPF — имперфект; M — мужской род; NEG — отрицание; P — частица; PL — множественное число; PRS — презент; PRT — претерит; REL — относительная форма; SG — единственное число; VN — глагольное имя.

^L — лениция; ^N — назальная мутация; ^S — спирантная мутация

Источники

- GA: Griffiths, Bruce & Jones, Dafydd Glyn (eds.), 1995, *Welsh Academy English-Welsh Dictionary: Geiriadur Yr Academi*, Cardiff: University of Wales Press.
- GPC: Thomas, Richard J., Bevan, Gareth A. & Donovan, Patrick J. (eds.), 1950–2002, *Geiriadur Prifysgol Cymru*, Cardiff: University of Wales Press.
- Evans, Thomas, 1804, *An English and Welsh Vocabulary: or, an easy guide to the ancient British language*. Merthyr.
- Ellis, C, O’Dochartaigh, C., Hicks, W., Morgan, M. & Laporte, N., 2001, *Cronfa Electroneg o Gymraeg: A 1 million word lexical database and frequency count for Welsh*. www.bangor.ac.uk/canolfanbedwyr/ceg.php.en.
- Thomas, Alan R., 1973, *The Linguistic Geography of Wales: A Contribution to Welsh Dialectology*. Cardiff: University of Wales Press.
- 2011 Census: First Results on the Welsh Language. <http://wales.gov.uk/topics/statistics/headlines/population2012/121211/?lang=en>

Глава 7. Глаголы звуков животных в греческом языке

1. Введение

Как известно, на протяжении своего развития греческий язык, который является единственным представителем греческой группы языков индоевропейской семьи, претерпел множество изменений. В этой главе мы описываем материал новогреческого языка, на котором в настоящее время говорят 15 млн человек, из которых большинство проживает в Греции и Республике Кипр, а также в странах Балканского региона — Албании, Болгарии и Румынии, где греческий служит языком межнационального общения.

Большая часть данных была получена от носителей языка, проживающих в Афинах, а также из корпуса и словарей.

В ходе исследования было выявлено 19 глаголов, описывающих звуки животных, которым и будет посвящена эта глава:

βελάζω;	γουργουρίζω;	χλιμιντρίζω;	κλαψουρίζω;
μουγκρίζω;	βουίζω;	γαρίζω;	κροταλίζω;
ουρλιάζω;	νιαουρίζω;	κελαηδώνω;	κουκουβίζω;
τιτιβίζω;	κακαρίζω;	γαβγίζω;	ζουζουνίζω.
κράζω;	βρυχέμαι;	βομβίζω;	

Особенностью греческого языка является то, что при описании звуков животных эти глаголы употребляются параллельно с более частотными аналитическими формами, состоящими из сочетания глагола *κάνω* ‘делать’ и соответствующего звукоподражания, ср. *κάνω μου* ‘мычать’, *κάνω μπεεεε* ‘блеять’ и т. д.

2. Прямые значения: группы животных

Прямые значения исследуемого поля интересны для типологии прежде всего с точки зрения объединений звуков разных животных в одном глаголе.

Среди только что перечисленных нами лексем таких «групповых» глаголов обнаружилось девять: *βελάζω* ‘блеять’, *τιτιβίζω* ‘чирикать, щебетать’, *βρυχέμαι* ‘рычать’, *ουρλιάζω* ‘выть’, *μουγκρίζω* ‘мычать’, *κράζω* ‘каркать’, *βουίζω* ‘жужжать’, *κακαρίζω* ‘кудахтать’, *γουργουρίζω* ‘ворковать, мурлыкать’. В этом разделе мы последовательно рассмотрим эти группы.

2.1. βελάζω ‘блеять’ — о баране и олене

Такое объединение представляет интерес сразу по двум причинам. Во-первых, сам факт, что звук оленя лексикализуется, типологически редок. Чаще в языках олени либо «молчат», либо для выражения их звуков используется периферийный глагол, освоенный не всеми носителями (такова ситуация, например, с французским глаголом *raire*). Во-вторых, нетривиальна здесь и стратегия объединения. Обычно баран попадает в одну группу с другими животными, представляющими домашний скот, — так устроены, например, глаголы звучания во французском, эрзянском или индонезийском. Поэтому объединение барана и оленя естественно было бы ожидать для языков народов Севера, где оленей разводят и пасут — как коров и лошадей. Однако в Греции они являются дикими животными, и с этой точки зрения основания для их объединения с баранами неясны.

- (1) *Λευκό βουνάκι πρόβατα κινούμενο βελάζει.*
 белый холмик бараны движущийся блеять.1PFV.PRS.3SG
 ‘Белый движущийся холмик баранов **блеет**’.
- (2) *Ένα ελάφι βελάζει; έφυγε το καλοκαίρι.*
 ART олень блеять.1PFV.PRS.3SG покинуть.1PFV.PST.3SG ART лето
 ‘Олень **фыркает**; кончилось лето’.

2.2. τιτιβίζω ‘чирикать, щебетать’ — о небольших птицах

Эта комбинация является более обычной, в нашей выборке находится немало примеров языков, которые выделяют группу «мелкие птицы и птенцы» (ср., например, эрзянский или корейский). Однако стоит заметить, что цыпленок, который тоже является птенцом, не включается в эту группу: для него выбирается другой глагол звучания, который объединяет его с курицей (см. (18)).

- (3) *Τα παιδιά αρχίζουν να τιτιβίζουν σαν μικρός νεοσσός.*
 ART ребенок.PL начать.1PFV.PRS.3PL COMP чирикать.1PFV.PRS.3PL как маленький птенец
 ‘Дети начинают **чирикать**, как маленький птенец’.
- (4) *Οι σπουργίτες τιτιβίζουν.*
 ART воробей.PL чирикать.1PFV.PRS.3PL
 ‘Воробьи **чирикают**’.

2.3. βροχίεμαι ‘рычать’

Этот глагол тоже представляет типологически довольно стандартное объединение: льва с тигром. Действительно, языки часто описывают звуки крупных хищников общей лексемой. Заметим, однако, что часто ко льву и тигру примыкает также медведь, а иногда и собака, однако в греческом языке рычание льва и тигра лексически противопоставлено другим животным.

(5) Το λιοντάρι βρυχάται.

ART лев рычать.IPFV.PRS.3SG

‘Лев **рычит**’.

(6) Όταν η ελληνική τίγρη βρυχάται...

когда ART греческий тигр рычать.IPFV.PRS.3SG

‘Когда греческий тигр **рычит**...’ (газетный заголовок, образное выражение)

2.4. ουρλιάζω ‘выть’

Этот глагол реализует другую часто встречающуюся модель колексификации — волка и собаки, ср. русское *выть*.

(7) Ο σκύλος μου ουρλιάζει όλο το βράδυ.

ART собака POSS.1SG выть.IPFV.PRS.3SG весь ART вечер

‘Моя собака **воет** весь вечер’.

(8) Ένας λύκος ουρλιάζει στο σκοτάδι.

ART волк выть.IPFV.PRS.3SG В+ART тьма

‘Волк **воет** во тьме’.

2.5. μουγκρίζω ‘мычать’

Данным глаголом в греческом объединяются звуки быка и коровы. Это сближение может показаться довольно тривиальным, однако заметим, что в некоторых языках для быка и коровы используются разные глаголы. Например, в валлийском бык по звуку отождествляется со львом и тигром, а корова объединяется с овцой и козой.

(9) Η αγελάδα μουγκρίζει και το μοσχάρακι κλαίει.

ART корова мычать.IPFV.PRS.3SG и ART теленок плакать.IPFV.PRS.3SG

‘Корова **мычит**, а теленок плачет’.

(10) Ο ταύρος γονάτισε ζαφνικά και άρχισε να μουγκρίζει

ART бык преклонить.колена.PFV.PST.3SG внезапно и начать.PFV.PST.3SG COMP
 мычать.IPFV.PRS.3SG когда войти.PFV.PST.3SG В+ART скотобойня

‘Бык внезапно опустился на передние ноги и **замычал**, когда вошел на скотобойню’.

2.6. κράζω ‘каркать’

Κράζω — глагол для «крупных птиц»: он описывает крик ворона, вороны, сороки, а также сокола, орла, грифа и ястреба. Подобные группы выделялись и в других языках

(ср., например, индонезийский или венгерский), однако обычно в одной группе оказываются только хищные птицы, такие как орел, гриф, ястреб или сокол. В греческом к ним добавились менее прототипические ворона и сорока.

- (11) *Ακούω* *κοράκι* *να* *κράζει*.
 слушать.IPFV.PRS.1SG ворон COMP каркать.IPFV.PRS.3SG
 ‘Слушаю, как **каркает** ворон’.
- (12) *Όταν* *κράζει* *η* *κουρούνα*,
 когда каркать.IPFV.PRS.3SG ART ворона
ή *θα* *φουσήξει* *ή* *θα* *βρέξει*.
 или FUT ветер,дуть.PFV.PRS.3SG или FUT дождить.PFV.PRS.3SG
 ‘Если **каркает** ворона, будет ветрено или дождливо’.
- (13) *Είναι* *μια* *μικρή* *καρακάξα* *στο* *δέντρο* *απο* *πάνω*
 быть.PST.3SG ART маленькая сорока на+ART дерево.ACC.SG на над
μας *όποτε* *μιλάω*, *κράζει*.
 мы.ACC когда говорить.IPFV.PRS.1SG трещать.IPFV.PRS.3SG
 ‘На дереве над нами сидит маленькая сорока, когда я говорю, она **трещит**’.
- (14) *Τα* *γεράκια* *του* *πολέμου* *κράζουν*.
 ART сокол.PL ART война кричать.IPFV.PRS.3PL
 ‘Боевые соколы **кричат**’.

2.7. *βουίζω* ‘жужжать’

Этот глагол объединяет всех насекомых. Такая группа вполне естественна и встречается довольно регулярно — ср. аналогичную модель в хантыйском или сербском.

- (15) *Ήταν* *ένα* *κουνούπι* *χτες* *άρχισε* *να*
 быть.PST.3SG ART комар вчера начать.PFV.PST.3SG COMP
βουίζει *στο* *αυτί* *μου* *γύρω* *στις* *5* *το* *πρωί*.
 жужжать.IPFV.PRS.3SG V+ART ухо.ACC POSS.1SG вокруг V+ART 5 ART утро
 ‘Комар вчера начал **жужжать** возле меня в 5 часов утра’.
- (16) *Μια* *μύγα* *βουίζει* *μέσα* *στην* *τάξη* *και* *τα* *παιδιά*.
 ART муха жужжать.IPFV.PRS.3SG внутри V+ART класс и ART ребенок.PL
χάνουν *τη* *αυτοσυγκέντρωσή* *τους*.
 терять.IPFV.PRS.3PL ART концентрация POSS.3PL
 ‘Муха **жужжит** в классе, и дети отвлекаются’.

2.8. *κακαρίζω* ‘кудахтать’

Глаголом *κακαρίζω* в греческом описываются крик курицы и цыпленка. Между тем, как мы уже говорили (см. 2.2), в языках мира цыпленок, как правило, издает те же звуки,

что и другие маленькие животные и птицы, а также и детеныши животных (что-то вроде русского *пицать*), и особый глагол, обозначающий звуки курицы, для цыплят обычно не используется.

- (17) *Μην λεξ σε μία κότα πότε να κακαρίζει.*
 NEG говорить.IMPERS.2SG К ART курица когда COMP кудахтать.IPFV.PRS.3SG
 ‘Не указывай курице, когда ей **кудахтать**’. (пословица)

- (18) *Το цыпленок σταμάτησε να κακαρίζει.*
 ART цыпленок остановиться.PFV.PST.3SG COMP кудахтать.IPFV.PRS.3SG
 ‘Цыпленок прекратил **кудахтать**’.

2.9. *γουργουρίζω* ‘ворковать, мурлыкать’

В этом глаголе представлено уникальное для нашего материала объединение — голубя и мурлыкающей (от удовольствия) кошки. Фонетически оно правдоподобно, но, по-видимому, типологически нестандартно.

- (19) *Γιατί τα περιστέρια γουργουρίζουν?*
 почему ART голубь.PL ворковать.IPFV.PRS.3PL
 ‘Почему голуби **воркуют**?’

- (20) *Μια γάτα που γουργουρίζει είναι ικανοποιημένη.*
 ART кошка который мурлыкать.IPFV.PRS.3SG быть.IPFV.PRS.3SG довольный
 ‘Кошка **мурлычет**, когда она довольна’.

3. Переносные значения глаголов звуков животных

В этом разделе мы опишем метафорические переходы звуков животных, в которых они соотносятся с поведением человека, обозначая физиологические звуки (см. 3.1), эмоциональные проявления (3.2), неразборчивую речь (3.3), речевое поведение множественного субъекта (3.4), выражение неодобрения (3.5), а также семиотически значимую речь (3.6). В подразделе 3.7 мы рассмотрим единственный зарегистрированный нами переход в звуковую зону артефактов.

3.1. Физиологические звуки

Три типа физиологических ситуаций могут описываться в греческом глаголами звуков животных — это урчание в животе, крик от боли и звон в ушах.

Урчание в животе передается в греческом глаголом *γουργουρίζω* ‘мурлыкать’, который, как мы помним, в своем прямом значении объединяет звуки голубя и мурлыкающей кошки (см. 2.9).

- (21) *Γουρρourίζει* η *κοιλία* μου.
урчать.PFV.PRS.3SG ART живот POSS.1SG
‘Мой живот **урчит**’.
- (22) *Γουρρourίσε* το *στομάχι* μου *από* την *πείνα*.
урчать.PFV.PST.3SG ART живот POSS.1SG из-за ART голод
‘У меня **заурчало** в животе от голода’.

Похожий переход можно найти в финском языке, где в этом случае используется глагол *touuruta* ‘громко мяукать’. Голубиные звуки как обозначение урчания за пределами греческого нам не встретились, но в сходной функции используются крики некоторых других птиц, ср. курлыканье индюка в немецком (*kollern*) или кудахтанье курицы в корейском (*kkwululuk-keli/ta-y-ta*).

Ситуация **громкого крика или стона**, причиной которого является резкая боль, тоже может быть результатом метафорического переноса из зоны звуков животных. Источником метафоры в греческом языке в этом случае будут глаголы *μουγκρίζω* ‘мычать’ (о быке и корове) и *ουρλιάζω* ‘выть’ (о волке), ср. (23–24):

- (23) *Ο Γιάννης* *μούγκριζε* *από* τον *πόνο*.
ART Янис мычать.PFV.PST.3SG из-за ART боль
‘Янис **замычал** от боли’.
- (24) *Μην ουρλιάζεις!*
NEG кричать.IMPER.2SG
‘Не **кричи**/Не **вопи**!’

Наконец, третья ситуация из этой группы связана не столько со звуком, сколько с физиологическим ощущением, которое в восприятии экспериенцера ассоциируется со звуком, — это **звон в ушах** от напряжения, высокого артериального давления и под. Как в финском, сербском или французском, для описания этой ситуации используются глаголы звуков насекомых — *βουίζω* и *βομβίζω* ‘жужжать’:

- (25) *Βουίζουν* τα *αυτιά* μου *από* *πολλή* *ένταση*.
жужжать.PFV.PRS.3PL ART уши POSS.1SG из-за большой напряжение
‘У меня **звонит** в ушах от большого напряжения’.
- (26) *Υπάρχει* *βόμβος* *στα* *αυτιά* μου.
быть.PFV.PRS.3SG жужжание B+ART уши POSS.1SG
‘У меня **гудит** в ушах’.

3.2. Эмоциональные проявления

К эмоциональным проявлениям мы относим прежде всего плач как отрицательную эмоцию и смех как положительную. Во многих исследованных языках именно эта метафорическая зона является лексически наиболее проработанной. Однако в греческом

мы нашли только три метафоры такого рода — и все отрицательные: нам не встретилось ни одного «звериного» глагола, который бы передавал смех.

Первая метафора описывает плач при помощи глагола *βρυχέμαι* ‘рычать’ (о льве и тигре). Такой вид плача относится только к мужчинам, и в нем выражаются одновременно горе и злость, причем, по свидетельству информантов, основной акцент в этой ситуации приходится на злость, ярость, которую испытывает человек.

- (27) *Ο Γιόργος βρυχάθηκε γιατί τον άφησε η γκόμενά του.*
 ART Йоргос рычать.PFV.PST.3SG так как 3SG бросить.PFV.PST.3SG ART девушка POSS.3SG
 ‘Йоргос **взыл**, потому что его бросила девушка’.

Заметим, что рычание типологически регулярно соотносится со злостью, но при этом такие метафоры предполагают, скорее, «активное» агрессивное поведение — резкие высказывания, обращенные к кому-либо (ср. в русском *нарычал на сотрудника*). В греческом же через рычание описывается, так сказать, «пассивная» злость, когда человек раздражен, но предпринять ничего не может. Громкий плач от горя, в свою очередь, часто возводится к волчьему вою, но специфика греческого на этом фоне — в соединении горя со злостью, и для выражения этой сложной эмоции греческий «задействует» семантику рычания.

Другая метафора, которую можно отнести к классу эмоциональных проявлений, тоже касается плача. Типологически она довольно стандартна: это хныканье капризного ребенка, и источником для него выступает глагол *κλαψουρίζω* ‘скулить’ (о щенке). Речь идет о долгом, надоедливом плаче ребенка, который чем-либо недоволен.

- (28) *Το παιδί κλαψουρίζει όλη την ημέρα.*
 ART ребенок ныть.IPFV.PRS.3SG весь ART день
 ‘Ребенок **капризничает** весь день’.

Третий случай менее тривиален. Он связан с изменением качества голоса человека, когда он эмоционально напряжен или взвинчен. Для описания такой необычной эмоциональной реакции в греческом используется глагол *γαρίζω* ‘реветь’, который в своем прямом значении выражает крик осла. По отношению к человеку эта лексема описывает очень грубый, громкий, резкий тембр; тот, кто говорит таким голосом, очень зол.

- (29) — *Τι νέα, την παλεύεις με το στρατό;*
 что новости ART бороться.IPFV.PRS.2SG с ART армия.ACC.SG
 — *Ναι. <...> Δεν είναι και πολύ άσχημα, αν εξαιρέσεις*
 да NEG быть.PRS.3SG и очень плохо если исключить.IPFV.PRS.2SG
τους βλάκες τους ανώτερους που σου γκαρίζουν συνέχεια.
 все идиот.ACC.PL все старший.ACC.PL который ты.GEN реветь.IPFV.PRS.3PL постоянно
 ‘— Что нового? Все бьешься с армией? — Да. <...> Все было бы не так плохо, если исключить всех этих идиотов, всех старших, которые постоянно **ревут** на тебя’.

3.3. Неразборчивая речь

Имеется несколько разных причин, по которым человеческая речь может показаться нечленораздельной. Среди прочего, пониманию препятствуют нечеткая артикуляция говорящего

или его неуверенное речевое поведение. Именно эти ситуации лексикализуются в греческом языке, причем неуверенная неразборчивая речь уподобляется в греческом голосу барана и оленя — *βελάζω* ‘блеять’ (о прямом значении этого глагола см. 2.1), а речь, непонятная за счет нечеткой артикуляции, возводится к ржанию лошади — *χλιμιντρίζω* ‘ржать’, ср. (30–31). При этом первая метафора довольно прозрачна и достаточно распространена (ср. русск. *блеять*, фин. *määkiä*), тогда как вторая — единственная в нашей выборке.

(30) *Δεν ξέρει τι να πει και βελάζει.*
 NEG знать.IPFV.PRS.3SG что COMP сказать.PFV.PRS.3SG и блеять.IPFV.PRS.3SG
 ‘Он не знает, что сказать, и **блеет**’.

(31) *Δεν μιλάς, χλιμιντρίζεις.*
 NEG говорить.IPFV.PRS.2SG ржать.IPFV.PRS.2SG
 ‘Ты не говоришь, а **бубнишь**’.

3.4. Множественный субъект

К метафорам этой группы в греческом можно отнести два глагола — *τιτιβίζω* ‘чирикать, щебетать’ (о маленьких птицах, см. 2.2) и *νιαουρίζω* ‘мяукать’. *Τιτιβίζω* описывает ситуацию, когда одновременно разговаривают много детей, и характеризуется положительными коннотациями.

(32) *Ακούγονται τα τιτιβίσματα των παιδιών.*
 слышать.IPFV.PRS.PASS.3PL ART щебетанье ART дети
 ‘Слышится **щебетанье** детей’.

В принципе, аналогичный семантический сдвиг встречается и в других языках, однако обычно сходные метафоры покрывают не только детскую, но и женскую речь — так, например, обстоит дело в корейском или финском. В греческом же подобные употребления выделяют именно разговоры детей.

Для передачи женской речи используется другой глагол — *νιαουρίζω* ‘мяукать’. Он может означать женскую болтовню¹, при этом наблюдатель дает описываемой ситуации негативную оценку:

(33) *Οι γυναίκες νιαούρισαν όλο το βράδυ.*
 ART жена.PL мяукать.PFV.PST.3PL весь ART вечер
 ‘Женщины **проболтали** весь вечер’.

3.5. Выражение неодобрения

Как и эмоциональные проявления, неодобрение относится к типологически частотным результатам зоометафоры, однако в греческом языке источниками для этой

¹ Отметим, что *νιαουρίζω* ‘мяукать’ может описывать и высказывание одной женщины, но в этом случае глагол задает определенное смысловое содержание ее речи (см. раздел 3.6).

зоны выступают только два глагола: *γαβγίζω* ‘лаять’ (о собаке) — ‘говорить громко, грубо, раздраженно’, см. (34), и *κράζω* ‘каркать’, который используется, в сущности, в той же функции: один человек ругает другого, раздраженно и зло ему что-либо говорит, ср. (35–36):

(34) *Σταμάτα* *να* *γαβγίζεις*.
остановиться. IMPER. 2SG COMP лаять. IPFV. PRS. 2SG

‘Прекрати **орать**’.

(35) *Ο* *Γάννης* *άρρησε* *και* *τον* *έκραξα*.
ART Янис опоздать. PFV. PST. 3SG и 3SG каркать. PFV. PST. 1SG

‘Янис опоздал, и я его **обругал**’.

(36) *Έφαγα* *πολύ* *κράζιμο*.
есть. PFV. PST. 1SG много карканье

‘Я наелся **ругани** (меня сильно ругали)’.

Вместе с тем, наряду с недовольством субъекта каким-либо действием адресата, как в (35–36), *κράζω*, по свидетельству информантов, может выражать и несколько другой фрейм, а именно, публичное обвинение кого-либо в поступке, который тот, возможно, и не совершал (что-то вроде ‘публично обливать грязью’). Эта метафора не представлена среди глаголов звуков животных в русском языке, однако близкие переносы (с карканьем в качестве источника) встречаются в башкирском (*каркылдау* ‘наговаривать на кого-то’) и корейском (*sic-ta* ‘шумно и грубо рассказывать что-либо, сплетничая’).

3.6. Семиотически нагруженная речь

В этом разделе мы обсудим такие семантические переходы глаголов звука животных, при которых они начинают обозначать человеческую речь, наполненную некоторым дополнительным смыслом, не свойственным исходной ситуации, — мы называем ее семиотически нагруженной. В греческом языке встретилось четыре типа сдвигов такого рода. Это много, если учесть, что греческий, по сравнению с другими исследованными языками, довольно беден в отношении глагольных зоометафор звука: весь наш материал насчитывает всего 19 глаголов, а те зоны, которые обычно широко представлены в языках (например, выражение неодобрения), в греческом, как мы видели, разработаны довольно слабо.

Сдвиг ‘мяукать’ → ‘клянчить, выпрашивать’ свойствен глаголу *ναουρίζω* (‘мяукать’). Эта лексема описывает поведение женщины (но не ребенка!), когда она пытается добиться для себя какой-либо выгоды.

(37) *Η* *γυναίκα* *του* *θέλει* *μη* *γούνα* *και* *ναουρίζει*.
ART женщина POSS. 3SG хотеть. IPFV. PRS. 3SG ART шуба и мяукать. IPFV. PRS. 3SG

‘Женщина хочет шубу и **клянчит** ее (у мужа)’.

Сдвиг ‘кудахтать’ → ‘сплетничать’: глагол *κακαρίζω* (‘кудахтать’) описывает ситуацию разговора нескольких женщин, когда они рассказывают друг другу сплетни:

- (38) *Συναντήθηκαν στο δρόμο δύο γυναίκες και κακαρίζουν.*
 встретиться.PFV.PST.3PL в+ART улица два женщина.PL и кудахтать.PFV.PRS.3PL
 ‘Встретились на улице две женщины и сплетничают’.

Сдвиг ‘ржать’ → ‘ухаживать, говорить комплименты’: глагол *χλιμντρίζω* (‘ржать’) выступает в этих контекстах в довольно необычной функции, уникальной для нашей выборки — метафоры с более или менее близким значением имели в качестве источника птиц — ср., например, широко распространенное изображение разговора влюбленной пары как воркования голубей.

- (39) *Είδε την Μαρία και χλιμντρίζε.*
 видеть.PFV.PST.3SG ART Мария и ржать.PFV.PST.3SG
 ‘Он увидел Марию и начал ухиваться / ухаживать за ней’.

Сдвиг ‘щебетать’ → ‘признаваться, выдавать информацию’: глагол *κελαήδω* ‘петь’, в прямом значении описывающий пение птиц, допускает такой перенос в греческом арго — для обычной речи он нехарактерен:

- (40) *Ο Γιωργός κελαήδησε μέσα στο αστυνομικό τμήμα.*
 ART Йоргос щебетать.PFV.PST.3SG внутри в+ART полицейский участок
 ‘Йоргос во всем признался в полицейском участке’.

3.7. Звуки артефактов

В греческом языке нашелся только один переход, при котором звук животного переинтерпретируется как звук артефакта — он свойствен глаголу *μουγκρίζω* ‘мычать’. В результате эта лексема описывает шум, который издает работающий двигатель, например, мотоцикл:

- (41) *Η τεράστια μοτοσικλέτα άρχισε να μουγκρίζει.*
 ART огромный мотоцикл начать.PFV.PST.3SG COMP мычать.PFV.PRS.3SG
 ‘Огромный мотоцикл взревел’.

4. Заключение

По нашим данным, в отношении глаголов звука животных греческий представляет достаточно бедную систему, ограниченную двадцатью глаголами. Это обстоятельство объясняет, почему многие из них обозначают звуки сразу нескольких животных, объединяя их часто в неожиданные группы. Так, баран «склеивается» с оленем, а кошка — с голубями. Понятно, что такие объединения возникают на фонетическом уровне: с точки зрения греческого, крик оленя похож на крик барана, а воркование — на мурлыканье кошки.

Между тем, и переносные значения, которые развивают эти глаголы, в нескольких случаях раздвигают границы типологии регулярных семантических переходов, которые мы наблюдаем на материале других языков. Прежде всего отметим неожиданную

метафору ‘говорить комплименты девушке, ухаживать за ней’, формирующуюся при помощи глагола лошадиного ржания. Этот же глагол лошадиного ржания может означать еще и нечленораздельную речь, что в типологическом отношении тоже совершенно нестандартно. Другим интересным метафорическим сдвигом является ‘каркать’ → ‘ругать, публично оговаривать’. Любопытно, что хотя аналогичные переходы в других языках встречаются нечасто, тем не менее вороний крик регулярно ассоциируется с неприятным содержанием высказывания (ср. русскую метафору *каркать* как ‘предсказывать плохое’) — по-видимому, универсальным оказывается негативное восприятие звуков, издаваемых вороной.

Еще один не очень обычный семантический переход — использование глагола *γαρίζω* ‘реветь’ (об осле) в качестве описания отрицательной эмоциональной реакции человека на какую-либо ситуацию. В то же время этот переход обнаруживает по крайней мере две типологические параллели — а именно, в сербском и французском языках.

Итак, греческий, обладая бедной системой глаголов, передающих звуки животных, тем не менее демонстрирует множество типологически своеобразных переходов, так что выявленные в этом языке модели вносят значительный вклад в теорию метафор и типологию звуков.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо, ACC — аккузатив, ART — артикль, COMP — синтаксическая связка, FUT — будущее время, GEN — генитив, IMPER — повелительное наклонение, IMPV — имперфектив, NEG — отрицание, PASS — пассивный залог, PFV — перфектив, PL — множественное число, POSS — притяжательность, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число.

Источники

Корпуса

Корпус греческого языка: <http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/>.

Словари

Греческий словарь сообщества LingvoKit: <http://www.greeklanguage.ru/>.

Иоаннидис А. 1983. Русско-новогреческий словарь. М.: Рус. яз.

Глава 8. Армянские глаголы звуков животных

1. Введение

Армянский язык насчитывает по разным оценкам от 5,9 до 6,7 миллионов носителей и внутри индоевропейской семьи считается генетически изолированным (специалисты при этом обычно отмечают более тесные связи армянского по ряду признаков с греческим и мертвым фригийским). Существует два литературных варианта армянского языка — западный и восточный. Западный используется диаспорой на Ближнем Востоке, в Европе и Америке, восточный функционирует в Республике Армения и используется армянской диаспорой в России и ряде стран Азии. Помимо этих литературных вариантов, существует множество локальных диалектов и наречий, демонстрирующих очень существенные различия на всех уровнях. В настоящем исследовании рассматривается только восточноармянский литературный язык.

В качестве материала были использованы данные армянско-русского и русско-армянского словарей (Гарибян 1982, Галстян 1987). Было также опрошено шестеро носителей армянского языка¹, каждый из которых родился и провел детство в Ереване (столица Республики Армения), причем двое из опрошенных продолжали жить там уже и во взрослом возрасте. Помимо этого, использовался Восточноармянский национальный корпус (ВАНК), состоящий по большей части из письменных текстов (художественная литература и пресса). Таким образом, в ходе исследования рассматривалась как устная, так и письменная речь.

Поскольку в изучаемой нами лексике важную роль играет звукоподражание, а потому необходима более точная передача фонетического состава слова, было принято решение после записи в армянской графике давать транскрипцию (а не транслитерацию) языковых примеров. В частности, отражается необозначаемая в большинстве случаев на письме шва [ə]; начальные *h* и *n* передаются, исходя из произношения, как [ye] или [e] и [vo] или [o], соответственно. Наконец, придыхательные согласные также записаны в соответствии с их реальным произношением (в ряде случаев происходит оглушение). Придыхание при этом обозначается знаком «‘».

¹ Автор глубоко признателен всем своим информантам, в особенности Геворгу Асояну, Елене Михайловне Геворкян, Анне Бениаминовне Калашян и Бениамину Григорьевичу Калашяну. Неоценимую помощь в работе над материалом нам оказал Владимир Александрович Плунгян. Хочется специально отметить, что эта глава не могла бы состояться без вклада Ксении Павловны Семёновой, которой мы выражаем самую искреннюю благодарность.

Список исследуемых глаголов в армянской записи с транскрипцией представлен в Приложении (для удобства читателя список упорядочен в соответствии с русским переводом).

2. Прямые значения глаголов звуков животных

В ходе сбора материала для армянского было обнаружено 26 глаголов звуков животных, причем некоторые из них (5 из 26) описывают звуки более чем одного представителя фауны. Это соответствует типологически частотной тенденции — объединению разных животных общей звуковой лексемой, которое происходит на основе сходства субъектов или акустической близости самих звуков. Так, например, в некоторых языках медведь и лев имеют общий глагол со значением ‘рычать’ (ср. англ. *growl*), а звуки мышей и птенцов объединяются лексемой типа рус. *пицать*.

Что касается словообразования глаголов звуков животных, то армянский здесь тоже следует довольно распространенной модели: основа слова фактически является звукоподражанием, к которой присоединяется показатель инфинитива с тематической гласной. Для некоторых глаголов существуют также краткие формы, теряющие одну из повторяющихся частей звукоподражания.

Итак, начнем описывать прямые значения глаголов звука с лексем, общих для нескольких видов животных.

2.1. Птицы и не только

Глагол *kəč'kəč'al* в армянском объединяет таких птиц, как курица, петух, сорока и ворона.

- (1) Հալիւնցում միանգամից կշկշում, սղմկում եմ
 Havanoc^{-um} miank^{amic} kəč'kəč^{-um}, aǰmæk^{-um} en
 курятник-LOC одновременно кудахтать-IPFV шуметь-IPFV AUX.PRES.3PL
 քսան հազար հալերն ու սրբերները:
 k'san hazar hav-er-n u ak'lor-ner-ə.
 двадцать тысяча курица-NOM.PL-DEF и петух-NOM.PL-DEF

‘В курятнике одновременно **кудахчут** и шумят двадцать тысяч кур и петухов’.

- (2) Կաշաղակը կշկշում էր ծառի սաղարթներում:
 Kač'aǰak-ə kəč'kəč^{-um} er cař-i saǰart^{-ner-um}.
 сорока-DEF стрекотать-IPFV AUX.PAST.3SG дерево-GEN листья-PL-LOC

‘Сорока **стрекотала** в кроне дерева’.

Ворона, в свою очередь, имеет еще один глагол для карканья — *kəřkəř'al*.

- (3) Կռկռում է ագրավ ծառի վրա:
 Kəřkəř^{-um} e aǰrav cař-i vəra.
 каркать-IPFV AUX.PRES.3SG ворона дерево-GEN на

‘На дереве **каркает** ворона’.

Интересно отметить, что этот же глагол *kərkəral* может описывать кряканье утки и кваканье лягушки. Такое совмещение типологически довольно частотно, причем встречается порой в совершенно не родственных языках (например, в молдавском, чешском, грузинском, индонезийском и др.). Помимо этого кряканье выражается глаголом *kərnəč'al*.

- (4) Հեմ, բակից այն կողմ, կռկռում էին գորտերը,
 Heřu, bak-ic' ayn koğm, kərkəf-um ein gort-er-ə,
 вдалеке двор-ABL тот сторона квакать-IPFV AUX.PAST.3PL лягушка-NOM.PL-DEF
 և երգում էր սոխակը:
 yev erk'-um er soxak-ə.
 и петь-IPFV AUX.PAST.3SG соловей-DEF

‘Там, в дальней стороне двора **квакали** лягушки и пел соловей’.

- (5) Բադիկները լողում էին բադի հետևից
 Badik-ner-ə loğ-um ein bad-i hetev-ic'
 утенок-NOM.PL-DEF плавать-IPFV AUX.PAST.3PL утка-GEN вслед за-ABL
 և կռնչում:
 yev kərnəč'-um.
 и крякать-IPFV

‘Утята плавали за уткой по пруду и **крякали**’.

Kərnəč'al также обозначает гоготание гусей (6). Для прочих птиц существует, как правило, по одному основному глаголу. Так, для чириканья воробьев используется *cəlvəlal* (7), для воркования голубей — *gungunal* (8), для уханья совы — *vayal* (9).

- (6) Կռնչում է սագը լճի մոտ:
 Kərnəč'-um e sag-ə ləc'-i mot.
 гоготать-IPFV AUX.PRES.3SG гусь-DEF озеро-GEN у

‘Около озера **гогочет** гусь’.

- (7) Ճանդուկները ծրկում էին և կղցում
 Čančəğuk-ner-ə cəlvəl-um ein yev kətəc'-um
 воробей-NOM.PL-DEF чирикать-IPFV AUX.PAST.3PL и клевать-IPFV
 փշրանքները հենց մեր ձեռքերից:
 p'əšərank'-ner-ə henc' mer jeřk'-er-ic'.
 крошка-NOM.PL-DEF именно наш рука-NOM.PL-ABL

‘Воробьи **чирикали** и клевали крошки прямо с наших рук’.

- (8) Ամեն ամառն մեր պատուհանների տակ
 Amen ařavot mer patuhan-ner-i tak
 каждый утро наш окно-NOM.PL-GEN под
 դռնդռնում են սղունիկները:
 gungun-um en ağunik-ner-ə.
 ворковать-IPFV AUX.PRES.3PL голубь(диал.)-NOM.PL-DEF

‘Каждое утро под нашими окнами **воркуют** голуби’.

- (9) *Վայում են անթիվ բուեր:*
Vay-um en ant'iv bu-er.
 ухать-IPFV AUX.PRES.3PL бесчисленный сова-NOM.PL

‘Ухают бесчисленные совы’.

Для кукушки отсутствует специальный глагол звука: кукование описывается словосочетанием *kukun karkanel*, состоящим из звукоподражания и глагола со значением ‘повторять’.

Для ласточки используется глагол *cəvcəval* ‘пищать’, характеризующий также звуки мышей — подобное объединению упоминалось в начале этого раздела. Основным глаголом для певчих птиц является лексема *yerk'el* ‘петь’.

- (10) *Իր բըրակի մեջ մի տեղ ծվծվում էր մուկ:*
 Ir bələrak-i meč' mi teğ cəvcəv-um er muk-ə.
 свой горка-GEN В INDEF место пищать-IPFV AUX.PAST.3SG мышь-DEF

‘Где-то со своей горки **пищала** мышь’.

- (11) *Թռչունը երգում է ճիպոտի վրա:*
 T'əfč'un-ə yerk'-um e čipot-i vərə.
 птица-DEF ПЕТЬ-IPFV AUX.PRES.3SG ветка-GEN на

‘Птица **поет** на ветке’.

2.2. Дикие животные и собаки

Во многих языках наблюдается совмещение в одном глаголе рычания диких животных — таких как лев, тигр и медведь — с агрессивными звуками собаки. В армянском общим для них является глагол *məfənč'al* ‘рычать’ (12–13). В то же время более употребителен в качестве обозначения собачьего рычания глагол *gəf'məf'al* (14).

- (12) *Այսուսը մոխում է:*
 Aysuus-ə məfənč'-um e.
 лев-DEF рычать-IPFV AUX.PRES.3SG

‘Лев **рычит**’.

- (13) *Արջ մոխում է որջից:*
 Arč' məfənč'-um e vorč'ic'.
 медведь рычать-IPFV AUX.PRES.3SG берлога-ABL

‘Медведь **рычит** из берлоги’.

- (14) *Շունը գոբում է հոցից:*
 Šun-ə gəf'məf'-um e həc'ik-ic'.
 собака-DEF рычать-IPFV AUX.PRES.3SG будка-ABL

‘Собака **рычит** из будки’.

Для собаки существуют также глаголы *hač'al* ‘лаять’ и *vəngəstal* ‘скулить’.

- (15) *Սովորարար շները հայում են*
 Sovorabar šən-er-ə hač'-um en
 обычно собака-NOM.PL-DEF лаять-IPFV AUX.PRES.3PL
անծանոթ մարդկանց վրա:
 ancanot' mart'kanc' vəra.
 незнакомый человек.GEN.PL на
 'Собаки обычно **лают** на незнакомых людей'.

- (16) *Շան ձագը նստած էր դռան տակ*
 Šan jağ-ə nəst-ac er dəfan tak
 собака.GEN детеныш-DEF сидеть-RES AUX.PAST.3SG дверь.GEN под
և վնգստում էր:
 և vəngəst-um er.
 и скульпить-IPFV AUX.PAST.3SG
 'Щенок сидел под дверью и **скулил**'.

Для звуков, издаваемых волком, был найден только глагол *voʻnal* 'выть'.

- (17) *Գիշերը անտառում որնում էին գայլերը:*
 Gišer-ə antar-um voʻn-um ein gayl-er-ə.
 ночь-DEF лес-LOC выть-IPFV AUX.PAST.3PL волк-NOM.PL-DEF
 'Ночью в лесу **выли** волки'.

2.3. Насекомые

Наконец, последним из найденных является лексическое объединение звуков некоторых насекомых. Общий глагол в армянском используется для цикад, стрекоз и кузнечиков (*kətkətal* 'стрекотать'). При этом лексически обособляется сверчок: его звуки описываются глаголом *səgərtal* 'стрекотать/сверчать'.

- (18) *Ցիկադան ամբողջ ժամանակ կտկտում է:*
 C'ikada-n amboğč' žamanak kətkət-um e.
 цикада-DEF весь время стрекотать-IPFV AUX.PRES.3SG
 'Цикада все время **стрекочет**'.
- (19) *Դաշտում կտկտում էին մորեխները:*
 Dašt-um kətkət-um ein morex-ner-ə.
 поле-LOC стрекотать-IPFV AUX.PAST.3PL кузнечик-NOM.PL-DEF
 'В поле **стрекотали** кузнечики'.
- (20) *Տրիկը ետևում վառարանի ծղրտում է:*
 Čərik yetev-um vafaran-i səgərt-um e.
 сверчок за-LOC печь-GEN сверчать-IPFV AUX.PRES.3SG
 'Сверчок за печкой **сверчит**'.

Типологически не вполне стандартным кажется разделение в армянском звуков шмеля, жука и комара: во многих языках для этих насекомых используется общий глагол типа

‘жужжать’. В нашем материале они разведены по разным звуковым лексемам: жужжание шмеля описывается глаголом *deřǎral*, жужжание жука — *bəzəzal*, а писк комара — глаголами *səvcəval* или *təzəzal*.

- (21) *Ḥzawǎnǎnǎn* **ḥzǎnǎn** **ǎ:**
 Išameǵu-n **dǎřǎř-um** **e.**
 шмель-DEF жужжать-IPFV AUX.PRES.3SG

‘Шмель **жужжит**’.

- (22) *Ḫawǎnǎnǎnǎn* *ǎnǎnǎn* *ǎnǎnǎn* **ǎnǎn**
 Saǵik-ner-i *vəraǵ-ov* *t’ǎfn-um* **ein**
 цветок-PL-GEN на-INSTR летать-IPFV AUX.PAST.3PL
ahǎnǎnǎn *ǎzəz-er* *ev* **ǎzəz-um.**
 огромный жук-NOM.PL и жужжать-IPFV

‘Над цветами летали огромные жуки и **жужжали**’.

- (23) *Ḫawǎnǎn* *ǎnǎnǎn* *ǎnǎnǎn* **ǎnǎnǎn** **ǎn** *ǎnǎnǎn* *ǎnǎn*
 Mosaǵ-ǎ andur *kerp-ov* **səvcəv-um** **er** *akanč’-i* *tak,*
 комар-DEF неприятный манера-INSTR пищать-IPFV AUX.PAST.3SG УХО-GEN под
ǎ *tu* *ǎn* *ǎnǎnǎnǎn* *ǎnǎn*
 yev yes č’-ei *karǎgan-um* *k’ǎne-l.*
 и я NEG-AUX.PAST.1SG мочь-IPFV спать-INF

‘Комар неприятно **пищал** над ухом, и я не мог уснуть’.

2.4 Животные, имеющие собственные отдельные глаголы

Обсуждая животных, звуки которых могут объединяться в одной лексеме, мы уже приводили некоторые глаголы, специализирующиеся на одном из представителей рассматриваемых объединений (см., например, о собаках в 2.2). Неописанными остались лишь несколько животных, а именно, кошка и домашний скот.

Для кошки существует более одной звуковой лексемы, как это в целом свойственно языкам, носители которых взаимодействуют с кошками в бытовой жизни. Мяуканье кошки описывается глаголом *mǎlavel*, а мурлыканье — глаголом *mǎřǎrel*.

- (24) *Ḥǎǎ* *ǎnǎn* *ǎn* *ǎnǎn*
 Inǵ *dur* *č’-i* *ǎnǎn*
 я.ДАТ нравиться¹ NEG-AUX.PRES.3SG нравиться².IPFV
ǎnǎnǎn **ǎn** *ǎnǎnǎn* *ǎnǎnǎnǎn*
 inč’pes **en** **mǎlav-um** *katu-ner-ǎ.*
 как AUX.PRES.3PL мяукать-IPFV кошка-NOM.PL-DEF

‘Мне не нравится, как **мякают** кошки’.

- (25) *կատուն կծկվել էր մայրիկի գոգին*
 Katu-n kəckəv-el er mayrik-i gog-i-n
 кошка-DEF свернуться-PF AUX.PAST.3SG мама-GEN колени-GEN-DEF

և մըրկում էր:
 և мурлыкать-IPFV AUX.PAST.3SG
 и мурлыкать-IPFV AUX.PAST.3SG

‘Кошка свернулась у мамы на коленях и мурлыкала’.

Среди домашнего скота выделяются овца (баран), корова, лошадь и свинья. Блеяние овцы или барана характеризуется лексемой *тэк’эк’ал*, мычание коровы — глаголом *бар’ац’ел*, для ржания лошади используется предикат *хэрхәнјал*, для хрюканья свиньи — *хэр’әнч’ал*.

- (26) *Ուշաւորը մկկում է կիծակում:*
 Voč‘xar-ə məkək-um e kacan-um.
 баран-DEF блеять-IPFV AUX.PRES.3SG тропинка-LOC

‘Баран блеет на тропинке’.

- (27) *Բուռացում են կովերը՝ նախիրը եկել է:*
 Baṛač‘-um en kov-er-ə, naхіr-ə yekel e.
 мычать-IPFV AUX.PRES.3PL корова-NOM.PL-DEF стадо-DEF придти.PF AUX.PRES.3SG

‘Коровы мычат, стадо пришло’.

- (28) *Խրխնջում է ձի բարձրաձայն:*
 Xərxənj-um e ji barc‘rajaun.
 ржать-IPFV AUX.PRES.3SG лошадь громко

‘Громко ржет лошадь’.

- (29) *Գյուղում մի տեղ իրնջում էր խոչ:*
 Gyug-um mi teğ xəf’ənč‘-um er xoz-ə.
 деревня-LOC INDEF место хрюкать-IPFV AUX.PAST.3SG свинья-DEF

‘Где-то в деревне хрюкала свинья’.

Нижеприведенный пример взят из Корпуса и представляет особый интерес тем, что в нем отражены некоторые особенности разговорного регистра.

- (30) *Էշը գրում էր, գունեշը տղևազում, էճը մկկում,*
 Eš-ə zəf-um er, gomeš-ə tərlevəz-um, eč-ə məkək-um,
 осел-DEF кричать-IPFV AUX.PAST.3SG буйвол-DEF реветь-IPFV козел-DEF блеять-IPFV

կովը բարանցում, ֆորթը բոցավում, որը ֆշտացնում,
 kov-ə baṛanč‘-um, fort‘-ə bəğav-um, vor-ə fəštac‘n-um,
 корова-DEF мычать-IPFV теленок-DEF кричать-IPFV кто-DEF шипеть-IPFV

որը փխտացնում, որը վզզացնում, որը բզզացնում:
 vor-ə p‘stac‘n-um, vor-ə vəzzac‘n-um, vor-ə bəzzac‘n-um.
 кто-DEF пыхтеть-IPFV кто-DEF жужжать-IPFV кто-DEF визжать-IPFV

<i>Մյուս բաները</i>	<i>չեմ</i>	<i>ստիմ,</i>	<i>սիմո՞</i>	<i>ս:</i>
Myus ban-er-ə	č'-em	as-um,	amot'	a.
другой вещь-NOM.PL-DEF	NEG-AUX.PRES.1SG	говорить-IPFV	стыд	AUX.PRES.3SG(O)

‘Осел орал, буйвол ревел, коза **блеяла**, корова **мычала**, теленок кричал, кто шипел, кто пыхтел, кто жужжал, кто взвизгивал, — об остальном не говорю, стыдно’.

3. Переносные значения глаголов звуков животных

Область переносных значений в армянском не так подробно разработана, как во многих других индоевропейских языках. Это отчасти объясняется тем фактом, что сравнение людей с животными воспринимается как выражение негативного отношения к описываемым людям. Так, все опрошенные носители сошлись во мнении, что при использовании лексем, обозначающих звуки животных, применительно к человеку говорящий, как правило, хочет оскорбить или обидеть субъекта высказывания или ставит перед собой цель подчеркнуть неадекватную реакцию человека на что-либо — а значит, по мнению информантов, следует избегать в своей речи переносных употреблений такого рода.

3.1. Физиологические звуки

Основанием для метафорических сдвигов глаголов со значением звуков животных в область физиологии обычно выступает акустическое сходство ситуаций. В армянском нам встретился один переход в данную зону — это использование глагола *kərnəč'al* ‘крякать’ в контексте непроизвольного выражения чувства удовлетворения. Правда, аналогичный перенос характерен и для русского языка (ср. *крякнул от удовольствия*), так что не исключено, что для армянского это употребление представляет собой результат калькирования.

(31)	<i>Նա կռնացած էր և բավականստիպեցավ</i>	<i>կռնացավ էր:</i>				
Na	kəštac'-ac er	ev	bavakanut'yun-ic'	kərnəč'-um	er.	
он	наестся-RES	AUX.PAST.3SG	и	удовольствие-ABL	крякать-IPFV	AUX.PAST.3SG

‘Он наелся и **крякал** от удовольствия’.

3.2. Нечленораздельная речь

Неразборчивая речь относится к числу наиболее предсказуемых исходов метафоризации изучаемых глаголов. Непонятными слова могут оказаться вследствие их недостаточной или, напротив, излишней громкости, чрезмерной скорости и т. п. В нашем материале представлены два случая, которые можно отнести к рассматриваемой семантической зоне.

Был обнаружен, во-первых, типологически распространенный перенос мурлыканья кошки (*mə'ə'al*) на тихое, непонятное пение человека.

- (32) *Երեխան խաղ էր անում և երգ էր արում:*
 Yereha-n xağ er an-um yev yerġ^c er er^c mərər-um.
 ребенок-DEF игра AUX.PAST.3SG делать-IPFV и песня AUX.PAST.3SG мурлыкать-IPFV
 ‘Ребенок играл и **мурлыкал** песню [себе под нос]’.

Во-вторых, глагол *bəzəzal* ‘жужжать’ (о жуке), используется для характеристики излишне многословной речи.

- (33) *Էտքան բազազա-ս-իր, որ գլուխս տար:*
 Etk'an bəzəza-c'-ir, vor gəlux-əs tar-ar.
 столько жужжать-AOR-2SG что голова-POSS1 нести-AOR.2SG
 ‘Ты мне все уши **прожужжала** (= так много говорила, что у меня голова заболела; букв. «ты столько жужжала, что голову мою унесла»)’.

3.3. Семиотически значимая речь

Менее тривиальным результатом метафорического переноса звуковых глаголов животных на людей является использование этих глаголов для выражения семиотически значимой речи, то есть речи, не только отличающейся своими физическими особенностями (громкостью, скоростью и т. д.), но и несущей определенное смысловое содержание. Как правило, подобные переходы основаны на культурных стереотипах, связанных с поведением того или иного животного.

В армянском было выявлено три метафоры этого типа. Когда человек говорит что-то глупое, по отношению к нему может использоваться глагол *məkəkəl* ‘блеть’. Такое употребление не очень характерно для обычной речи — оно возникает, как правило, только в разгаре сильной ссоры или спора.

- (34) *Ինչ էս մկեկում?*
 Inč^c es məkək-um?
 что AUX.PRES.2SG блеть-IPFV
 ‘Что ты **говоришь ерунду?**’

В ситуации, когда субъект наговаривает на кого-либо беду, его действия могут описываться глаголом *kərkəral* ‘каркать’. Этот перенос, скорее всего, является калькой с русского языка (ср. соответствующую конструкцию *накаркать несчастье, беду*).

- (35) *Այս աղջկանն ոչ ոք չի սիրում,*
 Ays ağġ'kan voč' vok^c č'-i sir-um,
 эта девушка.DAT никто NEG-AUX.PRES.3SG любить-IPFV
որովհետև մտածում են, որ նա էր կռկռալ-ով
 vorovhetev mətac-um en, vor na er kərkəra-l-ov
 потому что думать-IPFV AUX.PRES.3PL что она AUX.PAST.3SG каркать-INF-INSTR
գյուղի վրա փորձանք բերել:
 gyuğ-i vəra p'orc'ank^c bere-l.
 деревня-GEN на несчастье нести-INF

‘Эту девушку никто не любит, потому что думают, что это она **накаркала** несчастье на деревню’.

Наконец, ругань двух людей, например, мужа и жены, может описываться как жужжание шмеля.

- (36) Ամուսին և կինը վիճելուց իրար **դժճում** են:
 Amusin yev kin-ə vič-e-l-uc' irar **dəřəř'c'n-um en.**
 супруг и жена-DEF спорить-INF-ABL друг друга жужжать-IPVF AUX.PRES.3PL
 ‘Муж с женой, споря, **пилят** друг друга’.

3.4. Проявление эмоций: смех и плач

Последним классом метафор, связанных с человеком, является проявление эмоций. Громкий смех и плач типологически частотно задаются глаголами звуков животных, при этом обычно (по крайней мере в случае смеха) подразумевается неодобрительное отношение говорящего к происходящему.

В армянском при описании громкого смеха используется глагол *xərxənjal* ‘ржать’, грубый смех выражается лексемой *ğəğəřal* ‘гоготать’. Очевидно, что нередко обе эти характеристики смеха — громкость и грубость — присутствуют одновременно, так что, выбирая тот или иной способ языкового представления ситуации, говорящий отмечает ту ее особенность, которая кажется ему более значимой.

- (37) Սավելին տեսնելով,
 Saveli-n tesne-l-ov,
 Савелий-DEF видеть-INF-INSTR
 որ հյուրերը պատրաստվում են մեկնել,
 vor hyur-er-ə patrastv-um en mekne-l,
 что гость-NOM.PL-DEF быть готовым-IPFV AUX.PRES.3PL уехать-INF
 բավականությունից մինչև անգամ **խրխնջաց**:
 bavakanut'yun-ic' minč'ev ank'am **xərxənj-a-c'**.
 удовольствие-ABL даже ржать-AOR-3SG
 ‘Савелий, видя, что гости собираются уезжать, даже **заржал** от удовольствия’.

- (38) Տղաները փողոցում բարձրաձայն խոսում
 Təga-ner-ə p'ogoc'-um barc'rajaun xos-um
 мальчик-NOM.PL-DEF улица-LOC громко говорить-IPFV
 և դժճում էին:
 yev **ğəğəř-um ein.**
 и гоготать-IPFV AUX.PAST.3PL

‘Парни на улице громко разговаривали и **гоготали**’.

Плач описывается лексемами *vořnal* ‘выть’, *təzəzal* ‘пищать’ (о комаре) и *vəngəstal* ‘скулить’. Первый глагол подразумевает плач от боли, второй относится к капризам ребенка, третий задает скорбный плач или нытье взрослого человека.

- (39) *Մարտի մեծին ցաւից յոճում է:*
 Mart'-ə užeġ c'av-ic' voŋn-um e.
 человек-DEF сильный боль-ABL выть-IPFV AUX.PRES.3SG

‘Человек **воет** от сильной боли’.

- (40) *Միշատկան տգաց,*
 Mišatka-n təzəz-a-c',
 Мишатка-DEF плакать-AOR-3SG
կրկար դրեց Գրիգորիի ծնկներին:
 yerēs-ə dərec' Grigori-i cənk-ner-i-n.
 лицо-DEF положить.AOR.3SG Григорий-GEN колено-PL-GEN-DEF

‘Мишатка **заревел**, уткнулся лицом в колени Григория’.

- (41) *Այրի կինը իր ամուսնու թաղման ջամանակ*
 Ayri kin-ə ir amusn-u t'aġman žamanak
 муж-GEN жена-DEF его супруг-GEN похороны-GEN время
դարձից վնգստում էր:
 dard-ic' vəngəst-um er.
 горе-ABL скулить-IPFV AUX.PAST.3SG

‘Вдова **плакала** от горя на похоронах своего мужа’.

3.5. Артефакты

В армянском нам встретился только один переход от глагола звуков животных в зону артефактов: жужжание шмеля переносится на свист пуля.

- (42) *Դաշտում դռռում էին գնդակները.*
 Dašt-um dəŋŋ-um ein ġəndak-ner-ə,
 поле-LOC жужжать-IPFV AUX.PAST.3PL пуля-NOM.PL-DEF
որոնցով զինվորներն իրար էին կրակում:
 voronc'ov zinvor-ner-n irar ein kərak-um.
 который-INSTR солдат-NOM.PL-DEF друг друга AUX.PAST.3PL стрелять-IPFV

‘В поле **свистели** пули, которыми солдаты стреляли друг в друга’.

4. Морфосинтаксические изменения

На материале многих языков в рамках нашего проекта мы наблюдали, что при появлении переносного значения у звукового глагола может меняться его модель управления: например, в контексте прямого значения глагол является преимущественно непереходным, а после семантического сдвига становится переходным (см. подробнее Главу 20 настоящей монографии).

Некоторые изменения на синтаксическом уровне наблюдаются и в армянском. Так, при глаголе *տճճիճալ* ‘мурлыкать’ в метафорическом употреблении ‘тихо напевать’,

как правило, можно выразить объект исполнения (т. е. песню), ср. (32) выше, а также обстоятельство способа действия (ср. ‘себе под нос’). Однако, поскольку переносное значение глагола *tə́rə́ʔal* в принципе характеризуется стандартным объектом и манерой воспроизведения звука, то эти синтаксические позиции не требуют обязательного заполнения (так, в (32) обстоятельство ‘себе под нос’ в армянском не выражается).

Другой пример расширения модели управления в результате семантического сдвига представляет глагол *kə́rənə́ʔal* ‘крякать’: при употреблении этой лексики при субъекте-человеке необходимо дополнительно обозначить состояние, побудившее субъекта издать этот звук (‘крякнуть от удовольствия / от удовлетворения’).

5. Заключение

Итак, в ходе исследования были описаны звуковые глаголы животных в армянском языке, выделены типологические параллели среди прямых и переносных значений, а также некоторые особенности, не характерные для других изученных языков.

Вместе с тем, целый ряд вопросов, касающихся данной лексической области, все еще остается открытым. Так, предстоит провести более детальное изучение глаголов, претерпевающих морфосинтаксические изменения в процессе семантического сдвига. Важным представляется также анализ метафор, имеющих прямые параллели в русском языке. С одной стороны, длительное существование Армении в составе Российской империи и СССР могло способствовать калькированию, с другой — не стоит исключать и независимое развитие соответствующих переносных значений в армянском языке.

Наконец, было бы интересно провести сравнительное лексико-типологическое исследование на материале отдельных диалектов и западного варианта армянского языка. Наша гипотеза на настоящий момент состоит в том, что, несмотря на сильные расхождения всех этих вариантов армянского языка в лексике, область звуков животных в их прямых и переносных употреблениях устроена в различных диалектах, скорее, единообразно.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; AOR — аорист; AUX — связка; DAT — датив; DEF — определенный артикль; GEN — генитив; INDEF — неопределенный артикль; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; IMPV — имперфективное деепричастие; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; (o) — разговорная форма; PAST — прошедшее время; PF — перфектное деепричастие; PL — множественное число; POSS1 — possessiv первого лица; PRES — настоящее время; RES — результативное деепричастие; SG — единственное число.

Нулевой показатель NOM.SG в глоссах не отмечается.

Источники

Гарибян А. С. Русско-армянский словарь. — 3-е издание. — Ереван: Айастан, 1982. — 1375 с.

Коллектив авторов, гл. ред. Галстян Е. Г. Армяно-русский словарь. — Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1987. — 737 с.

Востоочноармянский национальный корпус (ВАНК) — <http://eanc.net>.

Приложение

Մկկալ	<i>məkəkəl</i>	блеять
Ղոնղոնւնալ	<i>ḡunḡunal</i>	ворковать
Ոոնալ	<i>voṛnal</i>	выть
Ղողոալ	<i>ḡəṛḡəṛal</i>	гоготать
Դոոալ	<i>dəṛəṛal</i>	жужжать (о шмеле)
Բզզալ	<i>bəzəzal</i>	жужжать (о жуке)
Վոնչալ	<i>kəṛnəč'al</i>	квакать, кричать, гоготать
Վոկոալ	<i>kəṛkəṛal</i>	квакать, кричать, каркать
Կչկչալ	<i>kəč'kəč'al</i>	кудахтать, стрекотать (о сороке), каркать
Կուկուն կրկնել	<i>kukun kərkənel</i>	куковать
Հաչել	<i>hač'el</i>	лаять
Մոոալ	<i>məṛəṛal</i>	мурлыкать
Բառաչել	<i>baṛač'el</i>	мычать
Մապել	<i>məlavəl</i>	мяукать
Երգել	<i>yerğ'el</i>	петь
Տզզալ	<i>təzəzal</i>	пищать (о комаре)
Ծվծվալ	<i>cəvcəval</i>	пищать (о мыши, ласточке, комаре)
Խրխնջալ	<i>xərxəñjal</i>	ржать
Մոնչալ	<i>məṛəñč'al</i>	рычать
Գոմոոալ	<i>ḡəṛməṛal</i>	рычать (о собаке)
Ծղրոալ	<i>cəḡəṛtal</i>	сверчать
Վնգսոալ	<i>vəngəstal</i>	скулить
Կտկտալ	<i>kətkətal</i>	стрекотать
Վաչել	<i>vayel</i>	ухать
Խոնչալ	<i>xəṛəñč'al</i>	хрюкать
Ծլվալ	<i>cəlvəlal</i>	чирикать

Глава 9. Глаголы звуков животных в хинди

Хинди — индоарийский язык, распространенный, главным образом, в северных и центральных штатах Индии, наряду с такими региональными языками, как панджаби, гуджарати, маратхи и бенгали. Хинди понимают и в соседних с Индией странах — Непале, Бангладеш и Пакистане.

Несмотря на то, что хинди — крупный индоевропейский язык, в лексическом плане он заметно отличается от языков «среднеевропейского стандарта» (см., например, работу Галиченко 2011 о прилагательных вкуса). Зона глаголов звуков животных только подтверждает эту закономерность.

Ниже мы рассмотрим, какие лексические средства в хинди обслуживают эту семантическую область и какие переносные значения они развивают, а также проведем некоторые параллели между хинди и одним из его близких родственников — бенгали.

1. Звуки животных: прямые употребления

1.1. Вводные замечания

Семантическое поле звуков животных в хинди обслуживает порядка 25 глагольных лексем. Для описания некоторых типов звуков наряду с глаголом используется идеофонная конструкция, состоящая из звукоподражательного междометия и легкого глагола *karnā* ‘делать’. Например, кваканье лягушки можно передать как с помощью глагола *Tarrānā*, так и посредством конструкции *Tarar-Tarar karnā*. Однако таких случаев немного: из всех выявленных нами лексем только 5 дублируются выражением со звукоподражательным междометием¹. Некоторые типы животных звуков не имеют однословного средства выражения и обслуживаются исключительно конструкцией с идеофоном. Таких ситуаций тоже сравнительно мало и, как правило, они относятся к периферии исследуемого поля. В частности, по нашим данным, только

¹ При этом если звуки разных видов животных объединяются одним лексическим средством, то таким средством может быть только глагол, но не звукоподражание: звукоподражательная конструкция всегда закреплена за каким-то одним животным. Так, например, бляенье описывается и глаголом *mimiyānā*, и конструкциями *meⁿ-meⁿ/beⁿ-beⁿ karnā*, но только глагол *mimiyānā* может распространяться на тьяканье щенков (см. подробнее об этом совмещении ниже).

звукоподражательной конструкцией описываются криканье уток, гоготание гусей, уханье сов, карканье ворон, крик петухов и мышинный писк. Интересно, что перифрастическим глаголом задается и мяуканье кошек, которое в типологической перспективе попадает, скорее, в ядро семантического поля звуков животных. Заметим, однако, что в Индии кошки — не столь распространенное домашнее животное, как, например, в Европе — по-видимому, этим фактом и обусловлен периферийный статус мяуканья в хинди.

Таким образом, глагольная лексика является основным, а звукоподражательные конструкции — второстепенным средством описания звуков животных в хинди. Интересно, что в бенгали ситуация обратная: рассматриваемая зона обслуживается исключительно сочетаниями глагола *kṛa* ‘делать’ с разными междометиями. Единственная полнозначная лексема в этом поле — глагол *Daka* ‘звать, кричать’, передающий общую звуковую семантику и характеризующийся очень широким спектром употреблений (ср. *kukurgulo Dakḥe* ‘собаки лают’; *mōṣa Dakḥe* ‘комар пищит’; *nam dhṛe Daka* ‘по имени кликать’).

1.2. Лексический инвентарь хинди: звуки собак

Для описания звуков собак в хинди, как и во многих других языках, есть несколько глаголов: *bhaw'knā/bhūknā* ‘лаять’, *gurrānā* ‘рычать’, *ku'kuānā/kū'-kū' karnā* ‘скулить’, *riryānā/rirnā* и *mimiyānā* ‘тявкать’. Первая лексема обозначает лай взрослой (и довольно крупной) особи, а два последних глагола используются для описания тявканья щенков и маленьких собачек. При этом оба глагола, передающих тявканье, не являются специфически «собачьими»: лексема *riryānā/rirnā* имеет также значение ‘клянчить (о человеке)’, которое для нее, вероятно, исходное или, по крайней мере, более частотное, а глагол *mimiyānā* является основным средством описания бляенья овец и коз. Заметим, что объединение звуков собак с козами и овцами в рамках нашей выборки засвидетельствовано впервые.

Любопытен также и параметр, по которому противопоставлены лексемы в этой области. Звуки взрослой особи и детеныша иногда различаются лексически, но чаще всего такое разделение происходит в зоне куриц и цыплят (как, например, в русском, французском, норвежском, индонезийском и других языках). Противопоставление лая собак и тявканья щенков (или маленьких по размеру собак) тоже встречается, но несколько реже. В нашей выборке оно было отмечено, например, в английском или генетически далеком от хинди коми-пермяцком:

- (1) *Поныс вустӧ*.
‘Собака лает’.
- (2) *Понокыс кивзӧ*.
‘Щенок тявкает’.

Напротив, в близкородственном хинди бенгали такого противопоставления, на первый взгляд, не засвидетельствовано. Вместо этого наблюдается еще более редкий параметр: лексически различается лай домашней (породистой) и уличной собаки:

- (3) *barir m̄adhæ kukur Ta š̄ob š̄om̄ɔ* **bhou-bhou k̄ɔre**
 дома внутри собака всегда гав-гав делает (PRES.IND)

‘В доме всегда **лает** собака’².

- (4) *kal r̄āte kukurerā dārūN gheugheu k̄r̄c̄h̄ib̄*
 вчера ночью собаки сильно гав-гав делали (PAST)

‘Ночью громко **брехали** собаки’.

Между тем, с прагматической точки зрения эти два параметра не так уж и далеки друг от друга: нередко благородными и породистыми считаются именно большие собаки, а глагол, описывающий лай маленьких собачек, характеризуется негативными коннотациями. Так, например, немецкий глагол *kläffen* употребляется по отношению к маленьким собакам и щенкам и обозначает более высокий звук, чем обычный лай, который передается глаголом *bellen* (тот же параметр, что и в хинди). Однако в то же время лексема *kläffen* может употребляться в контекстах с отрицательной оценкой, возникающей, в том числе, за счет противопоставления больших благородных собак и маленьких невзрачных (параметр, близкий к тому, что мы наблюдаем в бенгали) (см. Главу 3):

- (5) *Da fühl' ich mich wie ein Pinscher, der aus Versehen auf' ne deutsche Schäferhundausstellung geraten ist. Man will da immer mitbellen, aber es kommt nur ein Kläffen raus...*
 ‘Тут я чувствую себя, как пинчер, который по ошибке оказался на немецкой выставке овчарок. Хочется **лаять** вместе со всеми, но выходит только **тявканье**’.

Аналогичное поведение демонстрирует и русский глагол *тявкать*, который употребляется как по отношению к маленьким собакам, так и в ситуациях с негативной окраской, причем часто один параметр неотделим от другого:

- (6) *Ну, пустая церковь, кладбище на пригорке, все черно от пожара, кое-где навесы к уцелевшим стенкам прилеплены, на все село одна **собачонка тявкает** и кое-где дымок из труб, — значит, все-таки люди.* [Федор Кнорре. Каменный венок (1973)]

1.3. Звуки кошек

Для передачи звуков, издаваемых кошками, в хинди используются два глагола и одна конструкция со звукоподражательным междометием: *myūȳn-myūȳn karnā* ‘мяукать, букв. «мяу-мяу делать»’, *ghurghurānā* ‘мурлыкать’, *khoⁿkhiyānā* ‘шипеть’. Тем самым, лексически различается три типа звуков, издаваемых кошками: мяуканье, мурлыканье и шипение. Любопытно, что при этом мурлыканье передается тем же глаголом, что и хрюканье свиней (см. примеры 7 и 8). Это объединение, помимо хинди, было засвидетельствовано в калмыцком.

² Материалом для анализа послужили словари и художественная литература. Примеры, источник которых не указан, были получены при работе с информантами. Большую помощь в анализе материала хинди и бенгали оказали преподаватели ИСАА при МГУ А. Джанвиджай, Смиа Сенгупта.

Kho'khiyānā — особый глагол, который в хинди обозначает именно шипение кошек, не совмещающееся с похожими звуками других животных — змей или гусей, как это имеет место в русском. Такая «узкая специализация» нам больше нигде не встретилась.

- (7) *rānī kī god meⁿ ek billī baiThī ghurghurā rahī thī*
 рани GEN руках в одна кошка сидя мурлыкала (PAST PROGR)
 ‘Сидя на руках у рани, кошка **мурлыкала**’.

- (8) *peR ke nīche sūar ghurghurāne lagā*
 деревом под свинья хрюкать начала
 ‘Под деревом начала **хрюкать** свинья’.

Интересно, что и в этой области в бенгали наблюдается совсем другое противопоставление. Для описания кошачьих звуков есть две конструкции: *mi^u-mi^u kōra* и *mu^o-mu^o kōra*. Оба предиката передают мяуканье, однако первый описывает, скорее, котенка, а второй — обычно взрослую кошку (см. 9).

- (9) *beralTa škal theke mu^oao-mu^oao kōrche ar*
 кошка утра с мяу-мяу делает(PRES.PROGR) а
beralčhana mi^u-mi^u kōrche
 котенок мяу-мяу делает(PRES.PROGR)
 ‘Кошка и котенок с утра **мяукают**’.

Напомним, что противопоставление взрослой особи и детеныша мы отмечали в хинди в зоне лая собак, но для домена кошачьих звуков оно, судя по нашей выборке, менее характерно. В принципе, сходное различие имеется в коми-зырянском, хотя система в целом там устроена несколько иначе: есть особый глагол для передачи мяуканья взрослой кошки (*n'arguny*), специальные средства для описания лая взрослых собак (*uutny*) и отдельная лексема, объединяющая мяуканье котят и тьякканье щенков (*n'irguny*):

- (10) *mun soddore i č'ujd ponse medlane sya oz uut³*
 ‘Иди во двор и напугай собаку, чтобы она не **лаяла**’.
- (11) *kan'mys n'arge, ul'l'o kore.*
 ‘Кошка **мяукает**, молока просит’.
- (12) *kan'pi n'irge.*
 ‘Котенок **пищит**’.
- (13) *kučan n'irge.*
 ‘Щенок **пищит**’.

³ Пример из Словаря мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка (Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачева М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А. И. Кузнецовой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010, стр. 173).

1.4. Звуки домашнего скота

Из других домашних животных свои глаголы звука в хинди есть у свиней, овец и коз, быков и коров, лошадей, ослов и слонов.

Как уже было сказано, хрюканье свиней описывается тем же глаголом, что и мурлыканье кошек (*ghurghurānā*), однако для свиней возможна еще и дублирующая конструкция *ghoⁿ-ghoⁿ karnā*.

Звуки коз и овец обозначает глагол *mimiyānā* (см. 14, 15) — тот же, что и тьяканье щенков и маленьких собачек. Наряду с ним, тоже не различая овец и коз, употребляются конструкции *meⁿ-meⁿ/beⁿ-beⁿ karnā*:

- (14) *metane, sārā kā sārā pānī gaⁿdā kar diyā tum ne*
баран всю GEN всю воду грязной сделал ты ERG
e mimiyānevāle metane!..
эй блеющий барашек

‘Баран, ты всю воду загрязнил, эй, **блеющий** баран...’

- (15) *bakrī... āⁿgan meⁿ baⁿdhī thī, bīc- bīc meⁿ in baččoⁿ*
коза... дворе в закрыта была временами своих детенышей
kī kačcī mimiyāhaT ke javāb meⁿ meⁿ-meⁿ kar uThī
GEN робкое бляние GEN ответ в ме-ме поднималось (COMP,PAST)

‘Коза была закрыта во дворе, временами в ответ на робкое **бляние** своих детенышей она начинала **мекать**’. [Nāgārjun, gaṣṇāvālī-5 «dukhoṣan», 496]

Быки и коровы (а также телята, волы и буйволы) обслуживаются двумя глагольными лексемами: *rambhānā* и *Dakarnā*. Они противопоставлены по типу обозначаемого звука: *rambhānā* передает мычание (пример 16), а *Dakarnā* — особый звук, который корова и некоторые другие крупные жвачные животные (например, верблюд) издают при отрывивании (см. 17). Этот глагол может также передавать и общее значение ‘рев животного’ (18).

- (16) *gāy bhī ra^mbhānā śurū kar detī ammā kī pukār sunkar*
корова тоже мычать (INF) начало делает матери GEN зов услышав

‘Корова тоже начинает **мычать**, услышав зов матери’.

- (17) *Lūsī kā kām itnā hai ki use harī-harī ghās khānī hai*
Люси GEN работа такая есть что ей зеленую траву есть надо
phir uskī jugālī karne ke bād Dakār mārñī hai ek Tuūb meⁿ
затем ее жвачку сделать после рыгание убить надо одну трубку в

‘Работа Люси [коровы] состоит в следующем: ей нужно есть зеленую траву, затем, после того как она ее прожует, нужно **рыгнуть** в трубку’. [<http://navbharattimes.indiatimes.com/cms>]⁴

⁴ Статья в электронной версии «India Times» о глобальном потеплении. Перерабатывая съеденную траву, коровы с отрыжкой выделяют пары, в которые входит метан — по мнению ученых, один из ключевых элементов парникового эффекта.

- (18) *log haⁿsne bhūl gaye haiⁿ. galtī se koī bāhrī*
 люди смеяться забыли ошибке по какой-то посторонний
ādmī haⁿs de, to log čauⁿk uThte haiⁿ.
 человек смех даст то люди содрогаются
jānvar bhī Dakarnā bhul gaye haiⁿ.
 звери даже реветь (INF) забыли (PRES.PERF)

‘Люди забыли о смехе. Если какой-то посторонний человек по ошибке рассмеется, то люди содрогаются. Даже звери забыли о **реве**’ (рассказ о наводнении).

Ржание лошадей и ослов описывают глаголы *hīⁿsnā*, *hinhinānā* и *hinaknā*, однако для ослов есть еще и своя лексема *reⁿknā*.

Слон как специфическое для Индии одомашненное животное заслуживает особого разговора. Вполне ожидаемо, что именно в хинди, где это животное так значимо, его трубный клич передает специальный глагол *čīⁿghāRnā* (и соответствующее существительное *čīⁿghāR*, см. 19).

- (19) *grāmīNoⁿ kā kahnā hai ki sāRhe chah baje*
 деревенских жителей GEN рассказ есть что половине шестого пробития
šām se lekar subah čār baje tak
 вечера с начиная утра четыре пробития до
jaⁿgalī hāthī čīⁿghāR mārte hue khetoⁿ meⁿ
 лесной слон крик слона издавая(СР) полях в
lagī fasal ko barbād kar diyā
 уродившийся урожай ACC разрушил

‘По словам деревенских жителей, с полшестого вечера до четырех утра лесной слон с криком разрушил в полях уродившийся урожай’.

1.5. Домашние птицы

Как и во многих других языках, в хинди лексикализованы крики некоторых видов домашних птиц. Для кудахтанья куриц есть глагол *kuRkuRānā* и дублирующая его звукоподражательная конструкция *kuRak–kuRak karnā*. Обычно ему лексически противопоставлен крик петуха, однако в хинди для него нет особой глагольной лексемы, и он описывается только с помощью конструкции *kukaRūⁿkūⁿ karnā*. Другая конструкция используется для передачи писка цыплят и других птенцов (*čīⁿ- čīⁿ/čūⁿ- čūⁿ karnā*). Она же обозначает писк мелких грызунов, в первую очередь, мышей. Это объединение очень частотно: оно засвидетельствовано в русском, башкирском, татарском, индонезийском, коми-зырянском и некоторых других языках.

Особые звукоподражательные конструкции используются для описания кряканья уток (*peⁿ-peⁿ karnā*) и гоготанья гусей (*gheⁿ-meⁿ/ guⁿ-guⁿ karnā*).

Таким образом, в этой зоне в хинди однословное средство выражения характерно только для кудахтанья куриц: все остальные типы звуков задаются с помощью конструкций с легким глаголом *karnā* ‘делать’.

1.6. Дикie птицы

Зона звуков птиц, не причисляемых к домашним, разработана в хинди очень подробно. Выделяется три общих глагола, способных обозначать крики большинства видов птиц (*čūⁿknā*, *čahčahānā*, *kūknā*), засвидетельствованы также конструкции для описания уханья совы (*uhuk-uhuk karnā*) и карканья вороны (*kāⁿv-kāⁿv/kāⁿy-kāⁿy karnā*) и глагол, обозначающий крики павлинов и попугаев (*jhaⁿkār^{nā}*). Заметим, что глагол *jhaⁿkār^{nā}* выражает еще и стрекот кузнечика, саранчи, сверчка, цикады (ср. 20, 21). В хинди есть также несколько возможностей передать голубиное воркование. Помимо глагола *gūTaknā* и дублирующей его конструкции *gūTaRgūⁿ karnā*, по отношению к голубю употребляется глагол *gungunānā*, объединяющий воркование с жужжанием насекомых (см. 21, 22). Такое слияние в одной лексеме совершенно разных, с европоцентричной точки зрения, типов звуков очень необычно и отмечается нами впервые.

- (20) ...*šītal* *kināroⁿ* *par* *mor* *jhaⁿkār rahe haiⁿ*
 прохладных берегах на павлины кричат (PRES.PROGR)

‘...на прохладных берегах **кричат** павлины’. [Prakāš PanDit «Jahāⁿ phūl khilte haiⁿ»]

- (21) *mujhe* *yah* *šāⁿt* *jagah* *hamešā* *pasaⁿd thī:* *yahāⁿ* *to* *zindagī*
 мне это тихое место всегда нравилось здесь то жизнь
gūⁿjīⁿ thī *yahāⁿ* *ke* *bhauⁿre* *aur* *madhumakkhioⁿ* *kī*
 гудела(PAST IND) здесь GEN шмелей и пчел GEN
gungunāhaT *sunāī detī thī* *maččhar* *bhanbhanāte the*
 жужжание слышалось комары пищали(PAST IND)
aur *TiDDe* *jhaⁿkār^{nā} the*
 и кузнечики стрекотали (PAST IND)

‘Мне всегда нравилось это тихое местечко, здесь кипела жизнь: **жужжали** шмели и пчелы, **пищали** комары, **стрекотали** кузнечики’.

- (22) *maidān* *meⁿ* *kabūtar* *gungunā rahe haiⁿ*
 площади на голуби **гулят** (PRES.PROGR)

‘На площади голуби **гулят**’.

1.7. Насекомые

Основное средство описания жужжания насекомых в хинди — только что упоминавшаяся в связи с воркованием голубей лексема *gungunānā*. Помимо этого, есть целый ряд глаголов с очень близкой дистрибуцией, которые, вероятно, являются фонетическими вариантами: *bhanbhanānā*, *bhunbhunānā*, *bhinaknā*, *bhinbhinānā*. Они способны называть любые типы звуков насекомых: жужжание пчел, шмелей и мух, писк комара, стрекот кузнечика, сверчка или стрекозы. Глагол *jhaⁿkār^{nā}*, о котором мы говорили в предыдущем разделе, напротив, выделяет одну гомогенную группу звуков насекомых и описывает только стрекот кузнечиков, сверчков, цикад и саранчи.

1.8. Другие животные

В хинди есть три глагола, описывающих рев хищных зверей (в первую очередь, тигров и львов): *garajñā*, *huⁿkārñā* и *dahāRñā*. По нашим данным, все три глагола в прямых значениях взаимозаменяемы, выявить разницу в их употреблении не удалось.

С помощью специальной глагольной лексемы передается шипение змеи (*phuphkārñā*). Глагол *Tarrāñā* и соответствующая ему звукоподражательная конструкция *Tarar-Tarar karñā* используются для обозначения кваканья лягушек. И, наконец, как уже было сказано выше, мышинный писк описывается теми же конструкциями, что и звук, издаваемый птенцами: *čṛⁿ-čṛⁿ/čūⁿ-čūⁿ karñā*.

Таким образом, на уровне прямых значений, наряду с распространенными моделями категоризации звуков животных (такими, как объединение писка мышей и птенцов или, наоборот, противопоставление петухов и куриц), хинди демонстрирует множество объединений и противопоставлений, редких и даже уникальных для нашей выборки. Хрюканье свиней объединяется с мурлыканьем кошек, блеянье овец обозначается так же, как и тьяканье маленьких собак, крики павлинов и попугаев не отличаются от стрекота кузнечиков и цикад, а воркованье голубя может описываться теми же средствами, что и жужжание насекомых. Только в хинди особый глагол описывает звуки, издаваемые слонами, есть специальная лексема для обозначения шипения кошки; в зоне лая собак важно противопоставление большой и маленькой особи (как по размеру, так и по возрасту), в то время как в бенгали наблюдается прагматически близкое противопоставление домашних (оцениваемых положительно) и уличных (характеризующихся негативными коннотациями) собак.

2. Переносные значения

Несмотря на «экзотичность» материала хинди, связанную с особым социокультурным контекстом, отличным от средневропейского, многие наблюдаемые в этом языке семантические сдвиги иллюстрируют уже известные нам паттерны. Метафорические переносы в зоне глаголов звуков животных в большинстве случаев мотивированы внешним акустическим сходством или сходством моделей поведения животного и человека, что, вероятно, и обеспечивает высокую степень однородности метафор в разных языках: одни и те же животные становятся источниками похожих сдвигов. Однако, безусловно, каждый язык привносит и свой вклад в набор моделей семантических переносов. Хинди — не исключение.

2.1. Сдвиги на основе внешнего акустического сходства

2.1.1. Переход в зону звуков природных объектов и артефактов

Сдвиги на основе внешнего акустического сходства в хинди довольно многочисленны. Так, выделяется целая группа переносов в зону природных объектов и артефактов.

Глагол, исходно обозначающий звуки насекомых и воркование голубей, может описывать также бурление кипящей воды (обычно специально подогретой снизу, а не оставленной в горячем песке или на солнце):

- (23) *čāval aur pānī ek bartan meⁿ Dālkar niče se*
рис и воду одну посуду в погрузив низ с
garam kiyā jātā thā. jab pānī gungunāne lagtā thā
тепло делалось(PASS) когда вода бурлить(OBL.INF) начинала
to āg se utār kar bane māⁿD se
то огня с сняв приготовленного рисового.отвара из
motī ko kučh samay tak sāf kiyā jātā thā.
жемчуг асс некоторое время до чистым делался

‘Рис и вода подогревались снизу в одной посуде. Когда **вода начинала бурлить**, то [посуду] снимали с огня, и благодаря приготовленному рисовому отвару жемчуг на какое-то время становился чистым’.

Глагол *garajnā*, передающий в хинди рычание крупных диких зверей (львов, тигров и т. п.) — низкий, громкий и устрашающий звук, может в результате сдвига на основе акустического сходства описывать гром (24).

- (24) *bādal jo garajte haiⁿ, barsā nahīⁿ karte...*
тучи которые громыают (PRES.IND) дождя NEG делают...
‘**Громыающие** тучи дождя не делают...’
[http://chotabhaloo.blogspot.de/2011/09/blog-post_25.html]

2.1.2 Переход в зону физиологических звуков

Ономатопеи, связанные с хрюканьем свиней и мурлыканьем кошек (*ghurghurānā, ghoⁿ-ghoⁿ karnā*), могут передавать два типа физиологических, плохо контролируемых звуков, характерных больше для человека, чем для животного. Так, с помощью этих лексических средств может описываться кашель, хрипение (см. пример 25) и чавканье (26).

- (25) *gale ke ghur-ghur šabd utpann ho gaye*
горла GEN хрю-хрю слова родились (PAST)
‘В горле появилась **хрипота**.’
- (26) *jab Rām khātā hai to vah hamešā ghoⁿ-ghoⁿ kartā hai*
когда Рам ест (PRES.IND) то он всегда хрю-хрю делает (PRES.IND)
‘Когда Рам ест, он всегда **чавкает**’.

Глагол *Dakarnā* и образованное от него существительное *Dakār*, обозначающие звук, который корова и некоторые другие животные издают при отрыжке, может быть применен и к человеку, выражая при этом то же значение (см. пример 27). Вероятно, в данном случае смену таксономического типа субъекта звукового предиката не следует трактовать как семантический сдвиг: такого рода физиологическая реакция свойственна как крупным животным, так и человеку, поэтому значение глагола остается неизменным.

- (27) *peṭ meṅ gais adhik banne par jab muḥ se hokar*
 животе в газы много скопления после когда рот через пройдя
nikālī hai to ham yah Dakār ānā kahte haiṅ
 выходят то мы это «отрыгивание приходит» (INF) называем

‘Когда в животе скапливается много газов и они выходят наружу через рот, мы называем это **отрыжкой**’. [Dr. Bhīm Kumār jhā «Anubhūt čikitsā sutrā», с. 23]

2.1.3. Зона плача

Глагол *mimiyānā*, исходно соответствующий бляню овец и коз, может описывать и плач маленьких детей (28). С этой метафорой, основанной на акустическом сходстве, связано и употребление данного глагола по отношению к щенкам: еще не научившись лаять, они издают звуки, похожие на детский плач. С похожим случаем мы сталкивались при анализе адыгейского материала, где глагол *рҕеуэп* обозначал мяуканье кошек, плач от боли и скуление собак. В таких ситуациях сложно определить, является ли употребление одного и того же лексического средства для описания разных видов звуков простым объединением (т. е. глаголом довольно общей семантики) или это результат семантического сдвига в зону человеческого плача (т. е. метафора).

- (28) *čhoṭā baččā rāt-din mimiyātā rahtā hai,*
 маленький ребенок ночь-день блеет (PRES.PART+PRES.IND)
maiṅ kyā karūṅ, śāyed dāṅt nikal rahe hoṅ
 я что сделаю возможно зубы режутся

‘Малыш днем и ночью **плачет**, что я сделаю, возможно, у него режутся зубы’.

Другой интересный сдвиг в этой области связан с глаголами *dahāRnā* ‘рычать, реветь (о диком хищном звере)’ и *čīḡhāRnā* ‘трубить (о слоне)’, а точнее, с отглагольными существительными *dahāR* и *čīḡhāR*. Выступая в качестве модификаторов глагола *ronā* в конструкции *dahāR/čīḡhāR mārkar ronā* (букв. «крик произведя, плакать»), они приносят значение громкости и интенсивности, так что в результате все выражение передает семантику ‘плакать навзрыд, рыдать в голос’ (см. 29).

- (29) *vah zor-zor se čillāne lagī, dahāR mārkar rone lagī,*
 она силой с кричать начала рев «убив» (CP) плакать начала
čhātī pīṭ-pīṭkar rone lagī...
 грудь ударяя плакать начала

‘Она стала громко кричать, **плакать навзрыд**, ударяя себя в грудь, заплакала...’
 [http://www.marathwadaneta.com]

2.1.4. Характеристики голоса

Глагол *gungunānā*, обозначающий жужжание насекомых, может описывать также тихую, и поэтому невнятную речь человека, в том числе тихое пение себе под нос (см. 30). Напротив, глагол *reṅknā*, исходно передающий резкий и громкий звук — крик осла, при

переносе на человека приобретает значение ‘вопить, орать во всю глотку’ и характеризуется отрицательными коннотациями (см. 31).

- (30) *jab merī bahin koī gānā suntī hai,*
 когда моя сестра какую-нибудь песню слышит
vah hamešā gungunāī hai
 она всегда подпевает (PRES.IND)

‘Когда моя сестра слышит какую-нибудь песню, она всегда **подпевает себе под нос**’.

- (31) *Mohan, tum kyō reⁿk rahe ho?*
 Мохан, ты чего вопишь (PRES.PROGR)
 ‘Мохан, чего ты **вопишь**?’

2.2. Сдвиги на основе акустического и ситуативного сходства

Следующая группа переносов — метафоры, в основе которых лежит не только сходство звуков, но и близость ситуаций и моделей поведения человека и животного.

Лексема, обозначающая жужжание пчел и других насекомых (отглагольное существительное *bhanbhanāhaT*), может описывать гул, издаваемый группой людей (см. 32). В этой ситуации люди уподоблены пчелиному рою, как по звуку, так и по поведению. Аналогичную метафору на основе акустического и зрительного образа может порождать глагол *čahaknā*, исходно обозначающий щебетание птиц (см. 33).

- (32) *hāl meⁿ auratoⁿ kī bhanbhanāhaT sunāī de rahī thī*
 холле в женщин GEN жужжание слышалось (PAST PROGR)
 ‘В холле был слышен женский гул’.

- (33) *gūⁿj rahī thīⁿ śahnāiyāⁿ. čahak rahā thā bāzār*
 гудели флейты «щебетал» (PAST PROGR) базар
 ‘Гудели флейты. **Гудел** (букв.: «щебетал») базар’.

Несколько более сложный, но похожий метафорический сдвиг наблюдается у конструкции *Tarar-Tarar karnā* ‘квакать’. Она также может описывать звук, издаваемый группой людей, однако в данном случае исходный образ болота, в котором квакают лягушки, вероятно, порождает отрицательные коннотации: будучи примененной к человеку, эта конструкция либо обозначает неприятную, грубую речь, доносящуюся то с одной, то с другой стороны, либо описывает монотонную, пустую, надоедливую болтовню (см. 34).

- (34) *sabhī log sirf Tarar-Tarar kar rahe haiⁿ.*
 все люди только ква-ква делают (PRES.PROGR)

‘Все люди только и делают, что **болтают попусту**’. [<http://baithak.hindyugm.com>]

Другой глагол, изначально передающий щебетание птиц (*kuhaknā*), может характеризовать беззаботную и веселую речь одного человека, как правило, женского пола:

- (35) *vah laRkī sārā din aⁿgan meⁿ kuhakī rahī thī*
та девочка весь день дворе в щебечет (PRES.PART + PAST IND)
‘Та девочка весь день **щебечет** во дворе’.

Еще один «птичий» глагол — *čūⁿknā* — и соответствующая ему конструкция *čūⁿ karnā* могут обозначать минимальный квант звука:

- (36) *yah čūⁿ nahīⁿ kar saktā*
он писк NEG делать может
‘Он и **пикнуть** не смеет’.

С овцами и козами связан особый образ: они кажутся безобидными и не очень умными, издают довольно тихие и невнятные звуки. На основании этого представления во многих языках, в том числе и в хинди, у глагола ‘блеять’ развивается метафорическое значение ‘мямлить, неуверенно говорить’. При поддержке экстралингвистического контекста такое употребление глагола *mimiyānā* может пониматься и как обозначение более сложного речевого действия. Так, в примере 37 содержание неуверенной речи человека выводится из контекста: ясно, что он не просто что-то бормочет, а пытается оправдаться.

- (37) *manmohan jī, mimiyānā čhoRo*
Манмохан господин, мямлить перестань
‘Господин Манмохан, перестань **оправдываться**’ [заголовок новостной статьи, в которой премьер-министр Индии обвиняется в присвоении денег из государственной казны].

Если представления об овцах и козах во многих культурах очень схожи, то образ кудахчущей курицы может порождать разные ассоциации. Например, в русском языке *кудахчет* чересчур заботливая женщина, а в греческом и коми-пермяцком — сплетница. В хинди квохтанье курицы связано с идеей ворчания — постоянного, но тихого и неагрессивного выражения недовольства:

- (38) *tum phir kuRkuRā rahe ho! kyā bāt hai?*
ты снова квохчешь (PRES.PROGR) какое дело есть
‘Ты снова **ворчишь!** В чем дело?’

Агрессивное выражение недовольства в хинди описывается с помощью глаголов, обозначающих рев хищных зверей. В данном случае основанием для переноса является явное акустическое и ситуативное сходство: как тигр или лев с ревом нападают на свою жертву, так и человек, издавая подобные звуки, «набрасывается» на своего собеседника. Однако в хинди, в отличие, например, от русского языка, этот переход не завершен: лексемы *garajnā, huⁿkārnā, dahāRnā* ‘рычать, реветь’ не обозначают самостоятельно речевое действие (ср. русск. *он прорычал мне в ответ*), а лишь модифицируют глагол речи (39).

- (39) *sahsā Auraⁿgzeb ko unke pūrvjoⁿ kī śatrutā yād ā gāī,*
внезапно Аурангзебу ACC их предков GEN вражда память пришла,

Auraⁿgzeb krodh ke mare lāl ho čalā,
 Аурангзеб злости из-за красным стал,
apne siⁿhāsan se uThā, aur huⁿkārte hue bolā...
 своего трона с встал, и ревя (ср) сказал...

‘Неожиданно Аурангзеб вспомнил о вражде их предков, Аурангзеб покраснел от злости, вскочил с трона и **заревел** ... <букв. «ревя сказал»>’.

Другой способ описания агрессии в хинди также очень стандартный: ситуация ругани, перепалки передается с помощью глагола *gurrānā* ‘рычать’ (см. 40). Эта метафора встречается практически во всех языках нашей выборки. Столь широкая ее распространенность объясняется тем, что она основана на очень четком ситуативном сходстве: известно, что собака никогда не рычит просто так, она всегда рычит на кого-то, выражая таким образом свое недовольство чьими-то действиями.

(40) *krodh meⁿ ve āpas meⁿ gurrāne lage*
 гнев в они собой между браниться начали

‘В гневе они начали **браниться**’.

Напротив, лаять собака может безо всякой причины. Отсюда другой тип метафорического сдвига, несколько менее частотный: глагол ‘лаять’ иногда принимает значение ‘болтать, впустую молоть языком’, обычно характеризующееся отрицательными коннотациями. Сходная метафора засвидетельствована и в хинди: глагол *bhawⁿknā* ‘лаять’ может выражать идею болтовни, злословия (41).

(41) *vah bahut khuš hai ki log uskā nām lekar prasiddh*
 она очень рада есть что люди ее имя взяв знаменитые
ho rahe haiⁿ aur iršyā ke kāraN vah bhawⁿk rahī hai
 становятся и зависти по причине она злословит (PRES.PROGR)

‘Она очень рада, что люди прославляются за счет ее имени, и та [другая актриса] **злословит** от зависти...’

[<http://www.khaskhabar.com/hindi-news/Entertainment-poonam-pandey-22520613.html>]

2.3. Сдвиги в незвуковую зону

Наконец, самый сложный тип переходов — сдвиги, в результате которых полностью теряется исходная звуковая семантика лексемы. В хинди наблюдается три таких случая, причем первый перенос довольно стандартный, хотя в хинди еще не совершившийся полностью, а два других — лингвоспецифичные, не отмеченные в других наших языках.

Итак, один из переносов такого рода — обозначение болевого ощущения в голове или ушах с помощью глагола *jhaⁿkārnā*, исходно описывающего стрекот кузнечиков, цикад, сверчков и крики павлинов и попугаев (см. Козлова, Хохлова 2009). Глаголы звука являются источником болевых предикатов во многих языках, ср., например, русск. *ноги гудят* или кит. *dūzi jiào*, букв.: «желудок визжит» (Рахилина и др. 2010a). Однако

в хинди звуковая семантика в такого рода употреблениях утеряна не полностью: глагол *jhaⁿkārnā* описывает не просто боль, а именно звон в ушах, который говорящий воспринимает как реальный звук (см. 42).

Очень близкая ситуация наблюдается и в бенгали, где общий звуковой глагол *Daka* может обозначать в том числе звуки, издаваемые разными частями человеческого тела, но только такие, которые связаны с неприятными ощущениями, ср. *nak Dakche* ‘нос шмыгает’, *peT Dake* ‘живот урчит’.

И в хинди, и в бенгали эти переносы представляют собой промежуточные случаи сдвига от простого акустического сходства к полной потере звуковой семантики.

- (42) *khūn kā dabāv uṣṣ hogā* —
 крови GEN давление высокое верно
mere kānoⁿ meⁿ jhaⁿkār ho rahī hai
 моих ушах в гудение происходит (PRES.PROGR)

‘Наверно, у меня высокое давление — в ушах сильно гудит’.

Второй переход, напротив, демонстрирует уже завершившийся процесс потери семантики звука: *bhinaknā* (исходно — ‘жужжать’ о насекомых, в первую очередь, мухах) в сочетании с субъектом ‘душа’ обозначает чувство отвращения (см. 43, 44). Этот сдвиг не встречался нам ранее ни в одном другом языке. Близкий, но не тождественный случай засвидетельствован в агульском, где глагол с прямым значением комариного писка тоже развивает семантику ‘испытывать отвращение, содрогаться’ (см. Главу 15). Однако в агульском это неприятное ощущение имеет, скорее, физиологическую природу (субъектом при соответствующем глаголе является существительное ‘тело’) — такое состояние возникает, например, когда кто-нибудь скребет ногтем по стеклу, хотя стимулом для него в принципе может выступать и нефизическая ситуация. В хинди же глаголом ‘жужжать’ передается ощущение, которое ближе к эмоциональной, чем к физиологической реакции.

- (43) *maiⁿ yah karnā nahīⁿ čāhī, merā jī bhinaktā hai*
 я это делать не хочу моя душа жужжит (PRES.IND)

‘Я не хочу это делать, мне противно’.

- (44) *ab to unkī sūrat dekhkar jī bhinaktā hai*
 теперь то его лицо увидев душа жужжит (PRES.IND)

‘Его лицо **вызывает** у меня **ненависть**’. [<http://www.definition-of.net/>]

Наконец, третий переход на синхронном уровне показывает наименьшую связь с исходной звуковой семантикой — носителями она уже совсем не ощущается. Глагол *Dakarnā* (исходно ‘рыгать’ о корове) приобретает значение ‘украсть’ (45). Вероятно, этот сдвиг мотивирован семельфактивностью, мгновенностью действия ‘рыгнуть’ и связан с идеей высокой скорости (ср. аналогичный переход у русского глагола *свистнуть*). С другой стороны, у некоторых носителей этот глагол ассоциируется также с ситуацией сытости, поэтому результирующее значение ‘украл’ может возникать и на основе сопоставления с ситуацией ‘съел’ — сделал так, чтобы что-то, что было на столе, исчезло (ср. русск. *слизнул*).

- (45) *garīboⁿ ke nām par bhraṣṭācārī māl Dakārte rahe haiⁿ*
 бедных GEN имя во коррупционеры имущество грабят (PRES.PART+PRES.PERF)
aur abhī bhī Dakār rahe haiⁿ
 и теперь также грабят (PRES.PROGR)

‘Продажные люди продолжали **грабить** имущество во имя бедных и сейчас тоже **грабят**’. [<http://quest.webdunia.com>]

3. Заключение

Мы рассмотрели инвентарь лексических средств описания звуков животных в хинди, а также модели семантических переходов, которые они развивают.

Распространенность идеофонных конструкций является заметным структурным отличием хинди от крупных европейских языков. С другой стороны, наличие, наряду с конструкциями с легким глаголом, обширной системы полнозначной глагольной лексики отличает хинди от языков Северо-Восточной Азии (китайского, корейского, японского), в которых представлены бедные системы, основанные почти исключительно на идеофонах⁵.

В содержательном плане хинди также имеет ряд особенностей — в их числе нестандартные объединения в рамках прямых значений и оригинальные метафорические переносы. Однако проанализированный материал в очередной раз подтверждает, что даже уникальные объединения или противопоставления разных типов звуков, равно как и новые модели метафорических сдвигов, демонстрируют системную организацию и не «ломают» наши представления о принципах концептуализации данной семантической зоны, а только углубляют понимание соответствующих закономерностей.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив, COMP — комплетивный глагол, CP — деепричастие, ERG — эргатив, GEN — генитив, IND — несовершенный вид, INF — инфинитив, NEG — отрицание, OBL.INF — косвенный инфинитив, PASS — пассив, PAST — прошедшее время, PERF — перфект, PROGR — прогрессив, PRES — настоящее время, PART — причастие.

Источники

Хинди-русский словарь. Ред. В. М. Бескровный. Москва, «Советская Энциклопедия», 1972.
 Ульциферов О. Г. Современный русско-хинди словарь. М.: Рус. яз.-Медиа, 2004.

⁵ См. соответствующие главы настоящей монографии.

- Brihat Hindi Kosh. Sampadak Kalika Prasad, Rajvallabh Sahay, Mukundilal Shrivastav. Varanasi, Gyanmandal limited, 1984.
- Hindi-English-Hindi Dictionary of Phrase and Fable. Comp. Om Prakash Gaba. Delhi, B. R. Publishing Corporation, 1986.
- Hindi Muhavra Kosh, Bholanath Tivari, Nai Dilli, Star Book Center, 1984
- Hindi Shabdsagar. Mul Sampadak Shyamsundardas. Kashi, Nagaripracharini Sabha, 1965-1975.
- Manak Hindi Kosh. Pradhan Sampadak Ramcandra Varma. Ilahabad, Hindi Sahitya Sammelan, 1992.
- Pravasi Hindi Pracharak Shabdakosh. Sampadak Tripathi Liladhar. Varanasi, Hindi Pracaran Pustakalsy, 1950.
- Sankshipt Hindi Shabdsagar, Mul Sampadak Ramcandra Varma, Kashi, Nagaripracharini Sabha, vikram samvat 2014.

Финно-угорские языки

Глава 10. Глаголы звуков животных в мордовских языках¹

1. Введение

В данной главе рассматриваются глаголы животных звуков в мордовских языках (эрзянском и мокшанском), относящихся к мордовской ветви финно-волжской подгруппы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Прежде чем перейти собственно к изложению материала, приведем основные сведения о рассматриваемых языках.

Ареал проживания большинства носителей мордовских языков (коих насчитывается около 400 тыс. человек) — Республика Мордовия, находящаяся в центре Европейской территории России. И для эрзянского, и для мокшанского языков существует своя литературная норма, на них издаются книги, газеты и журналы, они преподаются в школах Мордовии (выбор языка для преподавания определяется тем, преобладает ли в данном населенном пункте эрзя или мокша). Тем не менее, основная форма использования мордовских языков — устная. В силу интенсивных контактов с русским языком практически все носители мордовских языков являются билингвами и говорят также по-русски, и сама структура этих языков претерпевает сильное русское влияние (многочисленные заимствованные слова, кальки в синтаксисе и пр.). Хотя во многих семьях естественная передача мордовских языков по-прежнему сохранена, в целом наблюдается тенденция к их постепенной утрате молодым поколением.

В нашей работе наиболее подробно рассматриваются данные двух идиомов: центрального диалекта мокшанского языка и шокшинского диалекта эрзянского языка. Мокшанский материал собран в ходе комплексного полевого исследования говоров с. Лесное Цибаево, Лесное Ардашево и Лесные Сияли Темниковского района Мордовии в 2014 г. Данные шокшинского диалекта получены преимущественно в ходе личных встреч и переписки с его носителями, проживающими в с. Шокша Теньгушевского района Мордовии или являющимися выходцами из этого села, в 2010–2014 гг. (ранее автор участвовал в проекте по комплексному полемому описанию шокшинского диалекта в 2006–2007 гг.).

Центральный диалект мокшанского языка близок к литературному мокшанскому языку, но имеет ряд отличий от него на всех уровнях. Шокшинский диалект эрзянского языка в ходе своего развития претерпел сильное влияние мокшанского языка и развил

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а. Сбор данных центрального диалекта мокшанского языка поддержан грантом РГНФ № 14-04-18043е.

существенные фонетические, грамматические и лексические отличия от литературного эрзянского языка (подробнее см., например, Миронов 1936, Феоктистов 1990).

В качестве фона в работе также привлекаются отдельные сведения по другим мордовским идиомам, полученные из словарей — в частности, из эрзянско-русского словаря Серебренников и др. (ред.) 1993, мокшанско-русского словаря Серебренников и др. (ред.) 1998 и словаря мордовских диалектов Х. Паасонена (Paasonen 1990–1996, использовалась его онлайн-версия).

Далее рассмотрим системы мордовских глаголов, описывающих животные звуки. Изложение будет строиться по типам источника звука, характеризуемого глаголом в исходном значении (в нашем случае таким источником является животное). Основной акцент будет сделан на рассмотрении метафорических употреблений, но также мы будем обращать внимание и на некоторые интересные особенности организации систем прямых употреблений.

2. Животные — источники метафор

2.1. Собака

Рассмотренные в полевых условиях мордовские идиомы имеют значительное количество глаголов, описывающих звуки собак. В шокшинском диалекте эрзянского языка это глаголы *uvams* ‘лаять’, *urnums* (встречается также в варианте *urnams*) ‘рычать, выть’, *t’afksnams* (встречается также в варианте *t’afkijams*) ‘тявкать (о маленькой собаке), скулить (о жалобном звуке от боли)’. В центральном диалекте мокшанского языка это глаголы *uvams* ‘лаять, тявкать’, *suvm̄ams* ‘скулить’, *arnams* ‘рычать’, *urakadams* ‘выть’. Как видно, в области прямых употреблений мокшанская система оказывается в целом более дробной, тогда как в системе шокшинского эрзянского некоторые классы употреблений объединяются в одной лексеме, ср. отсутствие отдельных глаголов с семантикой ‘скулить’ и ‘выть’ (но надо заметить, с другой стороны, что мокшанский язык не закрепляет за отдельной лексемой тявканье маленькой собаки).

Что касается метафор, то глагол *uvams* в обоих подробно рассмотренных идиомах развивает значение ‘обругать, облаять’, ср. шокшинский пример (1). Не исключено, что это употребление может являться калькой с русского *облаять*, но, учитывая типологическую частотность данной метафоры, нельзя исключать и ее независимого развития в мордовских языках.

- (1) *uv-i-min’* *ans’ak* *azurava-s’* *mon’* *tosa* *t’eče*².
 лаять-PST-1SG.O:3SG.S только хозяйка-DEF.SG я.GEN там сегодня
 ‘Облаяла только хозяйка меня там сегодня’.

В шокшинском диалекте эрзянского языка глагол *uvams* дополнительно развивает значение ‘выть (о ветре)’, применяясь тем самым к природному явлению (2).

² Мордовские примеры, записанные в поле, приводятся в работе в фонологической транскрипции символами латинского алфавита. Примеры, цитируемые из других источников, записываются в соответствии с источником.

- (2) *varma-s' aj uv-e.*
 ветер-DEF.SG IPFV лаять-NPST.3SG
 ‘Ветер **воет**’.

Шокшинский глагол *t'afksnams* ‘тявкать, скулить’ (по-видимому, заимствованный из русского, ср. *тявкать*) метафорически описывает разные типы человеческой речи, которые при этом иронически оцениваются говорящим. Во-первых, данный глагол развивает метафору ‘кричать, ругаться’, как в (3). Во-вторых, он может описывать неуверенно возражающего человека — ср. пример (4), представляющий собой окрик на такого человека. В-третьих, он может означать ‘болтать лишнего, говорить что попало’, как в (5).

- (3) *cela ce t'ece aj t'afksn-e matu-n.*
 целый день сегодня IPFV тявкать-NPST.3SG c-1SG
 ‘Целый день сегодня **ругается** на меня’.

- (4) *sate t'afksna-m-s!*
 хватит тявкать-INF-ILL
 ‘Хватит **тявкать!**’

- (5) *vanu-k, ton l'a t'afksna-k vat mes-t'*
 смотреть-IMP.SG ты PRON тявкать-CN вот что-DEF.SG.GEN
at er'av-e kudu-sa.
 NEG быть.нужным-NPST.3SG дом-IN
 ‘Смотри, ты уж не **говори**, что попало, дома’.

Интересные метафорические употребления развиваются также у глаголов, прямые употребления которых покрывают фрейм рычания собаки, — шокшинского *urnums* (имеющего вариант инфинитива *urnams* и дополнительно выражающего значение ‘выть’) и мокшанского *arnams*.

Мокшанский глагол *arnams* ‘рычать’ развивает метафору грубой речи. На русский язык она лучше всего передается глаголом *огрызаться*, как в (6)–(7).

- (6) *son arna-s'-i mon' lang-azə-n hros',*
 он рычать-IPFV-NPST.3SG я.GEN на-ILL-1SG.POSS постоянно
i s'anksə mon son' ezda-nzə obəža-f-an.
 и поэтому я он.GEN ABL-3SG.POSS обидеть-PTCP.RES-NPST.1SG
 ‘Он **огрызается** на меня постоянно, и поэтому я на него обижен’.

- (7) *son-d'eja-nzə mez'ə t'a-t mer'gə,*
 он.OBL-DAT-3SG.POSS что PRON-IMP.SG говорить
son ušəd-i arna-mə.
 он начинать-NPST.3SG рычать-INF
 ‘Ему что ни скажи, он начинает **огрызаться**’.

Кроме того, мокшанское *arnams* сдвигается в зону артефактных звуков, описывая звук работающего мотора (особенно мотора трактора), как в (8). В нашем материале отмечены и употребления в таком контексте каузатива от этого глагола, причем выражающие

как фактитивную (ср. пример (9), уместный в ситуации, когда трактор увяз в грязи и тракторист усиленно вытягивает его оттуда), так и пермиссивную семантику (ср. предложение (10), сказанное трактористу, когда тот ушел, не выключив мотор трактора).

(8) *traktər-s' ərna-j.*
трактор-DEF.SG рычать-NPST.3SG
'Трактор гудит'.

(9) *ərna-ft-si i ərna-ft-si traktər-t'.*
рычать-CAUS-NPST.3SG.S:3SG.O и рычать-CAUS-NPST.3SG.S:3SG.O трактор-DEF.SG.GEN
'Вытягивает он и вытягивает трактор'.

(10) *kozə tu-s', traktər-t' ərna-ft-n'ə-si.*
куда уйти-PST.3SG трактор-DEF.SG.GEN рычать-CAUS-IPFV-NPST.3SG.S:3SG.O
'Куда ушел, трактор оставил **работать**'.

У шокшинского глагола *urnums* 'рычать, выть' выявлено два метафорических употребления, отличающихся от тех, которые мы только что наблюдали у мокшанского *arnams*. Первое из них предполагает множественный субъект, а *urnums* в этом случае означает 'кричать, шуметь' и применяется к играющим на улице детям. Это употребление содержит негативную оценку ситуации говорящим: например, предложение (11) могут использовать пожилые люди, раздраженные шумными детскими играми вокруг.

(11) *nav vat, karma-s't' urnu-ma.*
ну вот начать-PST.3PL выть-NMN
'Ну вот, начали **выть**'.

Вторая метафора от глагола *urnums* (сейчас, однако, устаревшая и известная не всем носителям) относится к семантической зоне плача. В этом случае *urnums* описывает плач от боли, от горя. По утверждению некоторых носителей шокшинского диалекта, этим глаголом характеризуется плач тихий, про себя; другие же информанты, однако, не видят в нем прямого указания на громкость плача. Интересно, что в работах по литературному эрзянскому языку в значении этого глагола (пишущегося и произносящегося там как *урномс*) выделяется, наоборот, компонент высокой громкости, ср. его перевод 'громко плакать, рыдать' в словаре Серебренников и др. (ред.) 1993: 696 и толкование 'плакать, заплакать громко, протяжно, издавая воющие звуки, рыдать безутешно', приведенное в Бузакова 1982: 7. Заметим также, что словарь Х. Паасонена отмечает по некоторым диалектам наличие у этого глагола значения 'причитать (о невесте)', а в литературном словаре Серебренников и др. (ред.) 1993: 696 это значение приписано глаголу *урнемс* (имеющему другой тематический гласный инфинитива, но, по-видимому, тот же корень). В Миронов 1936: 106 значение 'причитать' и вовсе оказывается единственным приписанным глаголу *урнумс* в шокшинском диалекте, но в силу отсутствия в этой работе дальнейших деталей его употребления неясно, имел ли в виду автор свадебное причитание или какие-либо иные ситуации плача.

Как мы видим, шокшинский глагол *urnums* и мокшанский *arnams* пошли по разным путям метафорического развития. Не исключено, что причиной этому служат различия в их исходной семантике: шокшинское *urnums* выражает применительно к собаке

не только значение ‘рычать’, но и значение ‘выть’ — и типологически³ именно последнее склонно развивать метафору шумной речи (аналогичное тому, которое реализуется в (11)) и особенно метафору плача. Тем самым, логично предположить, что метафоры глагола *urnams* мотивированы исходной семантикой воя, отсутствующей, в свою очередь, у глагола *ərnams*.

В центральном диалекте мокшанского языка есть еще два глагола, описывающих звуки собак и развивающих метафоры в зоне плача. Во-первых, это глагол *urəkədəms* ‘выть’ (в прямом значении этот глагол применим также к волку). Переносно он широко используется в ситуациях плача, чаще всего плача от горя, как в (12)–(13), в Бузаква 1977: 167 отмечается также, что *urəkədəms* предполагает громкий плач. Этот же глагол применяется и к оплакиванию невесты в традиционной мордовской свадьбе⁴.

- (12) *ava-s’ kalma-m-stə pek urəkəd-i.*
 женщина-DEF.SG хоронить-INF-EL очень выть-NPST.3SG
 ‘Женщина на похоронах громко **плачет**’.
- (13) *son’-d’ejə-nzə mēr’g-s’ kulə-s’ mir’d’ə-c,*
 он.OBL-DAT-3SG.POSS сказать-PST.3SG умереть-PST.3SG муж-3SG.POSS.SG
son urəkədə-z’- urəkəd-s’.
 он выть-CONV выть-PST.3SG
 ‘Он ей сказал, что ее муж умер, и она **сильно плакала**’.

Во-вторых, метафору плача развивает глагол *suvəms*, исходно означающий ‘скулить’. Носители языка, однако, разнятся в интерпретации этого употребления, допуская использование этого глагола и по отношению к плачу от горя (в такой ситуации возможно, например, (14)), и применительно к плачу ребенка (когда тот разбил коленку (15) или надоедает старшим). По сравнению с глаголом *urəkədəms*, глагол *suvəms* значительно менее жестко связан с ситуацией горя, а также, скорее, предполагает более тихий плач (но, с другой стороны, в Raasonen 1990–1996 для *suvəms* предложены переводы ‘визжать, вопить’, указывающие, напротив, на высокую громкость).

- (14) *mes suvə-z’- suv-at, mes t’ēškava avard’-at?*
 почему скулить-CONV скулить-NPST.2SG почему так плакать-NPST.2SG
 ‘Зачем **рыдаешь**, зачем так **плачешь**?’
- (15) *toka-z’ə pəlmanža-nc i suvə-z’- suv-i⁵.*
 ушибить-PST.3SG.S:3SG.O колено-3SG.POSS.SG.GEN и скулить-CONV скулить-NPST.3SG
 ‘Разбил коленку и **хнычет**’.

³ См. доступную онлайн базу данных общего проекта: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/zvukimu.py> и <http://web-corpora.net/zvukimu/>.

⁴ Отметим также, что в Серебренников и др. (ред.) 1998: 786 для этого глагола дается употребление ‘выть’ (о ветре) — но наши информанты его отвергают.

⁵ В (13)–(15) глаголы с семантикой плача употреблены в составе сложных конструкций, состоящих из причастной и финитной форм одного и того же глагола и передающих разные аспекты повышенной интенсивности действия (ср. в Евсевьев 1963: 293 — «разные оттенки

2.2. Кошка

В шокшинском диалекте эрзянского языка кошачьи звуки описываются глаголом *m'afksnams* ‘мяукать’, а также глаголами *murkijams* и *murnams*, имеющими значение ‘мурлыкать, урчать’. Различие глаголов *murnams* и *murkijams* понимается носителями таким образом, что *murnams*, в отличие от *murkijams*, описывает либо мурлыканье недовольной кошки, либо отрицательную оценку животного говорящим, например, это слово применяют, когда кошка надоела своим мурлыканьем, ср. (16).

- (16) *bars'ik az'u t'elde,*
 Барсик иди отсюда
s'ed'ij-t'e suv-i-t' us' murna-m-sta.
 сердце-DEF.SG.DAT войти-PST-2SG уж мурлыкать-INF-EL
 ‘Барсик (кличка кошки), иди отсюда, надоел уже **мурлыкать** (букв.: «в сердце вошел уже от мурлыканья»)’.

Что касается метафорических употреблений, то глагол *m'afksnams* используется в значении ‘капризничать (о маленьком ребенке)’ — например, предложение (17) может сказать мама младенцу.

- (17) *mezt' epet' m'afksn-at?*
 что опять мяукать-NPST.2SG
 ‘Что опять **капризничает**?’

Метафоры от глаголов *murnams* и *murkijams* сохраняют различия в оценке действия, присущие исходным употреблениям. Лексема *murnams* сдвигается в негативное ‘ворчать, выражать недовольство’ (18), а лексема *murkijams*, описывающая «речь» довольной кошки, — в значение ‘говорить ласковые, нежные слова’, ср. предложение (19), которое, к примеру, может сказать жена в адрес мужа.

- (18) *mezt' murn-at, apak lotk-s'e?*
 что мурлыкать-NPST.2SG NEG прекратить-IPFV.PTCP
 ‘Что **ворчишь**, не переставая?’

- (19) *mezt' murkij-at pil'i-t' ala?*
 что мурлыкать-NPST.2SG ухо-DEF.SG.GEN под
 ‘Что **мурлычешь** у меня под ухом?’

Что же касается рассмотренных нами мокшанских говоров, то в них мяуканье кошки описывается глаголом *mevksnams* (метафор он не развивает), а мурлыканье — глаголом *mrnams* (противопоставление по оценке в этой зоне оказывается для мокшанского языка

образа действия: быстрота, усиление и проч.)). Глагол *urəkədəms* свободно может употребляться и вне такой конструкции, ср. (12). Что касается глагола *suvəms*, то он в идиолектах опрошенных носителей тяготеет в метафорическом употреблении к указанной аналитической конструкции.

нерелевантным)⁶. Лексема *mrnams* метафорически сдвигается в значение ворчания (20), аналогично рассмотренному ранее шокшинскому *turnams*.

- (20) *at'ε-s' mrna-j i mrna-j, fs'egda af dovol'naj.*
 дед-DEF.SG мурлыкать-NPST.3SG и мурлыкать-NPST.3SG всегда NEG довольный
 'Дед **ворчит** и **ворчит**, всегда **недовольный**'.

2.3. Бык, корова, овца и коза

Мычание быка и коровы, а также бляение барана и овцы, козла и козы описываются и в шокшинском диалекте эрзянского языка, и в центральном диалекте мокшанского языка глаголом *params*, представляющим собой, таким образом, типологически любопытный пример совмещения разных животных — субъектов одного глагола. По данным Серебrenников и др. (ред.) 1993: 457, аналогично обстоит дело и в литературном эрзянском языке, а в качестве иллюстрации словарь приводит пословицу (21). Ее смысл носитель эрзянского языка сформулировал таким образом: «Какой бы коза ни была полезной и нужной в хозяйстве, корова и полезнее, и лучше, и нужнее, и ценнее».

- (21) *Seя-cь хоть пар-ы, скало-кc а ар-ы.*
 коза-DEF.SG хоть парамс-NPST.3SG корова-TRANS NEG стать-NPST.3SG
 'Коза **хоть делает парамс**, коровой не станет' [Серебrenников и др. (ред.) 1993: 457].

Что касается метафора глагола *params*, то в центральном диалекте мокшанского языка они, согласно нашим полевым данным, не развиваются, тогда как в шокшинском эрзянском *params* метафорически используется в зоне плача. Этот глагол описывает громкий, сильный, надоедливый плач взрослого человека (22–24) — при этом данное употребление оценивается носителями как грубое. Стимулами такого плача могут быть, например, обида (23) или боль (24).

- (22) *l'a para-k st'a uš!*
 прон мычать-CN так уж
 'Да не **плачь** ты уж так сильно!'
- (23) *avingi-s' skal-ks par-e, sond'e tago-ke obuž-i-ze.*
 женщина-DEF.SG корова-TRANS мычать-NPST.3SG она.GEN INDEF-KTO обидеть-PST-3SG.S.3SG.O
 'Женщина, как корова, **ревет**, ее кто-то обидел'.

⁶ В целом интересно, что животные звуки, обозначаемые глаголом *turnams*, варьируют по разным мордовским диалектам, в том числе и по параметру положительной / отрицательной оценки. По данным словаря Х. Паасонена, в эрзянском говоре с. Коляево Темниковского района Мордовии *turnams* означает 'мурлыкать (о кошке)', а также 'бляеть (об овце, ласкающей ягнят)' — в последнем случае, бесспорно, имеет место положительная оценка. С другой стороны, для целого ряда мокшанских говоров значение этого глагола определяется как 'рычать (о собаке), шипеть, фыркать (о кошке)', что сближается с материалами шокшинского диалекта по признаку оценки действия.

- (24) *pek-te-nde skal-ks para-s'.*
 боль-DEF-ABL корова-TRANS мычать-РСТ.3SG

‘От боли **ревела**, как корова’.

Кроме того, плач, описываемый в шокшинском диалекте эрзянского языка глаголом *params* (в отличие от рассмотренного в 2.1 глагола *urnums* ‘рычать, выть’), часто оценивается как пустой, бестолковый, направленный на то, чтобы привлечь внимание, ср. примеры (25) и (26), иллюстрирующие различия этих глаголов.

- (25) *miz'arda kul-e loman'-s', to mel'ga-nda*
 когда умереть-NPST.3SG человек-DEF.SG то за-3SG
at par-it', a aj urn-it'.
 NEG мычать-NPST.3PL а IPFV выть-NPST.3PL

‘Когда умер человек, то по нему не **ревут**, а **воют**’.

- (26) *miz'arda loman'-t'e joft-i-z' pravda-t'*
 когда человек-DEF.SG.DAT сказать-РСТ-3.О:3.S.PL.S/O правда-DEF.SG.GEN
sel'mi-s, to son at urn-e,
 глаз-ILL TO он NEG выть-NPST.3SG
a aj par-e dosada-sta.
 а IPFV мычать-NPST.3SG досада-EL

‘Когда человеку сказали правду в глаза, то он не **воет**, а **ревет** от досады’.

2.4. Коза

В шокшинском диалекте эрзянского языка для звуков, издаваемых козой и козлом, помимо описанного выше глагола *params* ‘мычать, блеять’, используется еще один глагол — *mekijams* ‘мекать’. В центральном диалекте мокшанского языка подобного глагола нами не отмечено, поэтому обсудим далее в этом разделе только шокшинские данные. Для глагола *mekijams* отмечаются метафорические употребления, связанные с описанием человеческой речи, которая по тем или иным причинам воспринимается как нечленораздельная. Это может быть как физически неразборчивая речь, ср. употребление *mekijams* в (27)–(29) в значениях ‘мямливать, бормотать’, так и бессодержательные высказывания, ср. описание уклончивого поведения в (30) и неуверенного ответа двоечника в (31) — в последнем случае использована словоформа *mekats'* ‘промямлил’, выражающая однократное значение и, очевидно, образованная от того же звукоподражания, что и глагол *mekijams*. Оцениваются все эти употребления как достаточно грубые.

- (27) *kuruk s'embe karma-s't' soda-ma loman'-s' il' ir'it'ste,*
 скоро все начать-РСТ.3PL знать-NMN человек-DEF.SG быть.РСТ.3SG пьяный
ki-jak ez' čar'kud-t', mez'e son tosa est'ende mekiye-s'.
 кто-ADD NEG.РСТ.3SG понимать-CN что он там REFL.DAT мекать-РСТ.3SG

‘Скоро все узнали: человек был пьян, никто не понимал, что он там себе **мямлил**’.

- (28) *pokšt'e-s' večki-l'i-ze koṛta-mu-t'*,
 дед-DEF.SG любить-PLPF-3SG.S:3SG.O говорить-NMN-DEF.SG.GEN
ans'ak t'en'e, pej-t'imi-t' koṛta-mu-s'
 только теперь зуб-CAR-GEN говорить-NMN-DEF.SG
s'id'e pek pan'ht'e mekija-mu-t' nang-s.
 больше очень похожий мекать-NMN-DEF.SG.GEN верх-ILL
 'Дед любил говорить, только теперь, у беззубого, разговор больше похож на **мекание**'.
- (29) *stol ekšne son aj jaṛc-e*
 стол за он IPFV есть-NPST.3SG
i tag-mez'e est'ende aj mekij-e.
 и INDEF-ЧТО REFL.DAT IPFV мекать-NPST.3SG
 'За столом он ест и что-то **мямлит** себе'.
- (30) *ton mon'en' l'a mekija-k t'ese, koṛta-k vit'ste.*
 ты я.DAT ПРОН мекать-CN тут говорить-CN прямо
 'Ты мне не **мямли** тут, говори прямо'.
- (31) *eḵkakš-s' ez'-i-ze tonaftn'i-k urok-t'*,
 ребенок-DEF.SG NEG-PST-3SG.S:3SG.O выучить-CN урок-DEF.SG.GEN
son ans'ak kafta - kolma vaḷ-t mekat-s'
 он только два три слово-PL мекать-PST.3SG
i mekinank oza-s' sons'inde tarka-v.
 и снова сесть-PST.3SG REFL место-LAT
 'Ребенок не выучил урок, он только два-три слова **промямлил** и снова сел на свое место'.

2.5. Птицы

Семантическая зона «птичьих» звуков оказывается важным источником метафорических сдвигов в шокшинском диалекте эрзянского языка (для обследованных нами мокшанских говоров метафоры из этой зоны не характерны). Шокшинский глагол *t'il'n'ims* в прямом значении описывает высокий звук, производимый небольшими птицами: любимыми птенцами (32), воробьем, голубем, дятлом, ласточкой, скворцом — в русском языке это примерно соответствует глаголам *щебетать* и *чирикать*.

- (32) *narmun'-in'gi-t'n'e tunda koda čuftu nan-ga t'il'n'i-t'!*
 птица-DIM-DEF.PL весной как дерево верх-PROL щебетать-NPST.3PL
 'Как весной птенчики на деревьях **щебечут!**'

Переносных употреблений у глагола *t'il'n'ims* выделяется три. Первое из них относится к семантической зоне артефактных звуков: в этом случае *t'il'n'ims* описывает звон колокольчика, как в (33). Заметим, что другие виды звона глаголом *t'il'n'ims* не характеризуются: например, звон горстки монет в руке, металлических украшений, ключей, рюмок описывается глаголом *d'il'in'd'ams*, не относящимся к области животных звуков.

- (33) *pajak-in'gi-t'n'e maziste t'il'n'i-t'.*
 КОЛОКОЛ-DIM-DEF.PL красиво щебетать-NPST.3PL

‘Колокольчики красиво **звонят**’.

Второе метафорическое употребление глагола *t'il'n'ims* принадлежит к области неприятных физиологических ощущений. Этот глагол описывает звон в ушах (34), возникающий, например, от угара или от высокого артериального давления. Вместе с тем нам кажется равновероятным как развитие этой метафоры непосредственно от животного звука, так и вторичный перенос от относящегося к зоне артефактных звуков значения ‘звенеть (о колокольчике)’ — ср., в частности, указание в Рахилина и др. 2010а: 479 на существование обоих источников метафор неприятных ощущений.

- (34) *pil'i-t'n'i-n' potsa t'il'n'-e.*
 УХО-DEF.PL-GEN внутри щебетать-NPST.3SG

‘В ушах **звонит**’.

Наконец, глагол *t'il'n'ims* может применяться и к человеку — но обозначает он в этом случае не звук, а поведение, которое метафорически сопоставляется с поведением животного, издающего соответствующий звук (в нашем случае, с поведением птиц). Субъектом глагола в данном употреблении являются девушки, а его значение можно передать как ‘резвиться, дурачиться, баловаться, строить глазки парням’ (35). Однако данное употребление, по оценкам наших информантов, устарело.

- (35) *od stij'-n'e aj t'il'n'i-t'.*
 молодой девушка-DEF.PL IPFV щебетать-NPST.3PL

‘Молодые девушки **резвятся**’.

2.6. Насекомые

Звуки насекомых в шокшинском диалекте эрзянского языка описываются глаголами *biznams* и *bijn'ims*, а в центральном диалекте мокшанского языка — глаголами *bznams* и *bz'n'ems*.

Рассмотрим сначала систему шокшинского эрзянского. Глагол *biznams* является более употребительным, описывая жужжание мухи, овода, осы, пчелы, стрекозы, а также писк комара. Глагол *bijn'ims* исходно описывает более высокий звук, прототипически писк комара. В настоящее время, однако, этот глагол используется реже и вытесняется глаголом *biznams*.

Что касается метафор, то носителям шокшинского диалекта известно одно метафорическое употребление глагола *bijn'ims* — ‘волноваться, тревожиться (о сердце)’, см. (36).

- (36) *koda s'ed'ij-s' tag-meks bijn'-e.*
 как сердце-DEF.SG INDEF-почему пищать-NPST.3SG

‘Что-то сердце **растревожилось** (тревожится, волнуется)’.

Переносные употребления глагола *biznams* устроены более сложно. Во-первых, употребляясь по отношению к человеку, он описывает быструю и негромкую, оттого часто неразборчивую, надоедливую речь, как в (37) и (38).

- (37) *vas'e-s' tag-mez'e kuvat' pil'i-t'e aj bizna-s'.*
 Вася-DEF.SG INDEF-ЧТО долго УХО-DEF.SG.DAT IPFV жужжать-PST.3SG

‘Вася что-то долго мне **шептал** в ухо’.

- (38) *son uš bizna-s' i bizna-s' t'eče,*
 он уж жужжать-PST.3SG и жужжать-PST.3SG сегодня
što pil'i-t'n'i-jak uš mon' lotka-s't' mar'a-m-sta.
 что УХО-DEF.PL-ADD уж я.GEN перестать-PST.3PL слышать-INF-EL

‘Он уж так **надоел** сегодня **своими разговорами**, что у меня уши уже перестали слышать’.

Помимо этого, глагол *biznams* применяется и к поведению человека (и это уже второй встретившийся нам случай данного типа метафорического переноса, ср. шокшинский глагол *t'il'n'ims* ‘чирикать, щебетать’ в 2.5), приобретая в этом случае значение ‘копашиться, возиться, быть постоянно погруженным в дела’ (39).

- (39) *ojmaft at kuvat', oza-k vaksu-zu-n, sate uš*
 отдохнуть-IMP.SG NEG долго сесть-IMP.SG ОКОЛО-ILL-POSS1SG хватит уж
t'en't' čimbimij' koda mekše bizna-m-s.
 ты.DAT целый.день как пчела жужжать-INF-ILL

‘Отдохни недолго, присядь рядом, хватит уж тебе целый день как пчела **копашиться**’.

В центральном диалекте мокшанского языка соотношение прямых употреблений глаголов *bznams* и *bz'n'ems* такое же, как у шокшинских *biznams* и *bijn'ims*: *bznams* является общим глаголом со значением ‘жужжать’, тогда как *bz'n'ems* описывает более звонкий звук, в первую очередь писк комара. Метафорические значения развиваются при этом только у глагола *bznams*. Во-первых, он характеризует два типа человеческих звуков: сопение во сне (40) либо гнусавый голос (41)⁷.

- (40) *id'-n'e-s' bznaj udə-m-stə.*
 ребенок-DIM-DEF.SG жужжать-NPST.3SG спать-INF-EL

‘Ребенок **сопит** во сне’.

- (41) *loman'-t' məz'ardə šalkə-c pant-f,*
 человек-DEF.SG.GEN когда нос-3SG.POSS.SG закрыть-PTCP.RES
son bznaj.
 он жужжать-NPST.3SG

‘У человека когда нос заложен, он **гнусавит**’.

Во-вторых, мокшанский глагол *bznams*, аналогично эрзянскому *biznams*, сдвигается в зону поведения человека, но, что интересно, этот сдвиг дает несколько иную семантику. Мокшанское *bznams* тоже приобретает значение ‘возиться, работать’ (о человеке),

⁷ В Серебренников и др. (ред.) 1998: 62 глаголу *bznams* приписывается также значение ‘ворчать’, однако носители обследованных нами говоров этого не подтверждают, относя такое значение к глаголу *mrnams* с исходной семантикой ‘мурлыкать’.

но, в отличие от эрзянского *biznams*, указывает на некачественное выполнение работы и несет негативную оценку, ср. (42a–b), также см. (43)⁸.

(42) a. *son šimber'f pokad-s' / *bžna-s' kuh'n'a-sə*
 он целый.день работать-PST.3SG жужжать-PST.3SG кухня-IN
i marn'ək s'emika-t'i pid'ə-s' l'em.
 и весь семья-DEF.SG.DAT варить-PST.3SG суп
 'Она целый день **работала** на кухне и всей семье сварила суп'.

(42) b. *son celaj ši bžna-s' kuh'n'a-sə,*
 он целый день жужжать-PST.3SG кухня-IN
mən' l'em-gə iz' pid'ə s'emika-t'i.
 даже суп-ADD NEG.PST.3SG варить семья-DEF.SG.DAT
 'Она целый день **копошилась** на кухне, даже суп не сварила для семьи'.

(43) *mejəma tosə bžn-at, s'edə viškə-n'ε-stə rabota-k.*
 зачем там жужжать-NPST.2SG CMPR быстрый-DIM-ADV работать-IMP.SG
 'Что так **копаешься**, быстрее работай'.

Наконец, интересно отметить, что в ряде эрзянских и мокшанских говоров глагол *biznams / bžnams* развивает метафору в зоне неодушевленных предметов, описывая, как указывает словарь Х. Паасонена, шипение самовара, а также звук, образующийся в процессе брожения. В обследованных идиомах, однако, таких метафор нами не выявлено.

3. Заключение

3.1. Мордовские глаголы звуков животных: обобщение

Итак, в работе были проанализированы глаголы звуков животных в двух мордовских идиомах: шокшинском диалекте эрзянского языка и центральном диалекте мокшанского языка. Основной массив метафор, развиваемых этими глаголами, затрагивает звуки, издаваемые человеком.

Значительное число сдвигов происходит в область выражения недовольства: в первую очередь такие метафоры характерны для глаголов, описывающих лай и рычание собаки; кроме того, в обоих обследованных диалектах отмечен сдвиг в эту зону глагола, исходно характеризующего звук кошки.

⁸ Интересно также, что в идиолектах некоторых носителей мокшанского языка глагол *bžnams* закрепляется исключительно за зоной поведения человека, тогда как все звуки мух, пчел, комаров и других подобных насекомых передаются глаголом *bž'n'ems*. В целом такая стратегия является менее распространенной, и для большинства опрошенных информантов оба глагола связаны со звуками насекомых, как было описано выше. Нельзя исключать, вместе с тем, что в данном случае глагол *bžnams* не только сдвигается в значение, достаточно далекое от своей исходной семантики, но и начинает постепенно утрачивать эту исходную семантику.

Важное место в системе мордовских метафор также занимает зона плача. Глаголы, исходно описывающие вой собаки или волка, сдвигаются в семантику плача от боли или от горя. Шокшинский глагол, который исходно характеризует звуки быка, коровы, овцы и козы, метафорически описывает негативно оцениваемый громкий плач, часто выражающий жалобу. Зафиксированы также сдвиги глаголов, обозначающих мяуканье кошки и скуление собаки, в область плача ребенка (последний глагол применим и к плачу взрослого человека, обозначая в этом случае прототипически более тихий звук).

Область физиологических звуков человека представлена в метафорах рассматриваемого поля достаточно скудно, исключение составляет сдвиг мокшанского глагола ‘жужжать’ (о мухе) в значение ‘сопеть’.

Некоторые мордовские глаголы звуков животных метафорически характеризуют различные свойства голоса и речи человека. Шокшинский глагол с семантикой рычания либо воя собаки сдвигается в обозначение громкого голоса, применяясь в этом случае к крику детей. Мокшанский глагол, исходно относящийся к жужжанию мухи, метафорически соотносится с гнусавым голосом; в то же время, шокшинский когнат этого глагола используется по отношению к быстрой речи. Глагол со значением ‘мурлыкать’ (о кошке) сдвигается в шокшинском эрзянском в зону плавной речи. Область нечленораздельной речи, типологически характерная для метафор глаголов звуков животных, представлена в мордовском материале метафорическим сдвигом шокшинского глагола, в исходном значении применяющегося к звуку козы. Наконец, один из сдвигов, зафиксированных в шокшинском диалекте, затрагивает уже семиотические характеристики речи: глагол ‘тявкать’ приобретает там семантику разглашения информации.

Ряд семантических сдвигов, претерпеваемых рассматриваемыми мордовскими глаголами, характеризует человека, но выходит за рамки зоны звуков. Если сдвиг шокшинского глагола со значением ‘щебетать’ в обозначение звона в ушах еще сохраняет связь с исходным доменом, то в некоторых примерах такая связь однозначно утрачивается. Это происходит в случае шокшинского глагола ‘пищать’ (о комаре), употребляющегося по отношению к душевному состоянию взволнованного человека, а также в случае глаголов, сдвигающихся в зону поведения человека: в обоих идиомах это глагол ‘жужжать’, описывающий в шокшинском эрзянском погруженность в дела, а в мокшанском некачественное выполнение работы; в шокшинском диалекте также происходит перенос глагола ‘щебетать’ на обозначение веселья девушек.

Сдвиги глаголов звуков животных в область природных звуков в обследованном мордовском материале практически отсутствуют. Исключение составляет лишь переход шокшинского глагола с семантикой лая собаки в обозначение звука ветра.

Наконец, нами выявлено два случая метафорического употребления глаголов звуков животных по отношению к звукам артефактов. В обоих случаях эти звуки сопровождают нормальное функционирование артефакта: в шокшинском эрзянском глагол щебета птиц переносно характеризует звон колокольчика, а мокшанский глагол с исходным значением ‘рычать’ (о собаке) метафорически описывает работающий мотор трактора.

Тем самым, рассмотренный здесь материал мордовских языков, хорошо укладываясь в общую типологическую картину, содержит целый ряд особенностей, любопытных для типологии глаголов с семантикой животных звуков. В области прямых употреблений наиболее интересно совмещение в качестве субъектов одного глагола

разных сельскохозяйственных животных — коровы, быка, овцы, козы. Среди метафорических употреблений любопытно широкое использование описываемых глаголов для категоризации разных типов плача (лексически четко обособляется плач от горя, а также громкий демонстративный плач). Весьма примечательны и сдвиги исходно звуковых глаголов не только в область человеческих звуков, но и в область поведения ('жужжать' → погруженность в дела; 'жужжать' → некачественное выполнение работы; 'чирикать, щебетать' → веселье).

3.2. Некоторые теоретические следствия

Мордовский материал, кроме того, представляет интерес и в свете ряда теоретических сюжетов. Во-первых, приведенные в работе данные наглядно иллюстрируют существенные различия в лексических системах близких идиомов, подтверждающая выдвигавшийся ранее при исследовании других полей тезис о релевантности привлечения близкородственных языков и диалектов одного языка к лексико-типологическому исследованию (см., например, Рахилина, Прокофьева 2004, 2005 о русских и польских глаголах вращения и колебания, Кашкин 2012, 2013 о прилагательных фактуры поверхностей в уральских языках и др.).

Во-вторых, обсуждаемые здесь данные дают почву для теоретических размышлений о семантических сдвигах в глагольной лексике. В первую очередь это относится к уже упоминавшимся сдвигам из области животных звуков в область поведения человека. Рассмотрим для наглядности сдвиг мокшанского глагола *bznams* 'жужжать' (о мухе и пр.) в семантику 'копошиться, возиться, некачественно работать' (переходы в остальных подобных случаях, по-видимому, устроены аналогично). Было бы странно предположить, что поведение человека напрямую сопоставляется метафорически с ситуацией звука, поскольку совершенно неясно, как можно было бы «наложить» друг на друга (в частности в понимании Fauconnier 1985) эти ситуации и их участников. Более вероятным представляется сценарий, при котором поведение человека метафорически отождествляется с «поведением» же какого-либо животного — в нашем случае, мухи, возящейся в помойной куче. Тем самым, здесь имеет место двойной перенос: ситуация звука животного метонимически вызывает смежный фрейм «поведения» животного, а на следующем шаге именно этот смежный фрейм развивает метафорический сдвиг в область поведения человека. Подобный двойной перенос кажется сходным с уже описанным в Бонч-Осмоловская и др. 2009, Рахилина и др. 2010 переносом, характерным для предикатов боли (*колоть в боку, резать в животе* и пр.): в их случае болевое ощущение метафорически сравнивается не с самим действием, которое описывает исходный глагол, а с результатом, который связан с этим действием метонимически. Еще одно любопытное сходство соотносится с упоминавшимся фактом утраты исходной звуковой семантики у глагола *bznams* в идиолектах ряда носителей, закрепляющих его сугубо за зоной поведения человека: аналогичные процессы систематически отмечаются и для болевых глаголов, которые могут в разных языках утрачивать свои исходные значения, принадлежащие к другим полям, см. Рахилина и др. 2010a: 533–535. В то же время, надо заметить, что описанный семантический сдвиг в глаголах звука не полностью идентичен сдвигу в домен боли. Для болевых глаголов, согласно Рахилина и др. 2010a: 531,

существенен механизм имплицатуры, при котором боль воспринимается как вероятный результат исходного действия. Что же касается глаголов звука, то в них ни промежуточная ситуация «поведения» животного, ни, тем более, конечная ситуация поведения человека не связана каким бы то ни было результативным отношением с исходной ситуацией звука. Скорее, здесь имеет место потенциальная смежность разных действий субъекта-животного: с одной стороны, издаваемого им звука, с другой стороны, каких-либо еще действий, характерных для этого животного. Тем самым, глаголы животных звуков демонстрируют несколько иной подтип семантического сдвига, который не может быть однозначно сведен к метафоре либо метонимии. Более детальная классификация и анализ таких сдвигов представляется перспективной задачей для дальнейших лексико-типологических исследований.

Список условных сокращений

1,2,3 — 1,2,3 лицо; AVL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CMPR — сравнительная степень; CN — коннегатив (показатель особой глагольной основы); CONV — деепричастие; DAT — датив; DIM — диминутив; DEF — определенное склонение; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INDEF — показатель неопределенного местоимения; INF — инфинитив; IMPFV — имперфектив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMN — номинализация; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; O — объект; OVL — косвенная основа; PL — множественное число; PLPF — плюсквамперфект; POSS — посессивность; PRON — прохибитив; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; RES — результатив; S — субъект; SG — единственное число; TRANS — транслатив.

Источники

- Бузакова Р. Н. Синонимы в мордовских языках. — Саранск, 1977.
 Бузакова Р. Н. Словарь синонимов эрзянского языка. — Саранск, 1982.
 Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. (ред.). Эрзянско-русский словарь. — М., 1993.
 Серебренников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. (ред.). Мокшанско-русский словарь. — М., 1998.
 Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, Band 1 — 4. — Helsinki, 1990–1996 (онлайн-версия: <http://www.ling.helsinki.fi/~rueter/PaasonenMW.shtml>).

Глава 11. Финские глаголы, описывающие издаваемые животными звуки¹

1. Введение

Настоящее исследование посвящено синхронному описанию и анализу финских глаголов, используемых для обозначения издаваемых животными звуков с акцентом на метафорическом использовании этих глаголов. Материал взят из словарей, корпусов и интернет-ресурсов и тщательно выверен с носителями языка. Вначале, в разделе 2, рассматриваются общие вопросы изучения звукоподражательных глаголов финского языка. В разделе 3 дается обзор глаголов, описывающих звуки наиболее знакомых финнам животных. Затем, в разделе 4, эти и некоторые другие глаголы классифицируются на основе семантических фреймов, а именно, наличия несубъектного актанта или подразумеваемого сирконстанта. Распределение глаголов по фреймам и возможность их употребления в других семантических сферах позволяют сделать некоторые предварительные выводы и обобщения.

Перед тем как приступить к анализу глаголов, необходимо сделать оговорку: то, что будет сказано ниже, в первую очередь отражает современное понимание и употребление данных глаголов «средним финном», который живет в городе и, следовательно, имеет значительно меньше контактов с животными, чем люди, проживающие в деревнях и занимающиеся сельским хозяйством². Так как представления о звуках животных субъективны и зависят от личного опыта и знаний человека, а также от «звукового ландшафта», который его окружает, можно ожидать, что между социолектами и даже идиолектами существуют большие различия в употреблении рассматриваемого пласта лексики.

¹ Настоящая глава является результатом сотрудничества Отделения современных языков Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия) и Школы лингвистики Национального университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Ранее в рамках проектов, связанных с семантической типологией и когнитивной семантикой, и по методологии, описанной, в частности, в Рахилина, Резникова 2013, выходили статьи о финских глаголах плавания (Мустайоки, Протасова 2007), боли (Никунласси 2013), температуры (Juvonen, Nikunlassi 2015).

² Более богатую лексику в этой сфере имеют также орнитологи и охотники (напр., слова для обозначения звуков птиц в период токования), а также те, кто держат животных-любимцев (собак, кошек, хомяков и т. п.).

2. Финские глаголы звукоподражания

Изучение финских звукоподражательных глаголов имеет давнюю традицию, которая рассматривает их как одну из наиболее ярких и поразительных особенностей финского языка, ср. Ruoppila 1934, Rytkönen 1935, 1937, Nirvi 1937, Penttilä 1940, Ravila 1952, Anttila 1980, Jämsä 1986, 1987, Leskinen 1991, Larjavaara 2002, Mikone 2002, Беликова 2004, Vanhatalo 2005, Kulonen 2010, Kim 2013. Звукоподражательные глаголы анализировались с точки зрения морфологии, словообразования, этимологии, сопоставлялись с другими финно-угорскими языками. В обычном словаре таких глаголов несколько сот, в *Nykysuomen sanakirja* (Sadeniemi 1992) около двух тысяч, причем приведены не все. Еще больше звукоподражательных глаголов в диалектах. В этом ряду глаголы, характеризующие поведение животных, которые будут интересовать нас здесь больше всего, не играют ведущей роли: более важным оказывается описание звуков природы, связанное с поведением человека в лесу, где надо вести себя очень тихо: всякий случайный звук является значимым, и поэтому может быть подробно описан³. В качестве примера можно привести глагол *risahtaa* (издать тихий короткий звук, например, когда ломается тонкая корочка льда на луже, ветка), наряду с которым существуют *rusahtaa* (издать глухой низкий звук типа хруста, когда ломается кость, позвоночник, камешек попадает между зубами, ломается черенок лопаты), *räsähtää* (издать хруст или треск, сопровождающий раскалывание тарелки) и *rusähtää* (издать звук, сопровождающий сильный удар большого объекта о твердый предмет, например, когда лодка разбивается о камень).

Согласно грамматике финского языка (Hakulinen 2004: 178), ономастопоэтические и иным звуковым образом мотивированные слова относятся к дескриптивным, экспрессивным по своей природе и передают чувства, ощущения или впечатления говорящего или пишущего, а смысл такого рода слов не всегда удается точно реконструировать в толковании. Эта лексика аффективна, по звуковому облику и фонотаксису она может отличаться от основного словарного состава языка — например, в среднем в таких словах больше гласных переднего ряда, чем у остальных глаголов. Их морфологической особенностью является присоединение суффикса к связанному корню. Есть и специальные суффиксы, которые их обслуживают. Например, все глаголы с формантом *-ise-* дескриптивные (см. *liristä, lorista, sihistä, sähistä, suhista* выше; *kohista* ‘шуметь, бушевать’ — о ветре, дожде, водопаде, перен. ‘обсуждать, поднимать шумиху’). К дескриптивным относится и большая часть глаголов с формантом *-aha-/ -ähä-* (см. *risahtaa,*

³ Делались даже попытки связать качество звукового состава слова с характеристиками означаемого звука. Например, согласные [l] и [r] ассоциируются со звуками текущей воды (напр. *liristä, lorista* ‘журчать’), а [s] и [h] участвуют в образовании звукоизобразительных глаголов, описывающих прохождение воздуха через отверстие (см. примеры ниже); во многих словах гласные [i] и [u] связываются с тихим звуком, а [a] или [ä] — с более громким и часто неприятным, ср. глаголы *sihistä* и *sähistä* ‘шипеть’, которыми можно обозначить, например, звук, издаваемый гадюкой, но последний при этом указывает на более громкий, свирепый звук (ср. также *suhista* ‘шуметь’, напр. *Tuuli suhisi korvissa* ‘Ветер шумел в ушах’).

rusahtaa, räsähtää, rysähtää выше; *sähähtää* ‘прошипеть’, напр. от злости) и очень многие из глаголов с сочетанием согласного и форманта *-ta-/tä-*, как *supattaa* ‘шептать’, ‘шущукать’, *räkättää* ‘стрекотать’⁴.

3. Типичные финские животные и их звуки

Самым крупным хищником, наиболее почитаемым зверем является медведь, что соответствует большому числу имен этого животного. Обычный звук медведя — рычание, которое при резком повышении интенсивности переходит в рев (глаголы *murista, karjua*). Существует миф, что медведь способен встать на задние лапы, нюхать носом воздух и свистеть — *viheltää*. Другие большие животные — волк, лось и северный олень — также издают звуки, поддающиеся описанию специальным глаголом, а многочисленные лесные кроты, землеройки, пушные звери, в частности, белка, бобр, россомаха, рысь, специфических звуков не издают. Сайменская нерпа (пресноводный тюлень), которой посвящены художественные произведения, тоже молчит⁵.

Птицам отводится очень важная роль в финно-угорских сказках и легендах, и, как мы увидим ниже, это, действительно, наиболее подробно описанная в звуковом отношении группа животных. Их известно около 500 видов, большинство перелетные. Национальная птица — белый лебедь-кликун (по-фински это *laulujoutsen* ‘певчий лебедь’; лебединая песня — это, конечно, миф). Самые многочисленные виды — воробей, пеночка-весничка и белобровый дрозд. Детей обычно учат узнавать воробья, трясогузку, ласточку, жаворонка, синицу, снегиря, дятла, сову, голубя, ворону, сороку, чайку, утку, лебедя. Птицы различаются по голосу, однако не все птицы издают специфические звуки.

К домашним животным относятся лошадь, корова, овца, свинья, курица, звуки которых детей учат имитировать — настолько они значимы. Соответственно, для них есть и глагольные лексемы. В Финляндии значительно меньше, чем в других странах, занимаются разведением коз, индюков, а ослы и мулы всегда были редкостью.

Было бы естественным предположить, что разнообразие глаголов звука касается прежде всего наиболее часто встречающихся животных. Однако выясняется, что не все животные издают узнаваемые звуки и не все эти звуки лексикализуются. Несмотря на то, что

⁴ Описанию свойств финских глаголов звучания в целом посвящена диссертация А. Беликовой (2004). В ней проанализированы конкретные финские глаголы, которые отличаются по источнику звука (материал, размер, вес, гибкость, тип поверхности), характеру соприкосновения (трение, удар, излом), длительности, интенсивности/громкости звука, его приятности/неприятности для уха, а также по тому, сопровождается ли звук какое-то действие (типа ‘упасть с шумом’); рассматриваются и частные конструкции, свойственные этим глаголам.

⁵ Вообще в финском языке достаточно употребительны глаголы, с помощью которых можно дифференцированно изображать движения животных, например, *livahtaa* ‘порскать, шмыгнуть, сновать’, *vilahtaa* ‘промелькнуть’, *puikkelehtia* ‘извиваться, шнырять’ и т. п.

для финского список глаголов звуков животных оказывается очень большим и, вероятно, ни один словарь не перечисляет полностью ни сами эти глаголы, ни их прямые и переносные значения, их перечень все же конечный⁶.

3.1. Собака

Обычно собака лает:

- (1) *Koira haukkuu lintua.*
 собака.NOM лаять.PRS3SG птица.PRT⁷
 ‘Собака **лает** на птицу’.

То же управление будет, например, в конструкции со значением ‘лаять на прохожих’. Лаять могут и другие животные, например лиса. Глагол *haukkua* очень часто употребляется в переносном смысле, в значении ‘обзывать, называть плохими словами (унизительно)’:

- (2) *Hän haukkui minut täydeksi typeryiseksi.*
 он.NOM лаять.IMP3SG я.ACC полный.TRNS дурак.TRNS
 ‘Он **обозвал** меня полным дураком’.

- (3) *Häntä haukuttiin punapääksi.*
 он.PRT лаять.PASIMP красн+голова.TRNS
 букв.: ‘Его **обзывали** красной головой (=рыжим)’.

- (4) *Pomo haukkui minut suut ja silmät täyteen.*
 босс.NOM лаять.IMP3SG я.ACC рот.NOMPL и глаз.NOMPL дополна
 букв.: ‘Босс **обругал** меня, заполнив рты и глаза полностью’ (т. е. очень сильно).

Кроме того, собака может ворчать, ср. *murista* или *murahtaa* (однократно):

- (5) *Koira murahti uhkaavasti.*
 собака.NOM рыкнуть.IMP3SG грозный.ADV
 ‘Собака **рыкнула** угрожающе’.

Применительно к человеку у этого глагола возникает совсем другое, неагрессивное значение:

- (6) *Hän murahti jotakin vastaukseksi.*
 он.NOM рыкнуть.IMP3SG что-то.PRT ответ.TRNS
 ‘Он **пробормотал** нечто нечленораздельное в ответ’.

⁶ Правда, есть два современных финских писателя, Кирси Куннас и Микко Римминен, которые известны своим креативным использованием звукоподражаний. Заметим здесь, что информанты из разных концов Финляндии, участвовавшие в опросе, часто предлагали примеры с разными огласовками.

⁷ Список условных сокращений, используемых в работе, приведен в конце главы. Номер после INF указывает на одну из трех форм инфинитива финского языка, в остальных случаях — на лицо. После корня деление на морфы не отмечено.

Собака, как и волк, может выть, ср. *ulvoa* ('издавать высокий, сильный, продолжительный, колеблющийся звук'). Из других объектов этот звук особенно характерен для полицейской сирены и ветра. Люди могут выть от тоски, от плача или от смеха:

(7) *Lapsi ulvoi koko matkan.*
ребенок.NOM рыдать.IMP3SG весь дорога.GEN
'Ребенок **рыдал** всю дорогу'.

(8) *Yleisö ulvoi naurusta.*
публика.NOM выть.IMP3SG смех.ELT
'Публика **выла** от смеха'.

У этого глагола есть производный *ulista* 'подвывать', который в тех же контекстах применим и к животным, и к людям.

Наконец, собака иногда может повизгивать, скулить: щенки издают тихие и высокие звуки, описываемые глаголом *inistä* — так же пищат комары и младенцы. Звук щенка (а еще и поросенка) описывается и глаголом *vinkua*; он же означает свист ветра, пули, дыхание с хрипом, скрип тормозов и дверных петель. Этот звук действительно похож на тот, что возникает при трении поверхностей друг о друга, а применительно к людям описывает фрейд 'жаловаться, критиковать'.

3.2. Кошка

Кошка может мяукать, урчать (*naukua, maukua, moukua*), мурлыкать (*kehrätä*). *Naukua* означает также 'клянчить, стенать, жаловаться, ныть, надоедливо требовать':

(9) *Työntekijät olivat taas naukumassa lisää etuisuuksia itselleen.*
работник.NOMPL быть.IMP3PL опять урчать.INF3INS еще выгода.PRTPL себя.ALTPos3
'Работники снова **требовали** больше выгод для себя'.

Глагол *kehrätä* имеет исходное значение 'прясть (на прялке)', а урчание kota и приятный шум мотора ощущаются как производные от него. В переносном употреблении по отношению к человеку, однако, основанием для сравнения может выступать именно звук, производимый кошкой, ср.: *kehrätä tytyväisyydestä, mielihyvästä (kuin kissa)* 'урчать от удовольствия, от хорошего настроения (как кошка)'.

Про злую кошку в финском говорят, что она шипит — *sähistä*; так же потрескивает, взмывая ввысь, новогодняя ракета — фейерверк — или цедит сквозь зубы раздраженный человек.

Глагол *mouruta*, передающий кошачий ор во время течки / гона, соответствует урчанию в желудке от голода.

3.3. Другие животные

Piipittää переводится как 'издавать высокие короткие периодические звуки', т. е. 'пищать, чирикать, щебетать' о мышах, цыплятах, птенцах. Из других объектов этот глагол (ср. рус. *пищать, пикать*) может описывать, например, бытовые электроприборы,

офисную электронику, светофоры для слепых, а также людей — в значении ‘жаловаться’, ср.:

- (10) *Jos ne vaikka suuttuvat ja vievät minut takaisin,*
 если он.NOMPL хоть злиться.PRS3PL и отвести.PRS3PL я.ACC назад
piipitti pieni mummo peloissaan.
 пищать.IMP3SG маленький.NOM бабушка.NOM страх.INSPLPos3

‘А то они обидятся и отвезут меня опять туда, испуганно пропищала старушка’.

- (11) *Turha piipittää ennenkuin on oma pesä*
 напрасно пищать.INF1 до того как быть.PRS3SG свой.NOM гнездо.NOM
putsattu.
 чистить.PASPTCPREFNOMSG

букв.: ‘Напрасно **пищать** раньше, чем вычищено свое гнездо (= не выкай, пока у себя не разобрался)’.

Корова издает звук, выражаемый как *ammua* ‘мычать’, бык — *mylviä* (в переносном смысле так говорят о завывании, реве бури).

Голос овцы и козы объединяется в одном глаголе *määkiä* ‘бекать, мекать, бляеть’. Если его применяют к речи людей, то ее характеризуют как что-то бессмысленное, нечленораздельное:

- (12) *Mitähän tuo ukko oikein yrittää määkiä?*
 что.PRT+же тот.NOM старик.NOM правильно пытаться.PRS3SG мекать.INF1

‘Что же на самом деле тот старик пытается **промекать (пробляеть)?**’

Лошади свойственно *hirnuu* ‘ржать’ (так же говорят и о громко смеющихся людях) и *pärskiiä* ‘фыркать, брызгая пеной, выпускать с шумом воздух с жидкостью через ноздри, брызгаться’. С таким звуком вода может вырываться из-под крышки кастрюли. Осел просто кричит (*huutaa*) или ревет (*kiljua*), но это животное редко встречается в Финляндии, оно не специфично для данной местности.

Свинья, поросенок могут *röhkiä* ‘хрюкать’ и *kiljua* ‘кричать, орать’.

Применительно к лосям, быкам можно использовать глаголы *öristä*, *örähdellä*, которыми часто описывается и нечленораздельная речь пьяного мужчины.

Глагол *roukua* употребляется только по отношению к северным оленям. Глагол известен тем, кто живет в Лапландии или ездил туда туристом, а сам звук похож на хрюканье свиньи. Помимо *roukua* характерным для оленей звуком является треск копыт, который обозначается глаголом *napsua* ‘щелкать, потрескивать’.

Звуки, издаваемые львом, описываются при помощи глаголов *karjua* и *ärjyä* ‘реветь, рычать’. Применительно к людям они значат ‘кричать громким голосом, орать на кого-нибудь’.

Для звуков слона употребительны глаголы *toitottaa* ‘трубить’, *töräyttää* ‘протрубить’, используемые еще и в отношении крупных утиных, духовых инструментов и т. п. Они имеют и переносные употребления (напр., *toitottaa* ‘разглашать сведения’).

Змея способна издавать звуки, описываемые глаголами *sihistä* и *sähistä* ‘шипеть’, т. е. выпускать с шумом воздух через узкую щель. Эти же глаголы могут характеризовать,

например, шипение игристого вина или мокрой кастрюли, поставленной на раскаленную плиту, и др.

Лягушка производит характерные звуки: *kurnuttaa* ‘квакать’. Квакающим может быть и тревожное кудахтанье, например, самки фазана, не подпускающей к гнезду, а также смех человека.

При описании ежа употребляются глаголы *tuhista* ‘пыхтеть’ и *tuhahtaa* ‘фыркнуть презрительно’.

3.4. Насекомые

Surista ‘жужжать’ могут летающие насекомые: муха, пчела, шмель, оса, жук (но не комары). *Pöristä* означает громкое жужжание, а *pörrätä* — ‘летать и одновременно громко жужжать’. Так же быстро и хаотично, с шумом могут двигаться дети:

- (13) *Me istuimme puutarhassa,*
 мы.НОМ сидеть. IMP1PL сад.INS
ja lapset pörräsivät ympärillämme.
 и ребенок.НОМPL гудеть. IMP3PL вокруг. AdsPos1Pl
 ‘Мы сидели в саду, а дети **носились с гудением** вокруг нас’.

Этот же глагол употребляется в отношении посетителей кабаков, которые проводят там много времени за пивом.

Стрекотание кузнечика описывается глаголом *sirittää*. Особые тонкие звуки (*inistä*) издают комары и москиты. Применительно к людям этот глагол выражает семантику ‘канючить’.

3.5. Птицы

Птицы могут *huutaa* ‘кричать’ (в метафорическом употреблении это ‘ругать, накричать на кого-то’; ср. также *huutaa apua* ‘звать на помощь’), *huudella* ‘выкрикивать, зывать’ (мама так может в нетерпении звать домой ребенка), *laulaa* ‘петь’. Соловей и дрозд именно поют. В переносном значении *laulaa* — ‘рассказать что-то тайное, скрытое, донести’. Кроме того, *laulaa* может описывать звуки музыкальных инструментов, провода, огнестрельное оружие. В принципе похожий по значению глагол *livertää* (и другие его варианты: *lirkuttaa, lurittaa, luritella*) ‘заливаться трелью’ при сдвиге значения тоже развивает отрицательную оценку, но на базе другой семантики, ср. ‘ворковать, лепетать’, а также ‘лебезить, подлизываться’.

Коротко перечислим другие глаголы, описывающие звуки птиц и их метафоры.

Во-первых, это разные глаголы щебета мелких птиц, которые при переносе характеризуют высокий голос (обычно детский или женский), как *visertää* ‘щебетать, чирикать’ — о маленьких птицах, например, о ласточке, зяблике и о нежных детских голосах⁸ или *sirkuttaa* ‘щебетать’, например, о воробьях, а в переносном значении — ‘оживленно говорить что-то чистым голосом’.

⁸ Этот глагол входит в устойчивое выражение *Älä muuta viserrä!* ‘И не говори!’

Во-вторых, это «средние» птицы, как ворона, сорока или дрозд: они тоже, метафоризуясь, характеризуют человеческий голос, но, разумеется, иначе. Для карканья вороны в финском есть целых три глагола — *vaakkua*, *raakkua* и *rääk(k)yä*. Применительно к людям *raakkua* имеет семантику ‘говорить громко, каркающим голосом’, а *rääkyä* означает хриплый, воющий голос, рыдание, переходящее в крик. Про сороку и дрозда-рябинника говорят *räkättää* ‘стрекотать’; по отношению к людям этот глагол употребляется в значении ‘некрасиво, грубо смеяться, хохотать’, т. е. описывает реакцию, совмещающую ее с оценкой голоса.

В третью группу попадают особо значимые птицы, у которых глаголы звука метафорически характеризуют человеческое поведение, которое может быть связано с определенной выделенной речевой ситуацией или вообще не соотноситься с речью. Так, финский глагол уханья совы — *huhuilla* — применительно к людям означает ‘аукасть(ся), переключаться’. Кудахтанье курицы описывают два финских глагола: *kotkottaa* (тихое кудахтанье) и *kaakattaa* (громкое кудахтанье, а также кряканье и гогот гусей и уток); последний глагол применим также к сплетничающим, болтающим между собой женщинам. И наконец, лексема *kukkuu* ‘куковать’ (о кукушке) может также означать ‘оставаться поздно и долго бодрствовать’ (без оттенка одиночества и ожидания, как в русском).

4. Классификация глаголов звуков животных на основе актантной структуры

Глаголы, способные обозначать животные звуки, можно разделить на три группы на основе семантической структуры описываемых ими прототипических ситуаций.

В первую группу входят одноактантные глаголы, которые с точки зрения человека-наблюдателя, как правило, не связаны с представлением о направленности звука на кого-нибудь или что-нибудь или его обусловленности чем-нибудь. Ярким примером одноактантных глаголов служат квазисинонимы *visertää*, *livetää*, *sirkuttaa*, обозначающие пение птичек. Сюда же относятся глаголы, описывающие жужжание пчел, мычание коров, хрюканье свиней, блеяние овец, вой волков и т. п. Звуки, выражаемые одноактантными глаголами, часто выступают как составляющие «звукового ландшафта» и в этой функции ничем не отличаются от скрежета трамвая или перезвона детских голосов во дворе. Они позволяют судить о присутствии животного, идентифицировать его, не задаваясь вопросом, зачем оно издает именно этот звук и чем данный звук обусловлен.

Вторую группу можно назвать одноактантно-сирконстантными глаголами. Это глаголы, с которыми в прототипическом употреблении связано представление об обусловленности звука, однако описываемый ими звук по-прежнему не направлен. В качестве примера можно привести глагол *ulista* ‘выть’, который предполагает, что животное находится в состоянии, вызванном какой-то неприятной для него ситуацией, например болью. Причину состояния можно выразить, в частности, с помощью формы элатива:

- (14) *Koira ulisi kivusta.*
 собака.NOM выть.IMP3SG боль.ELT
 ‘Собака **выла** от боли’.

Третью группу составляют дваактантные глаголы, которые предполагают направленность звука на адресата. Например, глагол *murista* ‘(низким голосом) ворчать, рычать’ означает, что животное выражает угрозу в адрес кого-то. Подобно сирконстантным, дваактантные глаголы, как правило, подразумевают и некоторый настрой субъекта: так, выражение угрозы свидетелствует о том, что субъект находится в определенном психическом или физическом состоянии. В зависимости от глагола, второй актанта может кодироваться, например, аллативом или партитивом, ср.

- (15) *Koira alkoi murista minulle vihaisesti.*
 собака.NOM начать.IMP3SG рычать.INF1 я.ALT злобный.ADV
 ‘Собака злобно **зарычала** на меня’.

- (16) *Koira alkoi haukkua teertä.*
 собака.NOM начать.IMP3SG лаять.INF1 тетереv.PRT
 ‘Собака **залаяла** на тетерева’.

Посмотрим теперь подробнее, какие финские глаголы можно отнести к выделенным выше группам. Общую картину представляют таблицы 1–4. В первом столбце дается значение глагола звука животного на русском языке — само название животного (или животных) приведено в третьем столбце. Четвертый и пятый столбцы содержат примеры других значений глагола, соответственно, в зоне человеческих и «неодушевленных» (природных и артефактных) звуков (заметим, что значения, приведенные в этих столбцах, не исчерпывают всех возможных фреймов). Во втором столбце дается показатель α , который выражает степень зооцентричности глагола по данным словаря *Kielitoimiston sanakirja* (Grönros 2012) и определяется следующим образом:

- 3: значение животного звука дается в словаре как единственное или первое;
- 2: значение животного звука дается как второе или третье;
- 1: на животного указано только в одном из примеров;
- 0: в словарной статье вообще нет указания на животное.

В таблице 1 (с. 187) приведены глаголы, которые мы относим к одноактантным, однако в таблицу не вошли такие обозначения звуков животных, которые не имеют коррелятов в поле человека или неодушевленных объектов, например, *ammua* ‘мычать’, *röhhkiä* ‘хрюкать’, *kurnuttaa* ‘квакать’ и т. п.

Примечания к таблице 1 (с. 187). В таблицу не вошли производные слова, передающие одноактный, уменьшительно-смягчительный и другие семантические оттенки. Глагол *pörrätä* не включен в приведенный список, так как в основе его семантики лежит значение ненаправленного летания, а звук является неотъемлемым, но все же дополнительным смысловым компонентом. Идея ненаправленного движения проявляется и в выражениях типа *pörrätä kaupungilla* ‘разгуливать по барам и ресторанам’.

В столбцах 4 и 5 таблиц 1–3 даются и значения, которые не полностью основаны на сходстве животных и «неживотных» звуков или которые семантически далеки от животных звуков.

Таблица 1. Одноактантные глаголы

Глагол	а	Эталонное животное	Примеры значений при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
Птицы				
kotkottaa 'кудахтать'	3	kana (курица)	говорить громко, оживленно, в унисон, непрерывно; обычно о женщинах, пренебр.	—
kaakattaa 'кудахтать; гоготать'	3	kana (курица), sorsalinnut (утиные)	говорить громко, некрасиво; обычно о женщинах, пренебр.	—
kiekua 'кукарекать'	3	kukko (петух)	говорить громко, фальцетом; обычно пренебр.	—
gaakkua 'каркать'	3	varis (ворона)	говорить громко, некрасиво; пренебр.	—
kukkua 'куковать'	3	käki (кукушка)	бодрствовать и чем-н. заниматься ночью, когда остальные дома спят	—
huhuilla 'ухать'	2	röllö (сова), huuhkaja (филин)	аукать(ся), перекрикиваться, напр. в лесу, большой квартире	—
kujertaa 'ворковать'	3	kuuhkunen (голубь)	говорить тихо, нежно, сюсюкать, напр. о влюбленных; ласк.	—
visertää 'щебетать, чирикать'	3	pikkulintu (птичка)	говорить нежно, детским голосом; ласк.	—
livertää 'заливаться трелью'	3	pikkulintu (птичка)	говорить оживленно, красиво, чистым голосом; обычно о женщинах и детях, ласк.; говорить, подзывая, кокетничая или выдавая тайну; обычно о женщинах	—
sirkuttaa 'щебетать'	3	pikkulintu (птичка)	говорить тихо, оживленно, красиво, чистым голосом; обычно о женщинах и детях	—
piipittää 'пищать'	0	linnunpoikanen (птенчик, цыпленок)	говорить жалобным, тихим, но высоким голосом; жаловаться; в зависимости от субъекта пренебр. или ласк.	бытовые электроприборы, офисная электроника, светофоры для слепых
räkättää 'стрекотать'	3	räkättirastas (дрозд-рябинник)	некрасиво смеяться, хохотать; пренебр.	—
kirkua 'кричать, визжать'	1	lokki (чайка)	потеряв контроль, неудержимо издавать громкий, высокий звук, как правило, по какой-н. причине	<i>kirkuvat värit</i> 'кричащие краски'; <i>kirkuvat otsakkeet</i> 'кричащие заголовки'

Продолжение таблицы 1 на с. 188

Глагол	<i>a</i>	Эталонное животное	Примеры значений при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
Млекопитающие				
hirnuu 'ржать'	3	hevonen (лошадь)	громко смеяться	—
määkiä, määkyä; mäkättää 'блеять'	3	lammas (овца)	<i>mäkättää</i> : нести вздор, чепуху; осуждая, с упреком, настойчиво говорить кому-н.; пренебр.	—
ulvoa 'выть'	1	susi (волк)	выть от плача или смеха	сирена, тормоза
Насекомые				
inistä 'пищать, тонко гудеть, звенеть'	1	hyttynen (комар)	— [канючить, пренебр.]	окказионально о призвуках двигателей и т. п.
pöristä 'громко) жужжать'	1	kärpänen (муха), kimalainen (шмель), raagma (слепень), apriäinen (оса), mehiläinen (пчела)	говорить о том о сем, напр. за кружкой пива; обычно о мужчинах; шутл.	механизмы с быстро вертящимся валом или лопастями, вызывающими шум, — от двига- телей до детских игрушек
surista 'жужжать'	1	kärpänen (муха)	—	см. <i>pöristä</i> выше; кроме того, зуммеры, бытовые электропри- боры и т. п.; ср. также <i>korvissa surisee</i> 'в ушах гудит'
sirittää, siristä 'стрекотать'	1	heinäsirkka (кузнечик)	—	потрескивать, обычно при неисправности: бытовые электропри- боры и т. п.; ср. также <i>korvissa sirisee</i> 'за ушами трещит'

По данным таблицы 1 можно сделать следующие выводы. Для каждого одноактантного глагола можно указать «эталонное животное», с которым обозначаемый звук наиболее тесно ассоциируется, причем самую большую группу составляют слова, задающие птичьи звуки. Глаголы, выражающие звуки птиц или млекопитающих, противопоставляются звукам насекомых тем, что обнаруживают высокую степень зооцентричности и вообще не используются для обозначения звуков неодушевленных предметов (за исключением *piipittää*, *kirkua*, *ulvoa* с низким показателем зооцентричности). Глаголы

для звуков птиц, с одной стороны, и насекомых — с другой, различаются еще и тем, что первые широко используются для описания человеческих звуков, тогда как вторые преимущественно ограничиваются описанием звуков неживой природы и артефактов.

Как показывает таблица 2, глаголов, которые без оговорок можно отнести к одноактантно-сирконстантным, значительно меньше:

Таблица 2. Одноактантно-сирконстантные глаголы

Глагол	<i>a</i>	Эталонное животное	Примеры значений при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
<i>naukua</i> ‘мяукать’	3	<i>kissa</i> (кошка)	окказионально: надоедливо выпрашивать, клянчить что-н. у кого-н.	—
<i>maukua</i> ‘мяукать’	3	<i>kissa</i> (кошка)	см. <i>naukua</i> выше	—
<i>mouruta</i> ‘ворчать, орать’	0	<i>kissa</i> (кошка)	см. <i>naukua</i> выше, но, возможно, более интенсивно и настойчиво	реже о бурлящей воде, низком звуке двигателя в воде и т. п.; ср. также <i>vatsa mouruaa</i> ‘желудок урчит’
<i>vinkua</i> ‘визжать, подвизгивать, скулить’	0	<i>koira</i> (собака)	надоедливо выпрашивать, клянчить что-н. у кого-н.; обычно о детях	ветер, тормоза, пули и мн. др.; в ушах пищит
<i>uikuttaa</i> ‘подвывать, попискивать’	0	<i>koira</i> (собака)	стонать; издавать неприятный неинтенсивный прерывистый звук, мешающий говорящему; обычно о детях	—
<i>ulista</i> ‘выть’	1	<i>koira</i> (собака)	выть, рыдать; издавать неприятный протяжный громкий звук, мешающий говорящему; обычно о детях	ветер, двигатели машин, мотоциклов и т. п., их же шины
<i>kehrätä</i> ‘мурлыкать’	1	<i>kissa</i> (кошка)	находиться в спокойном состоянии, проявляя удовольствие всем существом: тихой речью, мимикой и т. д.	двигатели машин (при приятном, спокойном ходе)
<i>hyristä</i> ‘мурлыкать’	1	<i>kissa</i> (кошка)	см. <i>kehrätä</i> выше	см. <i>kehrätä</i> выше; также о холодильниках и т. п.

Синонимичные глаголы *naukua* и *maukua* ‘мяукать’ мы относим к одноактантно-сирконстантным, потому что чаще всего соответствующие звуки связываются с представлением о состоянии кошки, вызванном какими-то другими обстоятельствами. Глаголы *kehrätä* и *hyristä* ‘мурлыкать’ являются синонимами, но примечательно, что первый представляет собой метафорический перенос первичного значения данного глагола ‘прясть’, между тем как *hyristä* воспринимается как звукоподражательный: соответствующий ему звук и сопровождающие его обычно движения лапок обусловлены состоянием удовольствия и полной расслабленности. Глагол *mouruta* ‘ворчать,

орать' может употребляться для обозначения любых неприятных для человека звуков кошек, в особенности тех, которые связаны с поведением кота во время сексуального возбуждения. Глаголы *vinkua*, *uikuttaa* и *ulista* даются здесь в порядке повышения интенсивности обозначаемого звука, все они ассоциируются с состоянием, обусловленным чем-то отрицательным, например болью. Примечательно, что за исключением *naukua* и *taukua* одноактантно-сирконстантные глаголы проявляют низкую степень зооцентричности.

В таблице 3 даются глаголы, которые, безусловно, можно отнести к дваактантным:

Таблица 3. Дваактантные глаголы

Глагол	<i>a</i>	Эталонное животное	Примеры значений при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
haukkua 'лаять'	3	koira (собака)	ругать; обзывать, называть плохими словами	—
räksyttää 'гавкать'	3	koira (собака)	сердито, многословно, настойчиво ругать, бранить; пренебр.	—
murista '(зло) ворчать, рычать'	3	koira (собака), karhu (медведь)	говорить, бормоча нечто нечленораздельное, выражая недовольство и т. п.	двигатели с низким мощным звуком; ср. также <i>vatsa murisee</i> 'желудок урчит'
sihistä 'шипеть'	1	käärme (змея)	говорить «сквозь зубы», с повышенной от злости напряженностью	испаряющаяся моментально вода, выходящий под давлением узкой струей воздух, игристые напитки и т. п.
sähistä 'шипеть'	0	käärme (змея), kissa (кошка)	см. <i>sihistä</i> выше, возможно, еще с большей интенсивностью и злостью	зажженный фейерверк и т. п.
säksättää 'трещать'	1	orava (белка), harakka (сорока)	говорить быстро, резко, так что создается представление о звуковом потоке, делимом на равномерные короткие части; пренебр.	двигатели (напр., мотопила при холостом ходе), ткацкий и под. станки
äristä 'ворчать, брюзжать'	1	koira (собака)	говорить раздраженным голосом в чей-н. адрес	—
ärhennellä 'злиться, ругаться'	1	koira (собака)	говорить раздраженным или злым голосом в чей-н. адрес в целях выражения угрозы	—

Со значением данных глаголов связано представление о втором актанте, который в прототипическом случае является и причиной возникновения состояния раздражения, злости и под., и объектом, на который направлен звук и возможные интенции животного.

За исключением *haukkua*, *räksyttää*, *murista*, глаголы данной группы не обнаруживают зооцентричности, достаточно свободно используются для обозначения человеческих и неодушевленных звуков. Примечательно, что при неодушевленном субъекте у этих глаголов нет второго семантического актанта.

С точки зрения лингвистического описания животных звуков проблемы вызывают глаголы, приведенные в таблице 4:

Таблица 4. Примеры глаголов, которые способны обозначать звуки, издаваемые животным, но при этом регулярно используются и для обозначения человеческих звуков

Глагол	<i>a</i>	Животное	Примеры значений при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
<i>kiļjua</i> ‘кричать, орать’	0	<i>sika</i> (свинья)	издавать громкие, высокие, режущие ухо звуки; чаще всего о детях	—
<i>karjua</i> ‘реветь’	1	<i>karhu</i> (медведь), <i>leijona</i> (лев)	орать громким, мощным голосом, выражая свое недовольство, отдавая приказ и т. п.; чаще всего о мужчинах	—
<i>mylviä</i> ‘реветь’	1	<i>sonni</i> (бык)	см. <i>karjua</i> выше	ураган; мощные двигатели при сильной акселерации
<i>ärjyä</i> ‘реветь’	0	<i>karhu</i> (медведь)	см. <i>karjua</i> выше	большой водопад; водоемы при урагане; окказионально: мощные двигатели при сильной акселерации
<i>mölistä</i> ‘мычать, реветь, орать’	1	<i>sonni</i> (бык), <i>lehmä</i> (корова)	издавать глухие громкие звуки, необязательно членораздельные	—
<i>möristä</i> ‘ворчать, рычать’	0	<i>karhu</i> (медведь)	говорить грубым голосом (напр., охрипнув); обычно о взрослых	—
<i>puhista</i> ‘пыхтеть’	0	<i>sonni</i> (бык)	говорить, тяжело выдыхая через нос от возбуждения, злости, усталости или в аналогичном состоянии	паровоз, мехи

Примечание к таблице: наименования животных, приведенные в третьем столбце, даются только в качестве примера «звериных» субъектов, способных издавать данные звуки.

По нашему мнению, звуки животных, обозначаемые этими глаголами, необязательно направлены, но практически все они в принципе допускают расширение синтаксического фрейма за счет второго семантического актанта, что сближает их с двукантными

глаголами. С другой стороны, эти глаголы означают интенсивные звуки, и поскольку интенсивность ассоциируется с отклонением от состояния покоя, то с этими глаголами тесно связывается и представление о «ненормальном состоянии», а это, в свою очередь, сближает их с одноактантно-сирконстантными глаголами и открывает в их фрейме синтаксическую позицию для обстоятельства причины. Применительно к животным глагол *karjua* ‘реветь’, например, чаще всего употребляется без дополнения-адресата или обстоятельства причины, но, как показывают следующие примеры, и адресат, и причина вполне могут быть при нем выражены:

- (17) *Yksi karhu karjui talon emännälle niin voimakkaasti,*
 один.НОМ медведь.НОМ реветь.ИМП3SG дом.ГЕН хозяйка.АЛТ так громкий.АДВ
että ääni kuului taloon sisälle asti.
 что звук.НОМ донести.ИМП3SG дом.ИЛТ внутрь.АЛТ до

‘Один из медведей **ревел** на хозяйку так громко, что звук донесся до тех, кто сидел внутри’.

- (18) *Karhu karjui kivusta ja laskeutui neljälle jalalle.*
 медведь.НОМ реветь.ИМП3SG боль.ЕЛТ и опуститься.ИМП3SG четыре.АЛТ нога.АЛТ
 ‘Медведь **заревел** от боли и опустился на четыре лапы’.

Применительно к людям синтаксический потенциал указанных в таблице 4 глаголов, разумеется, еще шире: они могут употребляться как глаголы речи, выступать в позиции опорного слова конструкций, передающих прямую или косвенную речь, управлять дополнением, выражающим содержание речи, и т. д. Вообще, можно сказать, что степень зооцентричности у рассматриваемых глаголов низка, связь с животным миром ослаблена или вообще отсутствует: они просто-напросто обозначают звуки, которые могут издавать как люди, так и животные. Между тем применительно к неодушевленным существам глаголы *mylviä, ärjyä, puhista* обнаруживают яркую метафоричность.

Еще раз подчеркнем, что относительно отдельных глаголов приведенная выше классификация и особенно таблицы с примерами не охватывают все разнообразие их употребления. Например, двуактантный глагол *haukkua* ‘лаять’ вполне может выступать в функции, свойственной одноактантным глаголам, если ситуативно релевантным является всего лишь наличие где-нибудь данного звука и, соответственно, собаки; с другой стороны, если к одноактантному глаголу типа *määkiä* ‘блеять’ присоединить предикативный определитель со значением состояния-причины, то на передний план выдвигается сирконстантное прочтение и самого звука, например *määkiä nälissään* (го-лод. InsPIP3) ‘блеять от голода’.

Между зооморфными и другими значениями рассмотренных глаголов можно выделить по крайней мере три типа соотношений⁹:

⁹ Заметим, что с синхронной точки зрения отношения производности и другие связи между отдельными значениями и сферами употребления слов далеко не всегда ясны и установленные их существования в сознании говорящего затруднительно, поэтому к тому, что будет сказано ниже, следует относиться с некоторой осторожностью.

Таблица 5. Типы соотношений между разными значениями глаголов

1. Полисемия	а) животный звук > «неживотный» звук	<i>hirnua</i> ‘ржать’ > ‘громко смеяться’
	б) «неживотный» звук или действие, сопровожаемое звуком > животный звук	<i>kehrätä</i> ‘прясть’ > ‘мурлыкать’
2. Омонимия		<i>haukkua</i> ‘лаять’ и ‘ругать; обзывать, называть плохими словами’
3. Принадлежность к одному звуковому гештальту	а) гештальт звука, издаваемого одушевленными существами	<i>kirkua</i> ‘кричать’
	б) гештальт звука, издаваемого как одушевленными, так и неодушевленными существами	<i>pöristä</i> ‘жужжать’

В случае полисемии речь идет о метафорическом переносе, основанном на сходстве звуков, который, как правило, осложняется дополнительными семантическими сдвигами. Помимо полисемии, зафиксированной в словарях, наблюдается и употребление живых, окказиональных метафор.

Указанные в таблице два значения глагола *haukkua* ‘лаять’ мы рассматриваем как пример омонимии, так как значение ‘ругать; обзывать, называть плохими словами’ не вызывает представления о собаке и вообще не предполагает наличия звука (*haukkua* можно и письменно). Кроме того, у него есть модели управления, не свойственные глаголам звучания, например *haukkua jotakuta idiootiksi* ‘обозвать кого-н. идиотом’. В этом отношении данный глагол отличается от *räksyttää* ‘тявкать’, который обнаруживает полисемию, основанную на сходстве звуков (о человеке: ‘сердито, многословно, настойчиво ругать, бранить’). С другой стороны, в охотничьей речи у глагола *haukkua* есть специфическая модель управления с позициями прямого дополнения и косвенного дополнения со значением бенефактива. В зависимости от падежа прямого дополнения предложение получает нерезультативное или результативное прочтение, ср.:

- (19) *Tänä syksynä se haukkui minulle myös teertä,*
этот.ЕСС осень.ЕСС он.НОМ лаять.ІМР3SG я.АЛТ еще тетереv.РРТ
ei kauaa, mutta haukkui.
не.3SG долго но лаять.ІМР3SG

‘Этой осенью она **подлаивала** мне и тетерку. Недолго, но **подлаивала**’.

- (20) *No niinhän siinä kävi,*
ну так+и там случатьcя.ІМР3SG
että se haukkui mulle teeren.
что он.НОМ лаять.ІМР3SG я.АЛТ[РАЗГ.] тетереv.ГЕН

‘Так вот и вышло, что она **взяяла** мне тетерку’¹⁰.

¹⁰ За русские переводы этих предложений мы благодарны своим коллегам Ю. Экман и М. Коптеву.

Полисемия означающих звук глаголов, разумеется, основана на общности звукового гештальта, однако в пункте 3 таблицы 5 имеется в виду гештальт, который не привязан к какому-либо одному семантическому полю (например, к животным), а состоит из комплекса звуковых характеристик, общих для членов двух или нескольких полей. К этой категории можно отнести большинство финских глаголов, используемых для обозначения звуков животных. С точки зрения теории и методов лексико-семантической типологии это особенно интересная группа, так как распределение употреблений этих глаголов по семантическим картам могло бы способствовать построению типологически релевантных обобщений.

В разных значениях и употреблениях большинство рассматриваемых в этом исследовании глаголов проявляют гибкость в грамматическом оформлении предложения в соответствии с семантической структурой ситуации, см., например, глаголы *haukkua*, *karjua* выше. Приведем еще несколько примеров. Применительно к людям у некоторых одноактантно-сирконстантных глаголов открывается позиция для прямого дополнения в партитиве, выражающем желаемый субъектом и насущно необходимый ему предмет. В результате получаются регулярные или окказиональные сочетания, ср. *vinkua* (рег.) / *naukua* (окказ.) *joltakin* (кто-н. Abl) *rahaa* (деньги. Prt) ‘клянчить у кого-н. деньги’. У глаголов, обозначающих звук неодушевленного субъекта, позиция второго актанта отсутствует, а у некоторых даже позиция субъекта может оказаться незаполненной: ср. личное *korvat* (ухо. NomPl) *vinkuvat* (пищать. Prs3Pl) и безличное *korvissa* (ухо. InsPl) *vinkuu* (пищать. Prs3Sg) в значении ‘в ушах пищит’.

Помимо явлений расширения и сужения синтаксических фреймов необходимо также описать закономерности и тенденции употребления данных глаголов в некоторых специфических конструкциях и формах. В качестве примера можно привести характерную для финской аффективной речи т. наз. колоративную конструкцию, которая состоит из формы инфинитива и примыкающей к ней личной формы, где первая описывает действие на обобщенном, а последняя — на более специфическом уровне, напр. *laulaa visersivät* ‘щебетали’, дословно ‘петь щебетали’, *nauraa hirnuivat* дословно ‘смеяться ржали’ (см. подробнее Nakulinen 2004: 443, 491).

В отношении отдельных глаголов важно иметь в виду, что в некоторых употреблениях проявляется тенденция к их использованию в фиксированной форме. Примером здесь может служить глагол *kirkua* ‘кричать, визжать’, который при указании на неодушевленные предметы часто выступает в форме действительного причастия (напр. *kirkuvat otsakkeet* ‘кричащие заголовки’).

В дальнейшем при изучении соотношений разных значений и употреблений глаголов звучания следует обратить больше внимания не только на семантические и грамматические их особенности, но и на звуковые гештальты и связанные с ними признаки, в частности, на способ образования (издается ртом: воздух проходит с шумом или без шума, встречает препятствия или нет; издается другими органами); высоту (высокий, низкий, глухой или с участием голосовых связок), звук прерывается или нет, модулирует или нет, имеет положительную или отрицательную окраску. Перенос значения возможен на основе сходства способа образования, высоты голоса, его качества или эмоционального восприятия.

Список условных сокращений

ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADS — адессив, ADV — наречие, ALT — аллатив, ELT — элатив; ESS — эссив, GEN — генитив, ILL — иллатив, IMP — прошедшее время, INF — инфинитив, INS — инессив; NOM — номинатив, PAS — пассив, PL — мн. ч., POS — possessивный суффикс, PRF — перфект, PRS — настоящее время, PRT — партитив, PTS — причастие, SG — ед. ч., TRS — транслатив.

Источники

- Вахрос И., Щербаков А. *Большой финско-русский словарь*. 8-е изд., исправ. М.: Живой язык, 2010.
- Grönros, E.-R. *Kielitoimiston sanakirja*. 3. painos. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2012. (<http://www.kielitoimistonsanakirja.fi>)
- Jäppinen H. (ed.) *Synonyymi-sanakirja*. Helsinki: WSOY, 1989.
- Kuusinen M. (ed.) *Venäjä-suomi-suursanakirja*. Helsinki: WSOY, 1997.
- Niemensivu H., Nikkilä E. *Suomi-venäjä-suomi-sanakirja*. Helsinki: Gaudeamus, 2014.
- Niemensivu H., Nikkilä E. *Suomi-venäjä-sanakirja*. Helsinki: WSOY, 2003.
- Sadeniemi, M. (ed.) *Nykysuomen sanakirja*. 13. painos. T. I-VI. Porvoo: WSOY, 1992.

Тюркские и монгольские языки

Глава 12. Глаголы звуков животных в башкирском и татарском языках

1. Введение

Башкирский и татарский языки относятся к самым многочисленным по количеству носителей миноритарным языкам России. Согласно данным переписи 2010 года [Перепись 2010], среди языков РФ, которые не являются титульными в других государствах, наиболее распространенным должен считаться татарский (4280718 человек указали, что им владеют), за ним следуют чеченский (1354705) и башкирский (1152404). Тем не менее, статус обоих языков определяется как «уязвимый». Все носители фактически являются билингвами.

Башкирский и татарский — близкородственные языки, относящиеся к кыпчакской группе тюркской семьи алтайской языковой макросемьи. Как и их ближайшие соседи по генеалогической классификации, это агглютинативные языки, образующие формы последовательным присоединением аффиксов к основе. Ареалы распространения татарского и башкирского соприкасаются: первый является государственным языком Республики Татарстан, а также используется в некоторых районах Башкортостана и прилегающих областей (Челябинской, Ульяновской, Свердловской, Оренбургской и др.); второй является государственным для Республики Башкортостан, а его носители расселены также по Челябинской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской, Курганской и другим областям.

Здесь мы попытаемся ответить на поставленные в Orekhov 2016 вопросы, касающиеся общности и различий в метафорических переносах двух родственных тюркских языков. В отличие от грамматической типологии, обычно не рассматривающей в рамках одной исследовательской задачи генетически близкие идиомы, лексическая типология готова анализировать такой материал: «Парадокс лексической типологии состоит в том, что родственные языки, как правило, “не портят” общую картину» (Рахилина, Резникова 2013: 8). Кроме того, наше исследование базируется на тезисе А. Е. Кибрика о том, что «типология родственных языков <...> является необходимой частью общей типологии. Более того, в отдельных случаях типологическое сравнение в рамках групп родственных языков обладает несомненными методическими преимуществами» (Кибрик 2005: 191).

Нас также будет интересовать отличие башкирской и татарской метафорических систем от той, которую демонстрирует русский язык. До сих пор в исследовательском инструментарии лексической типологии не было способов, позволяющих однозначно

разграничить самостоятельно развившиеся и заимствованные метафоры. Надеемся, что в этом отношении опыт работы на материале близких генетически и по географии распространения языков будет полезен и методологически.

Наконец, сравнение нашего языкового материала¹ с русским позволит обогатить и представления о социолингвистическом контексте функционирования крупных миноритарных языков России и связать этот контекст с лексико-типологической проблематикой.

2. Прямые значения

В башкирском языке было обнаружено 35 глаголов, обозначающих звуки животных, в татарском их 26. Это значит, что татарский и башкирский относятся к группе «богатых» языков, то есть таких, в которых существует много специализированных глагольных лексем для разных животных. «Богатые» языки находятся в оппозиции к «бедным», например, японскому или китайскому, где этих глаголов не больше десятка.

Поскольку рассматриваемые языки являются близкородственными, глаголы и в башкирском, и в татарском часто обладают исторически обусловленным внешним сходством, что иллюстрируется в таблице 1. Однако когнаты могут при этом относиться к разным группам животных и давать разные метафорические переходы, что само по себе подтверждает необходимость сравнения родственных языков в рамках лексической типологии. Например, в башкирском языке глагол *ысылдау* относится только к шипению змеи, а в татарском аналогичный глагол *ысылдау* — к шипению как змеи, так и гуся.

Таблица 1. Глаголы с исторически обусловленным внешним сходством

Башкирский глагол	Татарский глагол	Перевод <животное>
бакылдау	бакылдау	квакать <лягушка>
кешнәү, кешәнәү	кешнәү	ржать <лошадь>
сәрелдәү, сарылдау	черелдәү	пищать, стрекотать <птенец, кузнечик>
сысылдау, ысылдау	чыжылдау, ысылдау	шипеть <татарск.: змея, гусь; башкирск.: змея>

В обоих языках по прямым значениям выделяются такие типологически частотные объединения живых существ, как насекомые (башкирский и татарский глагол *безелдәү*) и представители семейства собачьих (башкирский глагол *олоу*, татарский — *улау*). На этом материале можно заметить общезыковую тенденцию разделения на две разные

¹ Основными источниками языкового материала выступили информанты, всем им мы приносим свою благодарность. Нас консультировало большое число носителей языка и экспертов, особенную признательность хотелось бы выразить Азамату Абдрахмановичу Галлямову, Евгению Александровичу Можаяву и Булату Эрнстовичу Хакимову. Некоторые примеры были взяты из Башкирского поэтического корпуса и Татарского национального корпуса «Туган тел».

группы крупных и мелких животных: лев или бык, скорее всего, не будут объединяться одним звуковым глаголом с воробьем или мышью.

Однако уже на уровне кластеризации животных татарский и башкирский демонстрируют значительные различия. Например, в татарском лягушка и утка совмещаются в одном глаголе (*бакылдау*), а в башкирском такого совмещения не наблюдается — вместо этого утка попадает в одну группу с курицей (*көркөлдәу*). В татарском языке одним глаголом обозначаются звуки, издаваемые бараном, овцой и козой (*бәэлдәу*), но не коровой, а в башкирском — звуки барана и коровы (*бакырыу*).

В башкирском группы, выделяемые по прямым значениям глаголов, в большей степени совпадают с научной классификацией. Среди этих групп можно назвать маленьких и певчих птиц (*чыркылдау* — глагол для воробья, соловья, птенца), крупных хищных животных (*акыру* — для льва, леопарда, лисы, медведя), крупных и хищных птиц (*кычкыру* — для индюка, коршуна, орла, журавля).

В башкирском же, скорее, выделяется общая группа птиц (*кысқырыу* — глагол для петуха, птенца, орла, ястреба, кукушки), в которую, однако, входит и не-птица (поросенок).

3. Переносные значения

В этом разделе переносные значения глаголов анализируются с двух позиций: с точки зрения языков, задействующих данную метафору, и с точки зрения семантической зоны, к которой относятся эти значения.

В отношении языков можно выделить три группы семантических переходов. Первую группу составляют метафоры, появившиеся в татарском и башкирском языках, скорее всего, под влиянием русского. Согласно Orekhov 2016, почти половина башкирских переносных значений в зоне звуков животных формируется по русской модели. Мы рассмотрим, какие из этих сдвигов повторяются и в татарском языке. Ко второй группе относятся метафоры, которые присутствуют и в башкирском, и в татарском, однако отсутствуют в русском языке. Сравнение этой группы с аналогичными переходами в других тюркских языках позволит выделить характерные тюркские модели семантических сдвигов. В третью же группу можно объединить метафоры, которые присутствуют либо только в татарском, либо только в башкирском. Такие переходы продемонстрируют, что в родственных языках метафоры могут в значительной степени различаться.

Что касается семантических зон, то в этой работе описаны только те фреймы, которые представлены по крайней мере в одном из двух рассматриваемых языков: башкирском или татарском. Интересующие нас зоны включают: физиологические звуки, эмоциональные проявления, нечленораздельную речь, пение, характеристики голоса и речи, семиотически значимую речь, зону множественного субъекта, а также некоторые особые переходы в область не-звуков, артефактов и природы.

3.1. Физиологические звуки

В башкирском языке переход во фрейм «физиологические звуки» демонстрирует лишь один глагол — *хырылдау* <свинья>, который может обозначать храп человека.

(1) Башкирский

Суска кән буйы картә-һен-дә хырылда-ны.
 свинья день post загон-poss.3sg-loc хрюкать-pst.def

‘Свинья целый день хрюкала в своем загоне’.

(2) Башкирский

Ул төн буйы хырылда-ғас йокла-й ал-ма-ны.
 он ночь post хрюкать-ger спать-prs брать-neg-pst.def

‘Он не мог уснуть из-за того, что всю ночь храпел’.

Совмещение звуков свиньи и храпа в одном глаголе не является типологически редким, оно повторяется, например, в калмыцком и индонезийском языках.

В данных, собранных для татарского языка, переходы в зону физиологических звуков отсутствуют.

В целом в языках мира это не очень богатая зона. Показательно, например, что в типологической базе данных, посвященной звукам животных, тег «физиологические реакции» встречается практически в два раза реже, чем тег «эмоциональные реакции».

3.2. Эмоциональные проявления

Семантическая область эмоциональных проявлений в рассматриваемых языках довольно богата зоометафорами. Ядро этой зоны образуют спонтанные реакции, а именно смех и плач, которые будут далее описаны по отдельности.

3.2.1. Смех

Башкирский и татарский языки очень схожи в том, что касается метафор смеха. Например, в обоих языках источниками таких метафор являются лошадь и курица, а глаголы и переносные значения для звуков этих животных в двух языках практически одинаковы, что показано в таблице 2 и примерах (3–5).

Перенос кудахтанья на смех, не представленный в русском, соответственно, не может иметь источником русскую модель, а лошадиное ржание, напротив, в русском развивает близкую метафорику, однако неверно было бы однозначно определять этот переход в башкирском и татарском как кальку. Дело в том, что эта метафора, по-видимому, широко распространена в языках мира, ср., например, в нашей выборке в английском, немецком, французском, армянском, сербском, финском, венгерском, эрзянском, коми-зырянском, коми-пермяцком.

Таблица 2. Глаголы для звуков лошади и курицы в башкирском и татарском языках

	Лошадь	Курица
Башкирский	кешнәү / кешәнәү	кыткылдау / кеткелдәү
Татарский	кешнәү	кыткылдау
Перенос	грубый смех	веселый открытый смех

(3) Башкирский

Был хәбәр-зе ишет-кәс, ул кыткылда-п көлө-п ебәр-зе.
 этот новость-ACC слышать-GER он кудахтать-GER смеяться-GER отпустить- PST.DEF

‘Услышав эту новость, он громко **захохотал**’.

(4) Татарский

Әни-ем кыткылд-ый мазәк-тән соң.
 мама-1SG кудахтать-PRS анекдот-ABL после

‘Мама **хохочет** после анекдота’.

(5) Татарский

<...> *өел-гән киём-нәр арасыннан*
 собраться-PTCP.PST одежда-PL из

Борһан үзенең бүрег-ен эзлә-де.
 Бурган свой.3SG шапка-3SG искать- PST.DEF

Караңгы-да ялгыш Хәкимулла бүрег-ен ал-ып кия яз-ды.
 темнота-LOC случайно Хәкимулла шапка-3SG взять-CONV надеть.PRS AUX- PST.DEF

Ах-ха-ха, — дин кеһнә-де шул чак-та Борһан — ах-хаха!
 ха-ха PART ржать- PST.DEF тот время-LOC Бурган ха-ха

‘В собранной одежде Бурган искал свою шапку. В темноте его шапку чуть не надел Хәкимулла. Ах-ха-ха, — **заржал** тогда Бурган, — ах-хаха!’ (Мөхәмәт Мәһдиев, Повесть, роман. 2 том, 2009)

Любопытны данные пилотного обследования метафорического потенциала глаголов кудахтанья в других тюркских языках. Глагол, которым обозначается звук курицы, не имеет переноса на человека в чувашском (*кәтиклеть*) и киргизском (*какылдоо*). Вместе с тем, данные казахского языка (*какылдау*) свидетельствуют о наличии семантического сдвига, но совсем в другую зону, не совпадающую ни с башкирским, ни с татарским, ни с русским: *какылдау* в казахском означает постоянное надоедливое повторение.

Еще одним источником для метафоры смеха является башкирский глагол *сырылдау* <воробей>. Щебетанье, чириканье воробья интерпретируется как веселый открытый смех. Обычно этот глагол употребляется по отношению к девушкам-болтушкам, которые шепчутся между собой, см. (6).

(6) Башкирский

кыз-зар сырылда-ш-а ине.
 девушка-PL смеяться- RECP-PRS быть. PST.DEF

‘Девушки **смеялись**’.

3.2.2. Плач

Башкирский глагол *мыйылдау* <кошка> в применении к человеку означает монотонный просительный плач, нытье, хныканье с оттенком надоедливости. В татарском языке такого семантического перехода нет:

(7) Башкирский

генерал бит ят-а алдыңда!
генерал лицо лежать-PRS POST

‘генерал ведь лежит перед тобой’

мыйылда-й-һың катынкыз-зай бул-ып,
мяукать-PRS-2SG женщины-ASSIM быть-GER

‘ноешь как женщины’

ат һәпәсәк-ләр мәл-ме һуң ошо!
конь баловать-3PL время-INTERROG поздно это

‘коня баловать время ли это’

Миңлегөл Хисмәтуллина «Ерәнсәй» (Башкирский поэтический корпус)

В обоих рассматриваемых языках звуки волка дают переход в зону плача. Однако башкирский глагол *олоу* ‘выть’ обозначает скорее нытье, а татарский *улау* применим в ситуации, когда субъект плачет, воет от горя или боли, страдает, сильно кричит, ревет (ср. пример (8), с одной стороны, и (9) и (10), с другой).

(8) Башкирский

Оло-ма-Ө же, зинһар.
ныть-NEG-IMP PART пожалуйста

‘Не **ной**, пожалуйста’.

(9) Татарский

Кайгы-дан ул-ый.
горе-ABL выть-PRS

‘(Он) **плачет** от горя’.

(10) Татарский

Мин аяк авырт-а башила-ган-га күрә ул-ый башила-ды-м.
мой нога болеть-PRS начать-PST.INDF-DIR из-за выть-PRS начать-PST.DEF-1SG

‘Я **взвыл**, потому что у меня заболела нога’.

Соответственно, русский глагол *выть* семантически ближе к татарскому варианту. Отметим, однако, что русское *выть* также имеет переход во фрейм «пение», которого нет у татарского глагола, но есть у башкирского (см. раздел 3.4).

В других тюркских языках метафорическое поведение «волчьих» глаголов неоднородно. Казахская лексема, обозначающая звук волка (*улыды*), при переносе на человека выражает недовольство, киргизская (*уулун*) описывает тихий плач, а узбекская (*uvillaydi*) не имеет переносов.

В татарском языке источники для зоны плача не ограничиваются звуками волков. К другим животным в этом ряду относятся: собаки (*чинау, шыңшу* ‘скулить’), быки (*мәгрәү* ‘мычать’), птенцы, кузнечики (*черелдәу* ‘щебетать, пищать’). Рассмотрим данные лексемы подробнее.

Два глагола ‘скулить’ в переносных употреблениях имеют между собой существенное различие: *чинау* обозначает ‘скулить от боли’ и применяется только по от-

ношению к детям, как в примере (11), а *шыңшу* имеет семантику ‘плакать, плакаться, ныть’ и по употреблению скорее схож с глаголом *олоу* ‘выть’ <волк> в башкирском, ср. (12) и (8) выше. Глагол *мәгрәү* ‘мычать’ метафорически означает ‘хныкать’, что проиллюстрировано в примере (13). Наконец, *чәрелдәү* ‘щебетать, пищать’ развивает значение ‘кричать, капризничать’, как в примере (14).

(11) Татарский

Бала чин-ый башла-ды егыл-ган-нан соң.
ребенок скулить-PRS начать-PST.DEF падать-PST.INDF-ABL после

‘Ребенок начал **скулить** после падения’.

(12) Татарский

Шыңшы-ма-Ө!
скулить-NEG-IMP

‘Не **плачь!**’

(13) Татарский

Белекей бала уян-ган-нан соң мәгр-и башла-ды.
маленький ребенок просыпаться-PST.INDF-ABL после мычать-PRS начать-PST.DEF

‘Маленький ребенок проснулся и начал **хныкать**’.

(14) Татарский

Бала идән-дә чәрелд-әп ят-а.
ребенок пол-LOC пищать-CONV лежать-PRS

‘Ребенок лежит на полу и **капризничает** (пищит)’.

Тем самым богатая зона плача в татарском отчасти обнаруживает изоморфность русскому языку с его *скулить* и *пищать*. В то же время перенос ‘мычать’ в ‘хныкать’ задает оригинальную модель семантического сдвига.

3.3. Невнятная речь

Зона нечленораздельной речи, как и зона эмоциональных проявлений, хорошо представлена в башкирском и татарском языках. Здесь можно выделить несколько отдельных фреймов, которые мы рассмотрим последовательно: гуление младенца, неуверенная речь, нежный разговор близких людей, слишком быстрая речь.

3.3.1. Гуление

Татарский глагол *гөрләү* <голубь> может обозначать гуление младенца, как в примере (15). В башкирском языке такой переход не встретился.

(15) Татарский

Кечкенә бэби карават-ын-да гөрл-и.
маленький младенец кровать-3SG-LOC гулить-PRS

‘Маленький ребенок **гулит** в своей кровати’.

3.3.2. Неуверенная речь

Переносы в зону неуверенной и нечеткой речи в башкирском и татарском совершенно не имеют общих точек: их дают разные глаголы и разные животные. В башкирском языке смысл ‘мямлить, невнятно говорить’ может выражаться глаголом *мөңрәү* <корова>, как показано в примере (16). А в татарском аналогичную метафору дает глагол *мәлдәү* <коза, баран, овца>, см. (17). Заметим, что оба перехода есть и в русском языке (ср. *мычать, блеять*). Правда, абсолютное большинство языков, для которых в базе данных имеется тег «неуверенная речь», образуют этот переход от глаголов, обозначающих звуки домашнего скота (корова, баран, овца и проч., подробнее см. Главу 1) — так что в этой зоне и башкирский, и татарский не просто следуют русским моделям, но и хорошо укладываются в общую типологическую картину.

(16) Башкирский

Теләһә нимә мөңр-әп йөрө-мә әле бында.
 PART что мычать-GER ходить-NEG сейчас здесь

‘Нечего ходить тут и **мямлить**’.

(17) Татарский

Сорау-на жавап бирәл-мә-гән студент кәжә сымак мәлдәр-и.
 вопрос-ACC ответ знать-NEG-PST.INDF студент коза как мекать-PRS

‘Студент, не знающий ответ на вопрос, **мекает** как коза’.

В то же время, в рассматриваемых языках представлены и более редкие для данной области источники метафоры. В башкирском языке это глаголы *бакылдау* <лягушка>, а также *жужылдау* и *быжылдау* <жук>, указывающие на невнятность речи, а в татарском — лексема *мыркылдау* <свинья>, обозначающая бормотанье себе под нос, непонятную неуверенную речь, см. (18).

(18) Татарский

Такта алдында укучы бала мыркылд-ый.
 доска перед ученик ребенок хрюкать-PRS

‘У доски ученик **бормочет**’.

3.3.3. Разговор близких людей

В обоих языках нежному разговору между близкими людьми (в основном, влюбленными) соответствует воркование голубей (башкирский — *гөрөлдәү*, татарский — *гөрләү*). Такой же переход есть и в других языках, например, в русском и французском.

(19) Татарский

Бакча-да яш-ләр гөрл-әш-еп сөйл-әш-еп утыр-а-лар.
 сад-LOC молодой-PL ворковать-COOP-CONV говорить-COOP-CONV сидеть-PRS-3PL

‘В саду сидят молодые люди, **воркуя** (говорят, воркуя)’.

Возможно, что метафора воркования появилась в татарском и башкирском языках под влиянием русского. Чувашские (*кăвăлтатать*) и казахские (*гүілдей*) данные дают аналогичный переход, впрочем, его появление также может быть объяснено русским влиянием. В киргизском (*куркулдөө*) этот переход не обнаруживается.

3.3.4. Многословие и болтливость

Перенос в эту зону есть и в башкирском, и в татарском, причем в обоих языках с участием одного глагола: лексема, обозначающая звуки гуся (башкирский — *гагылдау*, татарский — *каңгылдау*), развивает значение «много говорить» (20, 21).

(20) Башкирский

Салауат күп гагылда-й,
Салават много гоготать-PRS

күп кенә эйбер-зәр-зе беле-п бул-а ине.
много PART вещь-PL-ACC знать-GER быть-PRS быть.PST.DEF

‘Поскольку Салават много **говорит**, можно было много чего узнать’.

(21) Татарский

Ул каңгылд-ый.
он гоготать-PRS

‘Он много **говорит**’.

В других рассмотренных тюркских языках подобный перенос нам не встретился: его нет ни у чувашского глагола *кăтăлтатать*, ни у казахского *какылдайды*, однако последний развивает производное значение ‘громко смеяться’, аналогичное русскому *гоготать*.

Источником для семантики многословия могут выступать и другие животные. В башкирском языке такое значение характерно для лексемы *каркылдау*, *каргырлдау* <ворона>, см. (22). Глагол *мәелдәү* <коза> относится к этой зоне только в форме повелительного наклонения при отрицании, означая ‘перестань говорить’, см. (23).

(22) Башкирский

Каркылда-һаң, тел-ең-де кыркы-п ал-ыр-зар.
каркать-2SG язык-POSS.2SG-ACC резать-GER брать-FUT.INDF-3PL

‘Будешь много **болтать**, язык отрежут’.

(23) Башкирский

Етәр, мәелдә-мә-Ө.
PART мекать-NEG-IMP

‘Хватит, **молчи**’.

В татарском источнике здесь может служить жужжание насекомых — *жуылдау*. Подробнее переносное значение этого глагола можно описать следующим образом: ‘говорить много, быстро, без конца, так что надоедает’, см. (24).

(24) Татарский

Колак астында жуылда-ма-Ө эле.
 ухо под жужжать-NEG-IMP PART

‘**Не жужжи** под ухом’.

Если в башкирском звук лягушки ассоциируется с невнятной речью, то в татарском — с болтливостью. У глагола *бакылдау* <жаба, лягушка> два переносных значения в этой зоне, впрочем, довольно близких:

- говорить много, бесполезно, ни о чем, см. (25),
- тараторить, болтать (так быстро, что может быть непонятно), см. (26).

(25) Татарский

Ул бакылд-ый.
 он говорить-PRS

‘Он много **говорит**’.

(26) Татарский

Малай бакылд-ый телефон-нан.
 мальчик говорить-PRS телефон-ABL

‘Мальчик **тараторит** по телефону’.

3.4. Пение

В татарском языке метафоры звуков животных в зоне пения не встретились. Однако в башкирском, как уже упоминалось ранее, такой переход есть у глагола *олоу* <волк>, который в этом отношении обнаруживает сходство с русским *выть*. Тем не менее, два этих переноса не вполне идентичны: башкирский глагол развивает семантику плохого, фальшивого пения, а русский — громкого, немелодичного пения.

В языках мира переход ‘выть’ → ‘фальшиво петь’, по-видимому, не является распространенным (близкий семантический сдвиг обнаружился тем не менее в коми-зырянском, где глагол *virzoony* ‘выть’ обозначает нестройное пение множества людей). В целом же в нашей выборке метафора фальшивого пения нередко восходит к звукам животных, однако ее конкретный источник от языка к языку варьируется. Так, идея плохого пения может ассоциироваться с кошкой (коми-пермяцкий), бараном, быком, овцой, коровой (шокшинский диалект эрзянского), гусем (корейский) и др.

Более однородный набор источников характерен для метафор, задающих положительную оценку пения: эта семантика регулярно выражается через пение птиц. Такой переход реализует башкирский глагол *хайрау*, аналогичные сдвиги значения представлены, например, в русском, английском, немецком, французском.

3.5. Характеристики голоса и речи

Характеристики голоса и речи в рассматриваемых языках — это зона, возможно, наиболее густо населенная метафорами. Мы обсудим здесь следующие фреймы: высокий голос, громкий голос, тихий голос, а также характеристики речи.

3.5.1. Высокий голос

В татарском языке два глагола, которые описывают писк кузнечиков и птенцов, дают два разных метафорических перехода. Глагол *чәрелдәү* означает ‘пищать, тоненько кричать’ и нейтрален в оценочном отношении.

(27) Татарский

Су бу-ен-да хатын-кыз-лар чәрелд-и-ләр.
вода вдоль-3SG-LOC женщина-девочка-PL пищать-PRS-3PL

‘У воды женщины **пищат**’.

(28) Татарский

Елга-да бала-лар чәрелд-ән коен-а-лар.
река-LOC ребенок-PL пищать-CONV купаться-PRS-3PL

‘В реке дети **пища** купаются’.

(29) Татарский

Кыз чәрелд-и: “Ярдәм итегез” дип.
девочка пищать-PRS помощь AUX.IMP.PL PART

‘Девочка **пищит**: «Помогите!»’

В отличие от *чәрелдәү*, глагол *чыелдау* имеет негативную оценку и употребляется, когда кто-то говорит писклявым голосом, часто нервно.

(30) Татарский

Син дә чилдә-мә-Ө инде.
ты CNJ пищать-NEG-IMP уже

‘И ты не **пиликай**, пожалуйста’.

Еще один глагол в этой зоне в татарском языке — *чыркылдау* <воробей> — означает радостный визг (см. также раздел 3.6.4). Этот глагол отличается от предыдущих тем, что не принимает в качестве аргумента содержание речи, то есть не переходит в класс речевых глаголов.

(31) Татарский

Бала-лар чыркылд-ый-лар.
ребенок-PL пищать-PRS-3PL

‘Дети **радостно пищат**’.

В башкирском языке эта область представлена только одной метафорой, хотя и довольно частотной в языках мира: глагол, обозначающий писк мыши (*пипелдәү*), используется в значении ‘говорить высоким голосом’, см. (32).

(32) Башкирский

Көн буйы телефон аша пипелдә-п йөр-и.
день POST телефон POST пищать-GER ходить-PRS

‘Целый день **пищит** по телефону’.

3.5.2. Громкий голос

В типологической перспективе источниками метафор громкого голоса обычно становятся звуки крупных животных и больших птиц. Татарский язык здесь в точности следует общей тенденции: человеческий крик может ассоциироваться или с ревом диких зверей (лев, тигр, леопард, лиса, медведь, песец, рысь — *акыру*), или со звуками хищных птиц (орел, сокол — *кычкыру*), см. (33–34).

(33) Татарский

Кылыч-ын баш очына кутәр-еп акыр-а: — Гусар-лар!
 сабля-асс над головой поднять-CONV кричать-PRS гусар-PL

‘Подняв саблю над головой, он **орет**: «Гусары!»’. (Зәки Зәйнуллин, Татар ирегләре: повестьлар)

(34) Татарский

Юк! —
нет

Мәдинә нәкъ кичәгечә үрсәлән-еп кычкыр-ып жибәр-де.
 Мадина точно как.вчера сильно.беспокоиться-CONV кричать-CONV AUX-PST.DEF

‘Нет! — **вскрикнула** Мадина, как и вчера, очень обеспокоенная’. (Яулык 2011)

Башкирский язык также задействует в этой зоне крики крупных диких животных: глагол *ажгырыу* <лев> развивает значение ‘громко, угрюмо кричать’.

Однако большинство башкирских метафор громкого голоса опираются на звуки крупного рогатого скота: *бакырыу* <баран>, *окырзыу* <осел>, *укереу* <бык>. В переносном употреблении *бакырыу* значит ‘громко, грубо орать’, *окырзыу* может еще выражать семантику ‘дразниться’, а *укереу* указывает, что субъект кричит неестественным голосом, см. (35).

(35) Башкирский

Тәли бөгөн көн-ө булы үкер-ә.
 Тали сегодня день-poss.3sg целый орать-PRS

‘Тали сегодня целый день **орал**’.

В обоих языках есть переход в зону «громкий голос», источником которого является собака. В татарском для звуков собаки существует 5 глаголов, но с рассматриваемым фреймом можно соотнести лишь один — *ырылдау*, при этом он указывает не только на силу голоса, но и предполагает агрессивный настрой субъекта (см. раздел 3.6.2). В башкирском же для собаки имеется три глагола, из которых сразу два выражают интересующую нас семантику. Первый глагол — *лаңкылдау* — обозначает громкий голос сам по себе (36), а второй — *өрөү* — передает и громкую речь, и ругань.

(36) Башкирский

Эргәһенә кем генә килмәһен, лаңкылда-й башла-й.
 рядом кто бы подойти орать-PRS начинать-PRS

‘Кто бы ни подошел к нему, он **орать** начинает’.

3.5.3. Тихий голос

Фрейм «тихий голос» представлен только в татарских данных. Глагол *чыркылдау* <воробей> в переносном значении означает ‘шептаться, разговаривать между собой’. Субъектом при этом глаголе могут быть только девушки и дети, у которых обычно высокий тонкий голос.

(37) Татарский

Үзара *жыел-ып,* *кыз-лар* *чыркылда-ша-лар.*
 между.собой собраться-CONV девочка-PL чирикать-соор-3PL

‘Собравшись вместе, девушки **шепчутся**’.

Типологически семантика тихого голоса редко получает самостоятельное выражение через зоометафоры: как правило, она совмещается с определенной семиотикой речевой ситуации. Так, тихий голос, имеющий источником змею, регулярно ассоциируется с еле сдерживаемой агрессией (как в валлийском, финском или индонезийском); жалобные звуки домашних животных могут переноситься на слабый голос, которым выражается просьба (ср. коми-зырянский). Метафора тихой речи, которая восходит к птицам, помимо татарского, встретила в нашей выборке в агульском: в этом случае понижение голоса связывается с ситуацией обсуждения сплетен (источником агульской метафоры служит воркование голубей). По-видимому, сходное семантическое развитие может претерпеть и татарский «воробьиный» глагол *чыркылдау*.

3.5.4. Характеристики речи

Зона «характеристик речи» в башкирском языке несколько богаче, чем в татарском. В татарском значение, которое можно отнести к этой семантической области, развивает лишь глагол мурлыканья кошки: в переносном употреблении он описывает льстивую речь, см. (38).

(38) Татарский

Ул *мыйаула-п* *кына* *әйт-те.*
 она мяукать-CONV PART сказать-PST.DEF

‘Она сказала **льстиво** (мурлыча)’.

Башкирский, помимо кошек, задействует в этой зоне змей. Шипение змеи (*сысылдау / ысылдау*) участвует в двух метафорах: в первой оно означает ‘говорить с ненавистью’ (см. 3.6.2), во второй — слишком быструю речь.

3.6. Семиотически значимая речь

В этом разделе рассматривается семиотически значимая речь, обозначаемая глаголами звуков животных. Здесь мы последовательно обсудим надоедливую речь, неодобрительные реакции, предсказание беды, выражение одобрения, ситуацию распространения сплетен и, напротив, утаивания информации.

3.6.1. Повторение и надоедливая речь

Татарский глагол *бакылдау* <утка, лягушка> в переносном значении описывает речь человека, который многократно говорит одно и то же на протяжении долгого времени, см. (39).

(39) Татарский

Марат бакылд-ый да бакылд-ый.
марат квакать-PRS да квакать-PRS

‘Марат все время **говорит и говорит одно и то же**’.

Идею надоедливости выражает в татарском языке и глагол жужжания (*жуылдау*), который мы уже обсуждали в связи с семантикой многословия и болтливости, см. (24).

Заметим, что в целом в языках мира значения «повторение сказанного» и «надоедливая речь» часто совмещаются в одной лексеме, так как неоднократное воспроизведение одинакового содержания закономерно вызывает неприятие у слушателя. Основными источниками такой метафоры являются насекомые (шокшинский диалект эрзянского, коми-зырянский, адыгейский, армянский), кошки (норвежский, финский) и птицы, например, сорока (коми-зырянский — этот же глагол используется для лягушек). Соответственно, татарские метафоры в этой зоне вполне соответствуют общим типологическим моделям.

3.6.2. Неодобрительные реакции

Большинство метафор, которые мы причисляем к зоне «неодобрительные реакции», относятся к татарскому языку. Так, глаголы *каргылдау* <ворона> и *ысылдау* <змея, гусь> метафорически обозначают «тихое недовольство» — ворчание (см. 40, 41). Как и в ситуации с фреймом «громкий голос», источником нескольких метафор в этой зоне является собака. Глагол *ырылдау* ‘рычать, урчать’ так же, как и предыдущие, обозначает ворчание (42), но, как и следующие, может описывать громкое выражение агрессии (43). Глагол *ырлау* ‘лаять’ характеризует речь на повышенных тонах, обычно когда кто-то о чем-то или о ком-то плохо отзывается, а глагол *өрү* ‘лаять, тьявкать’ обозначает ругань (44).

(40) Татарский

Карт карчык каргылда-п йөр-и.
старый старуха каркать-CONV ходить-PRS

‘Старуха ходит **ворчит**’.

(41) Татарский

Әби ишек₁ алдын₂-да ысылда-п йөр-и.
бабушка двор_{1,2}-LOC шипеть-CONV ходить-PRS

Әби ысылд-ый.
бабушка шипеть-PRS

‘Во дворе бабушка ходит, **ворча**. Бабушка **ворчит**’.

- (42) Татарский
Ире хатын-ына ырылда-ма-Ө ди.
 муж жена-ACC лаять-NEG-IMP PART
 ‘Муж жене говорит «**Не ворчи!**!»’

- (43) Татарский
Базар-да сатучы-лар ырылда-ша-лар.
 базар-LOC торговец-PL лаять-COOP-3PL
 ‘На базаре торговцы **ругаются** (кричат)’.

- (44) Татарский
Кеше-ләр бер берсенә өр-еш-елер.
 человек-PL один на другого лаять-COOP-3PL
 ‘Люди **лают** друг на друга’.

В башкирском же языке в рассматриваемом фрейме встретился один метафорический переход, довольно распространенный в языках мира. Глагол *сысылдау* (вариант: *ысылдау*), в прямом значении относящийся к шипению змеи, в переносном употреблении описывает ситуацию, когда кто-то говорит со злостью, произнося слова сквозь зубы (45).

- (45) Башкирский
Ул сысылда-п һөйлә-не.
 он шипеть-GER говорить-PST.DEF
 ‘Он говорил **сквозь зубы** (злобно)’.

3.6.3. Предсказание беды

И башкирскому, и татарскому языкам свойственна метафора, аналогичная русскому употреблению лексемы *каркать* в значении ‘накликать беду’. Татарский глагол *каркылдау* и башкирский *каркылдау* / *каргырлдау* обозначают предсказание, призвание чего-то плохого.

- (46) Татарский
Убырлы карчык кайгы каркылта-ды.
 ведьма старуха горе каркать-PST.DEF
 ‘Ведьма **накаркала** горе-несчастье’.

- (47) Татарский
Юк-ны каркылда-п тор-ма әле!
 нет-ACC каркать-CONV AUX-NEG PART
 ‘Будет тебе **каркать!** (Небылицы каркать не стоит)’

Материал других тюркских языков — казахского (*каркылдайды*), киргизского (*каркылдайт*) и узбекского (*karillama*) — поддерживает тенденцию такого переноса.

Заметим, что у башкирского *каркылдау* / *каргырлдау* есть еще одно производное значение: говорить о человеке плохое (48).

(48) Башкирский

Мин өй-зән сығып кит-кәнсе, өләсәй-ем каркылдап йөрө-нө.
 я дом-ABL выходить-GER уходить-GER бабушка-POSS.1SG каркать-GER ходить-PST.DEF

‘Бабушка **ругала** (поносила) меня вплоть до того момента, пока я не ушел из дома’.

3.6.4. Одобрительные реакции

Переносные значения, соотносящиеся с выражением реакции одобрения, для башкирского языка в нашем материале не встретились. В татарском же эта зона представлена двумя переходами: *мыраулау* <кошка> в метафорическом употреблении означает ‘мурлыкать от удовольствия’ (49) и *чыркылдау* <воробей> — ‘пищать от радости, веселиться’ (этот глагол совмещает семантику одобрительной реакции с обозначением высокого голоса, см. (31)).

(49) Татарский

Сылау-дан соң мин мыраул-ый-м.
 массаж-ABL после я мурлыкать-PRS-1SG

‘После массажа я **мурлыкаю** (от удовольствия)’.

И снова татарские данные хорошо вписываются в общетипологическую картину, так как подобные переходы повторяются и в других языках, ср. выражение удовольствия через мурлыканье кошки в финском, французском, шокинском диалекте эрзянского, норвежском.

3.6.5. Сплетни

Фрейм «сплетни», напротив, не реализуется в татарском (ср. однако, обсуждение в 3.5.3 в связи с семантикой тихого голоса), но получает выражение в башкирском, ср. глагол *шыһылдау* <сорока>.

(50) Башкирский

Нимә шыһылда-й-һың?
 почему стрекотать-PRS-2SG

‘Почему **сплетничаешь**?’

Отметим очередное пересечение с русским языком, в котором, правда, не обнаруживается переноса собственно от глагола сороки (*стрекотать*), однако сама идея разнесения сплетен и сороки тесно увязаны (ср. фразеологизм *сорока на хвосте принесла*). Тем не менее, нельзя утверждать, что эта метафора появилась под влиянием русского языка, так как она встречается и в других языках, например, во французском и корейском.

3.6.5. Неразглашение

Глаголы звуков жуков и других насекомых могут давать в башкирском языке не только метафору неуверенной невнятной речи (см. 3.3.2), но и речь, в которой не хватает информации. Глагол *безелдәү* ‘жужжать’ может развивать семантику ‘недоговаривать’.

(51) Башкирский

Һин безелдә-й-һең.

ты жужжать-PRS-2SG

‘Ты чего-то **недоговариваешь**’.

Напомним, что в татарском языке глагол *безелдәу* обозначает в переносном употреблении многословную, надоедливую быструю речь.

3.7. Множественный субъект

В башкирском языке нет переходов, связанных с идеей множественного субъекта.

В татарском обнаруживается два глагола, попадающих в эту зону. Глагол *гөрләү* <голубь> в переносном значении обозначает шум, гудение толпы (52), а глагол *бакылдау* <лягушка> описывает гвалт, поведение галдящих людей (53).

(52) Татарский

Шул гөрл-әш-ен утыр-ган төркөм яг-ына күз төшер-гәч,

тот гулить-COOP-CONV сидеть-PTCP.PST толпа сторона-ACC глаз опустить-CONV.ANT

Мәдинә дә түз-ми, елмае-п куя.

Мадина CNJ выдерживать-NEG.PRS улыбаться-CONV AUX

(«Туган тел», оригинальный источник не указан)

‘Взглянув в сторону тех сидящих **воркующих** людей, Мадина не выдержала и улыбнулась’.

(53) Татарский

Кеше-ләр бакылд-ый-лар.

человек-PL крикать/квакать-PRS-3PL

‘Люди **галдят**’.

3.8. Другие метафоры

В этом разделе пойдет речь о двух типах метафорических сдвигов: переходах, при которых результирующее значение характеризует не человека, а артефакт или элемент природы, и переходах в не-звуки.

Начнем с последних. В башкирском обнаруживается перенос от глагола ‘жужжать’ (*безләу* <комар>) к обозначению пристального взгляда (54).

(54) Башкирский

Күз-зәр-ең-де безләте-п тор-ма-Ө әле.

глаз-PL-POSS.2SG-ACC жужжать-GER стоять-NEG-IMP так

‘Не **смотри** так пристально’.

В принципе, развитие незвуковых производных значений отличается меньшей типологической регулярностью, чем переходы в остальные семантические зоны (см. подробнее Главу 20). По-видимому, это объясняется тем, что перенос на незвуковые ситуации

в большей степени основывается на культурных стереотипах, связанных с тем или иным животным. Соответственно, и набор незвуковых ситуаций, которые могут описываться интересующими нас глаголами, существенно отличается от языка к языку. Любопытно, однако, что значение, аналогичное башкирскому ('пристально смотреть, пялиться') характерно также для сербского глагола 'блеять (об овце)'.

В татарском переход в не-звуки связан с совершенно другой результирующей семантикой: глагол, обозначающий жужжание шмеля (*быжылдау*), получает значение 'беспокоиться' (55). Отметим, что близкий перенос встречается в агульском языке, где глагол комариного писка может описывать сильное эмоциональное переживание человека.

(55) Татарский

Әби ни өчендер быжылда-п йөр-и.
бабушка почему-то жужжать-CONV ходить-PRS
'Бабушка почему-то **беспокоится**'.

Артефактные и природные звуки как результат метафоры представлены в нашем материале татарскими данными.

Зону артефактов покрывают два переносных употребления. Крики диких птиц (*кычкыру*) используются для описания транспортного шума (56), а глагол, обозначающий лай собаки (*өрү*), получает значение 'играть на трубе' (57).

(56) Татарский

Автобус-лар кычкыр-а-лар.
автобус-PL кричать-PRS-3PL
'Автобусы **кричат** (воют)'.

(57) Татарский

Быргычы быргы-га өр-ә.
трубач труба-DIR лаять-PRS
'Трубач **играет** на трубе'.

Из двух переходов в зону природы первый можно назвать довольно ожидаемым: вой волка (*улау*) переносится на вой ветра (58). Этот сдвиг является стандартным и повторяется во многих языках, например, в русском, шокшинском диалекте эрзянского, корейском, финском, французском, валлийском, немецком.

Второй глагол в этой зоне (*гөрләү*) демонстрирует переход от воркования голубя к обозначению звука журчащей воды (59).

(58) Татарский

Жил ул-ый.
ветер выть-PRS
'Ветер **воет**'.

(59) Татарский

Елга гөрл-ән аг-а. Су гөрл-и.
река гулить-CONV течь-PRS вода гулить-PRS
'Река **журча** течет. Вода **журчит**'.

4. Заключение

Системы глаголов, обозначающих звуки животных, в башкирском и татарском во многом не тождественны. Отличаются как группы животных, объединяемых одним глаголом, так и метафорические переходы, которые дают рассмотренные лексемы. По всей видимости, в части случаев (однако далеко не во всех) совпадение между башкирскими и татарскими метафорами обусловлено влиянием русского языка, т. е. заимствованием семантической модели из доминирующего языка.

Пилотное сравнение с другими тюркскими языками (чувашским, казахским, киргизским, узбекским) не выявило ни одного чисто тюркского метафорического переноса, отсутствующего в русском языке. Все случаи общих для обследованных тюркских языков переносов имели параллели и в русском языке, так что мы не можем надежно ограничить заимствования от гипотетического наследования.

Такие выводы подтверждают перспективность внутригенетической типологии, особенно в контексте исследования лексики. Наш материал дает возможность предположить, что метафорические переносы глаголов звуков животных (а возможно и другие метафорические переносы) не обусловлены наследованием из языка-предка и либо формируются независимо в генетически родственных языках, либо заимствуются из более престижного языка-соседа.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, AVL — исходный падеж, ACC — аккузатив, ASSIM — уподобление, AUX — вспомогательный глагол, CNJ — союз, CONV — деепричастие, CONV.ANT — деепричастие со значением предшествования, COOP — совместный залог, DIR — направительный падеж, FUT.INDF — неопределенное будущее время, GER — герундий, IMP — повелительное наклонение, INTERROG — вопросительность, LOC — местный падеж, NEG — отрицание, PART — частица, PL — множ. число, POSS — посессивность, POST — послелог, PRS — настоящее время, PST.DEF — определенное прошедшее время, PST.INDF — неопределенное прошедшее время, PTCP — причастие, RECIP — реципрок, SG — ед. число.

Источники

Перепись 2010: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf
Башкирский поэтический корпус: <http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>
Татарский национальный корпус «Туған тел»: <http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>

Глава 13. Звуки животных в калмыцком языке¹

1. Введение

Калмыцкий язык, один из монгольских языков, связан с кочевой культурой, практически слитой с природой, с животным миром. Ее самобытность состоит не только в особенностях быта калмыков-скотоводов, но и в верованиях, в общинном укладе жизни, в историческом пути азиатского народа, ныне проживающего на территории Нижнего Поволжья.

Настоящее исследование способов обозначения в калмыцком языке голосовых звуков животных проводилось на материале данных калмыцко-русского и русско-калмыцкого словарей, двух корпусов калмыцкого языка и сведений, полученных при опросе информантов.

Глава организована следующим образом: в разделе 1.1 дается общая характеристика поля; разделы 1.2 и 1.3 представляют собой описание формальных свойств, общих для глаголов с разной семантикой, — речь пойдет о способности к самостоятельному употреблению и средствах выражения мультисубъектности. Раздел 2 посвящен прямым значениям глаголов звука, а раздел 3 — переносным. В Заключение подводятся итоги исследования.

1.1. Общая характеристика поля

В ходе работы удалось обнаружить 24 калмыцких глагола, обозначающих звуки животных, — вероятно, их список может быть дополнен, особенно в части конструкций с идеофонами. Из 24 единиц три представляют собой идеофонные образования и обозначают звуки птиц, остальные глаголы — синтетические. Из них три глагола не могут употребляться самостоятельно в прямом значении, они имеют «узкую специализацию» (например, ‘заливисто лаять’), модифицируя значение общего предиката (‘лаять’), и поэтому выступают только в форме деепричастия при основном глаголе (буквально: «заливисто лая, лаять»). Заметим, что в переносном значении эти лексемы могут употребляться самостоятельно.

¹ Я выражаю благодарность Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой за ценные замечания, высказанные на разных этапах подготовки текста. Также я благодарю С. К. Ботиева, Л. А. Ботиеву и Т. Г. Мудаеву, выступивших в роли информантов. Разумеется, ответственность за возможные ошибки и неточности целиком лежит на авторе.

Для исследуемой нами области важна категория мультисубъектности, которая соответствует потребности языка маркировать в глаголе множественность субъекта, в том числе стаю, стадо или табун животных. Основная формальная особенность исследуемых калмыцких глаголов заключается в распределении показателей множественности глагольного субъекта. Мультисубъектность в калмыцком языке имеет три способа выражения, два из которых — показатель глагольной множественности *-цха / -цхэ* и показатель реципрока *-лд* — встретились в глаголах, обозначающих звуки животных, причем наиболее частотным оказался суффикс реципрока. Третий показатель мультисубъектности, маркер так называемого социатива *-лу*, не обнаружился ни разу.

Что касается семантики, в калмыцком языке есть необычные объединения животных, которые характеризуются одним и тем же глаголом звука. В такие объединения входят овца и кошка в одном случае, свинья и кошка — в другом, лягушка и ворона — в третьем, и т. д. Животные группируются по сходству издаваемых звуков, причем, судя по полученным данным, для достаточно периферийных с точки зрения культуры животных — свиньи или кошки — приспосабливаются глаголы, прототипическим субъектом которых является человек (ср. *хоржснх* ‘храпеть (о человеке) / хрюкать / мурлыкать’, подробнее см. раздел 3.2) или другое животное, более центральное с точки зрения культуры (ср. *мээлх* ‘блеять / мяукать’, см. раздел 2.3).

Если речь идет о сдвиге значения, нас будет интересовать собственно перенос (исходное и целевое значения), при отсутствии же смыслового сдвига — вопрос о том, распространяется ли прямое значение только на животных или же описывает также людей и неодушевленные объекты. Последний вариант бывает сложно отличить от глагола, который реализует возможность метафоризации. В таких случаях мы ориентируемся на интуицию носителей. Наконец, при сдвиге значения нам будет важно его направление — от животного к человеку или наоборот.

Рассмотрим эти формальные и семантические признаки поля более подробно.

1.2. Возможность самостоятельного употребления в прямом значении

Как уже было сказано, три глагола из нашего списка не могут употребляться самостоятельно в прямом значении:

- *цуурдх* ‘протяжно ржать’;
- *яңих* ‘заливисто лаять’;
- *һаңных* ‘визжать’ (о собаке).

Эти глаголы выступают в синтаксически подчиненной позиции по отношению к глаголу с более общей семантикой. Так, *цуурдх* ‘протяжно ржать’ всегда встречается вместе с *инцхэх* ‘ржать’:

- (1) *Тоһстн* *күзу-тэ* *хоңһр* *һалзн* *мөрн* (...)
 павлин шея-сос саврасый с.белой.полосой.на.лбу лошадь
хойр *тал-ан* *цоңн-ад,* *цуурд-ад*
 два сторона-Р.REFL наострить.уши-СV.ANT протяжно.ржать-СV.ANT

иницхэ-чк-эд, (...) саңна-һар-н наад-в.
 ржать-COMPL-CV.ANT челка-INSTR-P.REFL играть-PST

‘Саврасая, с белой полосой на лбу и шеей, как у павлина, лошадь наострила уши, **протяжно проржала** и стала играть челкой’.

Глаголы *яңиш* ‘заливисто лаять’ и *һаңньх* ‘визжать’ не могут употребляться без *хуцх* ‘лаять’:

(2) *Ноха яңиш-ад хуц-эжа-на*
 собака заливисто.лаять-CV.ANT лаять-PROGR-PRS

‘Собака **заливисто лает**’.

(3) *Му ноха дээс-ө үз-х-эс урд һаңнь-эж хуц-дг.*
 плохой собака враг-ACC видеть-PC.FUT-AVL раньше визжать-CV.IPFV лаять-PC.NAV

‘Плохая собака (**визгливо**) **лает**, еще не видя врага’ (пословица).

1.3. Способы выражения мультисубъектности

Как уже отмечалось, из калмыцких показателей мультисубъектности наиболее частотным для глаголов звуков животных является суффикс реципрока *-лд*. В статье С. Оскольской (2009) о глагольной множественности в калмыцком языке упоминается реципрокально-социативная полисемия показателя *-лд*, которая позволяет глаголам с этим суффиксом обозначать просто множественный субъект. Полученный нами материал подтверждает данные о наличии у показателя, традиционно считавшегося взаимным залогом (реципроком), социативного значения, но вносит небольшое уточнение. По-видимому, для соответствующих ситуаций важно не просто одновременное присутствие субъектов выполнения действия в одном месте, а представление о них в этот момент как о некоторой общности (ср. стадо, стая, табун):

(4) *Хулси хаша-д даар-ад хон-си өлн*
 камыш загон-DAT мерзнуть-CV.ANT ночевать-PC.PST голодный
үкр-мүд мөөр-лд-эд һар-ч өг-х-ш.
 корова-PL мычать-RECP-CV.ANT выходить-CV.IPFV давать-PC.FUT-NEG

‘Ночевавшие в камышовом загоне голодные и замерзшие коровы **мычат** и не выходят’.

(5) *Маңһдур-т-нь Бата ик эрт бос-ад, (...)*
 завтра-DAT-P.3SG/PL бата большой рано вставать-CV.ANT
жэирг-лд-си боғшурһа-с-ин ду-ө чиңн-эд,
 щебечущий-RECP-PC.PST воробей-PL-GEN звук-ACC слушать-CV.ANT
теег-эн темц-в.
 степь-P.REFL направляться-PST

‘На следующий день Бата встал очень рано, послушал воробьиный **щебет** и **направился** в степь’.

Такая особенность совместности обсуждалась в Зализняк, Шмелев 1999: «Совместное действие отличается от одинаковых действий двух (или более) людей — даже производимых одновременно и в одном месте — тем, что действия, производимые этими людьми, концептуализуются как части одного общего дела» (например, постройки дома). В случае с животными определяющим фактором является не концептуализация выполняемых действий как общего дела, а представление множества участников ситуации как общности, члены которой связаны друг с другом более или менее устойчивыми отношениями.

Если животные находятся в одном и том же месте, но разобщены и не могут сбиться в стаю, как, например, собаки на собачьей выставке (каждая в своей клетке), то будет употреблен не показатель реципрока, а суффикс глагольной множественности *-цха / -цхэ*:

- (6) *Ноха-с хуц-цха-на.*
 собака-PL лаять-V.PL-PRS
 ‘Собаки лают’.

Обратим внимание, что маркер реципрока с глаголом *хуцх* возможен не только тогда, когда упоминается стая собак, в которой животные лают друг на друга или все вместе на один и тот же объект, привлечший их внимание, но и в своего рода локативном контексте, когда речь идет о собаках одной местности (например, улицы или села), которые лают по ночам. В этом случае они также оцениваются как принадлежащие к одной общности.

2. Прямые значения

В этом разделе наши 24 глагола описываются с точки зрения того, насколько они специализированны, т. е. обозначают ли они звуки, издаваемые одним животным, или совпадают в своей семантике крики нескольких разных зверей. Распределение неравное: специализированных глаголов меньше трети (о них мы расскажем в подразделе 2.1), большую часть составляют глаголы, объединяющие звуки разных представителей животного мира. Такие объединения могут строиться как на базе сближения по виду и функции — ср. крупные птицы или хищники (см. 2.2), так и на основе чисто акустического сходства — в этом случае общей лексемой могут описываться совсем далекие с биологической точки зрения виды (см. 2.3).

2.1. Один глагол — одно животное

В основном «собственные» глаголы имеют домашние животные — из прочих таким «выделенным статусом» обладают только голуби, для звуков которых в калмыцком есть особая идеофонная конструкция *гуг-гуг гих* ‘ворковать’. Среди домашних специальной лексемой описываются четыре животных: корова, лошадь, верблюд и собака, при этом большинство из них (лошадь, верблюд, собака) оказываются настолько значимы (в логике Анны Вежбицкой 1985, см. подробнее Главу 1 настоящей монографии), что

для них в языке используется два или даже три глагола. В типологической перспективе обращает на себя внимание отсутствие специализированного глагола для кошки. Итак, перечислим лексемы, относящиеся к звукам «выделенных» домашних животных:

- а. мычание **коровы**, а также быка, вола и теленка обозначается глаголом *мөөрх* ‘мычать’ (пример 4);
- б. ржание **лошади** обозначается двумя глаголами: *инцхэх* ‘ржать’ и *цуурдх* ‘протяжно ржать’ (пример 1);
- в. **верблюжий** рев обозначается двумя полноправными глаголами *хэркрх* и *буульх*:

- (7) *Тат-эж хар-сн шар ат-на /*
 тянуть-CV.PFV выходить-PC.PST желтый верблюд.самец-GEN
тавг-нь шаркр-эж хэркр-нэ!
 пятка-Р.3SG/PL болеть-CV.PFV реветь-PRS

‘Желтый самец верблюда, которого вытянули, **ревет**, (потому что) у него болит нога’.

- (8) *Темэн ги-дг мал-нь / (...) бууль-ш уга ботх-та*
 верблюд говорить-PC.HAB животное-Р.3SG/PL реветь-PC.FUT NEG верблюжонок-SOC
 ‘Животное под названием верблюд, с верблюжонком, который **не издаст звуков**’.

Различие между *хэркрх* и *буульх* состоит в интенсивности: *хэркрх*, по-видимому, обозначает более сильный звук (ср. рев от боли), в то время как *буульх* — более нейтральный.

- г. Звуки, издаваемые **собакой**, описываются глаголами *гиңиш* ‘скулить’, *яңиш* ‘заливисто лаять’, *һаңньх* ‘визжать’. Отдельно мы рассмотрим неспециализированную лексему *хуцх* ‘лаять’, которая объединяет животных разных видов, см. раздел 2.3.

2.2. Обобщающие глаголы: сходство по виду животного

2.2.1. Птицы

Звук, издаваемый относительно **крупными птицами** (гусьями, голубями, журавлями и т. д.), задается глаголом *доңһдх*, который, в зависимости от контекста, может быть переведен на русский как *гоготать*, *ворковать*, *курлыкать* и т. д.:

- (9) *Үвл өңгр-эд, (...) һазр харл-ад, һалу-д,*
 зима умирать-CV.ANT земля чернеть-CV.ANT гусь-PL
шову-д доңһд-лд-ад хавр бол-в.
 птица-PL кричать-RECP-CV.ANT весна становиться-PSY

‘Зима прошла, земля почернела, **закричали** гуси, птицы, и наступила весна’.

Любопытно, что в редких случаях этот глагол может также уточнять значение глагола *мөөрх* ‘мычать’:

- (10) *Гев-генткн (...) шар- цоохр үкр өмн-эс-нь*
 совершенно-неожиданно желтый пестрый корова перед-ABL-Р.3SG/PL

зөр-жэ *харһ-ад,* *өөр-нь*
идти.навстречу-CV.IPFV встречать-CV.ANT рядом-P.3SG/PL

ир-жэ *доңһд-н* *мөөр-в.*
идти-CV.IPFV кричать-CV.MOD мычать-PST

‘Совершенно неожиданно навстречу ему вышла желто-пестрая корова, подошла к нему и **промычала / стала прерывисто мычать**’.

Последний пример наводит на мысль, что *доңһдх*, подобно *хоржэһнх* или *чишкх*, о которых подробнее речь пойдет ниже, может обозначать не звук животного, а качество звука — а именно, его дискретность. Тем не менее, опираясь на интуицию носителей, мы рассматриваем этот глагол как птичий, а его значение в примере (10) как окказиональное.

Щебет *мелких птиц* (воробьев, жаворонков) описывает глагол *жэиргх*, наряду с которым встречается идеофонная конструкция (*жэир-жэир* + *Ваих ги- ‘говорить’*) с тем же значением:

(11) *Зуг* *тед-нэ* *жэирг-эд* *дуул-лд-сн* *жэирһл-ин-нь* *айс,*
но они-GEN щебетать-CV.ANT петь-РЕСР-РС.PST жизнь-GEN-P.3SG/PL мелодия
«жэир-жэир» *ги-жэ* *өрүн* *маңһар* *дүүрг-нэ*
IDF говорить-CV.IPFV утро мираж наполнять-PRS

‘Однако, **исполненная** ими (жаворонками) мелодия жизни наполняет **щебетом** утренний мираж’.

Отметим, что к вспомогательному глаголу *ги-* может присоединяться суффикс реци-прока.

Еще одна идеофонная конструкция — *һаңһр-гуңгр ги-* — описывает переключку *перелетных птиц*:

(12) *Һалу-д,* *тоһру-д* *һаңһр-гуңгр* *ги-лд-эд* *нис-цхэ-нэ*
гусь-PL журавль-PL IDF говорить-РЕСР-CV.ANT лететь-V.PL-PRS

‘Гуси, журавли летят, **переключаясь**’.

2.2.2. Хищники

Глагол *күркрх* ‘рычать’ может употребляться по отношению к тиграм, львам, а также собакам:

(13) *Анычар* *гүү-жэ* *ир-эд,* *энү-нэ* *бааһн* *эз-инь*
Анычар бегать-CV.IPFV приходит-CV.ANT этот-GEN молодой хозяин-P.3SG/PL
уурл-жэ *күркр-д-мн.* *бичэ* *көндэ-ө* *ги-жэ* *нан* *тал*
сердиться-CV.IPFV рычать-РС.HAB-AFF NEG.IMP трогать-IMP говорить-CV.IPFV 1SG сторона

‘Анычар² прибежал, сердился, что я дерусь с его молодым хозяином, **рычал** на меня’.

² Кличка собаки.

Лексема *оркрх / орклх* ‘реветь’ объединяет хищников — львов, медведей. Кроме того, в сфере действия данного глагола, по-видимому, попадает бык. Примеров на «животное» значение данного глагола в корпусе найти не удалось, однако информанты его подтверждают:

- (14) *Модн дунд-ас аю хар-ч ир-эд оркр-на*
 дерево середина-AVL медведь выходить-CV.PFV приходит-CV.ANT реветь-PRS
 ‘Из лесу выходит медведь и **ревет**’.

2.2.3. Насекомые

Общими для насекомых глаголами являются *жшигх* и *зиигх*, они могут обозначать жужжание, стрекот и т. п. Судя по корпусным данным и мнению информантов, эти глаголы во многих случаях взаимозаменяемы, тем не менее, в корпусе обнаружилось два примера, где осиное жужжание соотносится с глаголом *зиигх*:

- (15) *Өкэр зөг — бичкәхн нисәч зииг-на*
 милотвидный оса маленький летун жужжать-PRS
 ‘Маленькая хорошенькая оса **жужжит**, летая’.

Между тем, комар, муха, жук и сверчок, как кажется, чаще описываются лексемой *жшигх*:

- (16) *Аралж-на гәлм-д өдр-әр-нь тор-сн ик*
 паук-GEN сеть-DAT день-INSTR-P.3SG/PL попадаться-PC.PST большой
хар батхн бәә-жә-һәд- бәә-жә-һәд
 черный муха быть-PROGR-CV.ANT быть-PROGR-CV.ANT
күгдл-әд «3-3-3» ги-һәд жшиг-әд бәә-на.
 пытаться.освободиться-CV.ANT IDF говорить-CV.ANT жужжать-CV.ANT быть-PRS
 ‘Попавшая днем в паутину большая черная муха время от времени начинала биться в попытках освободиться и **жужжала**’.

2.3. Обобщающие глаголы: сходство по звуку животного

Глагол *мәәлх* передает бляенье овец и коз, а также мяуканье кошки.

- (17) *Үкр-мүд-ин аю дах-ад хө-д мәәл-лд-әд*
 корова-PL-GEN направление следовать-CV.ANT овца-PL бляеть-RECP-CV.ANT
шуг-шуг ги-һәд ташу бүрк-әд тарва-һад
 IDF говорить-CV.ANT склон покрывать-CV.ANT рассеиваться-CV.ANT
шилжр-әд од-в.
 удалиться-CV.ANT уходить-PST

‘Копируя поведение коров, овцы громко **збляели**, разбрелись по всему склону и скрылись из виду’.

- (18) *Харһн-ад* *үк-чэ-сн* *миис-мүд* *мээл-цхэ-нэ.*
 быть.голодным-CV.ANT умирать-PROGR-PC.PST кошка-PL мяукать-V.PL-PRS
 ‘Голодные кошки **мяукают**’.

Как мы видим, показатель реципрока может появляться в глаголе *мээлх*, когда речь идет о стаде овец или коз, но вероятность его появления при субъекте-кошке, даже если описываются звуки несколько особей, мяукающих одновременно, мала. Носители калмыцкого языка считают, что *мээлх* прототипически означает ‘блеять’, а значение ‘мяукать’ оценивают как вторичное.

Глагол *уульх* ‘выть’ объединяет волка и собаку — аналогичная модель совмещения представлена и в русском языке:

- (19) *Чон ууль-сн э хар-в.*
 волк выть-PC.PST звук выходить-PS
 ‘Послышался волчий **вой**’.

Звукоподражательные глаголы *бээгх* или *бэркрх* ‘каркать, квакать’ могут описывать ворону или лягушку:

- (20) *Теег-ин хар керэ-с, тенд, энд-эс нис-лд-эц ир-эд, (...)*
 степь-GEN черный ворона-PL там тут-ABL летать-RECP-CV.IPFV прийти-CV.ANT
буу-лд-ад бээг-лд-эц юм чоңк-с-нь үз-гд-нэ.
 спустаться-RECP-CV.ANT каркать-RECP-CV.IPFV что клевать-PC.PST-P.3SG/PL видеть-PASS-PRS
 ‘Степные черные вороны прилетели отовсюду, **каркая**, сели и как будто что-то клюют’.

Ср. также поговорку с участием глагола *бэркрх*: *Байрлсн керэ бэркрдг юмн* ‘обрадованная ворона **каркает**’ (употребляется по отношению к человеку, плачущему от радости).

- (21) *Би, бээг-дг меклә...*
 я квакать-PC.NAV лягушка
 ‘Я, лягушка-**квакушка**’ (из перевода сказки «Теремок»)

Лексема *хоржснх* совмещает в своей семантике звуки свиньи и кошки — ‘хрюкать’ и ‘мурлыкать’. «Животные» значения этого глагола, по-видимому, не являются прототипическими, подробнее см. 3.2.

Субъектами звука, описываемого глаголом *хуцх* ‘лаять’, могут выступать собака, лиса и хорек:

- (22) *Ноха-с хуц-ад, терг-д-ин э хар-в...*
 собака-PL лаять-CV.ANT телега-PL-GEN звук выходить-PS
 ‘Собаки **залаяли**, слышались звуки телег’.
- (23) *Курн хуц-хла, му йор-та юмн...*
 хорек лаять-CV.SUCC плохой примета-соч что
 ‘Если хорек **издает звуки** (букв.: «лает»), это плохая примета’.

Кроме того, обнаружился любопытный факт, касающийся связи лексемы *хуцх* с зоной птиц, а именно, с кукушкой. В принципе, крик кукушки, как и других крупных птиц, передается в калмыцком глаголом *доңһдх* (см. раздел 2.2.1), однако, согласно словарю, одно из малоупотребительных и практически неизвестных названий кукушки — *эргин хуцдг* (букв. «лающая на берегу») — задействует как раз лексему *хуцх*. Такое обозначение может быть калькой с другого языка либо продуктивной некогда моделью табуирования животных (хабитуальное причастие с модификатором).

3. Звуки животных как звуки людей и артефактов

В этом разделе мы рассмотрим две группы лексем. Первая группа — глаголы, для которых характерен явный метафорический сдвиг из зоны животных в зону человека или артефактов. Это проявления агрессии (3.1.1) и разного рода плач (3.1.2–3.1.4), а также пение и игра на музыкальных инструментах (3.1.5–3.1.6), звук скрежета тормозов, писка приборов или свиста быстродвигающихся объектов (3.1.7). Вторая — глаголы, которые оцениваются носителями как общие для животных, людей и неодушевленных объектов, без (метафорического) переноса значения.

3.1. Метафорические сдвиги «животное → человек³ / артефакт»

3.1.1. Результат переноса значения глагола *хуцх* ‘лаять’, как и во многих языках, связан с речевым проявлением **агрессии**:

а. огрызаться

(24) *Ахлач-ин кел-с-иг өмн-эс-нь*
начальник-GEN говорить-PC.PST-ACC перед-ABL-P.3SG/PL

хуц-л уга күцэ-х кергтэ
лаять-CV.MOD NEG выполнять-PC.FUT нужно

‘Приказ начальника нужно выполнить **без пререканий**’.

б. браниться (с показателем реципрока)

(25) — *Хэй, Алтха, кен-лэ хуц-лд-ад бэд-нэ-ч?*
эй, Алтха, кто-СОМ лаять-RECIP-CV.ANT быть-PRS-2SG

‘Эй, Алтха, с кем ты **ругаешься**?’

³ Заметим, что метафорический сдвиг, в принципе, может быть направлен и в обратную сторону — тогда он связан с более стандартным процессом «очеловечивания» животных, наделения их свойствами и эмоциями, характерными для человека. Ср., например, глагол *уульх*, описанный в разделе 2.3 как обычный (не поэтический) глагол для обозначения волчьего или собачьего воя: носителями он оценивается в первую очередь как лексема с семантикой ‘плакать’ (о человеке).

в. агрессивная речь

- (26) *Сальск округ-ин СД-н толһач (...) ноха-н дуу-һар хуц-в:*
 Сальск округ-GEN СД-GEN руководитель собака-GEN ГОЛОС-INSTR лаять-PST
Алдр Германь-д, алдр фюрер-т цергел-ш-го-һар
 великий Германия-ДАТ великий фюрер-ДАТ служить.В.армии-PC.FUT-NEG-INSTR
сед-си күү-г бидн дор орм-д-нь
 хотеть-PC.PST человек-ACC мы низ место-ДАТ-Р.3SG/PL
ха-жэ ал-х зөвтэ-видн!
 выстрелить-CV.IPFV убить-PC.FUT должен-1PL

‘Руководитель СД по Сальскому округу [Шваб] **пролаял**: «Тех, кто не хочет слушать великой Германии, великому фюреру, мы должны расстрелять на месте»’.

Метафора в этом примере, обнаруженном в корпусе, вероятно, окказиональна, ее значение связано с восприятием немецкого языка в определенном ситуативном контексте.

3.1.2. Метафорический сдвиг глагола *гиңицх* ‘скулить’ идентичен сдвигу значения русского *скулить* и означает ‘**хныкать, жаловаться**’:

- (27) *Чи оньдин сурһуль сур-на-в ги-һэд гиңиц-эд*
 ты всегда учеба учить-PRS-1SG говорить-CV.ANT скулить-CV.ANT
йов-дг бил-ч.
 ходить-PC.NAV быть.PST-2SG

‘Ты ведь всегда **скулил**, что хочешь учиться’.

3.1.3. *Бэркх* ‘квакать, каркать’ при метафорическом переносе означает **плач новорожденного**:

- (28) [*Бата-д*] *бичкн өкэр көвү-нь өмн-нь*
 Бата-ДАТ маленький милостивый мальчик-Р.3SG/PL впереди-Р.3SG/PL
үз-гд-эд, бэркр-эд ууль-си бол-ад...
 видеть-PASS-CV.ANT квакать-CV.ANT плакать-PC.PST становится-CV.ANT

‘Перед глазами Баты стоял образ его **плачущего** (новорожденного) сына...’

Перенос с тем же результирующим значением характерен для семантически близкого глагола *бээгх* ‘квакать, каркать’:

- (29) *Бээг-лд-эд ууль-лд-си нилх-с-ин*
 квакать-RECP-CV.ANT плакать-RECP-PC.PST новорожденный-PL-GEN
ду-д соңс-гд-ла
 ГОЛОС-PL слышать-PASS-WIT.EVID

‘Были слышны голоса **плачущих** новорожденных’.

Другое переносное значение глагола *бээгх* ‘квакать, каркать’ относится к **сигналу автомобиля**, который оценивается как надоедливый:

- (30) *Мана-хн-а* *маши-д* *бол-хла* *мел* *бээг-лд-эд,*
 мы.GEN-ASSOC-GEN машина-PL становиться-CV.SUCC совсем квакать-RECP-CV.ANT
чишк-лд-эд *йов-на.*
 визжать-RECP-CV.ANT идти-PRS

‘А наши машины только **прерывисто** и пронзительно **гудят**’.

3.1.4. *Мээлх*, исходно описывающий бляенье овец и коз, а также мяуканье кошки, при переносе приобретает значение женского или детского **жалобного плача**:

- (31) *Эн* *ууль-жс-* *мээл-жс* *йов-х* *куук-д* *дунд-ас*
 этот плакать-CV.IPFV бляеть-CV.IPFV идти-PC.FUT девочка-PL середина-ABL
һанцхн *Абуля-н* *нүдн* *хүүрә.*
 единственный Абуля-GEN глаз сухой

‘Среди этих **жалобно** плачущих детей / девушек только у Абули сухие глаза’.

3.1.5. Еще один «лающий» глагол — *яңих* ‘заливисто лаять’, может иметь переносное значение длительного и громкого речевого акта, например, **чтения молитв или пения**:

- (32) *Ном* *яңи-с-на* *хөөн* *сурһ-ан* *экл-в.*
 молитва заливисто.лаять-PC.PST-GEN после опрос-P.REFL начинать-PST

‘После **чтения** молитвы начался опрос’.

- (33) *Йондна* *Канур* *яңи-ад* *ир-в!*
 Ендонов Канур заливисто.лаять-CV.ANT приходиться-PST

‘[Гляди-ка,] Ендонов Канур **запел**’.

Напомним, что особенностью этого глагола в прямом значении была неспособность выступать без лексемы *хуцх* ‘лаять’ (см. 1.2). В переносном значении, как видно из примеров (32–33), *яңих* приобретает способность к самостоятельному употреблению.

3.1.6. Глагол *доңһдх*, обозначающий звуки крупных птиц, имеет довольно предсказуемое переносное значение — **пение и игру на музыкальных инструментах**. Кроме того, данная лексема может использоваться для описания сигнала, издаваемого паровозом, пароходом:

а. пение

- (34) *Эн-тн* *бол-хла* (...) *өдр-ин* *дуусн*
 этот-2PL становиться-CV.SUCC день-GEN в.течение
доңһд-ад *дуул-ад* *йов-дс*
 кричать-CV.ANT петь-CV.ANT идти-PC.HAV

‘Он целыми днями что-то **напевает**’.

б. звук музыкального инструмента / оркестра

- (35) *Бүшкүр-эр-н* *бүшкүрч* *доңһд-ад* *орк-хла,*
 горн-INSTR-P.REFL горнист кричать-CV.ANT класть-CV.SUCC

ахицер-мүд: «*Чашик-ан* ил *һар-һ-тн,*
офицер-PL шашка-P.REFL открытый выходить-CAUS-IMP.PL

марш-марш-ар хатр-тн!»
марш-марш-INSTR бежать-IMP.PL

‘После сигнала горна офицеры (кричат): «Вытащите шашки и бегом марш!»’

в. сигнал, издаваемый паровозом, пароходом:

- (36) *Эн кем-д паровоз доңһд-ад, вагон-муд-ын*
этот промежуток-DAT паровоз кричать-CV.ANT вагон-PL-GEN
төгә-с көндр-эд, эшелон ут хаалһ-д-ан ор-в.
колесо-PL шевелиться-CV.ANT эшелон длинный дорога-DAT-P.REFL входить-PST

‘В этот момент паровоз издал гудок, колеса вагонов тронулись, эшелон начал свой длинный путь’.

3.1.7. *Жуижх* ‘жужжать’ в результате сдвига приобретает два значения:

а. издавать **скрежет / писк**

- (37) *Ут бел-тә, улан цоохр трамвай төгә-с-ар-н*
длинный подошва-SOC красный пестрый трамвай колесо-PL-INSTR-P.REFL
төмр хаалһ-ан ниткр-эд жуиж-эд зогс-в.
железный дорога-P.REFL растирать-CV.ANT жужжать-CV.ANT стоять-PST

‘Красно-пестрый трамвай с длинной (тормозной) колодкой остановился **со скрипом**’.

б. **быстро двигаться, мчаться**

- (38) *Шавхаг-нь буу-һин сумн кевтә ар бий-д-нь жуиж-в.*
следы.лошад.копыт-P.3SG/PL ружье-GEN пуля как зад REFL-DAT-P.3SG/PL жужжать-PST

‘Комки грязи, приставшие к копытам лошади, **отлетали** назад, как пули’.

Замечание

В калмыцко-русском словаре упоминается еще два перехода: для конструкции *һаңһр-гүңгс* ‘перекликаться (о перелетных птицах)’ указано второе значение ‘разговаривать, беседовать’, а для глагола *цуурдх* ‘протяжно ржать’ — перевод ‘играть на дудке’. Однако нам не удалось подтвердить эти значения ни данными корпусов, ни полевыми исследованиями.

3.2. Обобщение значений без метафорического сдвига

Лексемы *чиижх* ‘визжать’ и *оркрх* (*оркль*) ‘кричать / реветь’, по-видимому, не могут быть описаны как глаголы, для которых характерен метафорический сдвиг. Субъектом при этих предикатах могут быть как животные, так и люди, при этом сами глаголы обозначают, скорее, качество звука — высокий и пронзительный в случае с *чиижх* и громкий — в случае с *оркрх*:

- (39) *Гев-генткн* *буу-хин* *дун* «*таш*» *ги-в*,
 совершенно-неожиданно ружье-GEN голос IDP говорить-PST
бичкн *күүк-д-ин* *дун* *чишк-сн* *бол-ад* *од-в*.
 маленький девочка-PL-GEN голос визжать-PS.PST становится-CV.ANT уходить-PST
 ‘Совершенно неожиданно раздался ружейный выстрел, послышался детский **визг**’.
- (40) *Хот-на* *тус* *өмн* *бий-эс* *нег* *мөр-тэ* *күн* *гүлдэ-гүлдэ*
 хотон-GEN напротив перед REFL-ABL один лошадь-SOC человек IDP
зүүл-эд, *мөрн* *деер-эн* *хая-хая* *оркл-ад*,
 заблудиться-CV.ANT лошадь верх-P.REFL редко кричать-CV.ANT
ор-ад *ир-жэ* *йов-на*.
 входить-CV.ANT приходить-CV.IPFV идти-PRS
 ‘К хотону (селу) прямо со стороны въезда трусцой подъезжает всадник, изредка **покрикивая** на лошадь’.

Глагол *хоржэңнх* ‘храпеть / хрюкать / мурлыкать’ характерен в большей степени для людей (ср. сноску 3 о глаголе *уульх* ‘плакать / выть’); он также используется для обозначения журчания воды. Очевидно, что во всех ситуациях глагол описывает акустически похожие звуки. В примере (41) представлено, вероятно, прототипическое значение глагола — ‘храпеть’ (о человеке). В (42) присутствует слово *ручей*, образованное от *хоржэңнх*.

- (41) *Тер* *хоорнд* *Муузра* *хоржэңн-ад* *унт-ад* *од-в*.
 тот пост Муузра храпеть-CV.ANT спать-CV.ANT уходить-PST
 ‘В это время Муузра уснул, **захрапел**’.
- (42) *Үвл* *өңгр-эд*, *сала-судл* *хоржэңнур-муд-ар* *усн* *гүү-һэд*,
 зима умирать-CV.ANT ложбина ручей-PL-INSTR вода бежать-CV.ANT
һазр *харл-ад*, (...) *хавр* *бол-в*
 земля чернеть-CV.ANT весна становится-PST
 ‘Зима прошла, по ложбинам побежали **ручьи**, земля почернела, наступила весна’.

4. Заключение

Резюмируя результаты данного исследования, можно выделить некоторые особенности калмыцкого языка в отношении глаголов, обозначающих звуки животных.

Во-первых, для калмыцкого языка естественно специальным образом выделять совокупность животных — стаю, стадо, табун и т. д. Такие совокупности особей обозначаются показателем реципрока *-лд*, а просто множества — показателем глагольной множественности *-цха / -цхэ*.

Во-вторых, бóльшая часть калмыцких глаголов звука объединяет разные виды животных. Чаще всего это объединение по видовой близости, когда один и тот же глагол обозначает звуки всех крупных птиц или всех хищников, включая собак, или всех насекомых и проч. Однако очень распространено в калмыцком и объединение по сходству

самого звука, который издают животные, не имеющие между собой почти ничего общего: ср. крик вороны и лягушки, овцы и кошки и проч.

В-третьих, заметно и значимо, с одной стороны, отсутствие в калмыцком специальных глаголов звука для кошачьего мяуканья и хрюканья свиней, которое выдает периферийность этих животных в калмыцкой культуре, а с другой — наличие сразу нескольких звуковых глаголов для лошадей, собак и верблюдов. Они составляют центр изучаемой нами категории, которая, надо сказать, по сравнению со многими другими языками очень богата: 24 глагола — и, возможно, это еще не исчерпывающий список. В частности, не все словарные значения пока подтверждены информантами.

В-четвертых, для грамматически правильного построения предложения на калмыцком языке оказывается существенным тот факт, в прямом или переносном значении употреблены некоторые глаголы (*цуурдх* ‘протяжно ржать’, *яңих* ‘заливисто лаять’, *һаңньх* ‘визжать <о собаке>’). В прямом значении данные глаголы не могут употребляться без глагола более широкой семантики (*инцэх* ‘ржать’, *хуцх* ‘лаять’), в переносном же они, по-видимому, способны выступать самостоятельно (были обнаружены примеры только для глагола *яңих*).

Наконец, переносные значения тоже очень разнообразны — и количественно, и качественно. Хорошо представлены переносы как в зону людей, так и в зону артефактов, причем центральные глаголы, соответствующие звукам коров, лошадей и верблюдов, не задействованы в качестве основы для семантических сдвигов. Самыми продуктивными источниками метафор оказываются собаки и птицы. В целом представленная в калмыцком разветвленная система противопоставлений, богатая и в отношении семантических переходов, отражает тесные связи поля человеческих звуков со звуками животных, артефактов и природных объектов — однако, помимо метафор, в калмыцком есть глаголы, которые нетривиальным образом объединяют эти семантические зоны, не предполагая перехода из одной в другую (ср. *хоржэңих* для ‘храпеть’ — ‘хрюкать/мурлыкать’ — ‘журчать’).

Список условных сокращений

1PL — 1 л. мн. ч., 1SG — 1 л. ед. ч., 2PL — 2 л. мн. ч., 2SG — 2 л. ед. ч., AVL — аблатив, ACC — аккумулятив, AFF — подтвердительная частица, ASSOC — ассоциативная множественность, CAUS — каузатив, COM — комитатив, COMPL — комплетив, CV.ANT — разделительное деепричастие, CV.IPFV — соединительное деепричастие, CV.MOD — слитное деепричастие, CV.SUCC — условное деепричастие, DAT — датив, GEN — генитив, IDF — идеофон, IMP — императив, IMP.PL — императив мн. ч., INSTR — инструменталис, NEG — отрицание, NEG.IMP — прохибитив, PASS — пассив, P.2PL — посессив 2 л. мн. ч., P.3SG/PL — посессив 3 лица, P.REFL — рефлексивный посессив, PС.FUT — причастие будущего времени, PС.HAB — хабитуальное причастие, PС.PST — причастие прошедшего времени, PL — множественное число, POST — послелог, PROG — прогрессив, PRS — настоящее время, PST — претерит, RECIP — реципрок, REFL — рефлексивное местоимение, SOC — социатив, V.PL — глагольная множественность, WIT.EVID — засвидетельствованная эвиденциальность.

Источники

Корпуса

Корпус калмыцкого языка: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru.

Национальный корпус калмыцкого языка: www.kalmcorpora.ru.

Словари

Калмыцко-русский словарь / Ред. Б. Д. Муниев. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. — 768 с.

Русско-калмыцкий словарь / Ред. И. К. Илишкин. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. — 803 с.

Языки Северного Кавказа

Глава 14. Глаголы звуков животных в бжедугском диалекте адыгейского языка

1. Введение

Адыгейский язык — один из адыгских языков абхазо-адыгской семьи, распространенный на юге России (в Краснодарском крае и Республике Адыгея), а также в некоторых областях Турции. В адыгейском выделяют несколько диалектов (абадзехский, шапсугский, бжедугский, темиргоевский и др.), один из которых — темиргоевский — лежит в основе литературного языка. В настоящей работе глаголы звуков животных будут рассмотрены на материале бжедугского диалекта, собранном в ходе летней лингвистической экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ 2014 года в аулы Нешукай и Вочепший (Республика Адыгея, Теучежский муниципальный район)¹.

В бжедугском диалекте адыгейского языка рассматриваемая нами семантическая зона представлена довольно слабо: экзотических животных и крупных хищников в Адыгее нет, а современное сельскохозяйственное производство становится совсем другим, чем раньше, так что многие глаголы звуков домашних животных информанты, особенно молодые, вспоминают с большим трудом.

Тем не менее, материал адыгейского языка, представляющий бедную систему, имеет бесспорный лингвистический интерес. Он дает возможность оценить, во-первых, минимальный круг субъектов-животных, которые релевантны для этой зоны, и во-вторых — способы возмещения лексических средств при сопоставлении богатой системы с бедной: например, при переводе с русского языка предложений, содержащих глагол звука, аналога которому в адыгейском языке нет.

2. Глаголы звуков животных: прямые употребления

В процессе анкетирования носителей бжедугского диалекта адыгейского языка нам удалось выявить всего 8 глаголов, попадающих в семантическую зону звуков

¹ Мы выражаем глубокую благодарность всем консультантам, терпеливо отвечавшим на наши вопросы, а также П. М. Аркадьеву, прочитавшему и снабдившему подробными и ценными комментариями первый вариант настоящей главы. Безусловно, ответственность за все ошибки и неточности несут исключительно сами авторы.

животных². Каждый из них соотносится с определенным субъектом или группой субъектов-животных, а вместе они задают минимальный набор (много меньше, чем обычно) лексикализуемых звуковых ситуаций: в него входят звуки собак и коров (2.1), кошек и мелких грызунов (2.2), лошадей (2.3), куриц и уток (2.4), петухов (2.5), овец и баранов (2.6), а также змей и насекомых (2.7).

2.1. Одна из центральных лексем в этом поле — глагол *haq^wən*, описывающий звуки, издаваемые **собаками** (см. примеры 1 и 2). При этом он охватывает сразу две ситуации, во многих языках противопоставляемые лексически: лай и рычание (ср. *лаять* vs. *рычать* в русском, *aboyer* vs. *gronder* во французском, *lajati* vs. *režati* в сербском).

- (1) *ʔeg^wə-m he-r leš-ew qə-š'ə-haq^wə-ʋ*
 двор-OBL собака-ABS сильный-ADV DIR-LOC-лаять-PST
s-je-neg^wəje zeg^werje ta-dəž' qa-k^we-ž'e
 1SG.ABS-DAT-предполагать кто-то 1PL.IO-возле DIR-идти-INS

‘Во дворе громко **залаяла** собака. Наверное, к нам кто-то идет’.

- (2) *t-jə-he ə-mə-šə-re çəf-xe-r z-jə-lev^wə-ž'e*
 1PL.PR-POSS-собака 3SG.PR-NEG-делать-CNV человек-PL-ABS REL.TMP-3SG.ERG-видеть-INS
a-š' mač'-ew awə š'ənak^w-ew haq^wə-n-ew r-j-e-ka-ž'e
 ТОТ-OBL тихий-ADV но опасный-ADV лаять-POF-ADV DAT-3SG.ERG-DYN-CAUS-начать

‘Когда наша собака видит незнакомых людей, она начинает тихо, но страшно **рычать**’.

Однако вой и высокий тихий звук, который издают собаки, когда им больно (ср. русск. *скулить*), описываются другими средствами. Для обозначения **воя** (как собак, так и волков) используется глагол *bəwən*, также имеющий значение ‘**мычать** (о корове)’ (см. примеры 3 и 4)³. А смысл ‘**скулить**’ передается с помощью глагола *pçewən*, описывающего, помимо этого, **мяуканье** кошек (пример 5).

- (3) *č'eš'ə-re təv^wəž-xe-r maze-m j-e-bəwə-x*
 ночь-DISTR волк-PL-ABS луна-OBL DAT-DYN-ВЫТЬ-PL

‘По ночам волки **воют** на луну’.

- (4) *te t-jə-č'em-a mə-r-ew leš-ew bəwə-re-r*
 что 1PL.PR-POSS-корова-Q ЭТОТ-ABS-ADV сильный-ADV мычать-CNV-ABS

² Для сравнения: в русском насчитывается порядка 50 глаголов звуков, во французском — около 45.

³ Такое объединение для нашей выборки уникально: оно не засвидетельствовано ни в одном другом из обследованных нами языков. Вероятно, оно основано на акустическом сходстве воя и мычания (и то и другое — громкий, протяжный и довольно высокий звук), но поскольку эта предполагаемая близость не подтверждается никакими другими языковыми данными, мы можем лишь оставить это утверждение на уровне гипотезы.

jə-š'ə-в^е *qe-sə-ве-п-ž'e* *jeneg^вəjav^е*
 3SG.ABS-ДОИТЬ-NML DIR-ДОСТИЧЬ-PST-ПОТ-INS вероятно

‘Это наша корова так громко **мычит**? Наверное, пора ее подоить’.

- (5) *se sə-mə-šə-x-ew* *hež^вəš'əre-m* *ə-лаq^е* *sə-tje-вəс-а-в*
 я 1SG.ERG-NEG-ЗНАТЬ-INC-ADV щенок-OBL 3SG.PR-лапа 1SG.ABS-LOC-ВСТАТЬ-LAT-PST
- əč'jə* *a-r* *qe-рґewə-в*
 и TOT-ABS DIR-СКУЛИТЬ-PST

‘Я случайно наступил щенку на лапу, и он **заскулил**’.

2.2. Если глагол *haq^вən* можно назвать «собачьим», то *рґewən*, несмотря на то, что он описывает в том числе скулящих собак, хочется считать «кошачьим». Если предъявлять носителям этот глагол без контекста и просить их составить с ним предложение, они придумывают примеры, в которых в качестве субъекта лексемы *рґewən* выступает **кошка**. И так же, как глагол *haq^вən* объединяет два акустически различных типа звуков, издаваемых одним и тем же животным — собакой (лай и рычание), глагол *рґewən* описывает разнородные звуки, издаваемые кошками: мяуканье и мурлыканье (примеры 6 и 7).

- (6) *ljestnjəca* *čevə-m* *š'-e-рґewə* *č'etwə* *čəк^вe-r*;
 лестница под-OBL LOC-DYN-мяукать кошка маленький-ABS
- š'e* *f-jə-ве-χ^вe-ве-п* *faje*
 молоко BEN-3SG.ERG-CAUS-ЛИТЬ-PST-ПОТ надо

‘Под лестницей **мяукает** котенок, надо налить ему молока’.

- (7) *se č'etewə-m* *ə-thak^вəm* *č'əb* *s-je-рґestχə-в*
 я кошка-OBL 3SG.PR-ухо сзади 1SG.ABS-DAT-царапать-PST
- əč'jə* *a-r* *jə-g^вap-ew* *qe-рґewə-в*
 и TOT-ABS POSS-удовольствие-ADV DIR-мяукать-PST

‘Я почесал кошку за ухом, и она **замурлыкала** от удовольствия’.

Тем же глаголом могут описываться звуки, издаваемые мышами и крысами (см. пример 8). При этом если фрейм мурлыканья примыкает к мяуканью на основе тождества субъекта звука, то мышиный писк и скуление собак охватываются тем же глаголом, по-видимому, на основе акустического сходства.

- (8) *mwež'e* *rjenew* *zəg^вere* *qə-š'-e-рґewə*
 здесь постоянно кто-то DIR-LOC-DYN-пищать
- sə* *zer-je-neg^вəje-re-m-ž'e* *səв^вe-xe-r* *q-jə-χ^вa-ве-x*
 я REL.MNR-DAT-предполагать-DYN-OBL-INS мышь-PL-ABS DIR-LOC-стать-PST-PL

‘Здесь все время кто-то **пищит**. Мне кажется, у нас завелись мыши’.

2.3. Отдельным глаголом *š'əš'ən* описывается **ржание лошадей**:

- (9) *š'hə-m* *meš^вek^вə-r* *ə-лев^вə-в* *əč'jə* *леš-ew*
 лошадь-OBL поезд-ABS 3SG.ERG-видеть-PST и сильный-ADV

qe-š'əš'ə-в *š'əne-m* *qə-xe-č'-'z'e*
 DIR-ржать-PST страх-OBL DIR-LOC-ВЫЙТИ-INS

‘Лошадь увидела поезд и громко **заржала** от страха’.

2.4. Для описания кудахтанья **куриц** используется глагол *qeqen*. Этим же словом может передаваться кряканье уток (теоретически это может быть связано с тем, что по-адыгейски ‘утка’ — *psəč'et*, букв. «водяная курица»).

(10) *ɣegʷə-m* *leš-ew* *š'ə-bərsəɾə-в:* *č'et-xe-r* *qaqe-tə-ve-x,*
 двор-OBL сильный-ADV LOC-буянить-PST курица-PL-ABS кудахтать-AUX-PST-PL
psə.č'et-xe-r *qaqe-tə-ve-x,* *tha.č'et-xe-r* *č'əjə-tə-ve-x,*
 вода.курица-PL-ABS кудахтать-AUX-PST-PL бог.курица-PL-ABS кричать-AUX-PST-PL
qaz-xe-r-jə *č'əjə-tə-ve-x,* *he-xe-r* *haqʷə-tə-ve-x*
 гусь-PL-ABS-ADD кричать-AUX-PST-PL собака-PL-ABS лаять-AUX-PST-PL

‘Во дворе все буянили: **кудахтали курицы, крякали утки, кричали индюки, гоготали гуси, лаяли собаки**’.

2.5. Как и во многих других языках, в бжедугском диалекте адыгейского разными средствами описываются кудахтанье куриц и крики петухов. Для описания **кукаре-нья петуха** в адыгейском используется глагол *ɣʷen*. Однако специальным глаголом звука, издаваемого петухами, его считать нельзя: он передает также значение ‘говорить (о людях)’, причем неясно, какое из этих двух употреблений следует считать исходным. Помимо этого, глагол *ɣʷen* может применяться для описания звуков некоторых других животных (например, осла), передавая тем самым общую звуковую семантику (ср. русск. *кричать*), однако за петухом он закреплен довольно устойчиво: по просьбе составить предложение с этим глаголом носители часто придумывают фразы, субъектом которых оказывается именно петух.

(11) *ɣataqə-r* *qə-z-e-ɣʷe-m* *se* *qə-z-gʷəɾəɣʷa-в* *nef*
 петух-ABS DIR-REL.TMP-DYN-кричать-OBL я DIR-1SG.ERG-понять-PST свет
qə-zere-šə-ve-r; *awə* *se* *ʒ'əɾjə* *sə-вʷelə-ž'ə-ka-в-ep*
 DIR-REL.FACT-цветать-PST-ABS но я еще 1SG.ABS-лечь-RE-PST-PST-NEG
sə-čəje-n-ew
 1SG.ABS-спать-POT-ADV

‘**Закукарекал** петух, и я понял, что уже наступило утро, а я еще не ложился спать’.

2.6. Еще одна лексема из бжедугского инвентаря глаголов звуков животных — *ɣʷejən* — описывает **блеяние баранов, овец и ягнят** (см. пример 12). Отдельного глагола для описания звуков, издаваемых козами, нам выявить не удалось. Более того, этот фрейм, по-видимому, является лакуной в исследуемом нами диалекте адыгейского: информанты испытывают серьезные затруднения при подборе соответствующей лексемы. Аналогичная ситуация — хрюканье свиней, для описания которого тоже нет специальных лексических средств. Вероятнее всего, это объясняется тем, что в аулах, которые мы посетили, местные жители не разводят ни свиней, ни коз.

- (12) *mə pč'edaž' se sə-qe-wəš'ə-в s-jə-šhank'əpč'e*
 этот утро я 1SG.ABS-DIR-проснуться-PST 1SG.PR-POSS-ОКНО
č'ek əbere mel-xe-r š'ə-ʔ'eja-xe-ze
 под долго овца-PL-ABS LOC-блеять-PL-CNV

‘Сегодня утром я проснулся от того, что у меня под окном долго **блеяли** овцы’.

2.7. Все рассмотренные нами лексемы касались звуков домашних животных⁴. Такие глаголы действительно составляют ядро данного семантического поля в бжедугском диалекте адыгейского языка. За его пределами нам удалось обнаружить лишь две лексемы: это *λəλəλ* (*λəλən*), передающая **шипение змей** (см. пример 13), и *пəпəп*, описывающая **жужжание комаров, мух, пчел** (см. пример 14). Оба слова имеют ярко выраженный звукоподражательный характер и находятся на пути перехода от междометия к глагольной лексеме. Так, они не всегда употребляются самостоятельно и часто требуют наличия дополнительного смыслового глагола *ʔ'ep* ‘говорить’.

- (13) *ble-r me-λəλə*
 змея-ABS DYN-шипеть
 ‘Змея **шипит**’.
- (14) *ə-s-thak'əm č'əʔ'ə djə bere baze-m пəпəп r-jə-ke-ʔ'a-в*
 POSS-1SG.PR-ухо сверху около долго муха-ОБЛ жужжание DAT-3SG.ERG-CAUS-говорить-PST
əč'jə bere sə-x-jə-ke-č'aja-в-ep
 и долго 1SG.ABS-LOC-3SG.ERG-CAUS-спать-PST-NEG
 ‘У меня над ухом долго **жужжала** муха и не давала мне заснуть’.

В таблице 1 представлена сводная информация о выявленных лексемах. Они описывают звуки, в основном, домашних животных, и нередки случаи, когда один глагол покрывает несколько типов ситуаций:

- А) звуки разных видов животных (ср. глаголы *bəwəп*, *qeqen*, *pčewəп*);
 Б) разные типы звуков, издаваемых одним животным (ср. *haq'əп*, *pčewəп*).

В первом случае объединение происходит на основе акустического сходства, во втором — по принципу тождества субъекта.

Таблица 1. Глаголы звуков животных в бжедугском диалекте адыгейского языка

	Глагол	Животные
1	<i>haq'əп</i>	собака
2	<i>bəwəп</i>	корова; волк, собака
3	<i>pčewəп</i>	кошка; мышь, крыса; собака
4	<i>š'əš'əп</i>	лошадь

	Глагол	Животные
5	<i>qeqen</i>	курица, утка
6	<i>ʔ'ejaп</i>	баран, овца
7	<i>λəλəλ</i>	змея
8	<i>пəпəп</i>	комар, муха, пчела

⁴ Лишь некоторые из них распространялись немного шире, захватывая и не-домашних животных, ср. глагол *pčewəп*, покрывающий не только мяуканье кошек, но и мышинный писк.

3. Метафорические переносы

В бжедугском диалекте адыгейского языка в поле глаголов звуков животных нам удалось выявить всего несколько случаев метафорических переносов. Во многом это связано с тем, что эта зона в исследуемом идиоме в принципе не очень богата лексически. Дополнительная сложность заключается в том, что из-за отсутствия представительного корпуса текстов очень сложно определить, насколько конвенциональным является то или иное употребление, иными словами, действительно ли пример, составленный информантом, иллюстрирует устоявшуюся метафору или же, напротив, демонстрирует окказионализм. В рамках настоящей работы мы приняли решение выделять переносное значение только в том случае, если соответствующие примеры были приведены более чем одним носителем.

Итак, в бжедугском диалекте адыгейского языка в зоне глаголов звуков животных было засвидетельствовано четыре типа семантических сдвигов:

- 1) в речевую зону;
- 2) в область качества голоса;
- 3) в зону звуков природных объектов;
- 4) в область физиологических звуков.

Первая группа переносов наиболее многочисленная: она включает три лексемы. Остальные типы представлены одним глаголом каждый.

В группу слов, способных формировать значения из зоны человеческой речи, входят лексемы *haqʷən*, *nənən* и *lələl*. Глагол *haqʷən*, исходно описывающий лай собак, может также передавать значение ‘ругаться’. Это достаточно распространенная метафора, она засвидетельствована, например, в русском, башкирском и коми-зырянском языках. В бжедугском адыгейском глагол *haqʷən* в переносном значении может относиться как к множественному, так и к единичному субъекту, см. примеры 15 и 16 соответственно (ср. также русск. *лаяться* — *Они долго лаялись* vs. *облаять* — *Соседка меня облаяла*).

- (15) *a-xe-r bere ze-haqʷə-ve-x*
 TOT-PL-ABS долго REC.IO-ЛАЯТЬ-PST-PL

‘Они долго **ругались** друг на друга’.

- (16) *dexewes jə-haqʷə-č'e s-fə-ze-xe-xə-ž'-t-ep*
 Дэхэос POSS-ЛАЯТЬ-NML 1SG.IO-BEN-REC.IO-LOC-СЛЫШАТЬ-RE-FUT-NEG

‘Я не могу больше слышать, как Дэхэос **ругается**’.

Лексема *nənən*, с помощью которой описывается жужжание насекомых, может выражать значение ‘ворчать, надоедать’ (см. пример 17). И, наконец, звукоподражание *lələl*, исходно использующееся для передачи шипения змеи, употребляется в значении ‘говорить тихо и злобно, сплетничать’ (пример 18). Подобные метафоры тоже типологически достаточно частотны (ср. коми-зырянский *зуугулу* ‘жужжать’ → ‘надоедать’; корейский *ing-ing-keli-ta* ‘жужжать, зудеть’ → ‘ныть с озлобленным видом (о ребенке)’, а также сербский *siktati* ‘шипеть (о змее)’ → ‘произносить со злостью’).

- (17) *a-zə-r* *še-re* *qa-p-ʔ^we-ze* *s-je-zeš'ə-ʋ*
 тот-один-ABS сто-DISTR DIR-2SG.ERG-сказать-CNV 1SG.IO-DAT-надоесть-PST
s-fə-ze-xe-xə-ž'-t-ep *wə-jə-nəpən*
 1SG.IO-BEN-REC.IO-LOC-слышать-RE-FUT-NEG 2SG.PR-POSS-жужжание

‘Одно и то же сто раз повторяешь, мне надоело слушать твоё **ворчание** (букв.: «жужжание»)’.

- (18) *λλλλ* *ə-ʔ^we-ze* *me-wəbe*
 шипение 3SG.ERG-говорить-CONV DYN-плохо.отзываться
 ‘Он(а) **сплетничает**’.

Все три только что рассмотренных нами случая семантических сдвигов основаны на одном и том же механизме: источником метафоры является не звук в чистом виде, издаваемый тем или иным животным, а целый комплекс, включающий модель поведения животного в тот момент, когда оно издает соответствующий звук, и коннотации, закрепленные за этим животным в данном языковом сообществе. Так, например, собака обычно лает не просто так, а на кого-то, причем такое поведение воспринимается в большинстве случаев как враждебное; комар обычно жужжит над ухом, тем самым раздражая и надоедая; змея шипит тихо и почти незаметно, но этот звук всегда воспринимается как угроза, а сами змеи характеризуются отрицательными коннотациями. В ходе такого сдвига субъект ситуации меняется с животного на человека, но при этом все остальные ее атрибуты сохраняются: модель поведения, сходство звука, оценочная характеристика.

Другие метафоры, засвидетельствованные нами в бжедугском диалекте адыгейского, устроены проще: по-видимому, они основаны на простом сходстве звуков. Так, глагол *bəwən*, описывающий мычание коров, а также вой волков и собак, формирует два метафорических переноса. Во-первых, он может передавать значение ‘кричать, говорить громким голосом’ (см. пример 19); во-вторых, он может использоваться для описания воя ветра (пример 20).

- (19) *wə-tə-bəwə* *dek^we* *ze-xe-s-e-xə*
 2SG.ABS-NEG-мычать(IMP) хорошо REC.IO-LOC-1SG.ERG-DYN-слышать
 ‘**Не кричи**, я и так все слышу’.

- (20) *ž'əbke* *ta-bəwə*
 ветер DYN-мычать
 ‘Ветер **воет**’.

Аналогично глагол *pšewən*, закрепленный за мяуканьем / мурлыканьем кошек и писком мышей и крыс, может обозначать звуки, которые издает человек (или животное), когда ему больно (см. пример 21).

- (21) *sətəž'ə-r* *me-pšewə* *š'ə-λ*
 большой-ABS DYN-мяукать.ADV LOC-лежать
 ‘Большой лежит и **стонет**’.

Возможно, именно этот семантический сдвиг позволяет глаголу *pšewən* распространяться на скуление собак, рассмотренное нами выше, в разделе прямых значений. Тем

самым мы сталкиваемся со сложной с теоретической точки зрения ситуацией: неясно, на каком основании лексема, описывающая высокий тонкий звук, издаваемый кошками и мелкими грызунами, захватывает в том числе и звук, который издают собаки, когда им больно. С одной стороны, такое объединение может объясняться простым акустическим сходством звуков: вероятно, на том же основании глагол *bəwəp* описывает как мычание коров, так и вой волков. С другой стороны, такое употребление глагола *pšewəp* может быть результатом метафорического сдвига, основанного также на акустическом сходстве, но сопровождающегося добавлением нового компонента значения: этот звук должен быть реакцией на болевое ощущение. В том случае, когда субъектом глагола *pšewəp* оказывается человек, теоретической сложности не возникает: как обычно и происходит при классической метафоре, таксономический класс участников ситуации меняется (подробнее о таком анализе механизма метафоры см. Падучева 2004; Кустова 2004, а также Главу 20 настоящей монографии). Смещение в зону скулнения собак потому и проблематично, что в этом случае таксономический тип субъекта остается неизменным (в обоих случаях речь идет о животных).

4. Способы заполнения лакун

Инвентарь лексем, описывающих звуки животных, в бжедугском диалекте адыгейского языка невелик. В связи с этим интересно обратить внимание на то, какими способами заполняются имеющиеся лакуны, то есть, например, какие средства используют носители при переводе с русского языка предложений, содержащих глаголы звуков животных. Наш материал позволяет выделить четыре основных способа замещения специализированного глагола звука:

- 1) звукоподражательным междометием;
- 2) глаголом с более общей семантикой (ср. русск. *кричать*);
- 3) глаголом, свойственным похожему животному (или животному, издающему похожий звук);
- 4) глаголом, предназначенным для описания речи и поведения человека.

Кратко рассмотрим каждый из этих случаев.

4.1. Звукоподражательные междометия

Основная и очень естественная для данной семантической области модель — использование звукоподражательного слова в сочетании с легким глаголом. Звукоподражания в большинстве случаев строятся по единому фонетическому шаблону C(V)C(V)C с одним повторяющимся согласным и одним повторяющимся гласным (при этом гласный может отсутствовать). В роли легкого глагола обычно выступает глагол *ʔʷen* ‘говорить’.

(22) <i>t-jə-ha</i>	<i>jə-mə-neʔʷase</i>	<i>çaf-xe-r</i>	<i>z-jə-λavʷə-ʒ'e</i>
1PL.PR-POSS-собака	POSS-NEG-знакомый	человек-PL-ABS	REL.TMP-3SG.ERG-ВИДЕТЬ-INS

a-r meč'etač'-ew aw š'ənak^w-ew ввв je-ɽ^we
 TOT-ABS ПОТИХОНЫКУ-ADV но опасный-ADV ppp DAT-говорить

‘Когда наша собака видит незнакомых людей, она начинает тихо, но страшно рычать’.

- (23) *se šə-m sə-tje-ɽesta-в аč'jə qale-m sə-k^we-n-ew*
 я лошадь-OBL 1SG.ABS-LOC-сесть-PST и город-OBL 1SG.ABS-идти-POT-ADV
sə-feja-в aw a-š' ə-šhe r-jə-wateč'ə-tə-в fəfəf
 1SG.ABS-хотеть-PST но тот-OBL POSS-голова DAT-3SG.ERG-стучать-AUX-PST ффф
r-jə-ва-ɽ^we-tə-в аč'jə zə čəpe jə-tə-в
 DAT-3SG.ERG-CAUS-говорить-AUX-PST и один место LOC-стоять-PST

‘Я сел на лошадь и хотел ехать в город, но она мотала головой, **фыркала** и продолжала стоять на одном месте’.

- (24) *š'exas^w-m pχ^wete-jən tje-t ач'jə χ^wəχ^wəχ таqe*
 пол-OBL ящик-большой LOC-стоять и хрю-хрю звук
qə-d-e-ɽ^wə-č'ə jeneg^wəjav^we t-jə-в^wənev^wə-me
 DIR-LOC-DYN-распространяться-ELAT вероятно 1PL.PR-POSS-сосед-PL.OBL
q^we-xe-r a-š'efə-ве-ž'e
 свинья-PL-ABS 3PL.ERG-купить-PST-INS

‘На полу стоит большой ящик, и из него **доносится** громкое **хрюканье**. Вероятно, соседи купили поросенка’.

Эта модель, по-видимому, служит регулярным источником образования глагольных лексем со звуковой семантикой. На синхронном уровне наблюдается несколько слов, построенных по такому шаблону, находящихся на разных стадиях перехода от звукоподражательных междометий к глагольным лексемам. Так, междометия *ввв*, *fəfəf*, *χ^wəχ^wəχ* (22–24) служат примерами простых звукоподражаний, а слова *nənən* ‘жужжать (о комарах)’ и *lələl* ‘шипеть (о змеях)’ находятся на следующей ступени лексикализации: они также почти всегда требуют наличия легкого глагола, но при этом способны употребляться в метафорическом значении (см. примеры 13 и 14). Дальше всех на этой шкале лексикализации находятся глаголы *š'əš'ən* и *qeqen* (ср., например, Берсиров 2001, где они входят в список глагольных основ с редупликацией). Эти лексемы употребляются самостоятельно, без вспомогательного глагола, и обладают глагольной морфологией, что видно, в том числе, по их начальной форме: они оба маркируются показателем масдара *-n*, замещающим конечный согласный основы, который у звукоподражательных междометий совпадает с первыми двумя.

4.2. Глаголы с более общей семантикой

Еще один способ описать звук, который издает то или иное животное, но для которого нет специальной лексемы, — использование глагола с широкой семантикой, не привязанного ни к какому конкретному виду животных. В бжедугском диалекте адыгейского в такой функции выступают глаголы *č'əjən* и *k^wəwen*. Они оба имеют значение, близкое к семантике русского глагола *кричать*, и накладывают на свой субъект минимальные

ограничения. Так, глагол *č'əjən* может характеризовать крик человека, а также звуки, издаваемые гусями, воронами, осликами и некоторыми другими животными (см. примеры 25–27). С помощью глагола *kʷəwən* можно описать крики гусей и индюков, рев льва и т. п.

(25) *pšešəž'əje-r* *ləš-ew* *te-č'əjə*
 девочка-ABS громко-ADV DYN-кричать
 'Девочка громко кричит'.

(26) *qʷətətə-m* *bvežə-r* *tje-sə-ʋ* *əč'jə* *ləš-ew* *č'əjə-tə-ʋe*
 ветка-OBL коршун-ABS LOC-сидеть-PST и громко-ADV кричать-AUX-PST
 'На ветке сидел коршун и громко кричал'.

(27) *ɣegʷə-m* *bərasər* *be* *de-tə-ʋ:* *č'et-xe-r* *qaqe-tə-ʋe-x,*
 двор-OVL суматоха много LOC-стоять-PST курица-PL-ABS кудахтать-AUX-PST-PL
psəč'et-xe-r *č'əjə-tə-ʋe-x,* *thač'et-xe-r* *kʷəwe-tə-ʋe-x,*
 утка-PL-ABS кричать-AUX-PST-PL индюк-PL-ABS кричать-AUX-PST-PL
qaz-xe-r *kʷəwe-tə-ʋe-x,* *he-xe-r* *haqʷə-tə-ʋe-x*
 гусь-PL-ABS кричать-AUX-PST-PL собака-PL-ABS лаять-AUX-PST-PL
 'Во дворе было очень шумно: кудахтали курицы, **крякали** утки, **кричали** индюки, **гоготали** гуси, лаяли собаки'.

4.3. Глаголы, характеризующие звуки других видов животных

В разделе 2, посвященном прямым значениям, мы рассматривали случаи описания звуков с биологической точки зрения далеких друг от друга видов животных с помощью одного и того же глагола. Некоторые из таких объединений достаточно устойчивы в рамках данного языка: они подтверждаются практически всеми опрошенными носителями. В нашем случае такое устойчивое совмещение демонстрирует глагол *bəwən* (мычание коров + вой волков и собак). Некоторые другие объединения создают впечатление окказиональных: описывая звук животного, для которого в языке нет специальной лексемы, говорящий подбирает слово, передающее похожий звук. По-видимому, именно на этом механизме основано объединение кваканья лягушек с кудахтаньем куриц и кряканьем уток: в то время как несколько информантов утверждали, что кваканье нельзя передать одним словом, один из носителей при переводе предложения, содержащего русский глагол *квакать*, использовал глагол *qeqen*, свойственный курицам и уткам (см. пример 28). С точки зрения биологической классификации, лягушки и курицы/утки далеки друг от друга, однако издаваемые ими звуки могут восприниматься как похожие и описываться одной лексемой. Такое же объединение засвидетельствовано, например, в неродственных адыгейскому грузинском или немецком языках.

(28) *psəxʷe-m* *sə-ble-č'ə-ze* *se* *ze-xe-s-xə-ʋ*
 река-OVL 1SG.ABS-LOC-выйти-CNV я REC.IO-LOC-1SG.ABS-слышать-PST
hentarqʷe-xe-r *zere-qaqe-xe-re-r*
 лягушка-PL-ABS REL.FACT-квакать-PL-DYN-ABS

'Когда я проходил мимо речки, я услышал, как **квакают** лягушки'.

4.4. Использование глагола, исходно описывающего речь и поведение человека

В некоторых случаях лакуна в зоне звуков животных заполняется глаголом, обычно характеризующим поведение человека — производя известный эффект олицетворения. Как и механизм метафорических сдвигов в глаголах звуков животных, рассмотренный выше (см. раздел 3), эта тактика основана на сближении людей и животных. Разница лишь в том, что при олицетворении ситуация обратная: поведение человека — источник, а поведение и звуки, издаваемые животным, — результат переноса. Так, например, во многих языках глагол, обозначающий воркование голубей, может метафорически описывать разговоры влюбленных (ср. русское *ворковать*, башкирское *гөрөлдәү*, венгерское *turbékol*, коми-пермяцкое *гульзыны*). В бжедугском диалекте адыгейского нам встретилась «обратная метафора»: воркование голубей может быть описано с помощью глагола с исходным значением ‘разговаривать’ (см. пример 29). Важно отметить, что этот сдвиг окказионален: этот механизм для заполнения очевидной лакуны применил только один носитель.

- (29) *a-xe-r* *ze-de-g^wəš^h’a^he-x* *ač’jə* *s-a-kewex^wə*
 TOT-PL-ABS REC.10-COM-разговаривать-PL и 1SG.ABS-3PL.ERG-мешать
sə-čəje *χ^wə-me*
 1SG.ABS-спать стать-COND

‘[У нас под крышей поселились голуби]. Они постоянно **воркуют** (букв.: «разговаривают») и мешают мне спать’.

Аналогично для описания рева быка один из информантов предложил использовать глагол человеческого поведения ‘ворчать’:

- (30) *ške.xwəzə-r* *qe-в^wəmečəmə-к* *ə-šhe* *r-jə-wəfe-xə-к*
 бык-ABS DIR-ворчать-PST POSS-голова DAT-3SG.ERG-наклонить-DOWN-PST
ač’jə *sa-ленəq^we* *q-je-če-ž’a-к*
 и 1SG.PR-сторона DIR-DAT-бежать-начать-PST

‘Бык заревел (букв. «заворчал»), наклонил голову и побежал в мою сторону’.

5. Заключение

Итак, в адыгейском языке представлена бедная система глаголов звуков животных: в ней всего 8 лексем, охватывающих звуки собак, кошек, коров, лошадей, овец и баранов, куриц и уток, петухов, змей, мелких грызунов и насекомых.

Заметим, что этот набор составляют в основном звуки домашних животных, причем именно тех, с которыми носители бжедугского диалекта адыгейского языка сталкиваются в повседневной жизни: ни свиньи, ни козы, которых в адыгейских аулах не разводят, специальным глаголом звука не описываются.

Из не-домашних животных представлены только змеи, мыши и некоторые насекомые, при этом все они оказываются на периферии рассматриваемого поля: шипение

змей и жужжание насекомых описываются звукоподражательными лексемами, часто требующими наличия в предложении дополнительного легкого глагола, а не специальными глагольными лексемами; писк мышей передается глаголом, обозначающим в первую очередь мяуканье кошек.

Небольшой набор лексических средств способствует появлению любопытных лингвистических эффектов: необычных объединений разных типов звуков в рамках одной лексемы (например, собачьего воя и мычания коров или мяуканья кошек и скуления собак) и разнообразных способов заполнения лакун (применения звукоподражательных междометий, общих глаголов, а также глаголов, обозначающих похожие звуки животных или речевое поведение человека).

Список условных сокращений

1,2,3 — 1,2,3 лицо, ABS — абсолютив, ADD — аддитив, ADV — адвербиальная форма, AUX — вспомогательный суффикс, BEN — бенефактивный преверб, CAUS — каузатив, CNV — конверб, COM — комитативный преверб, COND — кондиционалис, DAT — дативный преверб, DIR — директивный преверб, DISTR — дистрибутив, DYN — динамичность, ELAT — элатив, ERG — эргатив, FACT — фактивность, FUT — будущее время, IMP — императив, INC — инхоатив, INS — инструменталис, IO — не прямой объект, LAT — латив, LOC — локативный преверб, MNR — образ действия, NEG — отрицание, NML — номинализация, OBL — косвенный падеж, PL — множественное число, POSS — посессивность, POT — потенциалис/масдар, PR — посессор, PST — прошедшее время, Q — вопрос, RE — рефактив, REC — реципрок, REL — релятивизатор, SG — единственное число, TMP — время.

Глава 15. Звуки животных и их переинтерпретация в агульском языке

1. Введение

1.1. Об агульском языке

Агульский язык входит в лезгинскую группу нахско-дагестанской семьи языков. Наиболее близкими родственниками агульского являются лезгинский и табасаранский языки, с которыми он объединяется в восточно-лезгинскую подгруппу.

Агулы (другое название — агульцы) компактно проживают в двух районах юго-восточной горной части Дагестана: Агульском (16 селений) и Курахском (5 селений). Транспортное сообщение между жителями разных сел затруднено, поскольку все они разделены горами. Отсутствие контактов, связанное с особенностями рельефа, а также многовековое влияние в каждом случае разных соседних языков (жители Агульского района соседствуют с даргинцами, табасаранцами и рутульцами, Курахского — с лезгинами) привели к большой диалектной раздробленности агульского языка. Исследователи выделяют в нем 4 диалекта (собственно агульский, керенский, кошанский и гекхюнский), а также три «самостоятельных говора» — хпюкский, фитинский и цирхинский, носители которых проживают, соответственно, в селах Хпюк, Фите и Цирхе. Впрочем, такое диалектное членение является достаточно условным, поскольку жители каждого населенного пункта на самом деле говорят на отдельном идиоме, отличающемся от соседних на разных уровнях языковой системы.

Описание глаголов, обозначающих звуки животных, которое будет представлено ниже, основано на данных хпюкского говора агульского языка. Языковой материал был получен в результате опроса 10 информантов в возрасте от 40 до 70 лет¹.

1.2. О структуре семантического поля

Система глаголов звуков животных в агульском нестабильна и негомогенна. В ней есть устойчивые зоны, которые относительно легко поддаются документированию, однако в большинстве случаев информанты испытывают трудности в выборе

¹ Мы выражаем искреннюю благодарность всем нашим информантам, и особенно Гаджиевой Зибейде Ахмедовне и Ахмедову Исамудину Курбановичу, за неоценимую помощь в работе с языковым материалом.

номинации — не всегда сразу вспоминают специальное обозначение для данного звука или предлагают несколько фонетических вариантов для его описания. Дело осложняется тем, что, как в большинстве бедных систем, в агульском есть общие глаголы звука *in aq'a-s* букв. 'звук делать' и *in a-a* 'звук имеется', которые могут использоваться практически в любой звуковой ситуации. Поэтому часто вместо того, чтобы вспомнить подходящую случаю лексику, носители прибегают к семантически более простому генерическому предикату.

Между тем, наряду с ним имеется целый набор специальных глаголов, обслуживающих исследуемую семантическую зону. Структурно они представляют собой аналитические конструкции, состоящие из идеофона и одного из легких глаголов: *(a)q'as* 'делать', *jarHas* 'бить' (реже — *(a)lixas* 'класть'), которые могут быть закреплены за конкретным идеофоном, но чаще варьируются.

В целом рассматриваемые нами звуковые ситуации можно разделить на следующие подклассы, учитывающие степень вариативности в их номинации:

- 1) Устойчивые номинации: для описания звуков, издаваемых этими животными, всегда используются собственные предикаты, т. е. специальный идеофон в сочетании с легкими глаголами. Общие звуковые глаголы типа *in aq'a-s* 'звук делать' для них не используются. В этот класс попадают только собаки и куры.
- 2) Лексическая вариативность: для звуков этих животных используется не только предикат с собственным идеофоном, но и общий глагол, ср., например, ослы, лошади или петухи.
- 3) Фонетическая вариативность: в этом случае к лексической вариативности добавляется нестабильность формы идеофона, ср. голуби или кукушки.
- 4) Нет специальной номинации, используется только общий глагол.

Обратим внимание, что в последний класс попадают многие из тех животных, которые в языках европейского стандарта имеют устойчивые номинации (свиньи, львы или тигры), и в том числе даже те, которые достаточно распространены у хпюкцев, как лягушки, кузнечики, утки, гуси, совы, орлы, пчелы или мухи. Интересно, что к этому классу примыкают коровы — несмотря на то, что в хпюкском хозяйстве корова, как свидетельствуют информанты, чрезвычайно значима. В принципе, для нее есть специальный идеофон *müf*, который может употребляться в метаречевых контекстах — например, когда ребенка учат, какой звук издает корова. Однако в повседневной речи информантов при описании коровы фигурирует общий, а не специальный глагол звука.

В следующем разделе мы последовательно рассмотрим прямые значения глаголов, соответствующих первым трем классам.

2. Прямые значения глаголов

2.1. Устойчивые номинации: собаки и курицы

Звуки собак описываются пятью идеофонными основами: *ʒamf*, *ʒanc'*, *ʒap'-ʒap'*, *c'uR* и *ʒaw*.

Основа *ʕamf* является наиболее частотной и используется в нейтральных ситуационных контекстах (ср. русск. *лаять*). Допускается оба основных вспомогательных глагола ((*a*)*q'as* ‘делать’ и *jarHas* ‘бить’).

- (1) *ʕuj.i ʔaji ʕamf aq'a-a, ʕut:urf fi ej-či*
 собака.ERG сильно IDEOF делать-PRS смотреть:IMP что быть.CONV-COND
 ‘Собака сильно **лает**, посмотри, что там’.

Глагол *ʕanc'* (*a*)*q'as* (вспомогательный компонент не допускает вариативности) выражает агрессивную реакцию, свойственную собакам. По описанию информантов, собака издает такой звук в бессильной злобе, скалясь, например, если в нее кинули камень (ср. русск. *огрызаться*).

- (2) *lak rak:.a-ʕ ʕačarxu-f ʕanc' aq'u-ne ʕuj.i*
 нога дверь-INTER попасть-PART IDEOF делать-PFT собака.ERG
 ‘Собака **оскалилась/зарычала**, когда ей лапу защемило дверью’.

Предикат *ʕap'-ʕap'* (*a*)*q'as* (преимущественно в позиции вспомогательного элемента выступает именно глагол (*a*)*q'as* ‘делать’) описывает мелких собак, реагирующих на кого-то, превосходящего их по размеру, ср. русск. *тявкать*.

- (3) *ʕurur.i ʕamf aq'a-guna xe kurc'ul.i-ra ʕap'-ʕap' aq'a-ji*
 собака.ERG IDEOF делать-когда наш щенок.ERG-и IDEOF делать-PST
 ‘Когда собаки лаяли, наш щенок тоже **тявкал**’.

Основа *c'uR* выступает только со вспомогательным глаголом ‘делать’ и передает жалобный звук, которому в русском соответствует *скулить*. Обычно она описывает щенка, хотя может употребляться и по отношению к другим небольшим животным, например, к кошке.

- (4) *kurc'ul.i c'uR aq'a-a*
 щенок.ERG IDEOF делать-PRS
 ‘Щенок **скулит**’.

Последний собачий идеофон *ʕaw* допускает оба вспомогательных глагола и называет протяжный звук, ср. вой на луну; как и во многих других языках, этот звук могут издавать и волки².

- (5) *ʔüš-t:i ʕaw jarHa-ji/aq'a-ji ʕurur.i*
 ночь-ADV IDEOF бить-PST/делать-PST собаки.ERG
 ‘Собаки всю ночь **выли**’.
- (6) *ʒinawur-ar.i ʕaw jarHa.ji naq' ürsün- tular.i*
 волк-PL.ERG IDEOF бить.PST вчера Урсун долина:IN
 ‘Вчера в долине Урсун **выли** волки’.

² Отметим, что один из наших информантов вспомнил также специальный предикат, обозначающий волчий вой — *q:uw jarHas*.

Для курицы используется два предиката — более частотный *q:aq:ra jarHas* (выступает в ситуации, когда курица вот-вот снесет или только что снесла яйцо) и нейтральный, но более редкий *k'üt'-k'üt'* (*a*)*q'as*:

- (7) *peʔ.ela q:aq:ra jarHa-a RüreRil ruχuna-a teHela*
 курица.ERG IDEOF бить-PRS яйцо родить.RES-PRS наверное
 ‘Курица **кудахчет**, наверное, снесла яйцо’.

- (8) *wallah, peʔ-er χula-ʔ uč'u-naje sumanf e,*
 валлах курица-PL дом-IN лезть-PART подобный COP
k'üt'-k'üt' q'a-a te χula-ʔ
 IDEOF делать-PRS тот комната-IN
 ‘Кажется, куры залезли в дом, **кудахчут** в той комнате’.

2.2. Лексическая вариативность: специальные номинации в конкуренции с общим глаголом

Предикаты, относящиеся к этому классу, имеют меньшую значимость в речи носителей, часто вытесняясь общим глаголом звука. Тем не менее, они в значительной степени лексикализованы в языке: легко вспоминаются информантами, и при этом стабильны в своей фонетической реализации. По-видимому, такая сохранность в языке во многом обусловлена наличием у этих предикатов переносных употреблений — особенно устойчивыми оказываются те из них, которые выступают в составе сравнительной конструкции (аналогичной русскому *взревел, как бык*³). О заметной роли соответствующих животных в языковом сознании свидетельствуют и другие факторы. В частности, звуковое поведение кошек, лошадей и змей агульский не просто описывает специальными языковыми средствами, но и различает по два их типа, ср. *tew* ‘нейтральный звук кошки’ и *mur-mur* ‘звук довольной кошки’, например, когда ее гладят (оба идеофона преимущественно выступают при глаголе (*a*)*q'as* ‘делать’), а также *purχ* ‘фыркающий звук лошади’, например, при кормлении, и *Hir-Hir* ‘громкое ржание’, ср. о лошади, поднявшей голову при виде другой лошади (эти элементы, как правило, употребляются с *jarHas* ‘бить’, хотя ржание может описываться и при помощи (*a*)*q'as* ‘делать’⁴). Для змей язык различает ситуацию нейтрального шипения (*χux*) — змея шипит, когда ползет,

³ В принципе, к классу «стабильных» идеофонов, то есть звукоподражательных основ, которые не варьируются от информанта к информанту, можно было бы отнести и единицы, описывающие звуки коров (*müf*), быков (*büf*), овец/коз (*meʃ*) и баранов/козлов (*beʃ*). Однако, как мы уже говорили применительно к коровам, в спонтанной речи звуки этих животных описываются общим глаголом, так что они соотносятся и с четвертым типом звуковых ситуаций — т. е. таких, которые не выражаются специальными предикатами. Более того, от предикатов второго класса обсуждаемые единицы отличаются еще и отсутствием переносных употреблений.

⁴ По нашей предварительной гипотезе, ‘бить’, как правило, тяготеет к кратким, возможно, повторяющимся, а ‘делать’ — к продолжительным звукам.

и ситуацию угрозы (*šüš*) — змея шипит, потому что собирается напасть⁵ (оба идеофона употребляются с *(a)q'as* ‘делать’).

- (9) *kitan.i mew q'a-a, nek: at' gi-s*
 кошка.ERG IDEOF делать-PRS молоко наливать:IMP OH-DAT

‘Кошка **мяукает**, налей ей молока’.

- (10) *kitan p:ara šad xu-naa uč.i-las*
 кошка много радостный статья-RES SAM-SUPERELAT

χil lat:arHuf mur-mur aq'a-a
 рука проводить:PART IDEOF делать-PRS

‘Кошке очень приятно, что ее гладят, **мурлычет**’.

- (11) *Hajwan.di purχ jarHa-a*
 лошадь.ERG IDEOF бить-PRS

‘Лошадь **фыркает**’.

- (12) *k'are Hajwan agu-f če Hajwan.di*
 черный лошадь видеть-PART наш лошадь.ERG

Hir-Hir jarHa-s bašlamiš q'u-ne
 IDEOF бить-INF <начинать> делать-PFT

‘Увидев черную лошадь, наша лошадь начала **гоготать**’.

- (13) *č'iri-šas xux aq'a-j ilan ſ'a-ji*
 трава-INTERELAT IDEOF делать-CONV змея идти-PST

‘В траве, **шипя**, ползла змея’.

Для остальных животных этой группы используется по одному специальному звуковому предикату, ср. о петухах *ʔü-ʔü-ʔü jarHas* (реже с *(a)q'as* ‘делать’), ослах *šar jarHas*, ко-марах *zuz (a)q'as* и целой группе мелких птиц (воробьи, цыплята и др.), объединенной одним предикатом *c'iw (a)q'as* со сверчками и мышами, ср.:

- (14) *miček-ar.i Hal.ak aq'u-ne zun zuz aq'a-j*
 комар-PL.ERG положение.SUB/CONT делать-PFT я IDEOF делать-CONV

‘Комары измучили меня **зудением**’.

- (15) *čark^w:-ar.i c'iw aq'a-a ge.wuri-s keq*
 цыпленок-PL.ERG IDEOF делать-PRS OH.PL-DAT сыпать:IMP

‘Цыплята **пищат**, покорми их’.

2.3. Фонетическая вариативность

Этот класс включает предикаты, идеофонный компонент которых фонетически варьируется как в речи одного информанта, так и от информанта к информанту. По-видимому,

⁵ Заметим, что второй змеинный идеофон — *šüš* имеет фонетический вариант *šüš*; тем самым по нашей классификации он относится к третьему классу (см. раздел 2.3).

такая вариативность свидетельствует о малой частотности этих форм в узусе. Варианты обычно довольно близки и могут отличаться местом образования (например, увулярный VS. заднеязычный), наличием / отсутствием назальности, гортанной смычки и под.

Два ярких примера такого рода — звуки медведей, которые могут описываться редуцированным или простым идеофоном (*bur-bur* / *bur*)⁶, и голубей, для которых варианты идеофонов очень разнообразны: *kut-kut* / *küt-küt* (с огубленным гласным переднего или заднего ряда), а также *q:uR* / *RuR* и *wur-wur*. Все голубиные идеофоны употребляются с глаголом (*a*)*q*'*as* 'делать':

(16) *jaʃa-n* *jaR-di* *lif-ar.i* ***küt-küt*** ***aq'a-a*** *xe* *Rwadi-k*
 сегодня-GEN день-ADV голубь-PL.ERG IDEOF делать-PRS наш крыша-SUB
 'Сегодня весь день голуби **воркуют** под нашей крышей'.

Замечательно, что в этом классе фонетической вариативности можно также рассматривать и звуки коров / овец. Правда, вариативность соответствующих им идеофонов несколько иного рода — их фонетические варианты распределены по полу животного: у женских особей (коровы, овцы / козы) идеофон начинается с сонорного *m* (ср. *müʃ*, *meʃ*), а у мужских (быка, барана / козла) — со смычного *b* (ср. *büʃ*, *beʃ*)⁷.

Предикаты, обозначающие звуки домашнего скота, как уже упоминалось выше, не развивают переносных употреблений — этим они отличаются от большинства специальных глаголов исследуемой области. Показательно, что доля лексем, имеющих метафорические значения, в агульском довольно велика: по-видимому, именно благодаря употреблению этих предикатов при субъекте-человеке в языке сохраняется и их исходная семантика. Напротив, отсутствие производных значений характерно для тех глаголов, которые и по отношению к животным в бытовом дискурсе встречаются крайне редко и, вероятно, постепенно уходят из языка (ср., например, предикат, обозначающий мычание коровы). О том, какие именно переносные значения получают глаголы звуков животных в результате семантического сдвига, речь пойдет в следующем разделе.

3. Переносные значения

3.1. Физиологическая зона как результат переноса

Семантические сдвиги в область физиологических звуков представлены в агульском достаточно слабо. Только два перехода, по нашим данным, можно отнести к данной зоне, и они при этом весьма специфичны с типологической точки зрения.

⁶ Некоторые информанты связывали вариативность звукоподражательного компонента с семантическим различием: *bur-bur* (со вспомогательным глаголом (*a*)*q*'*as* 'делать') описывает нейтральные звуки медведя, тогда как *bur* (с *jaRHas* 'бить') выражает рев агрессивного зверя, грозящего напасть. При этом далеко не все информанты вообще могли вспомнить специальный глагол для описания звуков, издаваемых медведем.

⁷ Об особом глаголе для простуженного скота см. раздел 3.1

Особенность первого переноса связана с необычной исходной семантикой предиката. В агульском есть специальный глагол *q^weH jarHas*, который описывает голос большого домашнего скота — чихающих и кашляющих коров, баранов и др., ср.:

- (17) *Hüni q^weH jarHa-a, ʔuši sala-ʔ mek' xufe teHela*
 коро́ва:ERG IDEOF бить-PRS ночью хлеб-IN холод стать:AOR наверное
 ‘Корова **чихает**, наверное, ночью в хлеву замерзла’.

В результате метафорического сдвига он применяется к людям — наряду с обычными «простудными» глаголами (они тоже есть в агульском) — и обозначает звуки особенной, застарелой и глубокой простуды, сухой кашель:

- (18) *fī e wun ʔaji q^wen jarHa-a-ʔi st'alžam xu-ne-wa?*
 что COP ты сильно IDEOF бить-PRS-PTCL пневмония стать-PFT-Q
 ‘Что-то ты сильно **кашляешь**, пневмонию подхватил?’

Второй перенос тоже далек от «типологических стандартов»: его результатом является физиологическое ощущение, связанное, однако, не с физической болью, а с определенным эмоциональным состоянием. Источником для данного значения выступает комариный писк (глагол *zuz (a)q'as*). Этот звук настолько неприятен для человека, что реакция на него проявляется на телесном уровне (ср. то, что по-русски называется *дрожь прошла по телу*). Ощущение от комариного писка переносится на рефлекс, вызываемые плохим известием — от сопереживания, ужаса человек тоже может испытывать спонтанную физиологическую реакцию (ср. рус. *содрогнулся от ужаса*). Субъектом в этой необычной конструкции всегда является лексема со значением ‘тело’:

- (19) *li-kas ʔabar xu-guna ze žan.di zuz aq'u-ne*
 тот-SUB/CONTELAT известие стать-когда мой тело.ERG IDEOF делать-PFT
 ‘Когда я услышал об этом, у меня **мурашки** по коже **пробежали**’.

3.2. Характеристики голоса и речи

Основной параметр человеческого голоса, который в агульском может выражаться через звуки животных, — это громкость. Прежде всего интересующими нас глаголами описывается чрезмерно громкий голос. Источниками этого значения является собачий и волчий вой *šaw jarHas*⁸ (20), а также крик осла *šar (a)q'as* (21):

- (20) *awala sus faj quš.a-guna šaw jarHa-j,*
 раньше невеста APUD:ИМЕТЬ:CONV возвращаться-когда IDEOF бить-CONV
haraj-ar aq'a-j, išt:-er jarHa-j quš^waf:ij
 крик-PL делать-CONV свист-PL бить-CONV делать.PST
 ‘Раньше, когда забирали невесту, возвращались с **ревом**, криком, свистом’⁹.

⁸ Об использовании этого глагола для обозначения протяжного плача см. в разделе 3.3.1.

⁹ Ср. также составное существительное *šaw-haraj* ‘крик, скандал’, образованное от идеофона *šaw* в сочетании с лексемой *haraj* ‘крик’.

- (21) *wəun (degi suman) ʔar aq'a-se, zun wa-s jarHu-či*
ты (осел как) IDEOF делать-FUT я ты-DAT бить:PF-COND

‘Ты **заревешь** (как осел), если я тебя побью’¹⁰.

Заметим, что идеофон, исходно обозначающий ослиный крик, при семантическом сдвиге меняет вспомогательный глагол: в прямом значении используется преимущественно ‘бить’, в переносном — только ‘делать’. Громкие звуки, выражаемые данным предикатом, как правило, связаны с ситуацией привлечения внимания — в частности, если субъекта бьют, и он хочет призвать к себе кого-то на помощь, или же в ситуации многолюдного спора, скандала. Такая особенность стала предпосылкой для дальнейшей эволюции семантики обсуждаемого глагола и развития у него семиотически более нагруженного значения ‘публично позорить, клеветать’. Действительно, если внимание громко привлекается не к себе, а к другому лицу, это может создавать представление о его прилюдном очернении.

- (22) *ge fitnači žennet-t:in Hüriperi-ra ʔar aq'a-se*
этот сплетник:ERG рай-GEN гурия-и IDEOF делать-FUT

‘Этот сплетник даже райскую гурию **обольет грязью**’.

Значение ‘позорить’ фигурирует также в хорошо известной информантам поговорке:

- (23) *sala-as ač'ut:i v.adi-l alef ʔar aq'a-a*
хлев-INELAT выходить:PART.GEN крыша-SUPER находиться:PART IDEOF делать-PRS

‘Та, что вышла из хлева, **позорит** ту, что стоит на крыше’¹¹.

Идея громкости может склеиваться с представлением о чрезмерной болтливости — подобные характеристики приписываются женщинам, общающимся между собой (ср. рус. *галдеть*). Вполне ожидаемо, что источником для такой семантики является кудахтанье курицы (глагол, относящийся к наседке, снесшей яйцо):

- (24) *jaR-di q:aq:ra ma-jarHa, buʔuna uq'*
день-ADV IDEOF ПРОН-бить молча сидеть:IMP

‘Целый день **не галдите**, сидите молча’.

Наряду с чрезмерно громким голосом предикаты звуков животных могут описывать и слишком тихую речь. Для этого значения источником выступают голуби. Интересно, что тихий голос тоже вызывает представление о том, что человек излишне много, не останавливаясь, говорит. По-видимому, и чересчур громкая, и очень тихая речь оцениваются слушающим отрицательно, что и создает ощущение тянущейся ситуации. Переносные употребления характерны главным образом для голубиных идеофонов *kut-kut / küt-küt* (25), хотя окказионально и глагол *kur-kur (a)q'as* используется для

¹⁰ В этом значении глагол часто употребляется в сравнительной конструкции.

¹¹ Значение поговорки основано на представлении, что все грязные дела совершаются в темноте (т. е. в хлеву), а человек, стоящий на крыше, находится у всех на виду, поэтому ничего тайного, дурного, греховного делать не может. Соответственно, эту фразу используют в отношении человека, который приписывает невинному собственные прегрешения.

обозначения тихого, монотонного голоса. Правда, последний, как правило, не образует самостоятельной финитной предикации, а выступает в качестве конвербиального модификатора при глаголе речи (26).

- (25) *jaR-di küt-küt aq'a-j uq'unaa žud-ra murt:u-?*
 день-ADV IDEOF делать-CONV сидеть:RES два-и угол-IN
 ‘Целый день сидят в углу **шушукуются**’.

- (26) *gi sa sežet.i bur-bur aq'a-j fi-jčira qat:q'aj-i*
 он:ERG один час.TMR IDEOF делать-CONV что-INDEF рассказывать-PST
 ‘Он час о чем-то рассказывал, **бубнил**’.

Примечательно, что идея тихого голоса, как и представление о громкости, может получать дальнейшее семантическое развитие в сторону семиотически нагруженной речи. Это относится к первому из двух предикатов — *kut-kut / küt-küt (a)q'as*, который благодаря дополнительной имплицатуре намеренности (‘говорить тихо, чтобы не услышали’), приобретает значение ‘сплетничать’.

- (27) *najsajčira q'elud.i küt-küt(-ar) (a)q'unajefe*
 по-видимому жена.деверья.ERG IDEOF(-PL) делать:RES
 <Кто-то насплетничал обо мне свекрови>. ‘Наверняка это **нашептала** жена деверя’.

Тихая речь может быть обращена к самому себе, и тогда она мешает окружающим. Подобная ситуация возводится к звукам медведя:

- (28) *aslan.a bur-bur aq'a-j z.a-s mašat q'a-a*
 Аслан.ERG IDEOF делать-CONV я-DAT <мешать> делать-PRS
 ‘Аслан **бубнит**, мешает мне’.

Наконец, в агульском, как и во многих других языках нашей выборки, лексикализуется тихое пение для себя — источником этой семантики служит мурлыканье кошки:

- (29) *šad-di uč.i uč.ikdi mur-mur(-ar) q'a-ji*
 радостный-ADV сам.ERG сам.SUB/CONTLAT IDEOF(-PL) делать-PST
 ‘Радостно под нос себе что-то **мурлыкал**’.

3.3. Эмоциональные проявления

3.3.1. Невербальное поведение: плач и смех

«Собачьи глаголы» описывают два вида плача: протяжный, громкий и горестный (по покойнику, женский, или плач подростка, которого, например, побили) — *šaw jarHas* (изначально — вой собаки или волка)¹² и менее громкий, ноющий (например, о больном

¹² Глагол *šaw (a)q'as* употребляется также в составе устойчивого выражения *šažal.i šaw jarHaa* букв. ‘смерть воеет’. Его адресуют кому-то, кто поступает неразумно, рискованно:

ребенке, который стонет в забытьи) — *c'uR (a)q'as* (исходно — скуление щенка или жалобные звуки другого небольшого животного).¹³

- (30) *ʒaw jarHaj ʒaša-ji ɣumbar*
 IDEOF бить:CONV плакать-PST женщины
 ‘Женщины **рыдали**’.

- (31) *šünük: ʒaje a gi ʒüš-t:i c'uR aq'a-ji*
 ребенок плохой быть:PRS он:ERG ночь-ADV IDEOF делать-PST
duɣt:irdi-s un aq'
 врач-DAT звук делать:IMP
 ‘Ребенок плох, он всю ночь **стонал**, вызови врача’.

Замечательно, что и смех (если это результат переноса из зоны животных) тоже может передаваться «собачьим» идеофоном (*ʒanc'*). Правда, это смех особого рода — короткий, негромкий звук, сопровождающий непроизвольную улыбку, которую человек хотел скрыть, но не смог:

- (32) *müʒelim.ifas düz ʒuwab c'as da-xuf*
 учитель.APDELAT правильный ответ дать NEG-СТАТЬ.PART
ʒanc' aq'u-ne šünük:ar.i
 IDEOF делать-PFT дети.ERG
 ‘Когда учитель не смог правильно ответить, дети **прыснули**’.

Не вполне обычным в этом семантическом сдвиге является то, что при переходе от звериных к человеческим звукам меняется эмоциональная составляющая ситуации. Как правило, если звук животного ассоциируется с какой-либо эмоцией, то она сохраняется и при употреблении соответствующего глагола в отношении человека (ср. русское *рычать*, выражающее агрессию и в прямом, и в переносном значении, или только что обсуждавшееся *c'uR (a)q'as* в агульском, связанное с жалобой). В случае *ʒanc' (a)q'as* эмоциональная окраска ситуации в производном значении оказывается другой. Напомним, исходно *ʒanc' (a)q'as* применяется к агрессивным звукам собаки, рычащей в бессильной злобе. В результате сдвига глагол описывает тихий смешок, совсем не служащий проявлением агрессии или злобы. По-видимому, специфика перехода объясняется тем, что в его основе лежит исключительно зрительное впечатление. Рычащая собака скалится, т. е. показывает зубы, но если при этом ее поведение свидетельствует о бессилии, то ее оскал не бывает продолжительным (ср. в русском *огрызаться*). Этот образ и становится

говорящий тем самым имеет в виду, что такое поведение может иметь серьезные отрицательные последствия для адресата (как действительно предполагающие гибель, так и менее драматичные, но оцениваемые как крайне нежелательные — увольнение и т. п.).

¹³ Для предиката *c'uR (a)q'as* характерно еще одно значение: он описывает звук каплюющей воды, например, весной во время таяния сосулек. Собственно, слово ‘сосулька’ (*c'uR-c'uRaj*) является производным от этого идеофона. Заметим, что это единственный пример переноса в зону звуков неодушевленных объектов, встретившийся в нашем агульском материале.

базой для переноса: человек, улыбаясь, тоже показывает зубы, но идея непродолжительности ситуации связывается с особой семиотикой — произвольностью улыбки и желанием ее скрыть. Заметим, что семантический фокус метафорического значения образует именно улыбка, а не звук смеха (это отличает агульский глагол от использованного нами русского перевода *прыснуть*).

Наряду с этим необычным сдвигом в агульском представлен и более стандартный для рассматриваемой зоны перенос с лошадиного ржания (*Hir-Hir*) на громкий, грубый человеческий смех. В метафорическом значении идеофон выступает с глаголом (*a*)*q'as*, тогда как в прямом преимущественно используется *jarHas*:

- (33) *fi e wun jaR-di Hir-Hir aq'a-j lamus-ra adawa-j*
 что сор ты день-ADV IDEOF делать-CONV стыд-И иметься:NEG-CONV
 ‘Ты что все время смеешься без стыда?’

Интересно, что, по свидетельству информантов, в контекстах, описывающих поведение человека, глагол употребляется чаще и вспоминается быстрее, чем в исходном значении.

3.3.2. Вербальное поведение

В этот класс мы отнесли прежде всего две ситуации, представляющие агрессивные речевые действия. Источник одной из них вполне ожидаем — это шипение змеи: предикат *šüš* (*a*)*q'as* характеризует речь человека, говорящего враждебно, со злобой.

- (34) *sadpuna ge šüš aq'a-j adi-ne za-ldi*
 вдруг он IDEOF делать-CONV идти-РФТ я-SUPERLAT
 ‘Вдруг она, шипя, пошла на меня’.

Напротив, неожиданны примеры с кудахтаньем курицы как источником переносов в эту зону, ср.:

- (35) *gi k'üt'-k'üt' q'a-j žuwab-ar c'aj.e hamiša*
 она:ERG IDEOF делать-CONV ответ-PL давать.НАВ всегда
 ‘Она всегда огрызается’.

Здесь подразумевается, что субъект, возможно, тихо, но дерзко отвечает собеседнику в тот момент, когда, с точки зрения говорящего, ему следовало промолчать. Вообще, зона оценки чужого высказывания как неуместного чрезвычайно богата в агульском языке и часто покрывается как раз глаголами звуков животных. Обычно мужчины или взрослые употребляют соответствующие предикаты в отношении женщин или детей. При этом глагол выступает или в прохибитивной форме, или в конструкции с прохибитивной семантикой — тем самым говорящий в грубой форме призывает адресата замолчать. В частности, речь человека, не к месту вступающего в перепалку, отождествляется с лаем собаки или тьякнаньем щенка (глаголы *šamf* (*a*)*q'as* и *šap'-šap'* (*a*)*q'as*):

- (36) *šamf ma-q'a jaR-di bužuna uq'*
 IDEOF ПРОН-делать день-ADV молча сидеть:IMP
 ‘Не скандаль целый день, сиди молча’.

- (37) *wun najč ʕuč'.ajefe ʕap'-ʕap' aq'a.j*
 ты куда лезть.RES ИДЕОФ делать.CONV

‘Ты куда лезешь, **возникаешь** тут (букв. «куда лезешь, твякая»)?’

Бессодержательное, глупое высказывание, произнесенное в неподходящий момент, ассоциируется со звуком цапли (информанты затрудняются ответить на вопрос, какой именно звук передает идеофон *laq'-laq'* — крик или хлопанье крыльями):

- (38) *laq'-laq' ma-q'a ri-ne zu wa-s*
 ИДЕОФ ПРОН-делать говорить-PFT я ты-DAT

‘**Не болтай** / закрой рот, сказал я тебе’.

3.4. Семиотически значимая речь

Мы уже упоминали семантические сдвиги, в ходе которых происходило своего рода «семиотическое насыщение» исходного звукового глагола, так что в результате речь человека приобретала семиотическую значимость, свойственную исключительно человеческому сообществу или в целом, или в определенной культуре. Такова идея сплетни, которая развилась из тихого воркования голубя, а также значение ‘позорить, клеветать’, восходящее к крику осла. В том же ряду следует рассматривать и крик петуха¹⁴, который метафоризируется как хвастовство, т. е. приписывание себе тех качеств, которых нет:

- (39) *wun ʔü-ʔü(jar) jarHa-je hamiša, sift:a aq'-e aɣp:a ip*
 ты ИДЕОФ(PL) бить-нав всегда сначала делать-IMP потом говорить-IMP

‘Ты всегда **хвастаешься** (бахвалишься), сначала сделай, а потом говори’.

Нетривиальным кажется переход от звуков, издаваемых индейкой, к речевому поведению, при котором субъект постоянно понукает адресата, выражая недовольство тем, что он делает¹⁵, ср.:

- (40) *qari ʔaji q'ünt' ic'a-a susa-s*
 старуха сильно ИДЕОФ давать-PRS невестка-DAT

‘Свекровь сильно **гоняет** невестку’.

Как мы уже отмечали и для некоторых других предикатов, переносные употребления лексем с идеофоном *q'ünt'* гораздо частотнее прямых — показательно, что их исходное значение известно далеко не всем информантам, тогда как производное хорошо знакомо всем опрошенным.

¹⁴ Отметим, что в прямом употреблении идеофон состоит из трех повторяющихся элементов (*ʔü-ʔü-ʔü*) и допускает вариативность вспомогательного глагола, тогда как в переносном он выступает в двусложной форме *ʔü-ʔü* и обязательно требует глагола *jarHas*.

¹⁵ Как и во многих других случаях, здесь при сдвиге значения наблюдается частичная мена вспомогательного глагола: в исходном употреблении допустимы оба основных варианта (*(a)q'a* ‘делать’ и *jarHas* ‘бить’), а в производном чаще всего встречается нестандартный для рассматриваемой зоны глагол *ic'as* ‘давать’ (хотя *jarHas* в подобной конструкции тоже возможен).

Примечание

В агульском, по-видимому, нет глаголов неречевого семиотического поведения, которые бы восходили к звукам животных, ср. русск. *куковать*. Между тем, в ходе исследования у нас образовался материал, связанный с незвуковыми поведенческими сравнениями — приводим здесь необычные с общеевропейской точки зрения коннотации:

- как корова — об обжоре, а также о человеке, которого можно доить, т. е. легко обмануть;
- как змея — во-первых, о злобной, во-вторых — об умной, быстрой, ловкой женщине;
- как волк — о ловком, проворном, быстром, смелом человеке;
- как медведь — о растяпе, рассеянном человеке;
- как лошадь — о бесхитростном, наивном, добром человеке.

3.5. Квант звука

Особый семантический сдвиг представляют собой кванты звука. В агульском это довольно традиционный для языков нашей выборки писк (*c'iw (a)q'as*), который используется в двух характерных для него контекстах. Первый — вполне привычный нам прохибитив — ‘не смей даже пискнуть’. Второй значительно менее тривиальный, ср. ‘не было писка = кванта звука’ в значении ‘не было ни души’ (т. е. некому было издать даже писк’):

(41) *c'iw ma-q'a!*

IDEOF PRON-делать

‘Ни звука!’ (≈ ‘Даже писка не издавай!’)

(42) *χula-ʔ c'iw q'a kas-ra aduj*

ДОМ-IN IDEOF делать:IPF человек-и БЫТЬ:NEG:PST

‘Дома ни души не было’ (≈ ‘...некому было даже **пискнуть**’).

4. Выводы

Система агульского языка необычайно интересна во многих отношениях.

Во-первых, она нестабильна, т. е. в данный момент меняется и представляет конкуренцию разных форм в одних и тех же контекстах. Видно, что многие специальные предикаты забываются, уходят из узуса. Проявление этого — и в фонетической вариативности, и в готовности информанта во многих случаях обобщить ситуацию, обозначив ее общим глаголом звука. Лингвистическую поддержку классифицирующим глаголам, как и в других языках с бедной или разрушенной системой (ср., например, китайский) отчасти оказывают их переносные значения, которые заставляют носителей «вспоминать» их исходную семантику. Однако она хорошо сохраняется прежде всего в тех случаях, когда метафорическое значение регулярно реализуется в составе сравнительной конструкции (например, ‘громко кричать, как осел’). Если же подобные употребления для глагола нехарактерны, то производная семантика может отрываться от источника, так что в итоге «звериное» значение постепенно исчезает из языка. В частности,

в нашем материале предикаты, изначально описывающие звуки лошади и индейки, в большей степени известны носителям в своих переносных употреблениях.

Вторая особенность агульской системы связана со структурой глагола: в его состав входит классифицирующий идеофон и вспомогательный глагол с семантикой ‘бить’ или ‘делать’. Вспомогательный глагол часто варьируется, но есть и случаи довольно жесткой закрепленности его за идеофоном. По-видимому, распределение этих глаголов отчасти семантическое: наша предварительная гипотеза связана с длительностью и монотонностью (‘делать’) VS. краткостью и нерегулярностью (‘бить’) звука. Тогда (как в случае с ослом или лошадью) может возникнуть ситуация, при которой, ввиду изменения качества звука у человека по сравнению со звуком животного, исходный вспомогательный глагол будет замещаться другим. Передко, кроме того, вариативность глагольного компонента, свойственная прямым значениям, сменяется устойчивым употреблением только одного из них в переносных — что опять же свидетельствует о большей лексикализованности метафорической семантики.

В-третьих, агульская система бедна — но только в том смысле, о котором мы только что говорили: почти все звуки, издаваемые животными, здесь можно описать общим глаголом. Одновременно она в довольно большой степени классифицирует как ситуации исходного животного мира, так и результирующие, которые принадлежат миру людей. Некоторые глаголы при этом кажутся довольно необычными — например, голос простуженного скота или звук цапли (крик или хлопанье крыльев). Заметим, что в агульском, по сравнению с другими языками нашей выборки, значительно меньше объединений животных в одном глаголе.

Система переносных значений агульского языка тоже нетривиальна: с одной стороны, в ней задействованы нетипичные животные, как цапля, а с другой, оказывается, что типовые для многих систем звуки (голос голубя или осла) получают здесь непривычную метафорическую интерпретацию.

Наконец, в этой системе довольно много нестандартных имплицативных метафор, о природе которых речь пойдет в Главе 20 нашей монографии. Ярким примером является здесь перенос из зоны звуков животных в телесную физиологическую область человеческих ощущений: зуд комара переосмысливается как физиологическая реакция (что-то вроде дрожи по телу) и распространяется на сильное эмоциональное переживание.

Список условных сокращений

ADV — наречный показатель; AOR — аорист; APUD — локализация «возле»; COND — условное наклонение; CONV — деепричастие; COP — глагол-связка; DAT — датив; ELAT — направление от ориентира; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; IDEOF — идеофон; IMP — императив; IN — локализация «внутри»; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; INTER — локализация «между»; IMPF — имперфектив; LAT — направление к ориентиру; NEG — отрицание; PART — причастие; PF — перфектив; PFT — перфект; PL — множественное число; PRON — прохибитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; Q — вопросительность; RES — результив; SUB/CONT — локализация «под» или «на поверхности» (и в тесном контакте с ней); SUPER — локализация «над»; TMR — темпоральная форма имени.

Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

Глава 16. Выражение звуков животных в японском языке

1. Введение

Японский язык ценен для лексической типологии прежде всего тем, что его лексика исключительно подробно и надежно описана. Имеется множество словарей, не только рассчитанных на широкую публику, но и научных; хорошо развита лексическая семантика; очень активно используются корпусные технологии, в которых Япония является одним из мировых лидеров. Не потеряли актуальности и лексикологические труды прошлого века, выполненные до массового распространения компьютеров, на корпусах текстов, собранных вручную, такие как исследование семантики и сочетаемости глаголов *Miyajima 1972*. Это позволяет удобно и быстро, не проводя полевых исследований, находить материал для решения даже таких сложных задач, как описание метафор звука.

Данная глава опирается на материал японских толковых и двуязычных словарей и только что упомянутой работы *Miyajima 1972*, но поскольку примеры, взятые из литературы, все же нуждаются в верификации, все употребления были проверены на реальную встречаемость. В качестве корпуса для этой проверки использовался японский сегмент сети интернет, откуда и взяты приведенные в тексте примеры.

Еще одним преимуществом японского языка является то, что он сравнительно экзотичен и за счет этого помогает сделать типологическое исследование более сбалансированным. Когда требуется привлечь структурно и генетически неродственный материал для сопоставления с европейскими языками или с китайским, японский — один из самых удобных источников. Семантическое поле звуков животных в нем также имеет свою специфику, как будет показано ниже; в частности, для него, в отличие от большинства других языков, рассматриваемых в настоящей монографии, возникла необходимость привлечь помимо глаголов звукоподражательные слова — идеофоны.

Краткие грамматические сведения для читателей, не знакомых с японским: язык преимущественно агглютинативный, то есть словоизменение слабо развито, большинство служебных единиц имеет промежуточный характер между аффиксами и служебными словами. Полноценная аффиксация есть только в системе глагола; на стыке глагольной основы с аффиксами возможны чередования, из-за которых основа в некоторых формах может выглядеть по-разному — скажем, основной глагол звуков животных, ‘кричать’, имеет вид *naku* в непрошедшем времени и *naita* в прошедшем. Словарной формой является форма прошедшего времени. Времен два, прошедшее

и непрошедшее, категория лица отсутствует, имеется категория вида — *naku* ‘кричит/крикнет’, *naita* ‘крикнул’ vs. длительный вид *naitte-iru* ‘кричит’, *naitte-ita* ‘кричал’. Есть богатый репертуар деепричастных форм, но нет причастий, в определительной позиции используется финитная форма глагола.

Имена можно считать неизменяемыми, а согласование отсутствующим. Категорий числа и рода нет. Значения, аналогичные падежным, выражаются с помощью послелогов; например, номинативным показателем *ga* оформляется субъект: *tori ga naku* ‘птица кричит’. Зависимые единицы практически без исключения стоят перед своими синтаксическими хозяевами: любые определения, включая определительные придаточные, находятся перед определяемыми, подлежащее и дополнения — перед глаголом. Порядок слов SOV.

В национальной графике не используется пробел, поэтому слитное, раздельное и дефисное написание в примерах условно. Условно и использование больших букв, также отсутствующих в японском. Знаки препинания — точка, запятая и кавычки — используются как в исходном тексте примера; правила японской орфографии допускают большую свободу в их постановке.

2. Глаголы

Если рассматривать обозначения звуков животных в японском языке, ограничиваясь только одной частью речи — глаголами, их набор будет выглядеть следующим образом: 1) *naku* ‘кричать’; 2) *hoeru* ‘лаять, выть, реветь’; 3) *unaru* ‘рычать’; 4) *inanaku* ‘ржать’; 5) *saezuru* ‘щебетать’. Наиболее употребителен из всех глагол *naku*, глаголы *hoeru* и *unaru* также встречаются часто, тогда как *inanaku* и *saezuru* скорее являются необходимой лексикой.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

Для глагола *naku* перевод «кричать» является условным, его значение гораздо шире; в частности, звук не специфицирован по громкости и может быть тихим, ср. (2). Это поистине универсальный глагол, он охватывает звуки, издаваемые практически любыми существами. Некоторое представление об объеме его значения дает список из более чем 30 вариантов перевода в зависимости от субъекта в японско-английском словаре *Shin waei daijiten* — среди возможных субъектов там перечисляются собака, кошка, корова, лошадь, осел, слон, обезьяна, свинья, коза, олень, тюлень, мышь, петух, курица, цыпленок, индюк, гусь, попугай, сова, голубь, ворона, журавль, орел, лягушка и сверчок. Глагол *naku* можно считать абсолютной доминантой семантического поля звуков животных.

- (1) *Kuma ga nan to naku no ka yoku shiranai.*
медведь ном что QUOT кричать SUBST QUEST хорошо знать.NEG

‘Я плохо знаю, как (букв. «что») кричит медведь’.

- (2) *Na mo shiranu mushi ga ashimoto de kabosoku naitte-iru.*
имя даже знать.NEG насекомое ном у_ног в тихо кричать-CONT

‘Под ногами тихонько стрекочет (букв. «кричит») насекомое, даже названия которого я не знаю’.

Глаголы *hoeru* и *unaru* обозначают звуки, прежде всего, собак и хищников. Между собой они различаются, по-видимому, тем, что звуки, описываемые при помощи *hoeru* (лай, вой и рев), производятся с участием голоса:

- (3) *Hoete emono o oikomu shigoto no*
 лаять.GER дичь ACC загонять работа GEN
tame ni tsukurareta ryōken
 для создавать.PASS.PF охотничья собака
 ‘Охотничьи собаки, выведенные для задачи лаять и загонять дичь’.
- (4) *Hoteru Urufu no kamban. Ookami ga tsuki ni hoete-masu.*
 отель Вульф GEN вывеска волк NOM луна К быть-CONT.ADR
 ‘Вывеска отеля «Вульф». Волк воет на луну’.
- (5) *Ōpuningu ni raion ga hoeru yatsu te*
 заставка в лев NOM реветь SUBST QUOT
doko no eigakaisha deshita kke?
 где GEN кинокомпания быть.ADR.PF QUEST
 ‘Что это за кинокомпания, у которой в заставке лев ревет?’

Звук, обозначаемый *unaru*, по данным толковых словарей должен быть негромким, вибрирующим и напряженным. Видимо, именно из-за последней характеристики в сферу *unaru* не попадает кошачье мурлыканье (для мурлыканья предпочитается выражение *nodo o narasu* букв. «заставлять горло звучать»); так, в следующем примере кошка выражает агрессию:

- (6) *Se no ke o sakadatete ū tto unaru neko*
 спина GEN волос ACC топорщить у-у QUOT рычать кошка
o jiro-jiro kansatsu suru.
 ACC пристально наблюдение делать
 ‘[Чтобы представить дикого зверя, я] пристально наблюдаю за кошкой, ворчащей: «У-у-у», вздыбив шерсть на спине’.

Глагол *saezuru* «щебетать» обозначает звук, издаваемый певчими птицами:

- (7) *Hibari ga saezuru no wa kyūai kōdō de ari,*
 жаворонок NOM щебетать SUBST TOP брачный действие быть.INF
teritori sengen de mo aru.
 территория заявление быть.INF тоже быть
 ‘Когда жаворонок поет, это брачный ритуал, а также защита территории’.

Словари разрешают использовать этот глагол применительно к песням насекомых (некоторые японские насекомые издают высокий, чистый звук, похожий на птичье пение); однако в исследовании Miyajima 1972 информанты забраковали сконструированный пример со сверчком, в блогах такие примеры тоже редки:

- (8) *Suzumushi no saezuru kireina ne no suru yoru ni*
 сверчок GEN щебетать красивый голос GEN делаться ночь в
 ‘Ночью, когда слышен красивый голос щебечущих сверчков’.

Глагол *inanaku* исторически является производным от *naku* ‘издавать звук’. Он обозначает конское ржание и может, в зависимости от представлений говорящего о мире, распространяться на оленей, зебр, единорогов и прочих животных, которых тот сочтет похожими на лошадей:

- (9) *Mado no soto ni wa,*
 окно GEN снаружи в топ
ippiki dake nokosareta tonakai ga inanaite-ita.
 один только остаться.PF олень NOM ржать-CONT.PF
 ‘За окном ржал последний оставшийся северный олень’.

Таким образом, в японском языке оказываются лексикализованы звуки собак и хищников, а на периферии системы представлены лошади и мелкие птицы — набор в высшей степени странный с точки зрения культуры, природы и здравого смысла. Как могло случиться, что в нем отсутствуют мыши, лягушки, домашний скот или, скажем, кошки, которые известны в Японии как минимум с IX в.? Разумеется, обозначения для звуков всех этих и других животных есть, но они не выражаются глаголами: эту роль берут на себя идеофоны.

Необычность этой ситуации замечают даже носители языка, не являющиеся специалистами. Встретился пример блога, автор которого пересказывает американскую брошюру о «языке» кошек, подбирая в пару к английским глаголам идеофоны (*growl* — *gu-ru-ru* ‘ворчание’, *shriek* — *gya* ‘крик’, *hiss* — *shā / fū* ‘шипение’, *spit* — *fusha* ‘фыркание’, *purr* — *goro-goro* ‘мурлыканье’), и напрямую связывает малочисленность звуковых глаголов в японском с богатством идеофонов.

Звуковая лексика, и в особенности звуки животных — область, активно обслуживаемая идеофонами даже в тех языках, где их в целом не очень много (ср. в русском языке слова, образованные от звукоподражаний: *мяукать*, *квакать*, *кукарекать* и т. п.). В японском же идеофоны вообще чрезвычайно сильно развиты. Они составляют особый подкласс лексики, причем к собственно звукоподражательным единицам примыкают так называемые «образоподражательные», которые строятся по таким же морфологическим моделям и так же ведут себя синтаксически, но характеризуют тактильные, эмоциональные, болевые, зрительные и прочие ситуации; так, в примере (6) выше *ū* «у-у-у» — идеофон ворчания, а *jiro-jiro* — «образоподражательный» зрительный идеофон, означающий «пристально».

3. Идеофоны

Привести полный список японских идеофонов, обозначающих звуки животных, вряд ли возможно. В этой группе слов легко образуются окказионализмы, а для более или менее устоявшихся единиц обычно существует целый набор вариантов, различающихся наличием или отсутствием редупликации, гортанной смычки на конце слога и иногда долготой гласного или глухостью-звонкостью согласного, причем в разных сочетаниях этих факторов.

Несколько примеров самых популярных идеофонов голосов животных из словарей: кошки — *nya*, *nyan*; козы и овцы — *mē*, коровы — *mō*, свиньи — *bū*, мыши — *chū*,

петухи — *kokkekokkō*, цыплята — *piyo*, лягушки — *kero-kero*, полет крупных насекомых — *bun*, разные виды цикад — *mīn-mīn*, *jā-jā*, *jīn-jīn* и др. Многие из этих корней служат названиями соответствующих животных в детской речи, а словом *wan-chan* (идеофон лая *wan*, оформленный аффиксом, который образует уменьшительные формы от имен собственных) часто ласково обозначают собак и взрослые.

Синтаксически идеофоны обычно используются как зависимые при глаголах. Они присоединяются к ним либо непосредственно, подобно наречиям, либо через показатель цитации *to*, аналогично цитируемой речи у речевых глаголов; для многих единиц бывают возможны обе конструкции:

- (10) *Kion wa sore hodo demo nai noni,*
 температура тор такой даже нет хотя
semi ga mīn-mīn naite-masu.
 цикада ном мин-мин кричать-CONT.ADR
 ‘Особой жары нет, но цикады **кричат**: «МИН-МИН»’.

- (11) *Semi ga mīn-mīn to naite kore zo masani Nihon no natsu!*
 цикада ном мин-мин quot кричать.GER это ном вправду Япония gen лето
 ‘Цикады **кричат**: «МИН-МИН», вот оно, настоящее японское лето!’

Глагол *naku* ‘кричать’, как в двух предыдущих примерах — излюбленный спутник идеофонов; его собственное значение настолько широко, что является почти пустым, а идеофоны конкретизируют характер звука. Сочетаются они и с другой лексикой — с частными звуковыми глаголами (6, 12, 13), а также с незвуковыми глаголами (14, 15, 21, 39):

- (12) *Inu wa inu, wan to hoeru mono.*
 пес тор пес гав quot лаять subst
Ookami wa ookami, uō to hoeru mono.
 волк тор волк у-у quot лаять subst
 ‘Собаки — это собаки, они **лают**: «Гав». Волки — это волки, они **воют**: «У-у-у»’.

- (13) *Hōhokekyo to saezutte-kuretara,*
 чирик quot щебетать-BEN.TEMP
uguisu to wakariyasui no desu ga...
 камышовка quot понятный subst быть.ADR хотя
 ‘Камышовку несложно было бы опознать, если бы она **прошебетала**: «ХОХО-КЭКЭ»’ (песня этого вида птиц передается в японском языке словом *hōhokekyo* так же устойчиво и привычно, как в русском языке крик петуха словом *кукареку*).

- (14) *Hachi toka hae toka bun-bun tobi yōna mushi*
 пчела или муха или бу-бу летать такой насекомое
nara mada yoi no desu ga...
 если еще хорошо subst быть.ADR хотя
 ‘Всеякие пчелы, мухи и другие насекомые, которые **шумно летают** (букв. «летают бу-бу»), это еще ничего...’

- (15) *Yotte kite, nyā to amaeru koneko*
 приходит. GER мяу QUOT ластиться котенок

‘Котенок, который подходит, ластится и мяукает (букв. «ластится мяу»)’.

Идеофоны как класс способны также сочетаться со вспомогательным глаголом *suru* ‘делать’, но для звуков животных это нехарактерно, встречаются лишь единичные примеры:

- (16) *Neko ga nyā-nyā shite-te urusakute kanawan.*
 кот NOM мяу-мяу делать-CONT. GER надоедливый. GER нестерпим

‘Кот мяукает (букв. «делает мяу-мяу»), надоедливый, надоедливый.’

Для японских идеофонов нехарактерна полисемия. Возможно, причина этого в самом их обилии; за новой ситуацией, скорее, закрепляется новая единица, чем расширяется значение уже имеющейся. В частности, идеофоны для смеха и плача — области, куда звуки животных типологически хорошо проникают, — в японском языке многочисленны, но не метафоричны¹. Впрочем, те случаи полисемии идеофонов, обозначающих звуки животных, которые отмечены в толковых словарях, подтверждаются примерами:

Рī-рī ‘писк’ — птицы и артефакты:

- (17) *Рī-рī to naite esa o nedaru hina*
 пи-пи QUOT кричать. GER корм ACC кланчить птенец

‘Птенцы, пища (букв. «крича пи-пи») выпрашивающие корм’.

- (18) *Pasokon ga pī-pī natte kidō shinai.*
 компьютер NOM пи-пи звучать. GER запуск делать. NEG

‘Компьютер пицит (букв. «звучит пи-пи») и не включается’.

Јī-јī ‘жужжание’ — цикады и артефакты:

- (19) *Јī-јī to naku semi no koe o kikinagara*
 жжж QUOT кричать цикада GEN голос ACC слушающая

‘Слушая голос жужжащих (букв. «кричащих жжж») цикад’.

- (20) *Mado no soto ni wa јī-јī to naru akai neon sain.*
 окно GEN снаружи в топ жжж QUOT звучать красный неон знак

‘За окном жужжащая (букв. «звучащая жжж») красная неоновая вывеска’.

- (21) *Јī-јī yaku oto ga shite, kogekusai yōna nioi ga shita.*
 жжж жарить звук NOM делаться. GER паленый такой запах NOM делаться. PF

‘Раздался звук, как будто [что-то] жарят (букв. «звук, как будто жарят жжж»), и запахло паленым’.

¹ Е. В. Киршианова. «Ономапоэтические слова в устной неформальной коммуникации молодых японцев». Дипломная работа. Институт лингвистики РГГУ, 2011.

Chū ‘писк’ — мыши и чмокающие звуки:

- (22) *Demo nezumi ga zutto chū-chū naite-te,*
но мышь ном постоянно чмок-чмок кричать-CONT.GER
kawaisō ni omoete-kita.
жалко в казаться-MOD.PF

‘Но мышка все время **пищала** (букв. «**кричала чмок-чмок**»), и мне стало ее жаль’.

- (23) *Sutorō de o-cha o chū-chū to nonde-ita.*
соломинка INSTR чай ACC чмок-чмок QUOT пить-CONT.PF

‘Она **шумно пила** (букв. «**пила чмок-чмок**») чай через соломинку’.

- (24) *Otto to watashi de ryōgawa kara musuko no*
муж и я INSTR обе стороны из сын GEN
hoppe ni chū shita ato
щека в чмок делать.PF после

‘После того, как мы с мужем с обеих сторон **поцеловали** (букв. «**сделали чмок**») сына в щеки’.

Kī-kī ‘визг’ — птицы, артефакты и речь:

- (25) *Mozu ga kī-kī to naku kisetsu*
дрозд ном ки-ки QUOT кричать сезон

‘Сезон, когда **визгливо кричат** (букв. «**кричат ки-ки**») дрозды’.

- (26) *Jitensha no burēki ga kī-kī to naru.*
велосипед GEN тормоз ном ки-ки QUOT звучать

‘Тормоза велосипеда **скрипят** (букв. «**звучат ки-ки**»)’.

- (27) *Ojisan no ikari ga osamaru to, kondo wa obasan ga*
дядя GEN гнев ном стихнуть когда теперь топ тетя ном
kī-kī to koe o agete kanojo o shikaritsuketa.
ки-ки QUOT голос ACC поднять.GER она ACC ругать.PF

‘Когда утих гнев дяди, тетка в свой черед стала ее ругать, **визгливо крича** (букв. «**поднимающая голос ки-ки**»)’.

Bū-bū ‘глухой звук’ — свиньи, кролики, артефакты и речь:

- (28) *Buta tte hontōni bū-bū naku n da nā.*
свинья QUOT вправду бу-бу кричать SUBST быть EXCL

‘Надо же, свиньи и правда **хрюкают** (букв. «**кричат бу-бу**»)’.

- (29) *Usagi wa kigen ga warui to*
кролик топ настрой ном плохой когда
«bū-bū» to naku n desu yo!
бу-бу QUOT кричать SUBST быть.ADR EXCL

‘Оказывается, когда кролик недоволен, он **бубнит** (букв. «**кричит бу-бу**»)!’

(30) *FAX ga b̄u-b̄u to natta.*

факс ном бу-бу QUOT звучать.PF

‘Загудел (букв. «завучал бу-бу») факс’.

(31) *B̄u-b̄u to guchi o iiau no ga suki na no desu.*

бу-бу QUOT жалоба ACC говорить друг другу SUBST ном любимый SUBST быть.ADR

‘Мы ведь любим **жаловаться** (букв. «**говорить** жалобы бу-бу») друг другу [на коллег]’.

kon ‘сухой отрывистый звук’ — лисы, сухой кашель и стук:

(32) *Tooku de kitsune ga kon to naita.*

даль в лиса ном чпок QUOT кричать.PF

‘Вдалеке **тявкнула** (букв. «**крикнула** чпок») лисица’.

(33) *Kazegimi ni natta kodomo ga,*

простуженный в стать.PF ребенок ном

kon to seki o shita totan ni

чпок QUOT кашель ACC делать.PF сразу

‘Как только простуженный ребенок **кашлянул** (букв. «**сделал** кашель чпок»)’

(34) *Atama o kyōkasho de kon, to tataita.*

голова ACC учебник INSTR чпок QUOT стукнуть.PF

‘Легонько **стукнул** (букв. «**стукнул** чпок») его по голове учебником’.

kyag² ‘крик’ — различные животные и человек:

(35) *Ushigaeru wa ningen ni mitsukarisō ni nattara*

лягушка-бык топ человек к найтись.MOD в стать.TEMP

kyag to naite mi o hisomemasu.

кя QUOT кричать.GER тело ACC прятать.ADR

‘Лягушка-бык, когда попадает на глаза людям, **вскрикивает** (букв. «**кричит** кя») и прячется’.

(36) *Yo ga akeru mae kara yamasemi ga yatte kuru*

ночь ном кончиться перед с зимородок ном прилетать

no o matte, kyag-kyag to naite

SUBST ACC ждать.GER кя-кя QUOT кричать.GER

kita toki no kibun wa saikō desu ne.

приходить.PF время GEN настроение топ лучший быть.ADR EXCL

‘Когда еще с темноты ждешь, чтобы появился зимородок, и он прилетает, **громко крича** (букв. «**крича** кя-кя») — это восхитительное ощущение’.

² G здесь обозначает гортанную смычку (в общепринятых системах транслитерации японской графики нет обозначения для гортанной смычки, когда она выступает в качестве самостоятельного звука).

- (37) *Kinjo no nora neko wa, dakko shiyō to mochiageru*
 соседство GEN дикий кошка TOP объятие делать.FUT QUOT поднять
toki ni kanarazu “kyaG” to nakimasu. Kore wa dōiu
 время в непременно кя QUOT кричать.ADR это TOP какой
hannō desu ka? Ningen no “kyā!” toiu sakebigoe no
 реакция быть.ADR QUEST человек GEN кя QUOT вопль GEN
yōna kanji deshō ka?
 такой ощущение быть.ADR.FUT QUEST

‘Местная бродячая кошка, когда я ее подхватываю на руки, непременно **вскрикивает** (букв. «**кричит кя**»). Какая это реакция? Что-то вроде **испуганного вопля** (букв. «вроде **вопля: кя-а!**») у людей?’

- (38) *Nandaka “kyaG-kyaG” to urusai na to omotte furikaeru to...*
 что-то кя-кя QUOT шумный EXCL QUOT думать.GER обернуться когда
saru no mure ga dōro o ōdan shite-imashita.
 обезьяна GEN стая NOM шоссе ACC пересечение делать-CONT.ADR.PF

‘«Что-то **шумно** (букв. «**шумно кя-кя**»)», — подумал я, обернулся — а это стая обезьян переходила шоссе [в национальном парке]’.

- (39) *Kodomo-tachi ga kyaG-kyaG to tanoshisō-ni asonde-ita*
 ребенок-PL NOM кя-кя QUOT весело играть-CONT.PF
 ‘Дети весело и **шумно играли** (букв. «весело **играли кя-кя**»)’.

От общего количества идеофонов животных приведенные выше единицы составляют очень небольшую часть, но можно видеть, что их значения укладываются в модели полисемии, типологически релевантные для этого поля: одним идеофоном может обозначаться звук независимо от того, издает его животное или механизм (свист, жужжание), а также животное или человек (визг, крик).

4. Семантические переходы глаголов

У глаголов, обозначающих звуки животных, полисемия проявляется ярче, чем у идеофонов.

4.1. Naku

Применительно к людям глагол *naku* используется чрезвычайно широко и значит «плакать» (и в этом значении записывается другим иероглифом, чем применительно к животным). С одной стороны, можно расценить плач как крик животного, которое называется «человек» — звук живого существа, не являющийся речью, как не являются речью звуки других животных, — и усмотреть здесь широту значения, а не полисемию:

- (40) *Okuyama no ike no hotori ni naku kistune.*
 горы GEN озеро GEN край в кричать лиса

onore naku tomo kono ko nakasu-na.
сам кричать хотя этот ребенок плакать.CAUS-IMV.NEG

‘Лисица, которая кричит возле озера в горах, сама кричи, а эту детку не заставляй кричать / плакать’ (*nakasu* — каузатив от *naku*) — народный заговор от детского плача (Suzuki Touzou. *Nihon zokushin jiten* [Словарь японских суеверий]. Токио. 1982, р. 207).

С другой стороны, еще в классической японской поэзии обыгрывание этих двух значений часто использовалось как художественный прием, а такая игра каламбурами указывает на то, что значения осознавались как отдельные:

(41) *Hitogokoro // uki ni wa tori ni // taguetsutsu //*
чужая_душа печаль к тор петух к уподобляясь
naku yori hoka no // koe wa kikaseji
плакать кроме иной GEN голос тор слышать.CAUS.POT.NEG

букв. «Оттого, что ты печален, я способна лишь плакать/кричать, подобно петухам» (*Ochikubo monogatari* [Повесть о прекрасной Отикубо], X в.).

Показательно, что *naku* может обозначать и беззвучный плач:

(42) *Narereba, oto o tatezu-ni naku no wa angai*
привыкнуть.TEMP звук ACC издавать.NEG плакать SUBST TOP неожиданно
kantan datta.
простой быть.PF

‘Плакать, не издавая звука, оказалось на удивление несложно, стоило привыкнуть’.

В отличие от английского глагола *cry*, семантика которого тоже охватывает и звуки животных, и плач, *naku* не может обозначать человеческий громкий крик (для крика есть глаголы *sakebu* ‘вопить’ и *donaru* ‘орать’, но они являются в первую очередь речевыми).

У *naku* имеется также терминологическое значение в игре маджонг — ‘объявить определенную комбинацию костей’, а также значение ‘уступить, сделать скидку’; материал пока не позволяет судить об их связи с основной семантикой.

4.2. Unaru

Глагол *unaru* «рычать» применительно к людям обозначает стон. По сравнению с *naku* ситуация с ним более похожа на единое широкое, нерасчлененное значение; в частности, именно так *unaru* трактуется в исследовании Miyajima 1972, с. 98 — там утверждается, что семантика этого глагола охватывает «всех млекопитающих, включая человека».

Это может быть как неконтролируемый стон от боли (43), так и выражение эмоций, например, восхищения (44, 67), а также вокализованные паузы при напряженном раздумье, употребление, не выделяемое большинством словарей (45):

(43) *Shisei o kaeru tabi ni itami ni unatte-ta.*
поза ACC менять раз в боль к стонать-CONT.PF

‘Я стонал от боли каждый раз, как менял позу’.

- (44) *Daremo ga Chappurin no pantomaimu no*
 каждый NOM Чаплин GEN пантомима GEN
umasa ni unatte-shimau-darō.
 мастерство к стонать-MOD-FUT

‘Каждый, наверное, невольно **ахнет** от мастерства пантомимы Чаплина’.

- (45) *Mondai o toite-ite, ūn to unatte*
 задача ACC решать-CONT.GER у-у QUOT стонать.GER
empitsu ga tomatte-iru no desu ga.
 карандаш NOM останавливаться-CONT SUBST быть.ADR ХОТЯ

‘[Ученик], решая задачу, **замычал**: «э-э-э» и не пишет дальше’.

В некоторых словарях стон от боли и подобных физиологических стимулов и стон как выражение положительных эмоций выделяются в качестве разных значений. Однако надо отметить, что поведение субъекта, выражающего таким способом чувства, очень часто описывается как неконтролируемое — в примере (44) вместе с *unaru* употреблен модальный глагол *shimau*, который в данном случае передает неконтролируемость ситуации, — так что провести границу между употреблениями первого и второго типа сложно. Может оказаться целесообразнее не разделять их; даже если не все примеры вида (44) и (67) относятся к ситуациям, когда люди реально издают звук, логичнее рассматривать их как гиперболу, а не как метонимию.

В случае еще одного значения, относящегося к человеку, разумно согласиться с принятой в словарях трактовкой его как отдельного — *unaru* описывает горловое пение как музыкальный термин:

- (46) *Nihon no ōkesutora ga ... Uin warutsu o umaku konaseru*
 Япония GEN оркестр NOM Вена вальс ACC хорошо выполнять.POT
nishite mo, sore wa chōdo gaijin ga rōkyoku o unaru
 если даже это тор точно иностранец NOM баллада ACC рычать
yōna mono de...
 такой вещь быть.GER

‘Даже если японский оркестр сумеет <...> успешно справиться с венским вальсом, это будет то же самое, что [для нас] традиционная японская баллада в исполнении иностранца (букв. «то, как иностранец **рычит балладу**»)’.

Также встречаются употребления *unaru* о звуках предметов — немногочисленные примеры природных звуков (гудение ветра и преград на ветру: деревьев, проводов и т. п.) и гудение артефактов, главным образом моторов и вентиляторов. Не вполне ясно, следует ли считать их живыми метафорами:

- (47) *Tenjō no keikōtō ga unaru oto ga kikoeru.*
 потолок GEN лампа NOM гудеть звук NOM слышаться

‘Слышно, как **гудит люминесцентная лампа** на потолке’.

- (48) *Tokiori tsuyoi kaze de densen ga unaru oto ga kikoete-ita.*
 иногда сильный ветер INSTR провод NOM гудеть звук NOM слышаться-CONT.PF

‘Временами слышался звук проводов, **гудящих** от сильного ветра’.

- (49) *Reizōko ga unari hajimeta kedo, okāsan ga “Kaikaeru yo!”*
 холодильник NOM гудеть начать.PF хотя мать NOM заменить EXCL
tte ittara tomatta.
 QUOT говорить.TEMP останавливаться.PF

‘Холодильник начал **гудеть**, но когда мать сказала: «Куплю новый!», перестал’.

Кроме того, глагол *unaru* входит в состав двух фразеологизмов. В первом из них участвует послелог *hodo* ‘настолько’: выражение *unaru hodo* имеет значение ‘в большом количестве’, обычно оно употребляется о деньгах, но не только:

- (50) *Unaru hodo supami ga kuru.*
 стонать степень спам NOM приходить
 ‘Спам приходит **пачками**’.

Вероятно, *unaru* используется в этом устойчивом сочетании как звук, издаваемый человеком от избытка чувств, т. е. *unaru hodo* надо буквально переводить как ‘до стона’; примеры такого употребления встретились в наших данных:

- (51) *Seihin wa sono suji no semmonka demo*
 продукт TOP этот область GEN специалист даже
unaru hodo no suguremono.
 стонать степень GEN шедевр

‘Продукт прекрасен **настолько, что ахнет** даже профессионал в этой области’.

Ср. также примеры типа следующего, где автор явно осознает и обыгрывает связь между фразеологизмом и свободным употреблением:

- (52) “*Kane wa unaru hodo motte-iru” nante usobuita zen zen*
 деньги TOP гудеть степень иметь-CONT QUOT хвастаться.PF позапрошлый
sōri wa, unaru hodo no o-kane o,
 премьер TOP гудеть степень GEN деньги ACC
hito o unaraseru yōna tsukaikata o shite-misete-moraitai.
 человек ACC стонать.CAUS такой расходование ACC делать-BEN-MOD

‘Пред-предыдущий премьер-министр хвастался, что денег у него **завались**; мне бы хотелось посмотреть, как он потратил бы это **аховое количество денег** таким образом, чтобы **людей заставить ахнуть**’ (*unaraseru* — каузатив от *unaru*).

Второе сочетание — *ude ga unaru* ‘показывать класс’, букв. «руки гудят»:

- (53) *Tsukuru no ga taihen desu ne. Shokunin no ude ga unaru*
 делать SUBST NOM трудно быть.ADR EXCL мастер GEN рука NOM гудеть
shimono desu ne.
 предмет быть.ADR EXCL

‘Трудно же такое изготовить! Вещь, в которой мастер блеснул искусством (букв. «в которой **гудят руки** мастера)»’.

Идиома *ude ga unaru* в словаре Daijisen объединена с *unaru hodo* в одно значение с толкованием «избыток внутренней силы». Гипотетически можно представить, что она

могла бы развиваться из *unaru hodo*, если при опущении послелога *hodo* глагол *unaru* взял на себя значение избытка. Примеры с эллипсисом *hodo* в принципе встречаются:

- (54) *Arabu ni wa sekiyū no kane ga unatte-iru.*
 араб в топ нефть GEN деньги NOM гудеть-CONT

‘У арабов **кучи** нефтяных денег (букв. «**гудят** нефтяные деньги»)’.

Семантику существительного *ude* ‘рука выше локтя’ в таком случае следует интерпретировать как реализацию его переносного значения ‘мастерство’. Однако в этой конструкции почти не встречаются другие названия способностей, такие как *sainō* ‘талант’ или *gijutsu* ‘умение’, за единичными исключениями:

- (55) *Subarashii sakuga, kōsei ryoku ga unaru shirīzu deshita.*
 прекрасный графика композиция сила NOM гудеть цикл быть.ADR.PF

‘Это был цикл [комиксов] с прекрасной графикой и блестящей композицией (букв. «где **гудит** способность к композиции»)’.

С этой точки зрения обращают на себя внимание сочетания *unaru* с китаизмом *gōwan* ‘мощные руки’, который является синонимом *ude* ‘рука’ в физическом значении. В большинстве этих примеров речь идет о драках, т. е. не исключено, что исходным был образ стремительного и мощного движения, при котором рука, рассекая воздух, в самом деле производит звук. Ср. также контексты наподобие следующего:

- (56) *Tenka-musō no tsurugi ga unaru, tsūkai kengeki akushon!*
 несравненный меч NOM гудеть веселый фехтование экшн

‘Упоительный фехтовальный боевик, где **свищет** (букв. «**гудит**») несравненный меч!’

4.3. Hoeru

Переносное значение глагола *hoeru* ‘лаять, реветь, выть’ — агрессивная речь. Из всех звуков животных, которые обслуживает *hoeru*, источником для данного значения логично считать собачий лай. Интересно, что отрицательная оценка, по-видимому, не обязательно распространяется на содержание сказанного, а в примере (58), где персонаж, спровоцировавший «лай», характеризуется как *kokoronai* «бестактный», не осуждается и агрессивная форма подачи:

- (57) *Tanin no meigen o hoeru-na. Onore no kotoba de katare.*
 другой GEN изречение ACC лаять-IMV.NEG сам GEN слово INSTR говорить.IMV

‘Не **бросайся** чужими изречениями (букв. «не **лай** изречения»). Говори своими словами’.

- (58) *Kokoronai fan kara, “Inakamono wa, kaere” toiu bunshō*
 бестактный фанат от деревенщина топ уехать.IMV QUOT текст
ga todoita. Kore ni-taishite, kantoku ga “...Inakamono no,
 NOM приходить.PF это в ответ тренер NOM деревенщина GEN

rawā o misetsukete-yarimasu yo" to hoeta... toiu no wa
 мощь ACC показать-BEN.ADR EXCL QUOT лаять.PF QUOT SUBST TOP
yūmeina episōdo ni narimashita yo-ne.
 знаменитый эпизод В статья.ADR.PF EXCL

‘Получил ведь известность эпизод, когда [перед выездным матчем] от бестактного фаната пришло сообщение: «Деревенщина, отправляйтесь домой». На это тренер **рявкнул**: «<...> Вы у нас увидите, на что способна деревенщина»’.

Примеров, где глагол *hoeru* употреблялся бы по отношению к звукам неживотного происхождения, словари почти не приводят, но так «ревут» моторы автомобилей и мотоциклов:

(59) *Igunisshon kī o tawasu to, "uon" to nobutoi oto de*
 зажигание ключ ACC повернуть если «у-у» QUOT низкий звук INSTR
enjin ga hoe, fun'iki ga ippen suru
 мотор ном реветь.INF атмосфера ном перемена делать

‘Стоит повернуть ключ зажигания, как раздается низкий **рев** мотора (букв. «мотор взрыкивает у-у-у низким звуком») и ощущение [от автомобиля] резко меняется’.

4.5. Прочие

Для глагола *saezuru* «щебетать» словари дают переносные значения о людях: о женщинах и детях, говорящих быстро и много, а также (с примерами из классической литературы XII в.) о непонятной речи иностранцев. Интересно, что звук птичьего пения, прямое значение *saezuru*, оценивается скорее как приятный, но применительно к людям глагол приобретает отрицательные коннотации. Однако современные примеры употребления *saezuru* о речи единичны.

В некотором количестве встречается калька с английского *twitter* — ‘щебетать’ как ‘делать записи в социальной сети Твиттер’:

(60) *Yotei ga nai to saezuttara "Nomu?" to hitokoto messēji.*
 план ном не_иметься QUOT щебетать.ТЕМП «Выпить?» QUOT одно_слово сообщение
 ‘Стоило **написать** (букв. «**чирикнуть**»), что планов нет — и [пришло] сообщение из одного слова: «Выпьём?»’

Впрочем, это не основной глагол для данной ситуации. Обычно высказывание в Твиттере описывается либо английским заимствованием *tsuīto-suru* букв. «делать твит», либо речевым глаголом *tsubuyaku* «бормотать».

Глагол *inanaku* «ржать» не переносится на людей. На другие звуки переносится крайне редко; удалось обнаружить одиночные примеры на электрогитару, бурчание в животе и ветер, которые, видимо, следует считать окказиональной живой метафорой.

4.6. Синтаксическое поведение

По сравнению с идеофонами синтаксис глаголов более интересен, поскольку у них есть собственные зависимые, и значение глагола отражается на оформлении его аргументов.

В прямом значении набор аргументов для глагола звука животного составляют номинативный агенс; собственно звук, выраженный идеофоном и оформленный показателем цитации или примыканием; и необязательный стимул — если он выражен именной группой, то обычно получает дативное или инструментальное оформление:

- (61) *Uchi-no aiken wa otonashisugiru n desu ne,*
 наш пес топ слишком_смирный SUBST быть.ADR EXCL
hito ni "wan!" to mattaku hoenai nde,
 человек к «гав!» QUOT совсем лаять.NEG поскольку
banken ni mattaku narimasen.
 сторож в совсем стать.NEG.ADR

‘Наша собака слишком благовоспитанная, совсем не лает (букв. «не лает гав») на людей, поэтому сторожевого пса из нее никак не выйдет’.

Можно также очеловечить животное, приписав ему в качестве звука членораздельный текст:

- (62) *Mejiro ga hana n naka ni kuchibashi o tsukkonde*
 белоглазка NOM цветок GEN нутро в клюв ACC совать.GER
"Umai-umai" to saezutte-iru.
 вкусно QUOT щебетать-CONT

‘Белоглазка³, засунув клюв в цветок, щебечет: «Вкусно, вкусно»’.

Однако главный интерес представляют случаи, когда, перейдя в другое семантическое поле, глаголы меняют свое управление на типичное для представителей этого поля.

Глагол *naku* ‘кричать’ в значении ‘плакать’ прежде всего реализует валентность стимула. Она может оформляться показателем инструмента *de* (63) или датива/локатива *ni* (64) — причем, в отличие от показателя инструмента, датив характерен именно для значения плача; дативное оформление стимула наблюдается и у ряда эмоциональных глаголов (в основном отрицательных эмоций), таких как *kurushimu* ‘мучиться’, *kuruu* ‘беситься’ и *obieru* ‘бояться’. Кроме того, глагол *naku* получает способность иногда выражать стимул как прямое дополнение, оформленное аккузативным показателем *o* (65) — при этом он демонстрирует переходное управление по образцу таких глаголов эмоций, как *tanoshimu* ‘наслаждаться’, *nageku* ‘сокрушаться’ и др.; не случайно во второй части этого примера точно так же управляет аккузативом его антоним, глагол *warau* ‘смеяться’.

- (63) *Kandō de naita koto no nai ore ga nakeru*
 восторг INSTR плакать.PF факт GEN не_иметься я NOM плакать.POT
sakuhin o oshiete-kure.
 произведение ACC научить-IMV

‘Порекомендуйте произведение, чтобы я, который никогда не плакал от восторга, смог заплакать’.

³ Вид мелкой певчей птицы.

- (64) *M. Shūmahha to dōyō-ni misu ni naita no ga Satō Takuma.*
 М. Шумахер с аналогично ошибка к плакать SUBST NOM Такума Сато

‘Подобно М. Шумахеру **плакал от ошибок** [гонщик] Такума Сато’.

- (65) *Bimbō ya ijime ya fukō o naku no wa kantan desu ga,*
 нищета и травля и беда ACC плакать SUBST TOP простой быть.ADR хотя
sore o waratte-shimau sakuhin wa kakite ni yohodo-no
 это ACC смеяться-MOD произведение TOP автор в изрядный
sainō ga nai to muzukashii no desu.
 талант NOM не_иметься если трудный SUBST быть.ADR

‘**Плакать о нищете, издевательствах или несчастье** легко, а вот произведение, которое бы **их высмеяло** — это сложно, если у писателя нет изрядного таланта’.

У глагола *unaru* ‘рычать’ в значении стоны как эмоциональной реакции содержание может быть выражено придаточным предложением:

- (66) *Itsu ni nattara zenbu kuriā dekiru n darō*
 когда в стать.TEMP все мочь пройти SUBST быть.FUT
to unaru hibi desu.
 QUOT стонать дни быть.ADR

‘Каждый день **стенаю**, когда же мне удастся пройти [компьютерную игру] целиком’.

Практически обязательной становится валентность стимула, оформляемая дативом *ni* (44) или показателем инструмента *de* (67):

- (67) *Eiga no naiyō de wa naku enjite-iru hito no*
 фильм GEN содержание быть.INF TOP не играть-CONT человек GEN
engi ryoku de unatta koto ga arimasu ka?
 игра сила INSTR стонать.PF факт NOM иметься.ADR QUEST

‘Случалось ли вам **ахнуть** не от содержания фильма, а **от мастерства** людей, которые в нем играют?’

Напротив, в качестве термина для горлового пения *unaru* становится глаголом исполнения, аналогичным *tonaeru* ‘декламировать’ или *kanaderu* ‘исполнять на музыкальном инструменте’, и утрачивает валентность стимула, зато получает обязательное прямое дополнение создаваемого объекта (46). Интересна также следующая фраза, где *unaru* дополнительно приобретает специфическую для речевых глаголов валентность способа — на каком языке исполняется песня:

- (68) *Nihongo de burūzu o unaru bokaru ni baiorin*
 яп. яз. INSTR блюз ACC рычать вокал к скрипка
to fushigina oto no kangakki ga karande...
 и необычный звук GEN духовые NOM сплетаться.GEN

‘С вокалом, гортанным блюзом (букв. «вокалом, **рычащим** блюз») **на японском языке**, переплетаются скрипка и духовые с необычным звуком’.

Для глагола *hoeru* ‘лаять, реветь, выть’ в исходном значении характерна валентность на стимул с широчайшим выбором вариантов оформления: датив (4, 61), инструмент

de (69), изредка аблатив *kara* (70), а если стимулом является физический объект, возможен даже аккузатив *o* (71). Поскольку звуки хищников, которые обозначает этот глагол, — не просто коммуникация, но также вид агрессивного поведения, соответствующий участник может рассматриваться и как объект агрессии, аналогично переходным глаголам воздействия *osou* ‘атаковать’, *kamu* ‘кусать’ и др.

(69) *Kinjo no inu ga jihō no sairen de hoeru kara*
 соседство GEN собака NOM время GEN сирена INSTR лаять поскольку
 ‘Поскольку соседская собака **воет на сигнал** точного времени’.

(70) *Kainushi ga inai koto no sabishisa kara*
 хозяин NOM быть.NEG SUBST GEN грусть от
hoeru baai ga arimasu.
 лаять случай NOM иметься.ATR
 ‘Бывают случаи, когда [собака] **лает от грусти**, что хозяин отсутствует’.

(71) *Hito o hoenai supittsu*
 человек ACC лаять.NEG шпиц
 ‘Шпиц, который не **облаивает людей**’.

Все это разнообразие исчезает в речевом значении *hoeru*, что естественно, поскольку для речевых глаголов актуален прежде всего не стимул, а содержание. Валентность содержания оформляется аккузативом *o*, как выше в примере (57), по образцу большинства глаголов речи начиная с *iu* ‘говорить’. Нередко появляются и дополнительные участники, присущие именно ситуации речи — в (72) это канал / информационный носитель «в журнале», в (73) валентность содержания расщепляется и конкретизируется специфически речевым послелогом *nitsuite* ‘касательно’:

(72) *Hiranuma wa, sayoku rondanshi “Shokun!” no 11 gatsu gō de,*
 Хиранума TOP левый журнал «Shokun!» GEN ноябрь номер в
 <...> *Kōmei-tō no waruguchi o hoete-iru.*
 партия Комэйто GEN брань ACC лаять-CONT
 ‘Хиранума **бранится** (букв. **лает брань**) на Партию чистой политики **в** ноябрьском номере левого журнала «Слушайте все!»’.

(73) *Kauntā ni suwatta erasōna ossan ga, onnanoko aite ni,*
 стойка в сестрь.PF помпезный мужик NOM девочка собеседник к
Nihon no gakkō kyōiku nitsuite erasōna koto o hoete-ta.
 Япония GEN школа образование про помпезный факт ACC лаять-CONT.PF
 ‘Сидевший у стойки самодовольный мужик, обращаясь к девочке, **изрекал** (букв. **лаял**) самодовольные вещи **о японском школьном образовании**’.

Можно особо отметить примеры, где глагол *hoeru* означает не просто агрессивную речь, а агрессивное требование. В этих употреблениях он оказывается в одном ряду с такими глаголами, как *sakebu* ‘кричать; требовать криком’, *nedaru* ‘клянуть’, которые также оформляют содержание требования или просьбы как прямое дополнение:

(74) *Jikoku no taisaku mo dekinai noni,*

своя_страна GEN меры даже мочь.NEG хотя
kakkoku e taisaku no kyōka o hoeru-na!
 все_страны к меры GEN усиление ACC лаять-IMV.NEG

‘Не можете даже принять меры в собственной стране — не **кричите**, чтобы к другим странам приняли более серьезные меры! (букв. «не **лайте усиление** мер другим странам»)’

5. Заключение

С типологической точки зрения приведенный выше материал позволяет считать, что поле звуков животных в японском языке в целом вписывается в общую картину. Хотя оно неравномерно разделено между глаголами и идеофонами и из-за этого выглядит своеобразно, в нем все же можно наблюдать некоторые из характерных семантических переходов (об их синтаксических моделях см. Главу 20 настоящей монографии). Среди типологически регулярных результирующих зон в японском материале представлены следующие:

- физиологические звуки: шумное поглощение напитков — *chū* (23), кашель — *kon* (33);
- нечленораздельный речевой шум: *kyag-kyag* (39); стон — *unaru* (43), плач — *naku* (63–65). В связи с переносом в зону, которая в Базе описывается как «Характеристика голоса: тихий голос» можно упомянуть фразеологизм *ka ga naku yōna koe* букв. «голос, похожий на то, как **кричит комар**», т. е. «слабый, едва слышный голос»;
- эмоциональные реакции человека: возглас восхищения — *unaru* (44, 67), агрессивная речь — *hoeru* (57–58) и др.;
- пение — *unaru* (68);
- звуки природы: ветер — *unaru* (48);
- звуки артефактов: писк — *pī-pī* (18), шипение — *jī-jī* (20), скрип — *kī-kī* (26), гудение — *bū-bū* (30) и *unaru* (47).

Однако экзотизм системы представляет не меньший интерес, чем те ее аспекты, которые согласуются с общими тенденциями. Как видно из только что приведенного списка, если какой-либо фрагмент поля реализован идеофоном, это не исключает полностью возможность семантических переносов, но сокращает их вероятность; доля полисемичных идеофонов составляет лишь небольшую часть от их общего количества, тогда как из рассмотренных глаголов большинство реализует одну или несколько метафор. Это значит, что наличие в языке развитого класса идеофонов должно приниматься во внимание в лексико-типологическом исследовании как особое обстоятельство, которое может наложить свой отпечаток на лексическую систему. Еще одним семантическим полем, где идеофоны существенно влияют на структуру поля, можно считать лексику боли: в этом поле идеофоны («образоподражательные», а не звуковые) тоже присутствуют активно,

в ущерб прилагательным и глаголам, и при этом характеризуются относительно небогатой метафорикой (подробнее см. Костыркин, Панина 2009, с. 381–391).

Кроме того, на японских глаголах звуков животных хорошо прослеживается процесс, при котором переход в другое семантическое поле сопровождается некоторыми изменениями в синтаксическом поведении. Две из рассмотренных лексем, непереходные в прямом значении, становятся переходными — *hoeru* ‘лаять’ > ‘агрессивно говорить’ и *unaru* ‘рычать’ > ‘петь (горловым пением)’. Возможность аккузативной реализации валентности стимула, наряду с другими способами оформления, получает и глагол *naku* ‘плакать’. Что касается *unaru* в значении ‘стонать’, то здесь изменения не столь заметны — видимо, потому, что семантически это значение ближе прочих к исходному, — но валентность стимула становится в этих употреблениях обязательной.

Список условных сокращений

ACC — показатель прямого объекта, ADR — адресив («категория вежливости»), ATR — показатель атрибутивной позиции, BEN — бенефактив, CAUS — каузативный залог, CONT — длительный вид, EXCL — модально-экспрессивная частица, FUT — сослагательное наклонение, GEN — показатель генитива, GER — деепричастная форма, IMP — повелительное наклонение, INF — инфинитив, INSTR — показатель инструмента, MOD — комплекс, оформленный модальным глаголом (значения направленности, завершенности и др.), NEG — отрицательная форма, NOM — показатель подлежащего, PASS — пассивный залог, PF — прошедшее время, PL — множественное число, POT — потенциальный залог, QUEST — вопросительная частица, QUOT — показатель цитации, SUBST — субстантиватор, TEMP — условно-временная форма, TOP — показатель топика.

Источники

- Daijisen* (Большой толковый словарь). Электронное издание. Токуо: Shogakukan, 1997.
- Hida Y., Asada H. *Gendai giongo gitaigo yōhō jiten* (Современный словарь идеофононов). Токуо: Tokyodo, 2002.
- Shinmeikai kogo jiten* (Новый объяснительный словарь старояпонского языка). Токуо: Sanseido, 1999.
- Shin waei daijiten* (Новый большой японско-английский словарь). Электронное издание. Токуо: Kenkyusha, 2003.

Глава 17. Общая характеристика лексического поля звуков животных в корейском языке¹

1. Введение

Корейский язык принадлежит к алтайской языковой семье. Однако его, как и японский, нельзя отнести ни к одной из групп алтайских языков (тюркские, монгольские и т. д.). Считается, что корейский и японский языки отделились от пра-алтайского языка по отдельности и раньше, чем алтайский праязык разделился на эти группы. В нашей работе рассматривается официальный литературный язык Южной Кореи — южно-корейский диалект. На нем говорят в большинстве городов и районов Южной Кореи (Сеул, Инчон, провинция Кёнгидо) и в отдельных районах Северной Кореи (район Кессон).

2. Морфологические характеристики глаголов звуков в корейском языке

Как и другие восточные языки, для передачи звуков, в том числе звуков животных, корейский язык часто, хоть и не всегда, использует оноματοпоэтические слова, или идеофоны. Для образования глаголов звука от идеофонов используются две связанные глагольные основы, *-keli-* и *-tay-* — обе они обозначают повторяющееся или продолжающееся действие, см. Lee 2005².

¹ Мы благодарим И. Кор Шаин и ее коллег, Е. В. Рахилину, Т. И. Резникову, членов семинара Е. В. Рахилиной по лексической типологии в МГУ в 2010–2011 гг., участников IX Международной конференции «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки» (LESEWA-9), 2011 г., Москва, ИСАА, а также редакторов данной монографии за ценные замечания и дополнения. Несем ответственность за все ошибки и опечатки.

² По поводу различий между *-keli-* и *-tay-* существуют разные точки зрения. Согласно словарю SKLD (1999), *-keli-* представляет собой «суффикс, который служит для образования глагола и, кроме того, обозначает продолжение какого-либо состояния, а *-tay-* — это синоним *-keli-*». Согласно Lee 2005: 68, значения и функции *-keli-* и *-tay-* практически идентичны, но аффикс *-keli-* более продуктивен, чем *-tay-*. Оба эти аффикса обозначают ‘повторение действия’;

Основой глаголов, содержащих *-keli/-tay-ta*, является идеофон. Идеофон определяется как онomatopoeическое слово, служащее для передачи визуального, акустического или другого признака. Помимо основы глагола, идеофон может выступать как наречие, находясь в предглагольной позиции: ср. *sallang.sallang pul-ta* ‘дуть легко, тихонько’ (сочетание идеофона *sallang.sallang* ‘быть легким, слабым’ и глагола *pul-ta* ‘дуть’).

Согласно Чау 1993: 64, важной морфологической характеристикой идеофонов является редупликация, которая зависит от кратности образа (однократный или повторяющийся) и его прерывности (прерывный или непрерывный). Вот группы глаголов звука с основами-идеофонами, выделяемые в Чау 1993³:

- 1) *И(И)*: единичный или повторяющийся звук; редупликация возможна: например, *kkwayk(kkwayk)* <гусь, утка> ‘кря-кря’, *pung(pung)* <жук, шмель> ‘жжж...’.
- 2) *III*: повторяющийся звук; редупликация обязательна. Так, в корейском лай собаки не может быть единичным звуком: ср. **meng* и *meng.meng* <собака> ‘гав-гав’, или **kkwul* и *kkwul.kkwul* <свинья> ‘хрю-хрю’.
- 3) *И*: единичный звук или крик; редупликация невозможна. Подобные идеофоны встречаются редко и не образуют глаголов с помощью *-keli/-tay-ta*, как, например, *kkokkio* <петух> ‘кукареку’:

- (1) *Talk-i* *kkokkio* *wul-ess-ta* // **kkokkio-keli/-tay-ess-ta*⁴
 петух-ном кукареку.ИД кричать-РСТ-ДЕКЛ // кукарекать-РСТ-ДЕКЛ
 ‘Петух крикнул ‘кукареку’.’

В лексическое поле звуков животных входят, с одной стороны, глаголы, образованные от идеофонов (*wul-ta* ‘кричать <о диком животном>’), а с другой — глаголы,

они сочетаются с идеофонами, у которых есть семантический признак [+ активность], ср., например: *huntul.huntul (anc-a-iss-ta)* ‘(сидеть) качаясь’ и *huntul(*huntul)-keli/-tay-ta* ‘качаться’. Ни *-keli-ta*, ни *-tay-ta* не сочетаются с идеофонами с семантическим признаком [-активность], то есть с теми, которые характеризуют состояние, как, например, *cwuleng.cwuleng* ‘в большом количестве’. Так, возможен пример (*yelmay-ka*) *cwuleng.cwuleng talli-ta* ‘много (фруктов) висит’ (букв. «фрукты в большом количестве висят»), но *cwuleng.cwuleng* не сочетается ни с одной из основ *-keli/-tay-*: **cwuleng.cwuleng-keli/-tay-ta*.

Существуют и другие объяснения различий между *-keli-* и *-tay-*, например, отмечается, что *-tay-* обозначает ‘более активное’ или ‘более интенсивное’ действие — Lee 2005: 71. Таким образом, различие между *-keli-* и *-tay-* пока не очень хорошо изучено. Для настоящего исследования это различие не очень существенно: обе глагольные основы *-keli-* и *-tay-* одинаково часто образуют глаголы звуков животных, и при образовании большинства глаголов возможны и *-keli-*, и *-tay-*.

- 3 Следующие примеры взяты из словаря SKLD 1999. *И* обозначает основу идеофона, которая может быть удвоена.
- 4 В примерах и далее в разделах 3–6 при написании глагола звука, образованного от идеофона, мы не отделяем дефисом *-keli/-tay-*, например, пишем не *wing.wing-keli-ta*, а *wing.wing.keli-ta*. Это связано с тем, что морфологическая структура глаголов, образованных от идеофонов, в пп. 3–6 отходит на второй план: *wing.wing.keli-ta*, например, переводится как ‘жужжать’, а не как ‘повторять [звук] жжж...’.

образованные от редуцированных и нередуцированных идеофонов. Выделяется четыре класса глаголов, образованных от идеофонов. Признаками для деления на эти классы являются такие характеристики звука, как однократность / повторяемость и прерывность / непрерывность; эти признаки до некоторой степени коррелируют с только что описанными тремя группами, выделенными в Chau 1993.

- А) **И(И) -keli/-tay-ta**: Основу глагола на *-keli/-tay-ta* составляет идеофон, обозначающий прерывный, одиночный или повторяющийся крик, ср. *yaong(yaong)* <кошка> ‘мяу(-мяу)’ → *yaong(yaong)-keli/-tay-ta* ‘мяукать’. Другие подобные образования:
- (2) *cciluluk(cciluluk)-keli/-tay-ta* <кузнечик> ‘стрекотать’,
kkokkotayk(kkokkotayk)-keli/-tay-ta <курица> ‘кудахтать’,
kkwululuk(kkwululuk)-keli/-tay-ta <курица> ‘быстро кудахтать (от возбуждения)’,
ululeng(ululeng)-keli/-tay-ta <лев, дикие животные> ‘рычать’,
ppiak(ppiak)-keli/-tay-ta <цыпленок> ‘пищать’,
kkaykayng(kkaykayng)-keli/-tay-ta <собака> ‘скулить’.
- В₁) **ИИ -keli/-tay-ta**: Основа глагола на *-keli/-tay-ta* всегда является редупликацией идеофона, обозначающего прерывный звук: например, *ccayk.ccayk* <воробей> ‘чирик-чирик’ → *ccayk.ccayk-keli/-tay-ta* ‘чирикать’. Другие глаголы этого типа:
- (3) *kkak.kkak-keli/-tay-ta* <сорока, ворона> ‘каркать’,
kkwayk.kkwayk-keli/-tay-ta <гусь, утка> ‘гоготать’,
pwung.pwung-keli/-tay-ta <жук, пчела> ‘жужжать’,
wayng.wayng-keli/-tay-ta <летающие насекомые: муха, комар, пчела> ‘громко жужжать’,
wing.wing-keli/-tay-ta <летающие насекомые> ‘жужжать’,
ing.ing-keli/-tay-ta <летающие насекомые> ‘тихо жужжать, зудеть’,
ccik.ccik-keli/-tay-ta <мышь> ‘пищать’,
kkek.kkek-keli/-tay-ta <фазан> ‘кричать’,
ppayk.ppayk-keli/-tay-ta <птенец, птица> ‘петь, кричать’,
khayng.khayng-keli/-tay-ta <шакал, лиса> ‘лаять, выть’,
kkayng.kkayng-keli/-tay-ta <шакал> ‘выть’.
- В₂) **ИИИ -keli/-tay-ta**: Основа глагола на *-keli/-tay-ta* всегда состоит из редуцированного идеофона, обозначающего повторяющийся или продолженный звук, ср. *kkwul.kkwul* <свинья> ‘хрю-хрю’ → *kkwul.kkwul-keli/-tay-ta* ‘хрюкать’. Вот другие примеры глаголов этого типа:
- (4) *kol.kol-keli/-tay-ta* <курица> ‘кулдыкать’ [в корейском *kol.kol-keli/-tay-ta* обозначает похожий на ‘кулдыкать’ звук, который издает курица],
kheng.kheng-keli/-tay-ta <собака> ‘громко лаять’,
meng.meng-keli/-tay-ta <собака> ‘тявкать’,
kwu.kwu-keli/-tay-ta <голубь> ‘ворковать’.
- С) **И -keli/-tay-ta** — эта модель встречается редко и обычно обозначает повторяющиеся или продолженные звуки. Идеофон, служащий основой, чаще всего стоит в предглагольной позиции и тогда обязательно подвергается редупликации,

например: *caycal.caycal nolayha-ta* <птица> ‘щебеча, петь’ (комбинация идеофона-наречия *caycal.caycal* и глагола *nolayha-ta* ‘петь’). Если же от такой основы образуется глагол на *-keli/-tay-ta*, редупликация невозможна: *caycal(caycal) → caycal(*caycal)-keli/-tay-ta* <птица> ‘петь’.

Приведенный в п. С) пример показывает, что ограничения на редупликацию идеофона-наречного модификатора не совсем такие, как у того же идеофона, когда он выступает как основа глагола на *-keli/-tay-*. Еще один идеофон — *pung* <жук, пчела> — может факкультативно подвергаться редупликации в позиции наречия (*pung(pung)* <жук, пчела> ‘жжж...’), но обязательно выступает в редуплицированной форме, являясь основой глагола (*pung.pung-keli/-tay-ta* ‘жужжать’). Таким образом, иногда отдельные лексемы подчиняются индивидуальному правилу редупликации, в дополнение к семантическим правилам деления глаголов на классы, которые были приведены выше.

Для обозначения звуков, издаваемых быками, баранами, козлами, используется только конструкция с идеофоном-наречием, после которого ставится глагол *wul-ta* ‘кричать <о диком животном>’. Конструкция с идеофоном-наречием характерна и для других восточных языков, например, она распространена в японском — см. Костыркин, Панина 2009, а также Главу 16 настоящей монографии⁵, ср. в корейском — *may.may wul-ta* ‘мычать’ (букв. «кричать ‘мее-мее’») — вместо **may.may-keli-ta*, см. (5а) и (5б):

- (5) а. *Yang-i may.may wul-ess-ta*
баран-НОМ бляеть.ИД кричать-РСТ-DECL
‘Баран бляел’.
- б. *Kwittwulami-ka kwittwul.kwittwul wu-n-ta*
сверчок-НОМ стрекотать.ИД кричать-PRS-DECL
‘Сверчок стрекочет’.

Хотя большинство глаголов звуков животных образовано от основ идеофонов, около десяти лексем из этого семантического поля с идеофонами не связаны, например, *cic-ta* <собака, сорока, ворона> ‘кричать, лаять’, *wucic-ta* <птица> ‘кричать, галдеть’, *wulpu-cic-ta*, *phohyoha-ta* <дикое животное> ‘выть, реветь’.

3. Лексическое поле звуков животных в корейском

Лексическое поле глаголов, обозначающих звуки животных в корейском, достаточно обширное. Основной глагол *wul-ta* ‘кричать, реветь’ (о диком животном, птице), а также ‘плакать’ (о человеке) можно употребить в применении ко многим животным и птицам⁶.

⁵ В японском языке, как и в корейском, эта конструкция возможна наряду с глаголами, образованными от идеофона-основы.

⁶ В отличие от корейского, в русском для птиц и некоторых животных (например, осла) используется глагол *кричать*, для хищных птиц (орла, коршуна и т. д.) также — *клокотать*, а для диких животных — *реветь*.

- (6) а. *Hwangsay-ka wul-ess-ta*
аист-НОМ кричать-PST-DECL
'Аист кричал'.
- б. *Wuli an-eyse saca-ka wu-n-ta*
клетка В.POST-LOC.STAT лев-НОМ кричать-PRS-DECL
'В клетке лев ревет'.

Звуки, издаваемые большими хищными животными, в основном описываются тремя глаголами — (а) *wulpucic-ta* 'выть, реветь' (о волке, медведе, льве, леопарде, тигре), (б) *phohyoha-ta* (синонимичен *wulpucic-ta*), (в) *ululeng.keli-ta* 'рычать' (о льве, леопарде, рыси, тигре, собаке); последний глагол образуется от идеофона.

- (7) а. *Saca-ka / Nuktay-ka wulpucic-ess-ta*
лев-НОМ / волк-НОМ реветь-PST-DECL
'Лев / Волк ревел'.
- б. *Wuli an-eyse saca-ka / nuktay-ka phohyoha-ko iss-ta*
клетка В.POST-LOC.STAT лев-НОМ / волк-НОМ реветь-CONV быть-DECL
'В клетке ревет лев / волк'.
- в. *Saca-ka ululeng.keli-ess-ta*
лев-НОМ рычать-PST-DECL
'Лев рычал'.

Собака также может лаять (*cic-ta*), тявкать (*meng.meng.keli-ta*) или громко лаять (*kheng.kheng.keli-ta*).

- (8) а. *Kay-ka nachsen salam-eykey sanapkey cic-e-tay-ss-ta*
собака-НОМ незнакомый человек-ДАТ яростно лаять-INF-ITER-PST-DECL
'Собака яростно лаяла на незнакомца'.
- б. *Kay-ka khun soli-lo meng.meng.keli-n-ta*
собака-НОМ большой звук-INST тявкать-PRS-DECL
'Собака громко тявкает'.
- в. *Kay-ka mellise kheng.kheng.keli-n-ta*
собака-НОМ издали громко.лаять-PRS-DECL
'Собака издали громко лает'.

Поскольку звуки животных нечленораздельны, не являются речью или звуками человека, представляет интерес, по каким параметрам можно различать эти звуки. В разделе 2 уже говорилось о параметрах одно- / многократности и прерывности / продолженности. Некоторые исследователи⁷ предлагают различать звуки с точки зрения восприятия человеком, то есть по таким параметрам, как акустические характеристики звука

⁷ См. рецензию Н. М. Стойновой на книгу Urdze 2010 (Стойнова 2011). В соответствии с Urdze 2010, в основе смысловозначительных компонентов для глаголов звука в латышском языке лежат в первую очередь акустические признаки.

и эмоциональные ассоциации, сопровождающие этот звук. Оказывается, что для лексического поля звуков животных в корейском эти параметры являются различительными.

Первый параметр выявляет специфику корейской лексики, в которой есть большое количество идеофонов или слов, образованных от идеофонов. Например, жужжание разных насекомых описывается различными глаголами в зависимости от тембра звука. Жужжание крупных насекомых (жук) более низкое, оно ассоциируется со звуком [u] (*pung.pung.keli-ta*). Почти для всех насекомых (комар, пчела, шмель, муха) используются *wayng.wayng.keli-ta*, *wing.wing.keli-ta*, *ing.ing.keli-ta*, эти три глагола обозначают более громкое (*wayng.wayng.keli-ta*) или менее громкое (*wing.wing.keli-ta* и особенно *ing.ing.keli-ta*) жужжание, см. (9а–г). Интересно, что более громкое жужжание ассоциируется с [ɛ] (*ay* в транслитерации), а тихое — со звуком [i]. Эти примеры показывают, что в лексическом поле звука в корейском акустические характеристики играют значительную роль.

- (9) а. *Mutangpelley-ka* ***pung.pung.keli-n-ta***
 жук-NOM жужжать-PRS-DECL
 ‘Жук **жужжит**’.
- б. *Moki-ka tteyng-lul ci-e wayng.wayng.keli-n-ta*
 комар-NOM стая-ACC строить-INF жужжать-PRS-DECL
 ‘Комары стаями **жужжат**’.
- в. *Pam-mata moki-ka wing.wing.keli-n-ta*
 вечер-по.POST комар-NOM жужжать-PRS-DECL
 ‘По вечерам комары **жужжат**’.
- г. *Moki han mali-ka kwi-s-ka-eyse ing.ing.keli-ess-ta*
 комар один CLASS-NOM ухо-GEN₁-край-LOC.STAT зудеть-PRS-DECL
 ‘Какой-то комар **зудел** в ушах’.

Писк мыши и цыпленка передается разными идеофонами (*ccik.ccik.keli-ta* и *ppiak.ppiak.keli-ta*). Вот примеры:

- (10) а. *Pam-say cwi-tul-i ccik.ccik.keli-ese*
 ночь-между мышь-PL-NOM пищать-CONV
han-swum-to ca-ci mos-ha-yss-ta
 один-дыхание-DELIM спать-CONV не.мочь-делать-PST-DECL
 ‘Всю ночь мыши **пищали**, и я ни на минуту не могла заснуть’.
- б. *Pyengali-ka ppiak.keli-mye tol-a-tani-n-ta*
 цыпленок-NOM пищать-CONV крутить-INF-ходить-PRS-DECL
 ‘Цыпленок **пищит** и ходит туда-сюда’.

Второй параметр, который был назван «эмоциональными ассоциациями», не связан со звукоподражательными глаголами, он применим к уже упомянутым *wul-ta*, *wulpucic-ta*. В отличие от *wul-ta* ‘кричать, плакать’, *wulpucic-ta* ‘вить, реветь’ обозначает звук, похожий не на плач, а на громкий крик (в случае животных — на рев). Поэтому *wulpucic-ta* ассоциируется с отрицательными эмоциями, и не только с жалобой (как

wul-ta), но и с агрессией. При анализе метафорических употреблений исследуемых глаголов мы рассмотрим те эмоциональные коннотации, которыми они сопровождаются.

Некоторые из выделенных нами характеристик плохо поддаются формулировке даже в акустических терминах — так что создается впечатление, что это поле трудно структурируемо, что подобные глаголы можно перечислить только списком. В разделе 4 будут рассмотрены метафорические употребления глаголов звуков животных, которые позволяют в большей степени структурировать данное лексическое поле.

4. Глаголы звуков животных: метафорические употребления

В корейском около 30 метафорических переносов от разных глаголов. Семантический сдвиг может производиться с животного не только на человека, но и на природный объект или на артефакт, так что один глагол может иметь до трех переносных значений. Приведем примеры метафорических употреблений. Так, характерный для волка, льва, леопарда, медведя, тигра крик *wulpucic-ta* ‘выть, реветь’, как в (7а), может обозначать: (А) в применении к человеку — ‘крик, плач’, см. (11а), и (Б) в применении к явлениям природы (ветру или волнам) — ‘шуметь, бушевать’, см. (11б). Глагол *cicekwi-ta* ‘чирикать, щебетать’ имеет переносное значение ‘тараторить, бестолково болтать (о ребенке, детях, девушке / девушках)’, см. (12). Метафорическое употребление глагола *pung.pung.keli-ta* ‘жужжать’ (о большом летающем насекомом, ср. (9а)) — ‘громко гудеть’ (о корабле, машине), т. е. звук в данном случае исходит от артефакта, см. (13).

- (11) а. *Salam-tul-un* ‘*salam sal-li-e!*’ *ha-ko*
человек-PL-ТОР человек жить-CAUS-IMP говорить-RED-CONV
wulpucic-umyense *makwu* *ttwi-e-na(o)-ass-ta*
громко.кричать.плача-CONV неаккуратно бежать-INF-выходить-PST-DECL
‘Люди, громко **плача**, закричали «Спасите!» и выбежали’.

- б. *Palam-i* *wulpucic-ko* *iss-ta*
ветер-НОМ ВЫТЬ-CONV БЫТЬ-DECL
‘Ветер **воет**’.

- (12) *Hakkyo-lo* *ka-nun* *ai-tul-i* *ceykakki*
школа-DIR идти-PTCP ребенок-PL-НОМ индивидуально
kiwuncohkey *cicekwi-ko* *iss-ta*
весело тараторить-CONV БЫТЬ-DECL
‘Каждый ребенок по дороге в школу весело **тараторит**’.

- (13) *Cha-ka* *pung.pung.keli-teni* *kyelkwuk*
машина-НОМ гудеть-CONV в.конце.концов
sitong-i *an* *kelli-ess-ta*
стартер-НОМ NEG заработать-PST-DECL
‘Машина **гудела, гудела**, и в конце концов стартер не заработал’.

Характерная особенность корейского — обилие метафорических значений, практически синонимичных друг другу. Так, употребление глагола *caycal.keli-ta* ‘петь, щебетать’ (в прямом значении — о птице (14a)) в (14б) почти тождественно глаголу *cicekwi-ta* в примере (12).

(14) а. *Onkac say-ka yu.wel-uy nokum sok-eyse caycal.keli-ess-ta*
 всякий птица-NOM июнь-GEN зелень внутри.POST-LOC.STAT щебетать-PST-DECL

‘Разные птицы **щебетали** в июньской зелени’.

б. *Kyecip-ai-tul-un kkili.kkili moi-e caycal.keli-ess-ta*
 баба-ребенок-PL-TOP сослуживцы собраться-INF болтать-PST-DECL

‘Девушки собрались и **громко болтали (щебетали)**’.

Выделенные нами метафорические употребления мы дополнительно охарактеризовали с помощью системы специальных помет, которая разработана на основе статьи Рахилина 2010 (см. также Главу 1 настоящей монографии). Эти семантические пометы исчерпывающе описывают когнитивно значимые типы ситуаций, задаваемые тем или иным метафорическим употреблением. Например, глагол *kkek.kkek.keli-ta*, обозначающий крик фазана, как в (15а), в переносном значении ‘хрипеть, задыхаясь’, как в (15б), получает помету: ‘Человек: физиологические реакции: хрип (звук затрудненного дыхания при заболевании)’, а глагол *kkayng.kkayng.keli-ta*, описывающий визг щенка, см. (16а), в метафорическом употреблении ‘стонать (визжать) от боли или от напряжения’ (о ребенке, женщине), ср. (16б), характеризуется пометами ‘Человек: физиологические реакции: стон (протяжный звук, например, от боли)’ и ‘Человек: характеристика голоса: высокий голос’.

(15) а. *Melli swuph sok-eyse kkek.kkek.keli-nun*
 далеко лес внутри.POST-LOC.STAT кричать-PTCP

kkweng-uy wulum-i tulli-n-ta
 фазан-GEN крик-NOM быть.слышным-PRS-DECL

‘Вдали в лесу слышен крик фазана’ (букв. «крик **кричащего** фазана»).

б. *Puyong-un mok-i mey-e myech pen-ul*
 Пуён-ТОР горло-NOM застревать-INF сколько раз-ACC

kkek.kkek.keli-mye mal-ul i[s]-ess-ta
 хрипеть.задыхаясь-CONV речь-ACC продолжать-PST-DECL

‘Пуён **похрипела, задыхаясь**, и продолжала говорить’.

(16) а. *Kangaci han mali-ka kitwung-ey ocwum-ul kalki-taka*
 щенок один CLASS-NOM столб-LOC моча-ACC ударить-CONV

ceyphuley nolla-se kkayng.kkayng.keli-mye talana-n-ta
 сам.по.себе испугаться-CONV визжать-CONV убегать-PRS-DECL

‘Щенок помочился на столб, испугался и, **визжа**, убегает’.

б. *Ai-ka tap-ul cek-taka phal-i aphu-ta-mye*
 ребенок-NOM решение-ACC писать-CONV рука-NOM болеть-DECL-CONV

kayng.kkayng.keli-ess-ta

стонать-PST-DECL

‘Когда ребенок писал решение, (у него), по его словам, болела рука, и (он) постанывал’.

5. Особенности глагольной метафоры в корейском

5.1. Как уже говорилось, смысловые противопоставления в лексическом поле звуков животных основаны, помимо аспектуальных характеристик, еще на двух признаках: на акустических характеристиках качества звука и на том, что мы назвали эмоциональными ассоциациями. Метафоры в этой области, соответственно, в первую очередь ориентированы на восприятие и выражают характеристики типа ‘громкий — тихий’, ‘высокий — низкий’, ‘приятный — неприятный’ и т. д. Так, среди переносных употреблений глаголов, значение ‘(громкий) крик’ присутствует в пяти случаях: *wulpucic-ta*, *phohyo-ha-ta* от ‘рев, крик’, *kkwayk.kkwayk.keli-ta* от ‘гоготанье’, *ululeng.keli-ta* от ‘рычание’, *ppayk.ppayk.keli-ta* от ‘крик птицы’. С такой семантикой часто совмещаются коннотации ‘негативные эмоции или оценка’, см. (11а); только один глагол, обозначающий крик, — *phohyo-ha-ta* ‘громко кричать, выражая силу’ — предполагает положительную оценочную характеристику.

Семантические компоненты, типичные для звуков человека (‘произнесение слов’, ‘разговор’, ‘смысл’), плохо «усваиваются» метафорическими употреблениями, так что помета ‘семиотически значимая речь’ есть только у одного глагола (*cic-ta* ‘шумно и грубо рассказывать, сплетничая’ — от ‘лаять, галдеть’).

Мы считаем, что все эти особенности семантических сдвигов исследуемых глаголов обусловлены тем, что глаголы звука в корейском основаны на идеофонах. Система идеофонов через звукоподражательные слова и морфемы способна отразить самые тонкие различия между однотипными звуками, см. (9а–г), поэтому она ориентирована не только на когнитивную систему координат, но и на физическое и эмоциональное восприятие звуковых сигналов.

5.2. Рассмотрим особенности метафорических сдвигов в разных группах животных, птиц и насекомых. В корейском много переносов от звуков собаки. Так, от глагола *ululeng.keli-ta* ‘рычать’ (в т.ч. о собаке) образуется метафора ‘ссориться, ругаться’. У значения ‘шумно и грубо рассказывать, сплетничая’ источник — ‘лаять’ (*cic-ta*), см. (8а) (отметим, что грубая речь является типологически частотным результатом семантического сдвига глаголов собачьего лая). От *kkayng.kkayng.keli-ta* ‘скулить’ (о шенке⁸) образуются метафоры ‘визг/стон’ (см. (16б)) и ‘фальшивый звук музыкального инструмента’, ср. (17):

⁸ При описании звуков, издаваемых свиньей или поросенком, используется другой глагол ‘хрюкать’ (*kkwul.kkwul.keli-ta*), так что тут перенос происходит именно от глагола *kkayng.kkayng.keli-ta* ‘скулить’.

- (17) *Paiollin-un cheum paywu-l ttay*
скрипка-ТОР вначале учиться-PTCP время.AUX

kkayng.kkayng.keli-nun soli-man na-n-ta
визжать-PTCP ЗВУК-DELIM издать-PRS-DECL

‘Вначале, когда учишься играть на скрипке, получается только визг’ (букв. «**визжащий** звук»).

Глагол *kkaykayng.keli-ta* ‘визжать от страха’ (о щенке) развивает переносное значение ‘состояние испуга’⁹:

- (18) а. *Wuli an-eyse kkaman kangaci-ka*
клетка в.POST-LOC.STAT черный щенок-NOM

kkaykayng.keli-ko iss-ess-ta
визжать.от.страха-CONV быть-PST-DECL

‘В клетке черный щенок **визжит** (от страха)’.

- б. *Acwumeni-uy nalkhalow-un nwonmay-ey kkaykayng.keli-myense*
тетка-GEN острый-PTCP взгляд-LOC испугаться-CONV

yeph-ulo mil-li-e na-ss-ta
бок.AUX-INST толкать-PASS-INF появляться-PST-DECL

‘**Будучи испугана** из-за пронзительного взгляда тетки, я оказалась толчками оттеснена в сторону’.

Если звуки собаки в корейском служат основой для большого количества метафорических сдвигов, то для кошачьих звуков (*yaong.keli-ta* ‘мяукать’, *kalulang.keli-ta* ‘мурлыкать, урчать’) переносные употребления не характерны. Глагол *kalulang.keli-ta* ‘мурлыкать, урчать’ применительно к человеку может обозначать только звук, сопровождающий физиологическое состояние: ‘клокотать’ (в горле — во сне, во время простуды или болезни), см. (19). Заметим, что данный глагол не образует метафор, связанных с речью: ‘говорить неразборчиво или про себя’, ‘напевать’, ‘ворчать’. Впрочем, надо сказать, что в корейском вообще отсутствуют переносы, обозначающие тихую или неслышную речь типа ‘бормотать’ или ‘мурлыкать себе под нос’.

- (19) а. *Koyangi-nun kipun-i coh-ul ttay kalulang.keli-n-ta*
кошка-ТОР чувство-НОМ хороший-PTCP время.AUX мурлыкать-PRS-DECL

‘Когда кошка чувствует себя хорошо, она **мурлычет** (урчит)’.

- б. *Kamki ttaymun-ey ai-ka*
простуда из-за.POST-LOC ребенок-NOM

pat-say kalulang.keli-ess-ta
вечер-между.POST клокотать-PST-DECL

‘У ребенка в горле ночью **клокотало** от простуды’.

⁹ В языках, исследованных в рамках проекта, есть несколько метафор такого типа (обозначающих состояние или свойство, а не звук) — например, русск. *куковать* перен. ‘оставаться одному или в бездействии’, см. подробнее Главу 20 настоящей монографии.

Метафора нечленораздельного звука с негативной коннотацией не образуется, как это происходит в ряде европейских языков, от глаголов, обозначающих мычание / бляение, которых в корейском языке нет, см. пример (5а). Она развивается только от глаголов, описывающих рев волка, тигра, льва и т. д., как в (11а), а также от глагола *ing.ing.keli-ta*. *Ing.ing.keli-ta* в прямом значении характеризует надоедливое жужжание комара или мухи (9г), а в переносном — монотонный и надоедливый плач:

- (20) *Ai-ka ing.ing.keli-mye emma-lul coll-a tay-ss-ta*
 ребенок-НОМ плакать-CONV мама-ACC умолять-INF ITER-PST-DECL
 ‘Ребенок **плакал** и умолял маму’.

Кудахтанье и хрюканье (*kkwululuk.keli-ta* и *kkwul.kkwul.keli-ta*) в метафорическом употреблении указывают на урчанье в животе, см. (21б) и (22б):

- (21) а. *Amthalk-i kkwululuk.keli-mye tolatani-ko iss-ta*
 курица-НОМ быстро.кудахтать-CONV ходить-CONV быть-DECL
 ‘Курица нервно и **быстро кудахчет** и ходит’.

- б. *Pay-ka kkwululuk.keli-mye salsal aph-a-wa-ss-ta*
 живот-НОМ урчать-CONV потихоньку болеть-CONV-приходить-PST-DECL
 ‘Живот **забурчал** и заболел’.

- (22) а. *Twayci-ka kkwul.kkwul.keli-ko i-ss-ta*
 свинья-НОМ хрюкать-CONV быть-PRS-DECL
 ‘Свинья **хрюкает**’.

- б. *Pay-ka kkwul.kkwul.keli-ko sinthulim-i na-n-ta*
 живот-НОМ булькать-CONV отрыжка-НОМ издать-PRS-DECL
 ‘(У меня) в животе послышалось бульканье (букв. «**булькнуло**»), и (я) рыгнул’.

Звуки птиц образуют несколько метафор с субъектом ‘человек’: ‘громко и фальшиво петь’ в (23б) от глагола *kkwayk.kkwayk.keli-ta* ‘гоготать’ (о гусе) в (23а), а также уже упомянутые в примерах (12) и (14б) переносы со значением ‘бестолково болтать’.

- (23) а. *Matang-eyse-nun kewi-ka cwuin-pota mence*
 двор-LOC.STAT-TOP гусь-НОМ хозяйка-CMPR прежде
ipangin-ul palkyenha-ko-nun kkwayk.kkwayk.keli-ess-ta
 чужой.человек-ACC заметить-CONV-TOP гоготать-PST-DECL
 ‘На дворе гусь заметил чужого прежде, чем хозяйка, и **загоготал**’.

- б. *Cip-ey o-nun kil-ey nolay-pang-eyse*
 дом-LOC приходить-PTCP дорога-LOC песня-комната-LOC.STAT
kkwayk.kkwayk.keli-ta tulewa-ss-ta
 криливо.петь-CONV приходить-PST-DECL
 ‘По пути домой (он) в караоке **криливо пел** и (потом) вернулся (домой)’.

Кроме того, для звуков птиц найдено переносное употребление ‘визжать, кричать’ — его развивает глагол *pprayk.pprayk.keli-ta* ‘петь, кричать’ (о маленькой птице):

(24) а. *Achim-mata saykki-say-tul-i ppayk.ppayk.keli-n-ta*
 утро-часто.QUANT детеныш-птица-PL-NOM кричать-PRS-DECL

‘По утрам птенцы кричат’.

б. *Keli-eyse han namca-ka ppayk.ppayk.keli-mye*
 улица-LOC.STAT один мужчина-NOM кричать-CONV

nolay-lul pulu-ess-ta
 песня-ACC петь-PST-DECL

‘На улице один мужчина крикливо пел’ (букв. «пел песню, крича»).

Вместе с тем, звуки птиц (см. (14а), *saycal.keli-ta* ‘петь, щебетать’), мышей (см. (10а), *ccik.ccik.keli-ta* ‘пищать’), змей, диких животных (7а–в) и летающих насекомых (9а–г) образуют частотные метафоры, касающиеся природных объектов и артефактов (журчание ручья, писк, свист, завывание ветра, грохот волн, гудение) — см., например, (11б) и (26а–б).

В целом, в корейском велика доля переносов в зону звуков природы и артефактов, тогда как человеческих метафор в процентном соотношении меньше, чем в европейских языках. В частности, в корейском представлены далеко не все типологически релевантные результирующие значения, особенно в сфере семиотически нагруженных реакций и речи. В то же время, имеется немало метафор, обозначающих нечленораздельные звуки человека.

Для зоны артефактов мы зафиксировали восемь переносов — причем некоторые из них множественные. Так, значение ‘гудеть’ (образованное от ‘жужжать’, о насекомых) применимо не только к мотору, см. (29), или сирене, см. (25), но и к электрическим проводам на ветру, см. (26б). На материале (26а–б) видно, что синтаксическим подлежащим конструкции в метафорическом употреблении может быть и ветер (26а)¹⁰, и артефакт (26б) (подлежащее — источник гудения — мы обозначаем в примерах символом [X]¹¹). В реальности гудение всегда исходит от ветра, в том числе и в ситуации (26б), а вариативность подлежащего основана здесь на метонимическом переносе ‘ветер’ → ‘провод’. Соответственно, этот метафорический перенос относится к сфере природных объектов.

(25) *Kwukupcha-ka [X] wayng.wayng.keli-myense [V] cinaka-ss-ta*
 скорая.помощь-NOM гудеть-CONV пройти-PST-DECL

‘Скорая помощь, проехала, гудя’.

(26) а. *Ku kos-un kyewul-palam-i [X] wayng.wayng.keli-ko iss-ess-ta [V]*
 тот место-ТОР зима-ветер-NOM гудеть-CONV быть-PST-DECL

‘Там зимний ветер гудел’.

¹⁰ В этом метафорическом употреблении *wayng.wayng.keli-ta* синонимично *wulpucic-ta*, см. пример (11б).

¹¹ В следующих примерах X обозначает субъект в результирующем метафорическом употреблении глагола (человек, явление природы, артефакт), причем обычно X — подлежащее, см., однако, пример (29). V — глагол в метафорическом употреблении, а Y — возможный в некоторых случаях дополнительный участник конструкции, см. также раздел 6.

- б. *Kechin palam-ey cenkiscwul-i* [X] *wayng.wayng.keli-n-ta* [V]
 сильный ветер-LOC электрический.провод-НОМ гудеть-PRS-DECL

‘От сильного ветра электрический провод **гудит**’.

Метонимический перенос, связывающий артефакт и природный объект, возможен и для глагола *swik.swik.keli-ta* ‘свистеть’ (об артефакте или быстро движущемся в контакте с ним воздухе) — от ‘шипеть’ (о змее):

- (27) а. *Paym-i* [X] *swik.swik.keli-n-ta* [V]
 змея-НОМ шипеть-PRS-DECL

‘Змея **шипит**’.

- б. *Yele kay-uy sinhothan-i* [X]
 несколько CLASS-GEN сигнальная.пуля-НОМ

swik.swik.keli-mye [V] *sosaoll-ass-ta*
 свистеть-CONV взлететь-PST-DECL

‘Несколько сигнальных пуль взлетело, **свистя**’.

6. Модель управления при метафорическом употреблении

Для звука в первую очередь важен источник [X]: субъект, издающий звук, — животное, человек (его часть тела), артефакт и т. д. Правда, в нашем материале были выявлены метафоры, обозначающие не звук, а состояние человека [X], пример (186). Если говорить в целом, то корейские модели управления глаголов в метафорических употреблениях не представляют особого интереса. Так, как и в других языках, косвенный объект [Y] возникает только в единичных случаях (ср. у *cic-ta* в значении ‘ляять’, как в (28a)). Дополнение [Y] может быть оформлено сентенциальной цитативной частицей (*-lako*), ср., например, опять же у *cic-ta* в переносном употреблении ‘шумно и грубо рассказывать, сплетничая’ (28б). Такое маркирование характерно для языков с морфологически выраженным цитативом.

- (28) а. *Kay-ka* [X] *nachsen salam-eykey* [Y] *sanapkey cic-e-tay-ss-ta* [V]
 собака-НОМ чужой человек-ДАТ яростно лаять-INF-ITER-PST-DECL

‘Собака яростно **лаяла** на незнакомца’.

- б. *Ku nyesek-i* [X] *totaychey mwe-lako* [Y] *cic-ko* [V]
 этот парень-НОМ же что.RED-CIT шумно.рассказывать-CONV

tani-ess-ki-ey kulen somun-i ta na-ss-na?
 ходить-PST-NMNZ-LOC такой слух-НОМ все появляться-PST-INT

‘Что же этот парень **шумно и грубо говорил**, так что появился тот слух?’

Интересная особенность характерна для переносного употребления глагола *ing.ing.keli-ta* ‘гудеть’ (о звуке машины, механизма). Несмотря на то, что в подобном контексте

носителем и контролером звука являются машина или механизм [X], соответствующий актант не стоит в позиции синтаксического субъекта, а кодируется как (генитивный) модификатор (N(-*uy*), GEN) слова *soli* ‘звук’ [Y] (N-*il-ka*), которое выступает в роли подлежащего:

(29) *Acikto kwi-s-ka-ey-nun hwamulsen-uy*
 пока ухо-GEN₁-край-LOC-TOP грузовое.судно-GEN
kikye [X] soli-ka [Y] ing.ing.keli-ko [V]...
 механизм звук-НОМ гудеть-CONV

‘Пока в ушах гудит звук механизма грузового судна...’

Нестандартную модель управления, которую демонстрирует пример (29), можно описывать в терминах расщепления актантов или диатезы, понижающей коммуникативный и синтаксический ранг посессора-актанта [X]. Это типологически довольно частое явление (см. Падучева 2004: 58–60); оно нередко встречается и в других корейских конструкциях.

7. Заключение

В данной главе рассматривались основные характеристики семантического поля звуков животных в корейском языке и результаты метафорического переноса принадлежащих к этому полю глаголов: звуки, издаваемые человеком, артефактами или природными объектами. В корейском преобладают переносные значения, обозначающие нечленораздельные звуки человека: крик / нечленораздельное пение / плач; много переносов также в зону звуков артефактов: разные типы гудения, писка и т. д. Метафор, выражающих обычную, членораздельную речь (типа русского *каркать*), почти нет; см. *cic-ta* ‘шумно и грубо рассказывать что-л., сплетничая’. Если не считать этих и еще некоторых особенностей, связанных с большим количеством идеофонов в корейской лексике и с культурными особенностями страны в целом, можно сказать, что корейская метафора укладывается в типологическую схему, разработанную в исследовании Рахилина 2010 и в рамках настоящего проекта.

Список условных сокращений

ACC — винительный; AUX — служебное (слово); CAUS — каузатив; CIT — цитатив; CLASS — классификатор; CMPR — сравнительная (частица); CONV — деепричастие; DAT — дательный; DECL — изъявительное наклонение; DELIM — ограничительная частица; DIR — направление; GEN — родительный; GEN₁ — архаический родительный; ID — идеофон; IMP — повелительное наклонение; INF — инфинитив; INST — творительный падеж; INT — вопросительное; ITER — итератив; LOC — локатив (местный падеж); NEG — отрицательная (форма глагола-связки); NMNZ — аффикс номинализации; NOM — именительный; PASS — пассив; PL — множественное число; POST — послелог; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; QUANT — кванторная частица; RED — сокращенная (форма); STAT — стативный (локатив); TOP — топик.

Источники

Поисковая система Google. — <http://www.google.com/>.

Корейская поисковая система Naver. — <http://www.naver.com/> Naver (네이버) — поисковый портал в Южной Корее (1999), более популярный, чем Google (доля рынка, соответственно, 70 % и 2 %). См. <http://en.wikipedia.org/wiki/Naver>. Это источник примеров, которые относятся к разным стилям, но прежде всего задействованы пресса и блоги.

SKLD (1999). Standard Korean Language Dictionary (국립국어원 표준국어 대사전) / The National Institute of Korean Language. [= <http://stdweb2.korean.go.kr/main.jsp>] Толкования глаголов в нашем описании основаны на материале этого словаря (около 510 000 слов), из него также приводятся некоторые примеры. В словаре примеры взяты из художественной литературы, некоторые стандартизованы или отредактированы.

Глава 18. Особенности лексической системы звуков животных в современном китайском языке

1. Введение

Эта глава посвящена переносным употреблением глаголов, обозначающих звуки, которые издают животные (в дальнейшем — «звуки животных»), в современном китайском языке. Уникальность китайского материала состоит в том, что благодаря древней письменной традиции он позволяет до той или иной степени проследить исторические изменения значения интересующих нас слов и реконструировать диахроническую перспективу развития переносных употреблений, что для других языков часто оказывается невозможно.

Задача, однако, осложняется тем, что в разговорном китайском языке для описания звуков, издаваемых разными животными, редко используются разные глаголы. Дело в том, что в китайском существует глагол 叫 *jiào*, имеющий в словаре современного китайского языка «Xiandai Hanyu cidian» толкование «(о человеке или животном) издавать с помощью органов звукопроизводства достаточно громкий звук, выражая настроение, ощущение или желание», который сочетается практически со всеми животными, птицами и насекомыми¹: 蝈蝈叫 *guōguō jiào* ‘кузнечик кричит’, 鸡叫 *jī jiào* ‘петух кричит’, 狮子叫 *shīzi jiào* ‘лев кричит’ и наиболее естественно используется в разговорном языке. Это первый (и часто единственный) глагол, который предлагают информанты в ответ на вопрос, каким глаголом описывается звук того или иного животного².

Различия между звуками, которые издают разные животные, передаются с помощью звукоподражаний, которые ставятся в атрибутивную позицию перед 叫 *jiào*:

- (1) 小 鸟儿 在树上 唧唧喳喳 地 叫。
xiǎo niǎor zài shù shàng jījīzhāzhā de jiào
маленький птичка LOC дерево LOC ONOM ATR кричать
‘Маленькие птички на деревьях кричат «чик-чирик»’.

Таким образом, донорская зона для переносов ‘звук, характеризующий животного’ → ‘звук, характеризующий человека’ в разговорном китайском языке очень бедная. При

¹ Интересно, что изначально 叫 *jiào*, видимо, описывал звук, издаваемый человеком, — в этом значении он встречается уже в «Шицзине», памятнике IX–VI вв. до н. э., а для передачи звуков животных впервые зафиксирован у поэта III века н. э. Пань Юэ 潘岳.

² О втором глаголе, 咆哮 *páoxiào* ‘реветь’, см. Примечание в Разделе 3.

этом в древнекитайском языке ситуация была другой — звуки, издаваемые разными животными, передавались разными глаголами:

- (2) 在 鸟 而 鸟 鸣 在 兽 而 兽 吼。
zài niǎo ér niǎo míng zài shòu ér shòu hǒu
 loc птица и птица MING loc зверь и зверь HOU

‘(Когда Будда) находится среди птиц, **кричит** (MING) **по-птичьи**, (когда) находится среди зверей, **кричит** (HOU) **по-звериному**’. («История Южной Ци», («南齐书») VI в. н. э.)

В таком же значении эти глаголы достаточно широко используются и в современном письменном языке:

- (3) 以 动物 而 论, 狮 吼, 狼 嗥, 虎 啸, 驴 鸣,
yǐ dòngwù ér lùn shī hǒu láng háo hǔ xiào lǘ míng
 о животное и судить лев HOU волк HAO тигр XIAO осел MNG
 犬 吠, 即 是 小 如 促织 声音 都
quǎn fèi jí shì xiǎo rú cùzhī shēngyīn dōu
 пес FEI даже быть маленький как сверчок голос все
 不算 小。
bùsuàn xiǎo
 NEG считать маленький

‘Если говорить о животных, лев **ревет** (HOU), волк **воет** (HAO), тигр **рычит** (XIAO), осел **ревет** (MING), собака **лает** (FEI), и даже у такого маленького (животного) как сверчок, голос тоже нетихий’.

В разговорном же языке они чаще сочетаются с другими типами субъектов и выражают другое значение:

- (4) 你 冲 我 吼 什么 吼? !
nǐ chòng wǒ hǒu shénme hǒu
 ты в сторону я HOU что HOU

‘Чего ты на меня **орешь** (HOU)?!’

- (5) 我 这 几 天 有 点 耳 鸣。
wǒ zhè jǐ tiān yǒu diǎn ěr míng
 я этот несколько день иметь немного ухо MING

‘У меня последние несколько дней **звонит** в ушах (MING)’.

Такая ситуация представляется нестандартной, и нам было бы интересно взглянуть на нее с типологической точки зрения.

Чтобы понять, как устроена донорская зона, мы обратились к словарям древнекитайского языка³ и выбрали оттуда все иероглифы, имеющие значения звуков животных (это оказалось возможно, так как все эти иероглифы входят в раздел со смысловым

³ «王力古漢語字典», «說文解字». Здесь и далее в сносках древнекитайские примеры и названия словарей даются в полном написании.

детерминативом «рот» (口部)). При определении исходного значения мы опирались на данные первого китайского словаря иероглифов «Шовэнь цзецзы» «说文解字» («Говорить о письменах и объяснять иероглифы», в дальнейшем «Шовэнь») I века н. э. или, если рассматриваемый иероглиф туда не вошел, наиболее раннего из других толковых словарей, а также обращались к примерам из ранних памятников.

Далее, поскольку нас интересовали переносные употребления этих глаголов в современном языке, список был значительно сокращен за счет исключения иероглифов, не входящих в словарь современного китайского языка «Xiandai Hanyu cidian», не являющихся глаголами (например, звукоподражания) и не использующихся в современном китайском языке для обозначения звуков животных (в частности, встречающихся только в устойчивых выражениях-чэньюях).

Сбор переносных значений рассматриваемых глаголов производился по корпусам (корпус Пекинского Университета CCL, двуязычный англо-китайский корпус JK) и с использованием фреймовой анкеты, содержащей возможные переносы животных звуков на другие области. Все примеры из корпусов были проверены с информантами⁴, и в некоторых случаях были сделаны поправки (в тексте приводятся варианты примеров, полученные после работы с информантами).

Прежде чем перейти непосредственно к языковому материалу, необходимо упомянуть еще одну особенность китайского языка. В современном китайском языке более 70 % самых частотных слов составляют двусложные слова. При этом наименьшими единицами, способными самостоятельно передавать значения, относящиеся к интересующему нас семантическому полю, являются однослоги. Они могут как использоваться самостоятельно, так и служить «строительным материалом» для двуслогов. Поскольку перед нами стояла задача воссоздать семантическую систему в целом и рассмотреть те противопоставления, которые задаются на уровне простейших лексем, основным материалом нашего исследования стали односложные слова. При этом мы исходили из того, что изучать значения односложных единиц можно и через рассмотрение сложных слов, в которые входит интересующий нас однослог, поэтому в отдельных случаях мы будем привлекать и двусложные единицы.

Мы рассмотрим здесь следующие глаголы, которые в современном китайском языке имеют значение звуков животных: 鸣 MING петь, кричать — птицы, 吼 HOU реветь — лев, 嘶 SI ржать — лошадь, 嚎, 号, 嗥 HAO выть — волк, 啸 XIAO рычать — тигр, 啼 TI кричать — птицы, обезьяна.

2. 鸣 MING петь, кричать — птицы

Исходное значение MING, зафиксированное в «Шовэнь», — ‘петь, кричать’ (о птицах)⁵. В этом значении он встречается уже в «Шицзине» «诗经» («Книга песен»), памятнике IX–VI вв. до н. э. Это значение подтверждается и самой структурой иероглифа — 鸣 MING

⁴ Особую благодарность хотелось бы выразить аспирантам факультета китайского языка Пекинского университета Вэй Хан 魏航, Пэн Цзюньлуну 冯俊龙 и Куан Таоцуню 旷涛群.

⁵ 鳴，鳥聲也。《說文》MING — звук птиц. «Шовэнь»

состоит из компонентов 口 «рот» и 鸟 «птица». Фактически, это единственный из рассматриваемых нами глаголов, про который можно с уверенностью сказать, что он изначально использовался для обозначения звуков животного мира. Еще в древности MING существенно расширил свою сочетаемость и начал употребляться для описания звуков, издаваемых не только птицами, но и другими животными. В современном письменном языке эта ситуация сохранилась, ср. пример (3), где MING сочетается с субъектом «осел».

MING не может описывать речевое поведение человека и используется только в случае звона в ушах (пример (5)). Зато он широко сочетается с различными артефактами, издающими громкие раскатистые звуки (пушки, колокола):

- (6) 总统 下令 鸣 21 响 礼炮。
zǒngtǒng xiàlìng míng 21 xiǎng lǐpào
 президент приказать MING 21 CLF салют
 ‘Президент приказал дать 21 залп салюта’⁶.

MING сочетается и с другими артефактами, издающими громкий длительный звук (сирена, гудок, звуковой сигнал автомобиля):

- (7) 轮船 在 起航 和 到 港 的 时候 都 会
lúnchuán zài qǐháng hé dào gǎng de shíhòu dōu huì
 пароход PRG отплыть и прибыть порт ATR время весь мочь
 鸣 笛。
míng dí
 MING гудок

‘Пароход **подает сигнал** перед отправлением и при прибытии в порт’.

Известный дорожный знак «подача звукового сигнала запрещена» по-китайски имеет вид 禁止鸣笛 *jìnzhǐ míng dí* — тоже с употреблением MING.

Двуслог 轰鸣 *hōngmíng* ‘грохотать + MING’, включающий в свой состав интересующую нас единицу, описывает шумную работу механизмов:

- (8) 车间里 机器 的 轰鸣 声 震耳欲聋。
chējiānlǐ jīqì de hōngmíng shēng zhèn ěr yù lóng
 цех.LOC механизм ATR грохотать MING звук тряссти-ухо-хотеть-глохнуть
 ‘В цеху стоит оглушительный **грохот** машин’.

3. 吼 HOU реветь — лев

В словаре иероглифов VI века н. э. «Юй пянь» «玉篇» («Яшмовая книга») HOU толкуется как «рев быка»⁷, однако в современном китайском языке типичным животным, с которым он может сочетаться, является, скорее, лев.

⁶ Интересно отметить мену модели управления, которая происходит в этом значении.

⁷ 吼, 牛鳴也。《玉篇》HOU — крик (MING!) быка. «Яшмовая книга». При этом вопрос о том, является ли это значение изначальным, остается открытым — хотя в словаре «Шовэнь»

Как мы уже видели в примере (4), этот глагол также используется при описании реакции возмущения и недовольства, причем в двуслоге 吼道 *hǒudào* (HOU + ‘говорить’) возможно его употребление с введением прямой речи:

- (9) «你 还 有脸 回来?» 她 怒气 冲冲地 吼 道。
nǐ hái yǒu liǎn huílái tā nùqì chōngchōngde hǒu dào
ты еще иметь лицо возвращаться она гнев кипеть ATR HOU говорить
‘«Ты еще смеешь возвращаться?» — **вскричала** она, кипя от гнева’.

По замечанию информантов, 吼 HOU часто передает праведное возмущение или выражение недовольства по отношению к нижестоящим. Это значение возможно также и с собирательным субъектом:

- (10) 面对 这种 卑鄙的 侵略 行径, 整个 中国
miànduì zhè zhǒng bēibǐ de qīnlüè xíngjìng zhěnggè Zhōngguó
перед этот CLF подлый ATR вторжение поступок целый Китай
都 在 怒 吼。
dōu zài nù hǒu
весь PRG гневный HOU

‘Перед лицом этого подлого вторжения весь Китай гневно **возмущается** (HOU)’.

При этом основным компонентом значения является, по-видимому, большая сила звука, а не эмоциональная составляющая — HOU может описывать и громкий крик с целью привлечения внимания или достижения какого-либо иного эффекта:

- (11) 在 他 楼 底下 吼 一声, 他 可能 还 没 起床 呢。
zài tā lóu dǐxia hǒu yì shēng tā kěnéng hái méi qǐchuáng ne
LOC он здание внизу HOU один CLF он возможно еще NEG вставать PCL
‘**Покричи** у него под окнами, он, может, еще не проснулся’.

- (12) 台上 的 演员 狂 吼, 台下 的 观众
tái shàng de yǎnyuán kuáng hǒu tái xià de guānzhòng
сцена LOC ATR актер сумасшедший HOU сцена LOC ATR зритель
也 跟着 激动 了 起来。
yě gēnzhe jīdòng le qǐlái
тоже следовать PRG волноваться MOD RES

‘Актеры на сцене громко **кричат**, зрители в зале тоже пришли в волнение’.

В зоне природных явлений HOU используется для описания звука, издаваемого очень сильным ветром (ср. *рев ветра*).

- (13) 你 听听 窗外 那 狂风 的 吼 声,
nǐ tīng tīng chuāng wài nà kuángfēng de hǒu shēng
ты слушать RDP окно LOC тот шторм ATR HOU звук

иероглиф 吼 HOU в качестве отдельного вхождения не встречается, но там есть иероглиф 吼 *hǒu* со значением «звук глубокого гнева» (厚怒聲), который считается изначальным вариантом написания (本字) для 吼 HOU.

还是 呆 在 屋里 别 出去 了。
háishi dāi zài wū li bié chūqù le
 все же оставаться LOC комната LOC не надо выходить MOD

‘Послушай, как за окном ветер **ревет**, оставайся лучше дома, не выходи’.

Обычно он выступает с такими субъектами, как 暴风 *bàofēng* ‘ураган’, 狂风 *kuángfēng* ‘шторм’, 暴风雪 *bàofēngxuě* ‘пурга’, и часто используется в сочетаниях 怒吼 *nùhǒu* (‘гневный’ + HOU) или 狂吼 *kuánghǒu* (‘сумасшедший’ + HOU)⁸.

HOU может также характеризовать артефакты типа мотора и описывать перебой или резкое изменение звука в их работе (ср. пример (8) с 轰鸣 *hōngmíng* [MING], где речь идет о равномерном грохоте работающих механизмов):

(14) 马达 吼 了 几声 又 熄灭 了。
mǎdá hǒu le jǐ shēng yòu xīmiè le
 мотор HOU MOD несколько CLF опять гаснуть MOD

‘Мотор **взревел** несколько раз и опять заглох’.

(15) 柴油机 开动, 发出 了 怒 吼,
cháiyóujī kāidòng fāchū le nù hǒu
 дизель заводить издавать MOD гневный HOU
 这 是 令 人 鼓舞 的 声音。
zhè shì lìng rén gǔwǔ de shēngyīn
 это быть CAUS человек воодушевлять ATR звук

‘Дизель завелся и издал **рев**, это ободряющий звук’.

Примечание

В современном китайском языке существует также частотный двусложный глагол 咆哮 *páoxiào* ‘реветь, рычать’ с богатой системой метафорических употреблений. В словаре «*Xiandai Nanyu cidian*» в прямом значении он толкуется как “怒吼 *nùhǒu* ‘гневный’ + HOU (о диких зверях)”.

(16) 这 只 雄狮 会 发出 一声 可怕 的
zhè zhī xióngshī huì fāchū yì shēng kěpà de
 этот CLF лев мочь испускать один CLF страшный ATR
 低声 咆哮, 仿佛 他 考虑 采取 某 种
dīshēng páoxiào fǎngfú tā kǎolù cǎiqǔ mǒu zhǒng
 низкий.звук реветь словно он раздумывать предпринять некий CLF
 血腥 的 行动 似的。
xuèxīng de xíngdòng shìde
 кровавый ATR поступок похоже

‘Этот лев издал страшный низкий **рев**, словно раздумывая, не совершить ли какой-нибудь кровавый поступок’.

⁸ 怒吼 *nùhǒu* ‘реветь’ входит в словарь современного китайского языка «*Xiandai Nanyu cidian*» как отдельная лексема, а сочетание 狂吼 *kuánghǒu*, как менее частотное (162 вхождения в корпусе CCL против 940 для 怒吼 *nùhǒu*), — нет. Однако с точки зрения структуры эти две единицы устроены одинаково.

Применительно к людям 咆哮 *páoxiào* может передавать агрессивную реакцию:

- (17) 教练 对着 迟到 的 运动员 咆哮。
jiàoliàn duìzhe chídào de yùndòngyuán páoxiào
тренер повернуться к PRG опаздывать ATR спортсмен реветь
'Тренер **ревет** на опоздавших спортсменов'.

В сочетании с названиями природных явлений 咆哮 *páoxiào* описывает буйство стихий (ср. также пример (29), где он характеризует рев волн):

- (18) 暴风雨 依旧 咆哮着。
bàofēngyǔ yījiù páoxiào zhe
гроза по-прежнему реветь PRG
'Гроза по-прежнему **ревет**'.

При описании артефактов 咆哮 *páoxiào* также содержит отрицательную оценку:

- (19) 如果 月亮 穿出 云层, 也许 轰炸机 就
rúguǒ yuèliàng chuānchū yúncéng yěxǔ hōngzhàjī jiù
если луна прорезать облака возможно бомбардировщик сразу
会 飞来, 在 天空中 发出 凶恶 的 咆哮。
huì fēilái zài tiānkōng zhōng fāchū xiōng'è de páoxiào
мочь прилететь LOC небо LOC издавать злой ATR реветь
'Если луна выйдет из облаков, возможно, сразу прилетит бомбардировщик, издавая злой **рев**'.

Если же речь идет о шумной работе обычных механизмов (как в примере (8)), употребление 咆哮 *páoxiào* невозможно.

4. 嘶 SI ржать — лошадь

Вопрос об исходном значении SI представляет большой интерес. Он не входит в словарь «Шовэнь», а наиболее ранним из документально зафиксированных значений («Хань шу», «汉书» I в. н. э.) является «осипнуть, сорвать голос». Конечно, отсутствие значения 'ржать (о лошади)' в ранних письменных памятниках еще не говорит о том, что слово в этом значении не употреблялось. Но есть и другой аргумент. Иероглиф 嘶 SI имеет структуру «смысловой детерминатив 口 'рот'⁹ + фонетическая часть 斯 sī». В китайской лингвистической традиции существует мнение, что фонетическая часть не только отвечает за передачу звучания иероглифа, но и связана с его смыслом, то есть иероглифы с одинаковым фонетиком часто имеют общий компонент значения¹⁰. Если рассмотреть иероглифы с фонетиком 斯 sī (все они имеют чтение sī), можно видеть, что их объединяет идея разделения, истощения чего-либо: 嘶 *разрывать*, 嘶 *кончиться*;

⁹ Этот детерминатив связан с производством звука; как мы уже упоминали, он встречается во всех глаголах звуков животных, а также, например, и в звукоподражаниях.

¹⁰ См., например, (Шэнь 1986).

иссякнуть, 嘶 раскалывать, расщеплять, 嘶 растаять; тронуться (о льде). Значение ‘осипнуть’ хорошо вписывается в этот ряд — и это служит дополнительным свидетельством в пользу того, чтобы считать его исходным для SI.

Данное значение используется и сейчас, причем слово может употребляться как для приобретенной хрипоты, например, при простуде, после длинной лекции или от возмущения, так и для характеристики обычного для этого человека качества голоса — в составе двуслога 嘶哑 *sīyǎ* (SI + ‘немой’):

(20) 她 咬紧 牙关 嘶 声 说道 “你, 你 滚出去!”
tā yǎojǐn yáguān sī shēng shuōdào nǐ nǐ gǔnchūqù
 она закусить челюсти SI звук говорить ты ты катись DIR
 ‘Стиснув зубы, она **прошипела**: «Ты, ты катись отсюда!»’

(21) 老师 感冒 了, 声音 有点 嘶 哑。
lǎoshī gǎnmào le shēngyīn yǒudiǎn sī yǎ
 учитель простудиться MOD голос немного SI немой
 ‘Учитель простудился, говорит немного **хрипло**’.

(22) 他的 声音 很 嘶 哑。
tāde shēngyīn hěn sī yǎ
 он ATR голос очень SI немой
 ‘У него очень **хриплый** голос’.

Интересно, что 嘶 SI может использоваться и в качестве звукоподражания, описывая различные шипящие звуки:

(23) 茶壶 在 炉子上 发出 嘶嘶 声。
cháhú zài lúzi shàng fāchū sīsī shēng
 чайник LOC плита LOC испускать ОНОМ звук
 ‘Чайник **шипит** на плите’.

Значение ‘ржать (о лошади)’ также встречается в современном письменном языке:

(24) 受惊的 马 嘶 叫着 在 谷仓 的 墙上
shòujīng de mǎ sī jiàozhe zài gǔcāng de qiáng shàng
 пугаться ATR лошадь SI кричать PRG LOC зернохранилище ATR стена LOC
 乱 踢 乱 撞。
luàn tī luàn zhuàng
 беспорядочный пинать беспорядочный врезаться

‘Испуганные лошади с **ржанием** металась по зернохранилищу, били копытами, наталкивались друг на друга’.

5. 嚎、号、嗥 НАО ВЫТЬ — ВОЛК

Иероглифы 嚎, 号 и 嗥, имеющие одинаковое чтение НАО, являются иероглифами-дуплетами, или разнописями. Это тот случай, когда для записи одного и того же слова

используются разные иероглифы. Норма, зафиксированная в словаре современного китайского языка «*Xiandai Hanyu cidian*», является достаточно поздней и потому не соблюдается во многих примерах из литературных памятников: в разных источниках можно найти один и тот же текст с разными версиями иероглифа, а информанты часто не знают, каким именно иероглифом данное слово должно записываться в каждом конкретном случае. В рамках этого исследования мы будем считать, что они записывают одно и то же слово¹¹.

Согласно словарю «Шовэнь», 号 НАО обозначает звук, издаваемый от боли¹². В современном китайском языке это значение сохраняется:

- (25) 他 手指 夹 在办公室 门缝里,
tā shǒuzhǐ jiā zài bàngōngshì ménfēnglǐ
он палец прищемить LOC кабинет щель двери LOC
大声 号 叫 起来。
dàshēng háo jiào qǐlái
громко НАО кричать RES

‘Он прищемил палец дверью кабинета и начал громко **кричать**’.

НАО описывает также громкий безудержный плач, когда человек не обращает внимания на окружающих:

- (26) 她 一 听见 母亲 去世了 就 号啕大哭 起来。
tā yì tīngjiàn mǔqīn qùshì le jiù háo táo dà kū qǐlái
она один слышать мать умирать MOD сразу НАО-выть-большой-плакать RES

‘Когда она услышала, что мама умерла, она **расплакалась в голос**’.

Помимо этого, НАО может использоваться для обозначения громких криков, без конкретной цели и адресата (ср. примеры (11–12) с НОУ, где у действия предполагалась некоторая цель)¹³:

- (27) 大 半夜的, 别 再 嚎 叫了!
dà bàn yè de bié zài háo jiào le
большой полночь ATR не надо еще НАО кричать MOD

‘Ночь уже, хватит **орать!**’

Идея отсутствия цели, как кажется, связана и с другим употреблением НАО — для передачи возмущенных криков, особенно когда невозможно повлиять на ситуацию (ср. примеры (9–10) с НОУ, где субъект до той или иной степени контролировал общую ситуацию):

¹¹ Ван Ли в «*王力古漢語字典*» отмечает, что эти иероглифы имеют одинаковое чтение и обладают общим значением ‘громко кричать’, то есть на самом деле записывают одно и то же слово с помощью разных иероглифов. Ван Фэнъян в «*Различении древних слов*» тоже отмечает, что 嗥 часто употребляется вместо 号.

¹² 号, 痛聲也。《說文》号 НАО — звук боли. «Шовэнь». В «Шовэнь» входят также 號 и 嗥, имеющие чтение НАО; мы не будем здесь на них останавливаться.

¹³ Ср. разницу между НОУ и 嗥 НАО, которую предлагает Ван Фэнъян в «*Различении древних слов*»: «НОУ описывает скорее оглушительный звук, а 嗥 НАО — устрашающий или скандальный гомон».

(28) "我就要担任这个角色!"

wǒ jiù yào dānrèn zhège juésè
я именно хочу брать этот CLF роль

他对导演 喊道。

tā duì dǎoyǎn hǎo dào
он LOC.режиссер нао говорить

‘«Мне нужна именно эта роль!» — **вскричал** он, обращаясь к режиссеру’.

Из природных явлений, как и HOU, HAO часто описывает звук, издаваемый сильным ветром (как правило, в составе двуслога 呼号 *hūhào*: ‘кричать’ + HAO):

(29) 满屋的人 相对 无言, 一片 沉默,
mǎn wū de rén xiāngduì wú yán yí piàn chénmò
полный комната атр человек друг против друга нет слов один CLF молчание

只听 狂风 呼号, 巨浪 咆哮。

zhǐ tīng kuángfēng hūhào jùlàng páoxiào
только слушать шторм выть нао большая волна реветь

‘В комнате все молчали, глядя друг на друга, стояла тишина, было слышно только, как **воет** ветер и ревет волны’.

6. 嘯 XIAO рычать — тигр

Значение, зафиксированное в «Шовэнь» для XIAO, — звук свиста¹⁴. Судя по графическим составляющим иероглифа, которым записывалось это слово (ключ «рот» и изображение открытого рта, из которого выходит воздух), изначально этот глагол характеризовал звук, издаваемый человеком. В современном разговорном языке это значение не сохранилось, а XIAO значительно расширил свою сочетаемость и теперь используется для описания различных звуков, производимых потоком воздуха.

Так, это наиболее частотный глагол для описания свиста ветра¹⁵. В корпусе Пекинского Университета CCL совместная встречаемость элементов XIAO и 风 ветер — 1072 примера, против 521 для HOU (количество примеров для HAO трудно посчитать из-за иероглифов-дуплетов). Информанты описывают очень ветреную погоду именно с использованием XIAO (часто в составе двуслога 呼嘯 *hūxiào*: ‘кричать’ + XIAO):

(30) 外面 北 风 呼嘯。

wàimiàn běi fēng hūxiào
снаружи север ветер свистеть xiao

‘Снаружи **свищет** северный ветер’.

¹⁴ 嘯, 吹聲也。《說文》XIAO — звук свиста. «Шовэнь».

¹⁵ Данное значение развивается очень рано — употребление XIAO в этом контексте зафиксировано уже у поэта III века н. э. Чжана Се (張協).

Этот же глагол может обозначать звук, возникающий при перемещении быстро движущихся, особенно по воздуху, объектов (пули, снаряды, низко летящие самолеты):

- (31) 炮弹 从 头顶上 呼啸 而 过。
pàodàn cóng tóudǐng shàng hūxiào ér guò
снаряд LOC макушка LOC свистеть хiao и проходить мимо
‘Снаряды свистели над головой’.

Среди звуков животных этим глаголом могут описываться резкие протяжные звуки, издаваемые, например, тиграми или обезьянами.

7. 啼 TI кричать — птица, обезьяна

Исходное значение этого глагола — ‘рыдать’¹⁶, оно сохранилось и в современном литературном языке:

- (32) 女儿 生病 无钱 医,
nǚér shēngbìng wú qián yī
дочь заболеть нет денег лечить
母亲 心碎 泪 悲 啼。
mǔqīn xīnsuì lèi bēi tí
мать сердце.разбиться слеза скорбный TI
‘Дочь заболела и нет денег на врача, мать от горя льет слезы’.

В разговорной речи часто используется вариант 哭哭啼啼的 *kū kū tí tí* ‘плакать-плакать-TI-TI’ со значением ‘всхлипывать, плакать без остановки’:

- (33) 她 跟 男朋友 分手了, 整天 哭哭 啼啼 的。
tā gēn nán péngyǒu fēnshǒule zhěng tiān kūkū tí tí de
она с молодой человек расстаться.MOD целый день плакать RDP TI TI ATR
‘Она рассталась с молодым человеком, целый день (тихонько) плачет’.

В области звуков животных этот глагол применяется для описания криков, издаваемых некоторыми птицами и обезьянами.

- (34) 我 家 养 了 一只 八哥,
wǒ jiā yǎng le yì zhī bāgē
я семья растить MOD один CLF попугай
它的 啼叫 声 非常 动听。
tā de tí jiào shēng fēicháng dòngtīng
он ATR TI кричать звук чрезвычайно привлекать внимание
‘У меня дома есть попугай, его крики очень привлекают внимание’.

¹⁶ В «Шовэне» для 啼 TI используется древнее начертание (古字) 嗥 и дается следующее толкование: 嗥, 號也, то есть TI — это НАО. Действительно, и TI, и НАО могут использоваться для описания плача.

8. Заключение

Итак, мы рассмотрели шесть односложных глаголов, способных передавать значение звуков животных. Их употребления в других семантических областях можно представить в виде следующей таблицы:

глагол	животное	Человек	артефакт	природа
MING	птицы	звон в ушах	пушка, сирена, грохот механизмов	
HOU	лев	громкий крик с определенной целью, возмущение	перебои в работе	рев ветра
SI	лошадь	хриплый голос		
HAO	волк	громкий крик без определенной цели, крик от боли, безудержный плач		вой ветра
XIAO	тигр		пуля	свист ветра
TI	птица, обезьяна	тихий плач		

Из таблицы видно, что многие фреймы, выделенные для других языков, реализуются и в китайском, что служит дополнительным подтверждением их типологической релевантности.

При этом интересно, что, насколько можно судить по письменным источникам, в китайском языке направление переноса часто (для четырех из шести рассмотренных глаголов) оказывается обратным: ‘звук, характеризующий животного’ является не донорской, а целевой зоной. Направление переноса здесь очень важно, потому что употребление глаголов, характеризующих человека, для описания животных ведет к их «одушевлению». Это дает эффект, противоположный применению звуков животных к поведению человека, которое порождает, наоборот, негативные коннотации, свойственные в большей степени устному, сниженному дискурсу. Возможно, именно вследствие этого нестандартного направления переноса глаголы звуков животных употребляются в современном китайском преимущественно в письменной речи.

Список условных сокращений

ATR — маркер определения, CAUS — показатель каузатива, CLF — счетное слово — классификатор, DIR — направительные морфемы, LOC — пространственные предлоги и послелоги, MOD — модальная частица 了 le, NEG — показатель отрицания, ONOM — звукоподражание, PCL — частица, PRG — прогрессив, RDR — редупликация, RES — результативные морфемы.

В глоссах в строке перевода рассматриваемый компонент всегда выделен малыми прописными буквами (даже когда он встречается в составе двуслога).

Источники

Словари

Ван Фэнъян «Различение древних слов». 王凤阳《古辞辨》. —吉林文史出版社, 1993.

Словарь иероглифов древнекитайского языка Ван Ли. 《王力古汉语字典》. —北京: 中华书局, 2000.

Словарь современного китайского языка «Xiandai hanyu cidian». 《现代汉语词典》—北京: 商务印书馆, 2005.

Цзун Фубан, Чэнь Шинао, Сяо Хайбо, ред. Собрание комментариев к древним текстам. 故训汇纂/宗福邦, 陈世铤, 萧海波主编.—北京: 商务印书馆, 2003.

«Шовэнь цзецзы» «说文解字». —长沙: 岳麓书馆, 2005

Корпуса

Корпус Пекинского Университета CCL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai

Двуязычный англо-китайский корпус JK: www.jukuu.com

Глава 19. Глаголы звуков животных в индонезийском языке

1. Введение

Индонезийский язык входит в малайско-полинезийскую группу австронезийской семьи и является общенациональным официальным языком Республики Индонезия. Это язык преподавания, современной литературы, СМИ, бизнеса и политики. Однако в бытовом общении его используют немногие — около 20 % населения (23 млн человек). Большинство индонезийцев владеет несколькими местными языками. Индонезийский используется в современной городской среде, а в сельской местности, в маленьких городах, в семейном общении доминируют местные языки (Quinn 1999).

Большая часть материала, представленного в данной главе, является результатом работы с информантами¹. Остальные примеры в работе сопровождаются ссылками на другие источники (в основном газеты, а также художественную литературу). Кроме того, автор консультировался со словарями индонезийского языка Белкиной и Коригодского (Белкина и др. 1972, Коригодский и др. 1961, Коригодский и др. 1990).

2. Морфология глаголов звуков

Глаголы звука (как звуков животных, так и звуков вообще) в индонезийском образуются добавлением префиксов *ber-* или *meN-*² к онomatопoэтическому слову (например, *kuak* ‘ква’) или к существительному, обозначающему звук (ср. *aum* ‘рев’).

Префикс *ber-* чаще всего выступает при глаголах с посессивным, рефлексивным и реципрокальным значением. Префикс *meN-* является показателем активного залога переходных глаголов, а также образует предикативы от ряда корней (Оглоблин 2008).

В зоне звуков глагол с префиксом *ber-* часто описывает действие, которое совер-

¹ Автор благодарит всех информантов за примеры, и в особенности Афиноу Сукандару за неоценимую помощь и долгие, терпеливые объяснения. Родной город Афины — Джаркарта. Автор чрезвычайно признателен также Ю. А. Ландеру, высказавшему ценные замечания к первой версии этой главы.

² Символ *N-* обозначает вариативность последней части префикса: реализация *meN-* (*men-*, *meng-* или *me-*) зависит от начального звука корня.

шается совместно с кем-то, а с префиксом *meN-* — одиночное действие. Так, *menguak* означает ‘квакать’, а *berkuak* — ‘квакать друг на друга, друг с другом’.

(1) *Dia me-nguak.*

он meN-квакать

‘Он(а) **квакает**’.

(2) *Mereka berkuak-kuak.*

они квакать-RDP

‘Они **квакают** (вместе, друг с другом)’.

Заметим, что в примере (2) корень *kuak* повторяется. Редупликация — очень частое явление в индонезийском. Как и во многих других языках, повторение корня существительного может означать множественность, а в случае с глаголами редупликация обычно подразумевает интенсивность, повторяемость или продолжительность.

3. Прямые значения

Мы выделили 29 глаголов, обозначающих звуки животных (при подсчете глаголы, различающиеся только префиксами, считались за один). Для начала опишем, каких животных индонезийский язык объединяет общими глаголами звука.

В одну категорию попадают бык, корова, а также буйвол, которые, по пояснению информанта, имеют существенное внешнее сходство и, соответственно, издают одинаковые звуки, выражаемые глаголом *melenguh*. В другой категории — бараны, овцы и козы: их звуки описываются глаголом *mengembik*. Таким образом, домашний скот делится на две группы, для каждой из которых используется свой глагол. Такая ситуация довольно ожидаема и повторяется, например, в русском и татарском.

(3) *Banteng me-lenguh.*

бык meN-мычать

‘Бык **мычит**’.

(4) *Aku tidak tahu kenapa kambing saya meng-embik sepanjang malam.*

я NEG знать почему коза я meN-блеять в.течение ночь

‘Я не знаю, почему моя коза **блеяла** всю ночь’.

(5) *Barisan domba meng-embik di padang rumput.*

ряд овца meN-блеять в поле трава

‘Стадо овец **блеет** на лугу’.

Общий глагол для собак и щенков — *menggonggong* ‘лаять’; для собак, щенков и волков используется лексема *melolong* ‘выть’.

(6) *Anjing meng-gonggong, kafilah berlalu.*

собака meN-лаять караван проходить

‘Собаки **лают**, но караван продолжает идти’. [поговорка]

- (7) *Anak anjing ter-sebut meng-gonggong berisik.*
 ребенок собака A-PASS-называть meN-лаять шуметь
 ‘Этот щенок громко **лает**’.
- (8) *Ter-dengar sekawan-an serigala me-lolong dari dalam hutan.*
 A-PASS-услышать стая волк meN-выть из внутри лес
Mungkin mereka akan berubah menjadi manusia.
 возможно они AUX меняться становиться человек
 ‘Слышно, как **воет** в лесу стая волков. Возможно, они вот-вот превратятся в свои человеческие обличья’.
- Рычание львов, тигров и прочих крупных кошачьих выражается глаголами *menderu*, *tengauit*, а *meraung* может описывать рев как крупных диких кошек, так и медведя.
- (9) *Macan tutul itu meng-aum dan siap menerkam.*
 тигр пятнистый тот meN-реветь и готовый meN.нападать
 ‘Леопард **рычал** и был готов наброситься’.
- (10) *Se-ekor singa meng-aum marah;*
 один-CL.R лев meN-реветь сердитый
auman-nya ter-dengar hingga ke seluruh belantara hutan.
 рев-3 A-PASS-услышать до к весь джунгли лес
 ‘Лев злобно **рычал**, его рев был слышен по всему лесу’.
- (11) *Harimau meng-aum, ia belum mati.*
 тигр meN-реветь он еще.не мертвый
 ‘Тигр **рычит**, он еще не мертв’.
- (12) *Beruang me-raung di tengah hutan.*
 медведь meN-рычать в середина лес
 ‘Медведь **рычит** посреди леса’.

Наиболее сложная система глаголов свойственна птицам.

Кукушки, птенцы, цыплята объединяются глаголом *mencuap*.

- (13) *Anak-anak burung men-cuap-cuap di dalam sarang.*
 ребенок-RDP птица meN-чиркать-RDP в внутри гнездо
 ‘Птенцы **чиркают** в гнезде’.

Глагол *mencicit* описывает звуки как птенцов, так и мышей. При этом птенцы и мыши, а также воробьи могут сочетаться с глаголами *mencuit* и *bercuit*.

- (14) *Tikus-tikus itu lari dan men-cicit.*
 мышь-RDP тот бегать и meN-пищать
 ‘Эти мыши бегают и **пищат**’.
- (15) *Pipit bercuit dari atas pohon.*
 воробей чиркать из верх дерево
 ‘Воробей **чиркает** сверху с дерева’.

Глагол *berkicau* объединяет всех небольших птиц: как уже упомянутых кукушку и воробья, так и дрозда и сороку.

- (16) *Burung berkicau.*
птица щебетать
'Птица **щебечет**'.

Маленькие птицы, а также обезьяны и какаду могут характеризоваться глаголом *mengoceh*.

- (17) *Kera-kera itu meng-ocoh berisik.*
обезьяна-RDP тот meN-щебетать шуметь
'Эти обезьяны шумно **щебечут**'.

- (18) *Burung kakaktua-ku selalu meng-ocoh bila tidak di-beri makan.*
птица какаду-1 всегда meN-щебетать когда NEG PASS-давать есть
'Мой какаду всегда **щебечет**, когда мы его не кормим'.

Какаду интересен тем, что относится одновременно и к маленьким птицам, и к большим, которые производят звук *berkaok*. Кроме какаду сюда же относятся коршун, ястреб, орел, сокол, гриф, ворон, ворона, а также петух и курица, у которых есть и собственные глаголы — *berkokok* и *berkotek*, соответственно. Правда, петух и курица произносят *berkaok* только от боли, для других же птиц это обычный крик.

- (19) *Tiba-tiba muncul gagak yang berkaok.*
внезапно появляться ворон REL каркать
'Вдруг появился ворон, который **каркал**'.

- (20) *Setiap pagi di Indonesia setelah shubuh, ayam-ayam jantan berkokok lantang.*
каждый утро в Индонезия после шубу
петух-RDP мужской кукарекать громкий
'Каждый день в Индонезии после шубу (утренней молитвы) громко **кричат** петухи'.

Глаголы *berkuak* / *menguak* объединяют ворона и ворону с жабами, лягушками и цаплями. Такое объединение кажется удивительным носителю русского языка, однако оно не уникально: похожая ситуация существует в валлийском языке (где крик ворона и кваканье лягушки выражается общим глаголом *crawcian*) и сербском (ср. *крекматами* — о жабе, лягушке и сороке).

- (21) *Burung kuntul berkuak-kuak dari atas pohon.*
птица цапля квакать-RDP из верх дерево
'Цапля **кричит** над деревьями'.

Для жаб и лягушек есть еще три глагола: *mengorek*, *dengkung*, которые относятся исключительно к кваканью, и *meleter*, который означает как кваканье жаб, так и кряканье уток. Объединение лягушек и уток тоже не уникально: оно повторяется, например, в грузинском языке.

В свою очередь, утки и утята могут издавать звук *menggericau*, который характеризует еще и гусей.

- (22) *Kodok mengorek, kodok 'ngorek, 'ngorek di pinggir kali.*
 жаба meN.квакать жаба квакать квакать в край река
 ‘Жабы **квakaют**, жабы **квakaют**, жабы **квakaют** у реки’. [песня]
- (23) *Katak mengorek di pematang sawah.*
 лягушка meN.квакать в тропа рисовое.поле
 ‘Лягушки **квakaют** в рисовом поле’.

И наконец, приведем список животных, для звуков которых в индонезийском языке есть отдельный глагол и которые не объединяются с другими в нашей выборке. В списке не указаны петух и курица, о которых уже говорилось ранее.

1. Лошадь — *meringkik*

- (24) *Kuda me-riingkik, "hiii-heee".*
 лошадь meN-ржать hiii-heee
 ‘Лошадь **ржет** «hiii-heee»’.
- (25) *Mereka tidak dapat men-jelas-kan kenapa kuda mereka*
 они NEG мочь meN-ясный-тр почему лошадь они
me-riingkik sepanjang malam.
 meN-ржать в.течение ночь
 ‘Они не могут объяснить, почему их лошади **ржали** всю ночь’.

2. Змея — *mendesis*

- (26) *Ular men-desis.*
 змея meN-шипеть
 ‘Змея **шипит**’.

3. Комар, пчела — *berdengung*

- (27) *Aku men-dengar suara nyamuk-nyamuk yang berdengung*
 я meN-услышать звук комар-RDP REL жужжать
di kamar ini.
 в комната этот
 ‘Я слышу звук комаров, которые **жужжат** в этой комнате’.
- (28) *Lebah-lebah di peternakan milik paman berdengung berisik.*
 пчела-RDP в ферма принадлежащий дядя жужжать шуметь
 ‘Пчелы на ферме дяди шумно **жужжат**’.

4. Сова, филин — *berkukuk*

- (29) *Senja mulai tiba dan burung hantu pun mulai berkukuk.*
 сумерки начинать наступать и сова PRT начинать ухать
 ‘Наступили сумерки, и совы начинали **ухать**’.

5. Кот, кошка — *mengeong*

- (30) *Kucing-nya mengeong me-minta untuk di-sayang.*
 кошка-3 meN.мяукать meN-просить для PASS-любить
 ‘Его кошка **мяукает**, прося любви’.

6. Цикада, сверчок — *mengerik*

- (31) *Jangkrik mengerik terus-terusan, tikus pergi semua.*
 сверчок meN.стрекотать непрерывно мышь уходит все
 ‘Сверчки бесконечно **стрекотали**, заставляя всех мышей убежать (из дома)’.

7. Свинья, поросенок, боров — *mengorok, mendengkur*

- (32) *Babi mengorok.*
 свинья meN.храпеть
 ‘Свиньи **хрюкают**’.

- (33) *Tiba-tiba se-ekor babi men-dengkur dan ketika*
 внезапно один-CLR свинья meN-храпеть и когда
menoleh mereka me-lihat <...>
 meN.повернуться они meN-видеть
 ‘Внезапно **хрюкнула** свинья, и когда они повернулись, они увидели...’ [«Percikan api fajar: tiga novelet Papua Nugini», Yayasan Obor Indonesia, 1990, художественная литература]

3. Переносные значения

Переносные значения глаголов звуков животных в индонезийском языке можно отнести к следующим семантическим зонам: физиологические звуки, характеристики голоса, эмоциональные проявления, невнятная речь, множественный субъект, семиотически нагруженная речь, звуки артефактов или природных объектов. Перейдем к описанию метафорических переходов для каждой из зон.

3.1. Физиологические звуки

Поле физиологических звуков включает храп, звон в ушах и реакцию на острую еду. Для обозначения храпа используются глаголы *mengorok* и *mendengkur*. Обе лексемы наряду с храпом описывают хрюканье. Возможно при этом, что первым значением для них является именно звук человека, но точно установить направление перехода (от человека к животному или от животного к человеку) затруднительно. Пример (34) показывает, что *mendengkur* является стандартным способом описания ситуации храпа.

(34) <...> *ketika ada orang yang men-dengkur,*
 когда быть человек REL meN-храпеть

orang-orang yang ada di sekitar-nya akan
 человек-RDP REL быть в около-3 AUX

me-rasa ter-ganggu bahkan jengkel.
 meN-чувствовать A-RASS-беспокоить даже раздраженный

‘Когда человек **храпит**, люди вокруг него будут чувствовать себя побеспокоенными, даже раздраженными’. [«Bisnis Indonesia», 31.03.2014, газета] <свинья>

(35) *Teman-teman se-kamar-ku mengorok seperti babi hutan.*

друг-RDP один-комната-1 meN.храпеть как свинья лес

‘Мои соседи по комнате **храпят**, как свиньи’. <свинья>

В примере (35) используется сравнительная конструкция, однако глагол *mengorok* может обозначать храп и без сравнения, ср.: *Teman-teman sekamarku mengorok* ‘Мои соседи по комнате храпят’. При этом, если в предложении уточняется, что некто храпит, как свинья, то храп характеризуется как очень громкий, а если эталоном для сравнения выступает поросенок, то возникает, напротив, идея слабой степени проявления ситуации — ‘тихонько храпеть, похрапывать’.

Звон в ушах обозначается глаголом *berdengung* ‘жужжать’ (36). Интересен метафорический переход шипения змеи в звук, который иногда издают люди, съев что-то очень острое (37).

(36) *Perempuan itu mengeluh sakit, sedari tadi telinga-nya*

женщина этот meN.жаловаться болеть начиная.с недавно ухо-3

terus-menerus berdengung.

непрерывно жужжать

‘Женщина жаловалась на боль, у нее уже долго **звенит в ушах**’. <комар>

(37) *Dengan muka merah ia men-desis kepedasan di ruang makan.*

с лицо красный он meN-шипеть обжечь.рот в столовая

‘С красным лицом он **шипел** от острой еды в столовой’. <змея>

3.2. Характеристики голоса и эмоциональные проявления

В этом разделе мы объединили две семантические зоны — характеристики голоса и эмоциональные проявления, поскольку в индонезийском языке есть целая группа глаголов, которые можно отнести к обеим зонам.

Так, например, *meraung* ‘рычать’ в результате семантического сдвига получает значение ‘кричать от злости и гнева’ (38–39). Этот глагол также может описывать громкие рыдания (40).

(38) *Politikus itu me-raung marah men-dengar diri-nya kalah.*

политик этот meN-рычать сердитый meN-услышать сам-3 проигрывать

‘Политик **кричит** от злости после проигрыша (на выборах)’. <медведь, дикие кошки>

- (39) *Ratusan demonstran me-raung melalui toa me-minta*
 сотни демонстрант meN-рычать через микрофон meN-просить
harga-harga sembako di-turun-kan.
 цена-rDP продовольственные.товары aPASS-спускаться-TR
 ‘Сотни демонстрантов **кричат** в микрофон, прося уменьшить цены на основные продукты питания’. <медведь, дикие кошки >
- (40) *Laki-laki itu me-raung-raung karena di-tinggal mati istri-nya.*
 мужчина этот meN-рычать-rDP поскольку PASS-оставаться мертвый жена-3
 ‘Этот мужчина **продолжал выть**, потому что его жена умерла’. <медведь, дикие кошки>

Глагол *mengaum* ‘рычать’ используется, когда человек переполнен гневом, злостью и агрессивно ведет себя по отношению к кому-л., однако такое употребление характерно для художественной литературы и не встречается в обычной речи.

- (41) *Dia amat marah sampai meng-aum*
 он очень сердитый отчего meN-рычать
kepada karyawan-karyawan-nya hari ini.
 на работник-rDP-3 день этот
 ‘Он был так зол, что **нарычал** сегодня на подчиненных’. <дикие кошки>

Menggonggong ‘лаять’ в переносном смысле означает ‘кричать от злости, ненависти, неприязнностей’, часто семантика глагола предполагает, что субъект кричит что-то неприличное, ругается, при этом повторяя одно и то же (42–43). Такое употребление встречается только в разговорной речи или сленге. Причиной крика, описываемого глаголом *berkaok* ‘каркать’, может выступать не только злость (44), но и боль (45). Наконец, сильные болевые ощущения или душевная боль служат стимулом для громкого поведения, выражаемого глаголом *melolong* ‘выть’, ср. его переносное значение ‘кричать, выть от очень сильной боли’ (46).

- (42) *Lelaki itu tidak terima dengan keputusan hakim. Ia lalu*
 мужчина тот NEG принимать с решение судья он обрушивать³
mem-bentak dan meng-gonggong di ruang sidang.
 meN-огрызаться и meN-лаять в помещение заседание
 ‘Этому человеку не понравилось решение судьи. Он ругался и **гавкал** в зале заседания’. <собака>
- (43) *AS dan Israel meng-gonggong, Palestina jalan terus,*
 США и Израиль meN-лаять Палестина дорога непрерывно
Abbas serah-kan dokumen ke Ban Ki-moon
 Аббас передавать-TR документ к Пан Ги Мун
 ‘США и Израиль **ругаются**, Палестина не останавливается, Аббас передает документы Пан Ги Муну’ [«Republika», 23.09.2011, заголовок новостей] <собака>

³ О потоке неприличных слов.

- (44) *Se-kelompok orang berkaok-kaok men-caci se-kelompok*
 один-группа человек каркать-RDP meN-ругаться один-группа
orang yang lain.
 человек REL другой

‘Группа людей **кричит** и ругается на другую группу’. <ворон>

- (45) *Orang itu berkaok-kaok kesakitan.*
 человек этот каркать-RDP испытывать.боль

‘Этот человек **кричит** от боли’. <ворон>

- (46) *Perempuan itu me-lolong sedih setelah anak*
 женщина тот meN-выть печальный после ребенок
laki-laki-nya di-tangkap polisi dan di-serah-kan ke rezim.
 мужчина-3 PASS-хватать полиция и PASS-передать-TR к режим

‘Эта женщина печально **воет** после того, как ее сына поймала полиция, и он был арестован режимом’. <волк>

Собственно к зоне «характеристики голоса» можно отнести, пожалуй, только один глагол — *mendesis* ‘шипеть’: он обозначает тихую речь и используется в ситуации секретной, тайной передачи информации или просто описывает шепот. Отметим, что такой переход в типологической перспективе является не вполне стандартным: чаще шипение змеи переосмысливается как выражение еле сдерживаемой агрессии — тоже тихое, но при этом содержащее эмоциональную составляющую (в индонезийском подобная семантика также возможна, ср. пример (60) ниже).

- (47) *Rina men-desis, “Dia datang!”*
 рина meN-шипеть он приходить

‘Рина **шепчет**: «Она идет!»’ <змея>

- (48) *Saudara kembar-ku men-desis, “ssst, jangan bilang-bilang!”*
 брат близнец-1 meN-шипеть sstt PRON говорить-RDP

‘Мой брат-близнец **прошипел**: «Тссс, никому не говори!»’ <змея>

3.3. Невнятная речь

К зоне нечленораздельной речи, по нашим данным, относятся три глагола:

- *berkicau* ‘щебетать’ — тараторить, без умолку болтать, трещать (49);
- *mengoceh* ‘щебетать’ — мямлить, бормотать (50–51);
- *mencicit* ‘пищать, чирикать’ — бормотать, нарочно говорить невнятно, чтобы другие не услышали и не поняли (52).

- (49) *Dia bagai murai berkicau.*
 он словно сорока щебетать

‘Он **трещит** как сорока’. <птица>

- (50) *Pengemis itu terus saja meng-ocoh tidak jelas.*
 попрошайка тот непрерывно только meN-щебетать NEG ясный
 ‘Этот попрошайка продолжает невнятно **бормотать**’. <птица, обезьяна>
- (51) *Siti lebih ter-lihat seperti meng-ocoh ketimbang meramal.*
 сити больше APASS-видеть как meN-щебетать чем предсказывать
 ‘Сити скорее выглядел так, как будто **лепечет**, а не предсказывает будущее’.
 [«Jurnal Nasional», 23.12.2012, газета] <птица, обезьяна>
- (52) *Satu dari karyawan-karyawan ter-sebut men-cicit setelah bos mereka me-marah-i mereka pagi ini.*
 один из работник-RDP APASS-называть meN-пищать после
 босс они meN-сердиться-TR они утро этот
 ‘Один из подчиненных **«чирикает»** после того, как босс разозлился на них сегодня утром’. <мышь, птенец, воробей>

3.4. Множественный субъект

Мы нашли два случая метафорических переходов в зону множественного субъекта. Глагол *mengoceh* ‘щебетать’ может использоваться в значении ‘судачить’. Такая ситуация ассоциируется с толпой, с большой группой людей, которая производит очень громкий шум, и предметом разговора является что-то незначительное, например, сплетни (ср. здесь метафору невнятной речи, которая обсуждалась для глагола *mengoceh* в 3.3: одновременная болтовня множества людей неизбежно связана с ее неразборчивостью).

Глагол *mengembik* ‘блеять’ выражает одобрение, поддакивание толпы. Он употребляется в ситуации, когда много людей слушают одного лидера и подчиняются ему. Часто эта метафора подразумевает целый образный ряд: лидер представляется тигром, а обычные люди — козами или овцами, которые «блеют» в знак послушания.

- (53) *Ibu-ibu di pasar meng-ocoh tak henti-henti*
 женщина-RDP в базар meN-щебетать NEG останавливаться-RDP
 ‘Женщины на рынке бесконечно **судачат**’. <птица, обезьяна>
- (54) *Orang-orang mulai meng-embik ketika pejabat ter-sebut selesai berorasi.*
 человек-RDP начинать meN-блеять когда чиновник APASS-называть
 оканчиваться говорить
 ‘Люди начали **«блеять»** после того, как политик закончил свою речь’. <овца, коза>

3.5. Семиотически значимая речь

В зоне семиотически значимой речи наблюдается большое разнообразие значений.

Например, *melenguh* ‘мычать’ применяется к скучающим людям, которые вздыхают или стонут от скуки.

- (55) *Perempuan itu me-lenguh karena bosan.*
 женщина тот meN-мычать поскольку наскучивать
 ‘Женщина **мычала** от скуки’. < бык, корова >

Звуки, которые издают птицы, используются в индонезийском языке для обозначения бессмысленной речи. Например, *meleter* ‘крякать/квакать’ описывает ситуацию, когда кто-то болтает, разговаривает друг с другом ни о чем — так что это раздражает окружающих.

Другие «птичьи» глаголы означают ‘говорить чепуху, ерунду’, например, *menciar, bercuap, berkaok, berkicau, mencuit, bercuit* ‘пищать, чирикать, щебетать’. Отметим, что *menciar* и *bercuap* образованы от существительного *ciar* ‘щебет’, при этом *menciar* используется только для птиц, а *bercuap* — для людей.

- (56) *Mengapa manusia ter-sebut masih berkaok-kaok di sini?*
 почему человек aRASS-называть еще каркать-RDP в здесь
 ‘Почему этот человек все еще тут **болтает?**’ <ворон>

- (57) *Selebihnya, dia hanya bercuit saja.*
 в.остальном он только чирикать только
 ‘А в остальном он просто **болтал ни о чем**’. <птица>

Особый тип бессмысленной речи представляет собой ситуация, когда человек говорит одно и то же, закичивается на каком-то утверждении и повторяет его. Эту семантику выражают два индонезийских глагола — *mengembik* ‘блеять’ и *berkicau* ‘щебетать’. Напомним, что метафора повторения уже встречалась у лексемы *menggonggong* ‘лаять’, однако, в отличие от того переносного употребления, в описываемых здесь случаях отсутствуют семантические компоненты злости и крика.

- (58) *Dia hanya berani meng-embik saja.*
 он только отваживаться meN-блеять только
 ‘У него хватает смелости только чтобы **блеять** (повторять, что уже сказал)’. <овца, коза>

Глагол *meraung* ‘рычать, реветь’ метафорически означает разглашение информации.

Интересную метафору птичьего чириканья представляет глагол *menciar*. Он подразумевает ситуацию, при которой субъект что-то говорит, дает обещания, но не сдерживает свое слово. Часто так говорят о политиках, которые много сулят во время предвыборной кампании.

- (59) *Dia hanya bercuap saja.*
 он только чирикать только
 ‘Он может только **чирикать** (и ничего не делать)’. <птица>

Лексема *mendesis* ‘шипеть’, которая ранее уже упоминалась в связи с семантикой тихого голоса (см. 3.2), может обозначать также недовольное шипение (часто в споре перед началом речи). Обычно, издавая этот звук, человек смотрит в сторону от оппонента. Русским аналогом такого употребления может быть недовольное цоканье.

- (60) *Men-desis tidak setuju,*
 meN-шипеть NEG соглашаться
dia lalu pergi meninggalkan ruang rapat.
 он затем уходить meN.оставаться-тр помещение совещание
 ‘Несогласно **прошипев**, он вышел из конференц-зала’. <змея>

3.6. Другие метафоры

Другие метафоры включают переходы в зону артефактов, зону природы и интернет-среду.

Так *berdengung* ‘жужжать’ означает гул мотора и прочих механических устройств, когда они ломаются или работают неправильно.

- (61) *Afina curiga dengan dengungan yang ia dengar.*
 афина подозревать с жужжание REL она слышать
Ia mengira mungkin suara ter-sebut berasal dari laptop-nya.
 она думать возможно звук APASS-называть исходить из ноутбук-3
Laptop-nya berdengung.
 ноутбук-3 жужжать

‘**Жужжащий звук** вызывал у Афины подозрения. Она думала, что он может исходить от ее компьютера. Ее компьютер **жужжал**’. <комар>

Звуки львов и тигров часто переносятся на вой сирены (глагол *meraung* ‘реветь, рычать’).

- (62) *Sirene ambulans ku-dengar me-raung di tengah malam.*
 сирена скорая.помощь 1SG-слышать meN-рычать в середина ночь
 ‘Я слышал сирену скорой помощи, **воющую** посреди ночи’. <медведь, большие кошки>

Рычание крупных диких кошачьих также может означать гул мотора (*menderu*), звук сирены (*berdengung*) и вой ветра (оба названных глагола).

Калькой с английского языка является использование глагола *berkicau* ‘щебетать’ для обозначения отправки сообщения в сеть Twitter. Интересно, что так могут употребляться и другие глаголы, обозначающие щебет птиц, например, *mencicit*.

- (63) *Dia berkicau di akun Twitter-nya bahwa ia telah*
 он щебетать в аккаунт твиттер-3 что он AUX
lulus dari universitas-nya.
 выпуститься из университет-3

‘Он **написал** в своем аккаунте в Твиттере, что он официально закончил университет’. <птица>

- (64) *Dia mem-posting kicauan yang menyinggung di Twitter.*
 он meN-написать.пост щебет REL meN.задевать в твиттер
 ‘Он написал обидный твит в Твиттере’. <птица>

(65) *Tindakan meninggal-kan lapangan di-dukung oleh Direktur AC Milan,*
 действие meN.оставаться-TR поле PASS-поддержка AG директор AC Milan

Umberto Gandini yang men-cicit via Twitter.
 Умберто Гандини REL meN-пищать через Твиттер

‘Этот шаг — покинуть поле — был поддержан директором ФК Милан Умберто Гандини, который **написал** в Твиттере’. [«Jurnal Nasional», 05.01.2013, газета] <птица>

4. Заключение

В целом, категоризация животных по глаголам звука в индонезийском соответствует наиболее классификации, прослеживаемой в языках мира: выделяются группы диких крупных кошачьих, собачьих, крупного и мелкого домашнего скота, крупных и мелких птиц.

Тем не менее, в объединениях животных есть и ряд особенностей — в основном они касаются глаголов, обозначающих звуки птиц. Так, например, можно выделить глагол *mengoceh*, описывающий звуки маленьких птиц и обезьян, и *berkaok*, характеризующий крупных птиц. Однако есть одна птица — какаду, которая сочетается с обоими глаголами и, соответственно, входит в обе названные группы. Еще одна особенность состоит в том, что звук лягушек и жаб может описываться четырьмя разными лексемами. Обычно несколько специфицированных звуковых глаголов выделяется для тех животных, которые играют важную роль в жизни человека вообще или в культуре страны рассматриваемого языка. Нам же представляется, что лягушка не имеет такого выделенного статуса в индонезийских реалиях, и тем не менее мы наблюдаем довольно большое разнообразие глаголов в этой зоне.

Резюмируя описание переносных значений рассматриваемых глаголов, мы можем сказать, что многие метафоры в нашем материале довольно типичны для языков мира в целом. Например, рычание больших животных нередко, как и в индонезийском, дает перенос в зону громкого голоса или эмоциональных реакций (злость, гнев). Звон в ушах часто ассоциируется с насекомыми, а вой волка и собаки — с криком от боли и плачем.

Вместе с тем можно выделить и некоторые особенности индонезийских метафор на общетипологическом фоне. В других языках не встретился переход шипения змеи в реакцию человека на острую еду, не повторяется и метафора скуки, образованная от глагола мычания. Индонезийский язык демонстрирует также нетипичный выбор источника для метафоры невнятной речи: во многих языках такая семантика развивается прежде всего у глаголов, описывающих звуки домашнего скота (типа ‘блеять’ или ‘мычать’), в нашем же случае основой выступает птичий щебет и чирикание.

Список условных сокращений

1 — местоименная клитика 1 лица, 3 — местоименная клитика 3 лица, AG — показатель агенса (в пассивной конструкции), APASS — акцидентально-пассивный залог, AUK — аспектуально-темпоральная частица, CLR — классификатор, NEG — отрицание, PASS — пассивный залог,

pron — прохибитив, prt — частица, rdp — редупликация, rel — относительное служебное слово, sg — единственное число, tr — аппликативный суффикс.

Источники

Белкина Е. С., Павленко А. П., Теселкин А. С., Ушакова Л. И. Русско-индонезийский словарь. М., 1972.

Коригодский Р. Н., Кондрашкин О. Н., Зиновьев Б. И. Индонезийско-русский словарь. М., 1961.

Коригодский Р. Н., Кондрашкин О. Н., Зиновьев Б. И., Лощагин В. Н. Большой индонезийско-русский словарь. 2 т. М., 1990.

Quinn G. The Learner's Dictionary of Today's Indonesian. Allen & Unwin, 1999.

Заключение

Глава 20. Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей

1. Введение

Языковой материал, представленный в этой книге, настолько разнообразен, что может служить источником обобщений не только для типологии языков, но и для теории метафоры. Возможность переинтерпретации глагола звука животного как обозначающего человеческую деятельность — связанную или не связанную со звуком — помогает нам реконструировать модели, по которым устанавливаются связи между семантическими полями на основе их (когнитивного) сходства.

В первой, вводной, главе нашей монографии мы обсуждали возможные пары сходных, с точки зрения языков мира, ситуаций, выделяя, с одной стороны, типичные источники звуковых метафор (лай собак, громкий рев хищников, крики крупных птиц, воркование голубей и проч.) и, с другой стороны, характерные результирующие области — физиологические состояния, плач, смех, агрессию, нечленораздельную речь и под. Типовые пары помогли нам системно представить материал переносных значений для отдельных языков — как в главах, посвященных конкретным языкам, так и в базе данных. Осталось обсудить сами переходы, т. е. особенности пути метафоризации, который проходят глаголы звучания в процессе семантического сдвига, и возможные при этом лингвистические преобразования.

Мы начнем эту главу с демонстрации специфики таких глаголов: представим простейшую, классическую модель метафоризации на нескольких примерах (раздел 2), а затем покажем ее неприменимость к основным, звукоподражательным, переходам типа ‘каркать’ → ‘хрипеть’ (раздел 3). Правда, некоторые более сложные переходы, например, ‘рвякнуть’ → ‘накричать’, как мы увидим (раздел 4), могут подпадать под классическое определение. Впрочем, ситуацию нельзя упрощать — и об этом раздел 5: есть похожие пары, которые, как кажется, недостаточно классичны. В последних разделах главы мы перейдем к таким глаголам звука, которые переинтерпретируются как незвуковые. Сначала, в разделе 6, мы рассмотрим случаи, которые, хотя и кажутся необычными, объясняются всего лишь комбинацией метафоры и метонимии. Гораздо сложнее устроены так называемые имплицативные метафоры (раздел 7): часть из них требует полной перестройки не только семантики, но и морфологии и синтаксиса (в нашей терминологии, ребрендинга), и об этом раздел 8.

2. Классическая метафора

Классическая метафора — как в модели ОТОБРАЖЕНИЯ (MAPPING) смысла-источника (SOURCE) в смысл-результат (GOAL), знакомая нам, в частности, как из работ Джорджа Лакова и Марка Джонсона (см., прежде всего, Lakoff, Johnson 1980 / 2004), так и в модернизированном ее варианте БЛЕНДИНГА (BLENDING), который восходит к работам Ж.Фоконье и М. Тернера (ср. в первую очередь Fauconnier, Turner 1996, 1998), — предполагает признание (частичного) сходства двух ситуаций — источника и результата метафоры.

Например, согласно словарям, русский глагол *доить* в своем исходном значении имеет в виду извлечение молока из вымени коровы, козы и под., а *пасти* — присматривать за скотом или птицей во время выгона на подножный корм. Метафорически оба они употребляются применительно к людям — ср. следующие примеры из НКРЯ:

- (1) *Доят писателей самым беспардонным образом — то хрустальную вазу достань, то пугеку в Коктебель <...>* [Ольга Новикова. Женский роман (1993)]
- (2) *Летом тридцать седьмого Тамара Григорьевна и Шура уехали в отпуск в Тбилиси, Маршак в Крым. Я **пасла** Люшу в Сестрорецке. <...> Люша розовела, объедалась ягодами, бегала босиком по песку.* [Л. К. Чуковская. Прочерк (1980–1994)]

При этом процедура извлечения молока сравнивается с тем, как сотрудники издательств вымогают у писателей разные недоступные материальные ценности, а присмотр за скотом на выгоне — с присмотром за больным ребенком на даче. Ситуации совершенно разные (у писателей нет вымени, детей не гоняют хворостиной по лугу и проч.), сближаются они за счет одного и того же числа участников, общей синтаксической структуры — но главное, очевидной семантической близости, которая позволяет их рассматривать как единую ситуацию в некотором общем, интегральном семантическом пространстве, устраняя ненужные детали. В первом случае это что-то вроде заимствования принадлежащих владельцу материальных благ (причем постепенное, длительное, и в некоторой степени неприятное для владельца). Во втором — это ситуативный образ заботы и ухода за слабым или несмышленным живым существом, предполагающий кормежку, выгуливание на свежем воздухе и проч. Механизм совмещения предельно прост. Обычно он иллюстрируется знаменитыми кругами (mental spaces) Фоконье (см. рис. 1), которые, как считается, моделируют устройство любой произвольной метафоры. Однако сплошное исследование переносных значений, которые действительно хочется назвать метафорой (ведь мы и сами в этой книге используем именно этот термин), показывает, что само отношение между лексическим источником (SOURCE) и результатом (GOAL) семантического перехода для различных глаголов из поля звуков животных оказывается разным.

3. Ономапоея

Проще всего соотношение SOURCE и GOAL устроено для физиологических звуков и характеристик тембра — их источник не имеет собственной полноценной семантики,

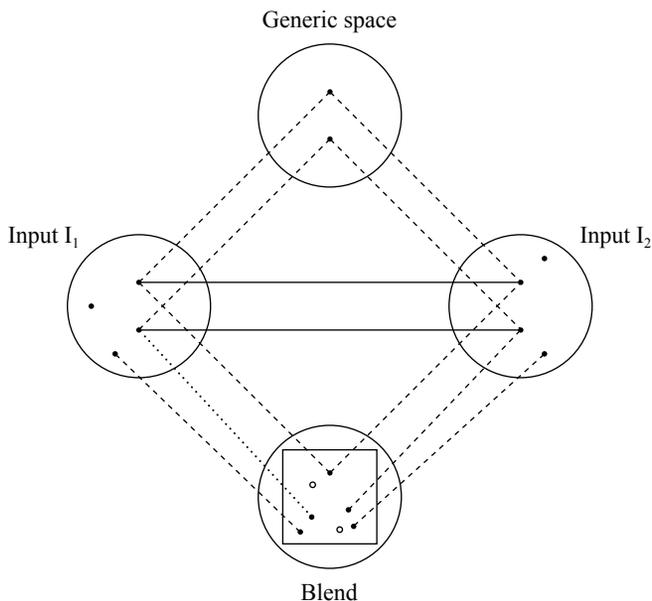

Рис. 1. Mental spaces

и перенос такого «одностороннего» знака из зоны криков животных и птиц в зону звуков, свойственных человеку, происходит исключительно благодаря сходству внешних акустических характеристик, подпадая под определение ономотопеи. Сходство устанавливается со звуком, сопровождающим значимую для человека с точки зрения данного естественного языка ситуацию: сон, физические усилия, насморк, болезнь и др. Соответственно, это может быть храп, сопение, хрип, кашель, кряхтение и под. Ср. пример (3) из валлийского языка, где глагол *chwyrnu*, исходно обозначающий рычание собаки, описывает храп, и пример (4) из калмыцкого языка, в котором та же ситуация храпа совпадает с другим звуковым образом — мурлыканья кошки или хрюканья свиньи¹. Будучи главным действующим лицом, человек, однако, такую ситуацию не контролирует, и звуки, сопровождающие ее, строго говоря, связаны не с самим человеком, а с определенным состоянием какого-то органа человеческого тела — живота, носоглотки, гортани и под.

(3) *Mae'r gŵr yn chwyrnu'n ofnadwy bob nos.* (валлийский)
 'Мой муж каждую ночь ужасно **храпит** (букв.: «рычит»)'².

(4) *Чи унтхлачн хоржэцнач.* (калмыцкий)
 'Ты во сне **храпишь** (букв.: «мурлыкаешь / хрюкаешь）」'.

¹ Кстати, направление этого переноса не так очевидно (см. подробнее главу о калмыцком языке) — но, как мы увидим дальше, на самом деле для этого случая направление перехода может оказаться не так уж важно.

² Здесь и далее приводятся примеры из созданной в рамках проекта Базы данных и из соответствующих глав настоящей монографии.

С теоретической точки зрения, этот тип переноса очень интересен: он, безусловно, основан на сходстве, а не на смежности — и в этом смысле должен представлять метафору, а не метонимию, — но ведь «настоящая» метафора предполагает отображение одной ситуации в другую прежде всего в семантическом плане, а здесь никакой содержательной трансформации исходного события в результирующее не происходит: сходство звука — действительно единственное основание такого переноса.

Эта особенность сближает данный тип перехода с явлением, которое мы обычно классифицируем как **объединение** звуков разных видов животных в рамках прямого значения лексемы³. Как мы помним, во многих языках нашей выборки одним и тем же глаголом описываются звуки, издаваемые мышами и маленькими птицами (часто птенцами). Такое объединение засвидетельствовано в русском (глагол *пищать*), норвежском (*pipe*), литовском (*cypsėti*), индонезийском (*mencicit*) и др. Другой случай совмещения животных представлен в примере (2): калмыцкий глагол *хоржэңнх* описывает как хрюканье свиньи, так и мурлыканье кошки (такую же модель демонстрирует глагол *ghurghurānā* в хинди). Основанием для подобных объединений, как и для только что рассмотренного нами переноса в физиологическую сферу, является простое акустическое сходство. По сути, разводить эти явления, трактуя одно из них как расширение прямого значения, а второе — как семантический сдвиг, близкий к метафорическому, нас вынуждает только одно: при переносе в физиологическую сферу, в отличие от простого объединения, меняется таксономический класс субъекта звука — с животного на человека.

Имена лиц как субъекты обладают выделенным статусом и целым комплексом особых свойств. Их можно приобрести через метафоризацию, и такая антропоцентричная мена субъекта очень характерна для метафор — равно как и одушевление (или олицетворение), которое в нашем случае представляет переход субъекта из зоны звуков животных в область звуков природных объектов (ветра, грома, воды в ручье и др.) и артефактов (например, печатной машинки, мотора, сломанного радиоприемника). И в том, и в другом случае сдвиг осуществляется на основе простого акустического сходства. Именно по внешним, акустическим признакам журчание воды может сравниваться с щебетанием птиц (5а–б), а работающая печатная машинка — со стрекотанием кузнечика (ср. 6).

(5а) *Onkac sayka yuweluy nokum sokeyse caycalkeliesta* (корейский)

‘Разные птицы **щебетали** в июньской зелени’.

(5б) *Sinaysmwuli caycalkelimye hulunta* (корейский)

‘Ручей бежит и **журчит**’.

(6) *Слышно, как в закутке стрекочет машинка Натальи Леонидовны <...>* [В. П. Стеценко. Из воспоминаний о Леонове (2004)]

Впрочем, олицетворение природы можно выделять и в отдельный подкласс, отличая его даже не столько от метафор одушевления артефактов, сколько от физиологических метафор. Такое решение имеет в виду, что когда природной стихии приписываются свойства одушевленного существа, как у Тютчева: *О чем ты воешь, ветер ночной?! О чем так стелешь безумно?* (ср. ту же метафору ‘ветер воет’ в финском: *tuuli ulvoo*, корейском:

³ См. сноску 1: при объединении единиц направление перехода, конечно, роли не играет.

palami wulpucicko issta — и многих других языках), то перенос связан не столько со сходством звука, сколько с восприятием стихии как живого существа со своей волей и характером, т. е., как обычно, с семантикой.

Итак, по-настоящему свободными от семантики можно считать только физиологические переносы. Другие переходы на основе сходства звуков могут осложняться появлением оценочного компонента у результирующего значения. Так, довольно стандартная метафора ‘ржать’ → ‘смеяться’, представленная в русском, немецком, венгерском, коми-зырянском и многих других языках, основана на акустической близости смеха человека и ржания лошади, но не сводится к ней. Ее результирующее значение грубого, неуместного смеха подразумевает отрицательную оценку ситуации говорящим, причем эта оценка не наследуется от исходного значения (ведь *лошадь ржет* — высказывание абсолютно нейтральное), а формируется в процессе семантического сдвига. Помимо лошадей, источниками для такой метафоры могут выступать и некоторые другие животные (гуси, козы, свиньи, ср. 7–9), однако появление компонента отрицательной оценки сопровождается этот переход практически всегда:

- (7) *Они одинаково бесились, у всех мелькали одни и те же словечки, шуточки, они одинаково хохотали, вернее гоготали.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- (8) *Er meckerte, und seine kleinen schwarzen Augen sprühten vor Vergnügen.* (немецкий) ‘Он хихикал (букв. «блеял»), и его маленькие черные глазки блестели от удовольствия’.
- (9) *Nazočni grokću i tresu se od smijeha.* (сербский) ‘Присутствующие хохочут (букв. «хрюкают») и трясутся от смеха’.

Такой эффект закономерен: при уподоблении человека животным и применении к нему характерных для животных лексем, эти слова воспринимаются как стилистически сниженные, а сама ситуация как пейоративно окрашенная (ср. *(из)дохнуть*, нейтральное в применении к животным, но негативное по отношению к человеку).

Как видим, семантический сдвиг звукоподражательных глаголов может быть устроен сложнее, чем простой перенос на основе внешнего звукового сходства, и сопровождаться появлением нового, оценочного компонента значения, однако и в этом случае, лишенный исходного семантического сходства, он не подходит под определение классической метафоры. Тем не менее, классические метафоры в зоне звуков животных все-таки есть.

4. Речевые метафоры как канонические

Представляется, что под классическое представление о метафоре подпадают или почти подпадают речевые реакции. Самый распространенный пример такого типа в нашей выборке — лай (или рычание) собаки, который переинтерпретируется как ругань, выражение недовольства (ср. 10–12). В самом деле, мы хорошо знаем, что собака действительно сердится, когда лает или рычит на своего «адресата» — и так же ведет себя человек, к которому метафорически применяется соответствующий глагол. Значит, как

и в классических случаях, которые мы обсуждали в разделе 2 на примере глаголов *доить* и *насти*, в примерах, подобных (10–12), действительно происходит частичное наложение одной модели поведения на другую: собачьей на человеческую. По сравнению с обычной метафорой особенность здесь в том, что внешнее звуковое сходство ситуаций, ониматопея, пусть не в полной мере, а в некотором «стертом» варианте, но все же присутствует.

- (10) *Bazarда сатучылар ырылдашалар.* (татарский)
 ‘На базаре торговцы **ругаются** (букв.: «лают»)’.
- (11) *Du trenger ikke bjeffe til meg på den måten — det er frekt.* (норвежский)
 ‘Не нужно на меня так **кричать** (букв.: «лаять») — это грубо’.
- (12) *a-xe-r bere ze-haqʷə-ke-x* (адыгейский)
 TOT-PL-ABS долго RCP.ABS-ЛАЯТЬ-PST-PL
 ‘Они долго **ругались** (букв.: «лаяли») друг на друга’.

Другой пример классической метафоры в зоне глаголов звуков животных — глагол *murnams* (шокшинский диалект эрзянского языка). Его прямое значение — ‘мурлыкать’, однако, в отличие от своего русского переводного эквивалента, он описывает либо недовольную кошку, либо такое мурлыканье, которое неприятно говорящему (см. 13). Таким образом, эта лексема описывает не просто звук, характерный для некоторого животного, а звук, который это животное издает в строго определенных ситуациях, т. е. представляет собой форму, за которой стоит определенная семантика.

- (13) *bars'ik az'u t'elde, s'ed'ij-t'e suv-i-t' uš murna-m-sta.* (эрзянский)
 Барсик иди отсюда сердце-DEF.SG.DAT войти-PST-2SG уж мурлыкать-INF-EL
 ‘Барсик, иди отсюда, надоел уже **мурлыкать** (букв.: «в сердце вошел уже от мурлыканья»)’.
- (14) *mezt' murn-at, apak lotk-s'e?* (эрзянский)
 что мурлыкать-NPST.2SG NEG прекратить-IPFV.PTCP
 ‘Что **ворчишь**, не переставая?’

При смене таксономического класса субъекта глагола *murnams* с кошки на человека программа поведения переинтерпретируется, и в результате формируется значение ‘ворчать’ (пример 14). От исходного фрейма остается идея недовольства, но из-за смены типа субъекта меняется способ выражения эмоции: слова вместо нечленораздельных звуков. Сдвиг значения происходит за счет семантического сходства двух ситуаций, в полном соответствии с теорией метафоры, — но, так же как с лаем собаки, помимо содержательного сходства, базируется и на сходстве форм: и ворчащий человек, и мурлыкающая кошка издают тихие и монотонные звуки, «себе под нос».

5. Особые случаи

Классическая метафора, источник которой — глагол «звериного» звука, встречается редко, даже и в семантической зоне речевых реакций. Обычно при переходе происходит больше

перемен, чем предполагает этот механизм, но, в принципе, все эти модификации исходного значения предсказуемы. Рассмотрим два типичных примера такого рода осложнений.

5.1. ‘Шипеть’

В русском языке глагол, исходно описывающий звуки, которые издает змея, — *шипеть* — в результате семантического сдвига может обозначать речь злого, возмущенного человека (ср. 15), но отрицательная характеристика субъекта ситуации возникает здесь не просто из-за того, что человек уподобляется животному вообще (как это было в примерах с ‘ржать’ и ‘гоготать’), а наследуется от исходной ситуации: в русской культуре змея считается злой, агрессивной и опасной.

- (15) — *Мне серебро даром не надо, — прошипела она и, неожиданно вытянув руку, несколько раз мазнула мне по шее мокрым зонтиком.* [Фазиль Искандер. Начало (1969)]

Другое отличие этого сдвига от перехода типа ‘ржать’ → ‘смеяться’ в том, что он, как и положено полноценной метафоре, основан на концептуальном сходстве ситуаций, а не на чистом звукоподражании. Змея (злая по умолчанию) шипит, как бы предупреждая о нападении. Человек тоже шипит, когда он зол и рассержен, — и действительно издает звук, отдаленно напоминающий змеиный (говорит тихо и сквозь зубы), но внешнее сходство скорее поддерживает метафору, чем является ее прямым основанием. Такой семантический сдвиг устроен композиционно: сначала формируются коннотации животного, а затем на основе этого нового образа происходит сдвиг значения по модели классической метафоры.

Замечание

Вообще говоря, легко себе представить и чисто звукоподражательный перенос змеиного шипения на человека — без всяких коннотаций. Тогда с этим глаголом мог бы соотноситься любой тихий звук, например, шепот. Кстати, именно в таком значении способен употребляться индонезийский глагол *mendesis* ‘шипеть (о змее)’: он описывает тихий голос или особый шипящий звук, который может издавать человек, съевший что-то острое (см. 16–17). В обоих случаях перенос основан на внешнем акустическом сходстве:

- (16) *Rina mendesis, «Dia datang!»* (индонезийский)
‘Рина шепчет: «Она идет!»’
- (17) *Dengan muka merah ia mendesis kepedasan di ruang makan.* (индонезийский)
‘С красным лицом, он шипел в столовой от слишком острой еды’.

5.2. ‘Фыркать’ и ‘крякать’

Другой тип производных речевых реакций можно разобрать, анализируя русское кряканье или фыркание. Применительно к человеку кряканье в русском языке, как правило, обозначает звук, характеризующий положительное отношение к событию, а фыркание — отрицательное.

- (18) *Когда я повторила — «Подлец!», он даже **крякнул от удовольствия**.* [И. Грекова. В вагоне (1983)]
- (19) — *День насмарку... — День! — **фыркнула** она. — Тут вся жизнь под откос, а ты из-за дня печалишься.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

Заметим, что здесь за ситуацией, в которой животное издает соответствующий звук, не стоит никакой явной культурно-специфической модели и само животное не характеризуется никакими четкими коннотациями: вряд ли можно считать довольной крякнувшую утку.

Согласимся, что ситуативно мы можем иногда «навязывать» животному временные положительные или отрицательные интерпретации их звуковых реакций — и фыркающую лошадь, например, считать в данный момент рассерженной. Получается, что лингвистическую границу между примерами, подобными шипению змеи и фырканию лошади, провести непросто. Для этого нужно точно знать, имеем ли мы дело с четкими, культурно закрепленными коннотациями или ситуативно навязанной интерпретацией поведения животного. Возьмем, например, кваканье лягушки в хинди (*Tarar-Tarar karnā*), которое используется по отношению к человеку для описания грубой и заносчивой речи или пустой болтовни, кудахтанье курицы (*kuRkuRānā*), соответствующее в хинди человеческому ворчанию, или скандальный крик человека, передающийся в агульском как ослиный рев (идеофон *ʒar*), и под. Есть ли соответствующие им коннотации или культурно-специфические модели — неясно, и, в общем, непонятно, как это можно строго и по универсальным правилам восстановить. Тем не менее, во всех подобных случаях (а их немало среди наших примеров) мы можем констатировать асимметрию в статусе семантики исходной ситуации, связанной с поведением животного, и результирующей, связанной с человеком. «Человеческие» ситуации обладают стойким и определенным значением, соответствующим прежде всего разным типам реакций, в то время как звуки животных приобретают его только через коннотации с самим животным, его воображаемым образом, укоренившимся в фольклоре или через ситуативную интерпретацию его сиюминутного поведения.

6. Сложные переходы: от звука к поведению

Все классы переходов, которые мы рассматривали до сих пор, сохраняли у исходного глагола звуковую семантику. Менялся ее статус: в одних случаях она оставалась на первом плане (ср. переносы на основе внешнего акустического сходства), в других становилась второстепенной, уступая место семантике ситуации (ср. все случаи классической метафоры). Однако глаголы звуков животных могут подвергаться и более серьезной перестройке исходного значения, в результате которой звуковой компонент теряется полностью. Механизмы таких переносов многообразны. Мы начнем с обсуждения таких, которые основываются на метонимическом сдвиге со звука на ситуацию, в которой этот звук издается, ср.:

- (20) *Komarac zuji po sobi.* (сербский)
 ‘Комар **летает** (букв.: «жужжит») по комнате’.

Исходное значение сербского глагола *zujati* — звуковое: он описывает жужжание комаров, мух, пчел и некоторых других насекомых. В примере (20) этот глагол, употребленный метонимически, обозначает не просто жужжание комара, а скорее, сопутствующую ему ситуацию — движение по комнате. Впрочем, пока звуковая семантика лексемы все-таки утрачивается не полностью — как в стандартных метонимических сдвигах, происходит перераспределение «рангов» компонентов значения: поведенческий компонент занимает основную позицию, а звуковой отодвигается на второй план (см. Падучева 2004, Кустова 2004, Стойнова 2008 и др., а также Главу 22 настоящей монографии).

Дальнейшая семантическая эволюция лексемы *zujati* влечет за собой более серьезные изменения. Замена субъекта ситуации (насекомого на человека) вызывает метафору. В результате формируется значение, в котором основные черты исходной ситуации (бесцельное, беспорядочное движение) воспроизводятся уже применительно к человеку, и одновременно полностью утрачивается компонент звукового сопровождения, человеку не свойственный:

- (21) *U onim "dobrim" danima **zuj**i po gradu ili izlazi sa odabranim društvo**m**.* (сербский)
 'В такие «хорошие» дни он **шагается** (букв.: «жужжит») по городу или куда-нибудь ходит с избранной компанией'.

Обратим внимание, что точно такой же переход засвидетельствован в норвежском:

- (22) *Han **surret rundt**.* (норвежский)
 'Он **бесцельно бродил** (букв.: «жужжал») вокруг'.

Аналогичный сдвиг претерпевает мокшанский глагол *bzname*. Исходно он также обозначает жужжание насекомых, которое метонимически переносится на сопутствующую ему ситуацию — быстрое, но бесцельное перемещение в пространстве. Однако замена субъекта действия с насекомого на человека дает результат, немного отличный от того, что мы наблюдали в сербском и норвежском, но столь же естественный: суетливое, бесполезное копошение (см. пример 23).

- (23) *son celaj ši **bžna-s'** kuhn'a-sə,*
 он целый день жужжать-PST.3SG кухня-IN
men' l'em-gə iz' pid'ə s'emika-t'i. (мокшанский)
 даже суп-ADD NEG.PST.3SG варить семья-DEF.SG.DAT
 'Она целый день **возилась** на кухне, даже суп не сварила для семьи'.

Таким образом, описанный сдвиг основан на последовательном действии двух разных механизмов: метонимии, «превращающей» звук в движение, и метафоры, «переводящей» движение с животного на человека. В литературе, посвященной теории семантических переходов, такие случаи упоминаются под названием *метафтонимия*, которое предложил Л. Гуссенс (см. Goossens 1990)⁴: технически они достаточно прозрачны и воспроизводятся от языка к языку.

⁴ О дальнейшем развитии этого понятия см., например, Ruiz de Mendoza, Díez 2002 и Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2011.

Возможен и обратный порядок следования переносов: сначала метафора ‘звук животного → звук человека’, а потом метонимический перенос со звука на сопровождающее его поведение. Он засвидетельствован, например, у английского глагола *to croak* ‘каркать/квакать’, который, будучи употребленным по отношению к человеку, обозначает смерть:

(24) *He had a heart attack and croaked.* (английский)

‘У него случился сердечный приступ, и он **помер** (букв.: «каркнул/квакнул»)’.

На первом этапе этого перехода реализуется обычная звукоподражательная метафора, описанная в третьем разделе и свойственная физиологическим состояниям: по акустическому сходству при замене субъекта с животного на человека ‘каркать/квакать’ осмысливается как человеческий хрип, в том числе предсмертный. На втором этапе действует метонимия: происходит сдвиг значения со звука (хрипа) на ситуацию, в которой он слышится. В данном случае это — культурно выделенная ситуация смерти человека.

Аналогичный сдвиг засвидетельствован и у глагола с другой исходной семантикой — сербского *rikati* ‘рычать’. Интересно, что он демонстрирует дальнейшее развитие этого перехода: *rikati* может обозначать не только смерть человека, но и поломку артефакта (ср. русск. сленговое *У меня сдох принтер*)⁵:

(25) *Riknuo je server ili šta god to značilo i prekinula sam gledanje svoje omiljene serije.* (сербский)

‘То ли сервер **сломался**, то ли еще что-то, но я не смогла досмотреть свой любимый сериал’.

Английский глагол *to squeak* ‘пищать (о мышах)’, развиваясь по тому же сценарию «метафора + метонимия», приобретает значение ‘втискиваться’. Метафорический сдвиг, который он претерпевает на первом этапе, переносит его в зону звуков артефактов: по принципу внешнего акустического сходства он начинает обозначать скрип (см. 26). А поскольку этот звук, как правило, возникает при трении объектов друг о друга, лексема приобретает способность описывать и саму ситуацию, в которой этот звук часто возникает, — в том числе и ситуацию, не сопровождающуюся звуковым эффектом, ср. (27).

(26) *My shoes squeak when I walk.* (английский)

‘Мои ботинки **скрипят** при ходьбе’.

(27) *The sun was squeaking through the heavy clouds by then and the rain had stopped.* (английский)

‘К тому моменту солнце уже **протискивалось** сквозь тяжелые тучи и дождь перестал’.

⁵ Тем самым, происходит еще один метафорический сдвиг. Последовательности из нескольких метафорических переносов в англоязычной литературе получили название «метафорических цепей» (*metaphoric chains*), см., например, Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2012 и Ruiz de Mendoza, Pérez-Hernández 2011.

Более того, превратившись в предельный глагол движения, *to squeak* подвергается типичному для этого класса лексики метонимическому переносу акцента с процесса на результат⁶ (28).

- (28) *He squeaked into office by fewer than 2,000 votes.* (английский)
 ‘Он едва **протиснулся** на эту должность, набрав меньше 2000 голосов’.

Как известно, метонимические сдвиги, в отличие от метафорических, не всегда заметны носителю⁷ — собственно, при метонимии сдвига как такового может и не быть, и это демонстрирует пример сербского глагола *hukati/huktati*, который в прямом значении описывает крик совы:

- (29) *Bila je to sova. **Hukala** je sa trešnjine grane.* (сербский)
 ‘Это была сова. Она **ухала**, сидя на ветке черешни’.

Применительно к людям эта лексема, как правило, обозначает процесс, практически лишенный звукового компонента: человек дышит ртом на руки, чтобы их согреть (в этом значении у глагола обычно появляется дополнительный участник ситуации — ‘руки’).

- (30) *Kormilar Mašić **hukao** je u prazne ruke pokušavajući da ih zagrije.* (сербский)
 ‘Рулевой Машич **дышал** (букв.: «ухал») на раскрытые ладони (букв.: «пустые руки»), пытаясь согреть их’.

Повторяя ход наших рассуждений о метафоре хрипа, можно реконструировать сначала звукоподражательную метафору, при которой глагол крика (уханья) совы стал обозначать характерное шумное дыхание человека (‘уханье совы’ → ‘шумное дыхание’, что-то вроде ‘пыхтеть’), а затем метонимический перенос со звука на ситуацию, в которой этот звук часто издается: ‘шумно дышать на ладони’ → ‘согревать руки’. Надо сказать, что примеры собственно звуковых антропоцентричных употреблений *hukati/huktati* мы действительно обнаружили — но в основном они тоже ситуативно связаны, ср. характерное *nemoj da mi hukčeš za vrat* ‘не дыши (букв.: «не пыхти») мне в спину’ — о человеке, который стоит слишком близко. Поэтому разделить идею шумного дыхания и согревания рук и проследить историю метонимии напрямую, конечно,

⁶ Метонимический сдвиг такого типа в уже упоминавшихся работах Падучева 2004 и Кустова 2004 противопоставляется более традиционной «аргументной» метонимии. В случае «аргументного» метонимического переноса происходит перестройка акцентов внутри аргументной структуры лексемы (ср. классический пример *выпить воду из стакана* vs. *выпить стакан воды*). «Результативная» метонимия, напротив, затрагивает не аргументы, а саму глагольную семантику, выдвигая на первый план один компонент значения и «затеняя» другой. Такой сдвиг характерен для глаголов, обозначающих предельные процессы: в них акцент смещается с действия на его результат (ср. *Он перекрывает проход стульями* vs. *Стулья перекрывают проход*). В англоязычной традиции это явление получило название “end-point” metonymy (метонимия конечной точки), см. Lakoff 1987/2004, Brugman 1988.

⁷ Проблема разграничения метонимии и других явлений, близких, но, видимо, не подразумевающих сдвига в значении (таких, как активация зон и фасетизация), рассматривается подробно, например, в Benczes et al. 2011.

невозможно: лексикализованные метонимические контексты «проглатывают» промежуточные этапы, иначе бы многозначность мешала нам понимать результирующие конструкции. Ведь в этом случае они были бы не так ярко противопоставлены контекстно.

7. Импликативные переходы

В этом разделе мы рассмотрим самые необычные переходы, многие из которых в главах, посвященных конкретным языкам, и в Базе данных условно названы «семиотически нагруженными», ср. русск. *брехать* → ‘врать’. В отличие от всех рассмотренных, в них нет ни явной звукоизобразительности, ни явного поведенческого сходства исходной и результирующей ситуаций. Механизм такого перехода — это не звукоподражание, но и не классическая метафора. Мы считаем, что «двигателем» значения, связующим звеном между исходным и конечным семантическим полем в таких случаях является импликатура: по нашему мнению, роль импикатуры в лексических преобразованиях так же велика, как и ее уже общепризнанная роль в процессах грамматикализации (подробнее об этом типе переходов в связи с семантикой процессов грамматикализации см. в Рахилина и др. 2010а, Рахилина и др. 2010б). В качестве иллюстрации мы разберем русские глаголы *брехать*, *зудеть*, *зудеть*, *куковать*, а также ‘ворковать’ в агульском, ‘блеять’ в сербском и ‘реветь (о корове)’ в хинди.

7.1. Русское *брехать* означает ‘лаять без повода’, т. е. не для того, чтобы привлечь внимание к опасности, чужому человеку и проч., а «просто так». Импликативно из такой ситуации *следует* идея обмана хозяина, и именно на базе этой производной, незвуковой ситуации частного обмана строятся дальнейшие, переносные употребления данного предиката по отношению к человеку: *брехать* осмысливается как ‘лгать по незначительному поводу, выдумывать несуществующее’ и превращается в так называемый интерпретационный глагол (см. Апресян 2006, Кустова 2000 и др.). Такое развитие характерно и для глагола *to woof* в американском английском.

7.2. Агульское ‘ворковать’ (идеофоны *kut-kut / küt-küt*) при сдвиге значения понимается как тихая речь, причем именно беседа между двумя людьми, так как голуби воркуют парами. Если считать, что люди сознательно понижают голос и не хотят, чтобы их слышали, то импликатура сплетни, свойственная этому агульскому глаголу, выглядит очень естественно. Как видим, это тоже переход звукового глагола в интерпретационный.

7.3. Похожим образом развивается **русское *зудеть*** — изначально это глагол звука артефакта (трубы), а не звука животного. Правда, по-русски *зудеть* описывает и характерный звук крупных насекомых, прежде всего, пчел — так что нам естественно рассматривать и его импликативное развитие. Речь идет о значении ‘пить и гулять, веселиться — о большой и шумной компании’:

(31) *Я не помню, сколько дней мы зудели. <...> Я засыпал в кресле или мордой в салате <...>* [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]

Это интерпретационное (как у *брехать* и ‘ворковать’) значение восходит к употреблению типа *толпа гудела* и более частотным метонимическим, как в примере (32), со значением ‘шуметь — о помещении, в котором одновременно и громко разговаривает большое количество людей’; дальше действует импликатура ‘шумная компания → гулянка и веселье’.

(32) *Зал гудел, как муравейник. Готовились к молебну.* [В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)]

7.4. У сербского *blejati* ‘блеть (об овце)’ два нетривиальных значения — стативное ‘пялиться’, что-то вроде русского ‘смотреть как баран на новые ворота’ и интерпретационное ‘ничего не делать (о человеке)’ — ср. русск. *Что стоишь, как баран?* Опрос информантов показывает, что оба эти перехода опираются на присущие сербскому особые коннотации овец как глупого и ленивого скота — впрочем, по-видимому, эти коннотации возникают все-таки с некоторой опорой на особенности поведения конкретного вида животных. В то же время ожидать, что эти коннотации будут непременно воспроизводиться во всех или даже во многих языках мира, трудно. Наш следующий пример с кукушкой показывает, что даже если у животного есть очевидные поведенческие «привычки», как у воркующих голубей или без толку брешущих собак, соответствующий имплицативный компонент не универсален и редко повторяется: он настолько связан с культурными стереотипами, что, скорее всего, плохо поддается типологизации.

7.5. **Кукушка** издает особенный звук — настолько своеобразный по своему характеру — короткий, как бы двусложный, всегда многократно в точности повторяющийся, — что в русском языке, как и во многих других, для него есть специальный глагол: про кукушку, в отличие от других лесных птиц, говорят не *поет*, а *кукует*:

(33) *За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка.* [И. А. Бунин. На даче (1895)]

Метафорически так же называется механическое «пение» традиционных часов с кукушкой: как правило, жестяная кукушка еще и выскакивает из часов, «кукуя»:

(34) *На стене висели часы с кукушкой — казалось, каждую минуту она высовывалась из домика и куковала.* [И. Грекова. Фазан (1984)]

Однако, когда этот глагол применяется к человеку (первые примеры такого рода, согласно НКРЯ, относятся к 20-м годам XX века), звуковая составляющая из него исключается: в таких контекстах русское *куковать* значит что-то вроде ‘жить / быть одному (не желая того) / быть покинутым и ждать, бездействуя’:

(35) *Бабым умом она поняла, что быть войне долгой, мужиков не останется и куковать ей одной до конца дней своих.* [Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)]

или:

(36) *Здесь уже куковало много эшелонов с демобилизованными победителями.* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

Природа этого значения тоже имплицативна: пение кукушки не получает ответа; отсюда идея кукушкиного, а затем и человеческого одиночества. Следующая цитата известного знатока природы М. М. Пришвина свидетельствует, что и натуралисты связывают пение кукушки с одинокой жизнью: *Кукушка теперь хорошо кукует, она одна теперь холостая* [М. М. Пришвин. Дневники (1924)]. Между тем, по замечанию А. Никунласси и Е. Протасовой (см. Главу 11 настоящей монографии), финское ‘куковать’ (*kukka*) в переносных употреблениях означает иное: ‘оставаться поздно и долго бодрствовать’, без оттенка одиночества и ожидания, как в русском. Отсюда видно, что универсальная модель переходов, которую мы хотели бы построить, не может быть абсолютно жесткой, она должна предусматривать разные векторы семантического развития, в том числе имплицативного, и в перспективе объяснять выбор каждого из них.

Вместе с тем, совершенно идентичный описанному механизму возникновения переносного значения, и с тем же результатом, действует теперь в отношении русского глагола *кукарекать*. Любопытно, что поведенчески эти две птицы — кукушка и петух — сходны только в одном: крик петуха, как и крик кукушки, тоже остается без ответа. По НКРЯ, первые свидетельства такого сдвига приходятся на 80-е годы XX века, с тех пор *сидеть-кукарекать* означает в разговорном русском ‘оставаться в одиночестве <вопреки желанию>’:

- (37) <...> *приходится одному кукарекать, пока не занесет нелегкая кого-нибудь вроде вас.* [Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002]

7.6. Любопытный переход представляет глагол *Dakarnā* в хинди (см. Главу 9 в настоящей монографии). Исходно он означает что-то вроде ‘реветь (но не мычать): о корове’, но, по-видимому, соответствует какому-то единичному звуку, потому что метонимически переносится на почти мгновенное сопутствующее действие — ‘рыгнуть’. В этом значении в хинди этот глагол безоценочный, равно применимый к корове и человеку в соответствующем контексте, так что с теоретической точки зрения он особого интереса не представляет. Однако причина появления другого его производного значения — ‘украсть, ограбить, скрыться с чужими деньгами’ — довольно любопытна.

Ясно, что такое неожиданное значение могло возникнуть только имплицативно — и сама импликация требует дополнительного исследования специалистов по хинди. В параллель, в качестве рабочей гипотезы, вспоминается русская пара *свистнуть* (звук) → *свистнуть* ‘украсть’, в которой результирующее значение, по-видимому, апеллирует к высокой скорости действия. Другая гипотеза (она тоже обсуждалась с информантами) состоит в том, что ситуация срыгивания сопряжена с заглатыванием еды, так что у глагола *Dakarnā* может быть неявная метонимическая связь со значением ‘глотать’ или ‘съесть’. Она проявляется косвенно: некоторые информанты говорят, что *Dakarnā* означает также состояние, *результирующее* по отношению к предельным ‘глотать’ или ‘съесть’ — а именно, сытость, т. е. демонстрирует стандартную результирующую метонимию как раз по отношению к этим значениям. Если это так, то цепочка

(‘срыгнуть’ →) ‘глотать / съедать’ → ‘украсть / ограбить’
 ↓
 [‘быть сытым’]

напоминает другой сдвиг, тоже засвидетельствованный в разговорном русском: ‘слизнул’ → ‘украл’.

7.7. Полет комара сопровождается неприятный тонкий монотонный вибрирующий звук — говорят, что *комар зудит*. Однако у глагола *зудеть* есть и другая, особая группа употреблений — она представлена в примерах типа (38):

(38) <...> *все тело — зудит и горит; раздраешь его: наградили блохами* <...> [Андрей Белый. Африканский дневник (1922)]

Вообразить себе имплицативную модель, по которой будет более или менее стандартно развиваться переход типа ‘комар зудит’ → ‘все тело зудит’, представленный в языках мира довольно широко, затруднительно. Дело в том, что, как и все звуковые глаголы, это глагол активной деятельности, и он агентивен, тогда как результатом его сдвига оказывается сугубо неагентивный, экспериенциальный глагол боли и неприятных ощущений. В принципе, такого рода имплицативные переходы возможны — но только при наличии объекта у исходного предиката, ср.: *Вася колот иглой руку* (агентивный глагол физического воздействия на некоторый объект) → *рука / бок у Васи колот* (глагол боли, при котором исходный пациенс [рука или бок] становится неагентивным субъектом, а бывший агент [Вася] — экспериенцером-посессором). Подробнее об этом переходе мы рассказывали в Рахилина и др. 2010а: стр. 520–522; некоторое его обсуждение см. также ниже в разделе 8. Легко видеть, что эта модель перехода не годится для *зудеть*: в отличие от *колоть*, *зудеть* — глагол одностольный, он не предполагает не только объекта, но даже и адресата. В то же время, это далеко не единичный переход: точно такое же значение развивает и *зудеть*, по крайней мере, в русском, — тоже, без сомнения, предикат безобъектный и безадресатный:

(39) *С наслаждением вытягиваю ноги. Тело зудит от усталости.* [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут (1967)].

Наша трактовка этих примеров состоит в том, чтобы постулировать возможность лексического совмещения для таких пар физиологических ощущений. Обычно это принято делать для пары звуковых и зрительных впечатлений (ср. прежде всего общие лексические характеристики звука и цвета: *громкий звук / цвет; яркий цвет / звук*), см. Sweetser 1990. Надо признать, однако, что некоторые типы звука хорошо коррелируют не только со зрительными, но и с телесными ощущениями и как бы «слышатся телом» в виде вибраций или кожной реакции (зуда). Кажется, что признание пар таких полей смежными было бы естественно и дало бы ключ к более широкому кругу эффектов, хорошо заметному, например, в зоне качественных признаков, которые, как правило, объединяют разные типы ощущений в одной лексеме (ср. Кашкин 2013, Холкина 2014, Рахилина, Резникова 2013 и др.).

В качестве косвенного подтверждения сказанному заметим, что в агульском встречается и вполне предсказуемый дальнейший — метафорический — переход с физиологических ощущений, вызванных звуком насекомых, на эмоциональные: ‘мое тело зудит’ → ‘мне неприятно’ (в ситуации страха или сочувствия), по аналогии с *сердце щемит, дыханье / дух перехватило* и под. Похожие сдвиги засвидетельствованы также в татарском языке и в шокшинском диалекте эрзянского, где глаголы с исходным значением ‘жужжать’ развивают семантику ‘беспокоиться’. Близкий перенос наблюдается и в хинди: глагол *bhinaknā* ‘жужжать’ приобретает способность обозначать несколько иную отрицательную эмоцию — отвращение.

Все рассмотренные в 7.1–7.7 примеры объединяют такие свойства семантического перехода, как отсутствие звукоподражательности, отсутствие поведенческого сходства и имплицатура — в виде основы для возникновения результирующего значения. Эти свойства касаются семантики. Между тем, как мы уже не раз наблюдали, при имплицативном сдвиге может быть нетривиален даже синтаксис — и не только.

8. О синтаксисе, морфосинтаксисе и других особенностях, сопутствующих имплицативным переходам

И звукоподражания, и классические метафоры вроде речевых реакций, и близкие им неречевые реакции полностью наследуют глаголу звука животного и практически без изменений сохраняют модель управления исходного глагола, его словообразовательный потенциал и аспектуальные свойства. В частности, такие употребления остаются непереходными, ср. *кот урчит* — *живот урчит*, непереходность характерна и для неречевых реакций типа *удовлетворенно крикнул* или *возмущенно фыркнула*. Правда, как реакции, эти глаголы получают возможность факультативно присоединять причину (*он только крикнул от удовольствия*). Речевые реакции сохраняют факультативного адресата (ср. *рычать на кого-л.*) и вдобавок к этому получают возможность (тоже факультативно) вводить прямую речь (– *Где деньги? — прошипела она.* [Андрей Геласимов, 2009]), однако не всегда ее содержание, как должны были бы — если бы в результате перехода они стали полноценными глаголами речи: *сосед ??рычал (!кричал), что вызовет полицию*. Такие примеры в корпусе практически отсутствуют.

В отношении словообразования и аспектуальной принадлежности звукоподражания и речевые реакции еще более стабильны: в результате перехода они остаются действиями, итеративными или однократными, и развивают в целом соответствующие исходному значению приставочные производные, прежде всего связанные с фазовостью (*зарычать, прорычать* и под.). Различия, впрочем, случаются и здесь, ср. *реветь*, при котором возможен любой тип субъекта — и животное (тигр, лев, медведь и под.), и человек, и природные объекты (буря, ветер, волны, вода, ураган и проч.) vs. его приставочный дериват *взреть*, допустимый при субъекте-человеке, но не встречающийся с природными объектами: *буря ревели* vs. ??*буря взрела*.

На этом фоне поведение «семиотических» глаголов выглядит много более динамично: расставаясь в новом употреблении с исходным звуковым образом, они полностью переходят в другое поле, перенимая морфологические и синтаксические свойства, характерные для его основных представителей. Так, русское *брехать* в производном значении ‘лгать’ полностью теряет возможность управлять предложением *на*, который вводит адресата лая, рычания, шипения и др. при всех глаголах звуковой реакции животных, и тем самым уходит от модели управления, свойственной целой группе «собачьих» звуковых глаголов (*лаять*, *тявкать*, *рычать* и под.), ср.: *Собаки нигде не брещут на него* [И. А. Бунин. Хороших кровей (1913)], но *Что ты мне / *на меня брешешь*.

Как правило, меняется и словообразовательный потенциал «семиотического» глагола в результате перехода: глагол *брехать* в значении ‘лаять’ практически не имел приставочных коррелятов, и только в результате семантического сдвига возникли такие производные, как *набрехал* (по аналогии с *наврал*), *сбрехнул* (по аналогии с *соврал*), *отбрехался* ‘отказался делать что-л, придумав предлог’ (по аналогии с *отказался*, *отбрыкался*, *отвертелся* или с семантически пустым *отбоярился*) и др. Или, напротив, при переходе могут потеряться словообразовательные конструкции, ср. [*на-V Num Temp*]: *накуковать 20 лет* («предсказывая», по известному поверью, сколько лет человеку осталось жить на свете) — в производном значении ‘жить в одиночестве’ *куковать*, естественно, утрачивает способность встраиваться в эту словообразовательную модель.

Но главное — это то, что имплицативные глаголы, которые переходят в принципиально другой таксономический класс, могут кардинально менять акциональность глагола, «трансформируя» его из действия в состояние. Именно такое тотальное изменение одновременно всех глагольных свойств — ср. используемый нами в Рахилина (ред.) 2010 термин *ребрендинг* — мы наблюдаем, в том числе, на примере русского глагола *куковать*. Действительно, *куковать* (или *кукарекать*) в значении ‘находиться в одиночестве’ выражает неконтролируемое состояние, а не, как ожидалось бы на основе исходной акциональности, многократно повторяющееся действие.

В отношении тотальных ребрендинговых преобразований рассмотренные нами имплицативные глаголы звуков животных не являются исключением. В частности, глагол *пасти*, который мы обсуждали во втором разделе как пример простейшего метафорического отображения одного семантического поля в другое, может развивать и ребрендинговое значение ‘следить за кем-л.’, ср. сленговый пример (40):

(40) — *И чего тебе здесь надо? Пасешь за нами, что ли?* [Виктор Доценко. Срок для Бешеного. (1993)]

В таких употреблениях вместе с исходным значением *пасти* расстается со множеством привычных свойств — морфологических, деривационных, синтаксических. Например, глагол теряет исходно присущую ему медиально-возвратную форму *пасться* (*kozy пасутся на лугу*), приставочный коррелят с *вы-* (ср. *выпасать свиней* vs. *выпасать за кем-то*), а главное — переходность, свойственную контекстам с объектом-животным и наследуемую, как мы помним, при простой метафоре (*пасти козу* → *пасти больную Люшу*, как в примере (2) из раздела 2). Это естественно, потому что из глагола воздействия, похожего по семантике на *охранять* или *содержать*, он становится глаголом

поступательного движения вслед за ориентиром, похожим на *идти за, следовать за, следовать за, гоняться за* и др. под. В таком качестве ему «не нужны» ни приставочный коррелят с *вы-*, ни прямой объект — а значит, и медиальная форма. Это и есть ребрендинг, основанный на имплицативном семантическом переходе.

Подобного рода сдвиги в русском языке описывались для двух групп исходных глаголов: глаголов перемещения — таких, как *тащиться, оставлять, качать* и под. (см. Розина 2005, Резникова 2014), и глаголов воздействия типа русских *жать, давить, колоть, резать* и др. (см. Кустова 1998, 2004 и Падучева 2004) — с акцентом на экспериенциальности результирующей семантики. Развитие этой идеи было предложено в рамках построения типологии метафор боли в работах Рахилина и др. 2010а, Reznikova et al. 2012 и Брицын и др. (ред.) 2009, где с этой точки зрения рассматривались в том числе и некоторые глаголы звука. Теперь так описана существенная подгруппа звуковых глаголов — причем вне болевых контекстов.

9. Вместо заключения

Понятно, что пока, даже если брать все проведенные исследования в целом, имплицативных глаголов найдено слишком мало, чтобы делать глобальные обобщения. Тем не менее интересно, в какой степени описанные в разделе 7 имплицативные глаголы звука укладываются в общую картину: ставят ли они новые вопросы для теории и нет ли надежды в будущем, рассмотрев более широкую выборку, найти в них какие-то особенности.

Общая картина такова, что практически всегда ребрендинг, или имплицативный переход значения, связан со стативизацией исходного предиката — об этом писали все его исследователи, а боль / неприятные ощущения или эмоция как частотные конечные состояния служат тому хорошим подтверждением. Стативизация как бы оправдывает тотальную перестройку лексемы на всех уровнях, потому что предполагает слишком радикальный сдвиг исходного значения.

Среди наших примеров тоже есть результирующие глаголы неприятных ощущений: *зудеть* (как *тело зудит*) и *гудеть* (*ноги гудят*), а *куковать* и *кукарекать* можно отнести к классу эмоций — все это полноценные стативы. Однако в большинстве случаев звуки животных имплицативно переходят в значения, которые описывают **поведение** — ср. *брехать, гудеть* в значении ‘пить, веселиться’, а также из других языков: ‘сплетничать’ или ‘бездельничать’. Это не полноценные стативы — мы характеризовали такие значения как интерпретационные. Между тем, по мнению Ю. Д. Апресяна (2006) и Г. И. Кустовой (2000), интерпретационные глаголы по своим свойствам в определенной степени близки стативам, потому что содержат оценочный компонент: они описывают не просто некоторую деятельность, а ее **оценку** говорящим. Не исключено, кстати, что именно сверх-оценочность сленговой лексики помогает этому пласту слов массово создавать и «переваривать» огромное по сравнению со стандартным языком количество сдвигов значения ребрендингового типа (ср. Розина 2005). Как видим, это могут быть примеры не только оценочных стативов, прежде всего эмоций, но и оценочного поведения, т. е. разных типов деятельности.

Сказанное — всего лишь гипотеза, которая могла бы объяснить часть нашего нового материала, но она еще нуждается в дальнейшем подтверждении. Так или иначе, за ее пределами остается любопытный случай имплицативного сдвига, который обсуждался в связи с проблемой глагола *Dakarnā* в хинди, а именно, *свистнуть* → *украсть*. Он соответствует переходу из события в событие, а не в состояние или поведение — и тем не менее, не может быть интерпретирован как простая метафора, непосредственно отображающая одно семантическое представление в другое: между свистом и кражей нет ровно ничего общего.

Последний пример показывает, что зона звуков недооценена с точки зрения теории метафоры — и в доказательство этого мы обсудим здесь еще один нетривиальный эффект, который можно ожидать при имплицативном переходе предикатов зоны звука. Он хорошо иллюстрируется на примере глагола *гудеть* в значении ‘пить, веселиться’ как производном от значения ‘шуметь’ (см. раздел 7.3): *толпа гудела* (= ‘шумела’) vs. *свадьба гудела*. Эффект связан с наблюдателем, которого в контексте звуковой ситуации точнее было бы назвать слушателем, и состоит в том, что в результате имплицативного переноса может меняться не только семантика, синтаксис или морфология лексемы, но и такая ее прагматическая характеристика, как позиция слушателя-наблюдателя.

Так, гудение толпы мы всегда слышим только извне: можно сказать *толпа гудела*, но невозможно в том же значении **мы гудели*, как если бы слушатель этого гудения сам находился в той же толпе. Зато *мы гудели* (с говорящим-наблюдателем среди участников) совершенно естественно в интерпретационном значении — питья, гулянья и веселья, ср. пример (31) из раздела 7.3: *Я не помню, сколько дней мы гудели* <...>

Очевидно, что это особенность именно звуковых глаголов (ср. также в похожих контекстах *?я шумел*, *?я грохотал сапогами* и др. под. — см. здесь Падучева 2004), которая может проявиться и у других типов глаголов восприятия. Она мотивирована спецификой их сдвига: исходная ситуация звука, по сути дела, при имплицативном переносе просто исчезает, и с ней исчезает внешний наблюдатель-слушатель, а «обычный» говорящий легко может встраиваться в любую «обычную» ситуацию как ничем не примечательный ее участник.

* * *

Подводя итоги как этой Главы, так и нашей монографии в целом, можно сказать, что сплошное исследование метафор — как с типологической, так и с теоретической точек зрения — это важная работа, далекая от завершения. Несколько лет назад мы сделали это для глаголов боли и выявили там общезначимые тенденции и закономерности. Многие явления, которые стали ясны тогда, на болевых предикатах, повторились на звуковых — и это в какой-то мере упростило некоторые задачи в рамках настоящего проекта — но, как мы видели, глаголы звука оказались не менее удивительны, чем болевые: с ними пришли новые лингвистические проблемы. Их разрешит следующее расширение выборки и анализ лексического материала полей другой семантики.

Приложение

Глава 21. Некоторые замечания о глаголах звуков животных в славянских языках¹

1. Введение

Типологическое исследование близкородственных языков считается задачей если не бесполезной, то, по крайней мере, узкой, релевантной далеко не для всякого языкового материала: тесные исторические связи обуславливают очень схожую структуру и большого разнообразия здесь, как правило, не увидишь. Однако лексический состав языков претерпевает изменения значительно быстрее, чем грамматика, а значит, даже генетически близкие языки могут обладать совершенно разными лексическими системами. Этот тезис неоднократно доказывался для отдельных семантических полей. Специально он обсуждался прежде всего в работах по лексической типологии в рамках фреймового подхода (см. Рахилина, Прокофьева 2004, Майсак, Рахилина (ред.) 2007, Кашкин 2013, но также и Majid et al. 2015). В настоящем исследовании он будет самым предварительным образом применен к материалу достаточно богатой лексической зоны — глаголов звуков животных в трех славянских языках: русском (восточно-славянский), польском (западно-славянский) и сербском (южно-славянский).

2. Общая характеристика поля

Славянские языки демонстрируют достаточно развитые системы в рассматриваемой семантической области: в каждом из исследованных языков насчитывается пятьдесят-шестьдесят глаголов звуков животных. Для сравнения, в японском, за вычетом идеофонов, это же поле обслуживается лишь пятью лексемами (см. Главу 16). Как и в большинстве других языков средневропейского стандарта, наиболее разработанной данная зона является для домашних животных — в первую очередь, для кошек и собак.

Для передачи разнообразных звуков, издаваемых собаками (таких как лай, вой, рычание, тьяканье), в русском, сербском и польском используется от шести до восьми глаголов. Некоторые из них употребляются также с именами других животных вида собачьих — волками, гиенами, лисами (1–3).

¹ Примеры для русского языка взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), для сербского и польского языков — из сети Интернет.

- (1) *Pas će zavijati ako čuje drugog psa u daljini, samo da bi mu dao do znanja da je i on tu*². (SR)
 ‘Когда одна собака слышит вдалеке другую, она начинает **ВЫТЬ**, чтобы сообщить ей о том, что та здесь не одна’.
- (2) *Vuk koji zavija na Mesec postao je ikonična slika našeg vremena, uglavnom zahvaljujući crtanim filmovima uz koje smo odrastali*³. (SR)
 ‘Волк, **воющий** на луну, стал знаковым образом нашего времени, в основном благодаря мультфильмам, под которые мы росли’.
- (3) *Neki kažu da lisica zavija grozno kao plać malog djeteta*⁴. (SR)
 ‘Некоторые говорят, что **вой** лис так же неприятен, как и детский плач’.

Эти глаголы легко метафоризируются и начинают обозначать речь людей (как правило, бранную, см. примеры 4–5), звуки артефактов или природных явлений (6).

- (4) *Женица зарычала сквозь зубы — еще пытаюсь сотворить заклинание, но уже не имея для этого сил.* [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)]
- (5) *Дома хозяйка-то лаётся: «Таскаешься, а мне за всеми вами отпирать да запирать дверь вовсе без надобности...»* [М. А. Шолохов. Илюха (1925)]
- (6) *Wiatr wuje w każdej szczelinie, bije w okna, wzrasta.* (PL)
 ‘Ветер **воет** в каждой щели, бьет в окна, усиливается’.

У кошек таких глаголов чуть меньше — от двух до четырех (*miauczeć, mruczeć* в польском; *mjaukati, presti* в сербском; *мяукать, мурлыкать, урчать* и *мурчать* в русском)⁵. Кроме того, в определенных ситуациях кошки издают звуки, схожие со звуками некоторых других животных, таких как, например, лошадь или змея. В таких случаях употребляются глаголы, предназначенные для этих животных (рус. *фыркать* / серб. *frktati*, пол. *prychać* и рус. *шипеть*, пол. *szyczeć* соответственно).

Лексемы, описывающие звуки кошек в славянских языках, практически не употребляются в переносном смысле. Вероятно, это связано с их звукоподражательной природой, ср. рус. *мяукать*, серб. *mjaukati*, пол. *miauczeć* ← *мяу-мяу*⁶. Обладая слабым потенциалом к метафоризации, эти слова вместе с тем показывают некоторые

² <http://www.mojljubimac.hr/savjeti-psi/zasto-pas-zavija> 28.03.2015

³ <http://www.zivotinje.rs/vestiStrana.php?id=6478&name=zasto-vukovi-zavijaju-na-mesec&tip=vesti> 28.03.2015

⁴ <http://forum.sisak.info/showthread.php?9528-Ufo-tv/page41> 28.03.2015

⁵ Русский глагол *мурчать* употребляется довольно редко и является контаминацией лексем *мурлыкать* и *урчать*.

⁶ Чем ближе глагол к идеофону, тем менее вероятно развитие у него переносных значений — эта закономерность наблюдается во многих языках нашей выборки, в частности, в бедных системах, в которых большинство слов поля образованы от звукоподражаний, см. подробнее Главу 1. Любопытное исключение, однако, представляют здесь данные

интересные примеры объединения ситуаций. Так, сербский глагол *presti* ('мурлыкать') имеет в русском языке когнат *прясть*, который обозначает процесс скручивания волокон в нити на веретене (7–8).

- (7) *Često se kaže da je mačka koja prede zadovoljna mačka. Međutim, brojna istraživanja pokazuju da mačka prede i kad je nešto boli*⁷. (SR)
 'Часто говорят, что если кошка **мурлыкает**, то она довольна. Между тем, многочисленные исследования показывают, что кошка может **мурлыкать** и в том случае, если у нее что-то болит'.
- (8) *Забываясь, она переставала прясть, и веретено падало ей на колени.* [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]

Эта связь, основанная на акустическом сходстве двух ситуаций, не случайна и имеет типологические параллели: для немецкого глагола *spinnen* 'прясть', например, характерны региональные употребления со значением 'мурлыкать'; эти же значения встречаются в итальянском (*fare le fusa*), румынском (*a toarce*), а также в финском (*kehrätä*) языках.

3. Лексикализация и когнаты

Лексическое исследование генетически близких языков позволяет провести сравнительный анализ когнатов — слов с общим происхождением. В таблице 1 даны примеры таких лексем в зоне глаголов звуков животных:

Таблица 1. Глаголы-когнаты

животное	глаголы звуков животных		
	русский	польский	сербский
овца	<i>блеять</i>	<i>beczeć</i>	<i>blejati</i>
лошадь	<i>ржать</i>	<i>rżeć</i>	<i>rzati</i>
коза	<i>мекать</i>	<i>meczeć</i>	<i>meketati</i>
волк	<i>выть</i>	<i>wuć</i>	<i>zavijati</i>
собака	<i>скулить</i>	<i>skomleć</i>	
сова	<i>ухать</i>	<i>hukać</i>	<i>huktati</i>
воробей	<i>чирикать</i>	<i>cwirkać</i>	<i>crvkutati</i>
	<i>щебетать</i>	<i>szczebiotać</i>	
маленькие животные	<i>пищать</i>	<i>piszczeć</i>	
тигр	<i>рычать</i>	<i>ryczeć</i>	<i>rikati</i>
корова	<i>мычать</i>	<i>muczeć</i>	<i>mukati</i>

английского языка, в котором из пары глаголов, обозначающих мычание, — *to low* и *to moo* — метафорическое употребление характерно только для звукоподражательного *to moo*.

⁷ <http://www.mojaoaza.com/kategorije/1000-zasto-1000-kako/zasto-macka-prede> 26.05.2015

Приведенные в таблице глаголы обладают не только общей внутренней формой, но и одинаковым значением. Такое взаимно-однозначное соответствие, однако, выдерживается далеко не всегда.

Некоторые когнаты в русском, польском и сербском языках обладают различной семантикой. Один из ярких примеров — глаголы *квакать* (RU) / *kwakać* (PL) / *kvakati* (SR). В то время как русская лексема характеризует звук лягушки (9), сербский и польский эквиваленты описывают исключительно кряканье утки (10–11)⁸:

- (9) *Тишина — только комары жужжат да лягушки квакают.* [Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922)]
- (10) *Jedna uporna mama patka je kwakala vrlo glasno, dok se policija nije odazvala njenim protivima i pomoć!*⁹ (SR)
‘Одна упорная мама-утка громко **крякала**, пока полиция не отозвалась на ее мольбы о помощи’.
- (11) *Kaczka kwakala spoglądając w moją stronę, ale po chwili podobnie jak jej partner zajęła sie toaletą.* (PL)
‘Утка **крякала**, смотря в мою сторону, но потом занялась туалетом, как и ее партнер’.

Связь кваканья лягушки и кряканья утки, обнаруженная при сравнительном анализе славянских языков, в других языках присутствует в явном виде (в грузинском, например, обе ситуации описываются глаголом *qiqini*, а в немецком — глаголом *quaken*).

Другой пример сходства форм глаголов при разных значениях — лексемы *клекотать* (RU) / *klekotać* (PL) / *klepetati* (SR). Если русский глагол обозначает крик крупных диких птиц (таких как орел или ястреб) (12), то сербский и польский когнаты описывают звуки аиста / журавля (13).

- (12) *Ястреб клекотал, точно кровь кипела у него в горле...* [Максим Горький. Чарли Мэн (1906)]
- (13) *Kiedy bocian klekocze, np. witając partnerkę, często zarzuca głowę aż na plecy.* (PL)
‘Когда аист **клекочет**, например, приветствуя партнершу, он часто закидывает голову прямо на спину’.

Достаточно частотна в этом поле и обратная ситуация, при которой одна семантика передается разными, этимологически не связанными глаголами. Несколько примеров представлено в таблице 2:

⁸ Для описания кваканья лягушки в польском и сербском языках используются глаголы *kumkać* / *rechotać* и *kreketati* соответственно.

⁹ <http://www.prva.rs/zivot/svet-zivotinja/44560/policija-odgovorila-na-molbe-jedne-patke.html> 05.04.2015

Таблица 2. Глаголы с разной этимологией

животное	глаголы звуков животных		
	русский	сербский	польский
щенок	<i>тявкать</i>	<i>kevtati</i>	<i>skowyczeć</i>
поросенок	<i>визжать</i>	<i>kwiczeć / skvičiti</i>	
петух	<i>кукарекать / kukurikati</i>		<i>piąć</i>

Наконец, отсутствие параллельности в употреблении славянских когнатов в этой семантической зоне может быть вызвано социокультурным аспектом. Меньшая распространенность животного в том или ином народе может приводить к лакунам. Так, для передачи звука индюка в сербском и польском языках используются глаголы *blebetati* и *bulgotać / gulgotać* соответственно. В русском языке индюки «молчат»: глаголы *болботать* и *кулдыкать*, фонетически близкие к своим переводным эквивалентам, практически не употребляются носителями в спонтанной речи. Не представлены они и в современных толковых словарях — лишь в словаре Даля (ТСЖВРЯ) можно найти упоминание о слове *болботать*, для которого отмечается региональный характер.

4. Возвращение к истокам: этимология глаголов звука

Как и в большинстве языков, рассмотренных в настоящем томе, основная часть проанализированных глаголов в русском, польском и сербском имеет оноματοпеическую природу. Несмотря на то, что звукоподражания по своей природе иконичны, а значит, сохраняют мотивирующую связь между значением (в данном случае, звуком животного) и лингвистической формой, их внешний облик разнится от языка к языку и обусловлен конкретной культурой. Интересно, что эта тенденция сохраняется и в близкородственных языках, см. Таблицу 3:

Таблица 3. Звукоподражания

Название животного	Звукоподражания и глаголы звука		
	русский	польский	сербский
петух	<i>кукареку — кукарекать</i>	<i>kukuryku ≠ pieć</i>	<i>kukurikati</i>
кукушка	<i>ку-ку — куковать</i>	<i>ku-ku — kukać, kukować</i>	<i>ku-ku — kukati</i>
коза	<i>мее — мекать</i>	<i>mee — mecząć</i>	<i>mee — meketati</i>
собака	<i>гав-гав — гавкать</i>	<i>chau-chau ≠ szcekać</i>	<i>kev-kev — kevtati</i>
утка	<i>кря-кря — крякать</i>	<i>kwa-kwa — kwakać</i>	<i>kva — kvakati</i>
змея	<i>ш-ш-ш — шипеть</i>	<i>ss — syczeć</i>	<i>ši-ši — šištati</i>
кузнечик	<i>тр-тр-тр — трещать</i>	<i>сус-сук — цукаć</i>	<i>cvr-cvr — cvrčati</i>

Продолжение таблицы 3 на с. 354

Название животного	Звукоподражания и глаголы звука		
	русский	польский	сербский
комар	ззз — зудеть	bz-bz — bzyczeć	zu-zu — zujati
маленькие животные	пи-пи-пи — пищать	pii — piszczeć	pi — pištati
поросенок	хрю-хрю — хрюкать	chrum-chrum — chrumkać	gro-gro — groktati
кошка	мяу — мяукать	miau — miauczeć	mjau — mjaukati

Как видно, не во всех случаях звукоподражательная природа глагола прозрачна: если в лексемах, обозначающих звук утки (*крякать* в русском, *kwakać* в польском, *kvakati* в сербском), ономотопея выделяется отчетливо, то в польском глаголе, описывающем крик собаки (*szczekać* — *chau-chau*) или в русском глаголе звука волка (*выть* — ууу) эта составляющая размывта.

Можно выделить также подмножество животных, для описания звуков которых есть звукоподражательное слово, но нет специального глагола. В русском языке к ним относится, например, осел (ср. идеофон *иа*).

Иногда одна и та же ономотопея составляет основу нескольких звуковых глаголов, которые различаются по типу субъекта. Ср. звукоподражательные корни *шш*(*n*)- и *тр*- в русском языке, каждое из которых образует два глагола: *шшнеть* vs. *шшкать* и *трещать* vs. *трескаться* соответственно. При этом *шшнеть* описывает, в первую очередь, звук змеи, а *шшкать* — человека, который просит кого-то замолчать (примеры 14–15).

(14) *И змеи шшпят в своем овраге, источая яд.* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)]

(15) — *А ну, ша — грозно шшкала на них Циля. — Большой человек в доме!* [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]

Аналогично глагол *трещать* обозначает звук сороки или кузнечика, а *трескаться* — горящего дерева и раскалывающейся поверхности (примеры 16–17).

(16) *Дело уже было к ночи, вышла я из баньки, сверчки и кузнечики трещат, как оркестр.* [Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)]

(17) *Так трескается яичная скорлупа, поддаваясь усилиям нарождающегося птенца.* [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)]

Интересно, что название рыбы *треска* в русском языке происходит от того же звукоподражания. Это объясняется тем, что после копчения треска ломается со звуком, характерным также для горящих бревен в камине (ср. в немецком языке общий термин *Stockfisch* ‘копченая рыба’, где *Stock* имеет значение ‘палка, ствол дерева’).

Зафиксированы случаи, когда один из двух глаголов с тождественной ономотопеической основой вытесняет другой. Такова судьба устаревшего русского глагола

пискать, который раньше обозначал звуки цыплят, в то время как однокоренной ему *пиццать* описывал писк мышей и младенцев, ср., например, в словаре Даля (ТСЖВРЯ):

(18) *Мышь пиццит, а цыпленок пискает.*

В настоящее время со всеми этими типами субъекта употребляется глагол *пиццать*.

5. Заключение

Как показывает предварительный анализ материала, системы глаголов звука животных в русском, сербском и польском языках устроены по-разному. Причем эти — зачастую тонкие — различия не лингвоспецифичны, а имеют типологические параллели и, следовательно, отражают общие свойства лексической зоны. В связи с этим интересно было бы проанализировать круг метафорических значений, которыми обладают лексемы этого поля в славянских языках. Среди них должны встретиться не только переносы, специфичные для каждого конкретного языка, но и производные значения, характерные для глаголов звука в широкой типологической перспективе, а также, возможно, и некоторые метафоры, общие для представителей славянской языковой группы.

Предварительные результаты сравнения метафорических переносов для русского, сербского и польского языков обобщает таблица 4 (с. 356).

Источники

ТСЖВРЯ: Толковый Словарь Живого Великорусского Языка Владимира Даля. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа. (Цит. по изд. Даль В.И. Толковый Словарь Живого Великорусского Языка. М.: Русский язык, 2003).

Таблица 4. Метафоры глаголов звуков животных

№	Животное	Язык	Глагол	Примеры семантических оттенков при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов	
1.	насекомые (пчела, муха, комар)	SRB	brujati	—	шум ветра	
			zujati	неприятное гудение в ушах; бесцельно бродить	звук устройств (компьютер)	
		PL	bzuczeć, brzęczeć	надоедать разговорами		шум самолета, пули
			жужжать	неприятное гудение в ушах; надоедать разговорами	звук устройств (компьютер) и снарядов	
		RU	гудеть	ощущение тяжести в голове, ногах; шум толпы	звук устройств (компьютер) и снарядов; шум ветра; звук духовых инструментов	
			зудеть	надоедать разговорами; испытывать неудержимое желание	звук механизмов (телефон, пила)	
2.	мелкий скот (ягненок, овца, коза)	SRB	meketati	издавать жалобные звуки (ребенок); надоедать разговорами; петть фальшиво	—	
			beczeć	плакать (ребенок, девушка); петть фальшиво; звук отрывки	звук волынки	
		RU	мекать, бекать	говорить невнятно	—	
3.	крупный рогатый скот (бык, корова, вол)	SRB	mkutati	говорить невнятно	—	
			гусчеć	петть громко и фальшиво	—	
		RU	мычать	говорить или петть невнятно	—	

№	Животное	Язык	Глагол	Примеры семантических оттенков при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
4.	крупные звери (бык, лев, олень, медведь)	SRB	gikati	петь фальшиво; giknuti — умереть	шум разъяренного океана
		PL	guczeć	горько плакать; громко смеяться (умирать со смеху)	шум разъяренного океана; шум артиллерии, сирены
		RU	реветь	громко плакать (дети, женщины)	шум разъяренного океана; шум мотора, артиллерии, сирены
			рычать	кричать агрессивно	шум мотора
5.	мелкие животные (мышь, птенец)	SRB	sjukati	кричать (от радости)	свистящий шум ветра; музыкальные инструменты (скрипка)
		PL	piszczeć	говорить или жаловаться тонким голосом (дети, женщины)	музыкальные инструменты (трубочка, флейта)
		RU	пищать	звуки грудных детей; говорить тонким голосом	высокий звук устройств и инструментов
6.		SRB	mjukati	издавать жалобные звуки (ребенок)	звук расстроенной гитары
		PL	miauczeć	жалобно просить (ребенок)	—
7.	кот	RU	мяукать	—	—
		SRB	prestī	испытывать удовольствие, счастье	тихий звук мотора
		PL	mguczeć	испытывать удовольствие; слабо жаловаться; невнятно говорить или петь	звук механизмов
			мурчать	испытывать удовольствие; слабо жаловаться; невнятно говорить или петь	—
		RU	мурлыкать	невнятно говорить или петь	—

№	Животное	Язык	Глагол	Примеры семантических оттенков при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
8.	собака	SRB	lajati, urlati	ругать	—
		PL	ujadać	критиковать, ругаться	—
		RU	лаять	(+ся) ругаться	—
			брехать	лгать	—
9.	щенок	SRB	kevtati	произносить радостные звуки, агукать (ребенок)	—
		PL	jazgotać	говорить высоким голосом, кричать	машина, музыка
		RU	тявкать	возмущаться	—
			скулить	говорить жалобным голосом	—
10.	курица	SRB	kokodakati	распространять слухи	—
		PL	gdakać	надоедать разговорами	шум мотора
		RU	кулахтать	чрезмерно заботиться	—
		SRB	kvosati	надоедать разговорами, критиковать	—
11.		PL	kwokać	—	—
		RU	квохтать	чрезмерно заботиться	—

№	Животное	Язык	Глагол	Примеры семантических оттенков при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
12.	лошадь	SRB	tzati	грубо смеяться	—
		PL	pruchać	громко смеяться, высмеивать; грубо отвечать, ругаться	механизмы (паровоз)
		RU	ржать	грубо смеяться	—
13.		SRB	groktati	громко смеяться; громко есть (с чавканьем)	—
		PL	chrupkać	критиковать	—
		RU	хрюкать	говорить нечленораздельно (по телефону)	—
14.	свинья	SRB	toktati	—	визг мотоциклов
		PL	skičaći	кричать (от радости)	—
		RU	kwiczeć	смеяться (умирать со смеху)	—
15.	волк	RU	визжать	—	звук тормозов на повороте
		SRB	zavijati (+кукушка)	петь фальшиво; кричать (от боли)	протяжный звук механизмов (сирена)
		PL	wuć	петь фальшиво; кричать (от боли); смеяться (умирать со смеху)	протяжный звук механизмов (сирена)
		RU	выть	плакать (женщины, дети); петь монотонно и грустно	протяжный звук механизмов (сирена); шум ветра

Продолжение таблицы 4 на с. 360

№	Животное	Язык	Глагол	Примеры семантических оттенков при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
16.	кузнечик	SRB	свѳѳати	гулѳть (ребенок)	потрескивание раскаленного масла
		PL	сyкacѳ	бояться	стук часов, фотоаппарата
		RU	стрекотать	говорить быстро	стук швейной машинки, клавиш компьютера
			трещать	говорить быстро	звук мотоцикла; звук огня, мороза
17.	змея	SRB	šišati	—	звук шипящей воды (из бутылки под давлением); звук текущей воды (ручей, дождь)
			siktati	говорить с недовольством или агрессивно (сквозь зубы)	шум ветра
		PL	szyczeć	говорить с недовольством или агрессивно; плакать (от боли)	—
		RU	шипеть	говорить агрессивно (сквозь зубы)	радио, не настроенное на волну, жидкость на раскаленной поверхности
18.	сова	SRB	hukati	дуть на руки	шум океана; свист ветра
		PL	huczeć	кричать, звать	—
		RU	ухать	—	звук падающего снаряда, барабана; шум ветра

№	Животное	Язык	Глагол	Примеры семантических оттенков при субъекте-человеке	Примеры неодушевленных субъектов
19.	аист	SRB	klepetati	надождать одними и теми же разговорами	постукивание устройств и предметов (мельница, гидравлический клапан, каблучки)
		PL	klekotać	—	
		RU	клекотать	говорить на непонятном языке	
20.	голубь	SRB	gukati	невнятно лепетать (ребенок); петь стихами (о любви)	—
		PL	guchać	говорить с нежностью	—
		RU	гулить	невнятно лепетать (ребенок)	—
			ворковать	нежно общаться (пара)	—
21.	кукушка	SRB	kukati	жаловаться	—
		PL	kukać	поглядывать украдкой	—
		RU	куковать	сидеть в одиночестве	—

Глава 22. От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанью¹

1. Введение

Одним из наиболее интересных аспектов типологического изучения животных звуков, как показано во многих разделах настоящей монографии, являются их метафорические переносы в другие семантические зоны. Однако сдвиги значения звуковых предикатов далеко не ограничиваются глаголами, ассоциирующимися с животными. Не менее богата переносами и еще одна область звуковых предикатов — глаголы, обозначающие звуки неодушевленных предметов (ср., например, звон колокольчика, скрип двери, хруст веток, гром и др.).

В то же время звуки неодушевленных объектов в сравнении со звуками животных имеют и существенное отличие, касающееся организации исходных значений соответствующих глаголов. Дело в том, что звуки животных образуют достаточно компактный и хорошо структурируемый класс. Естественным ключом к классификации и, соответственно, межязыковому сопоставлению этих предикатов выступают животные, которые производят тот или иной звук. Именно этот параметр является основным для характеристики их исходной семантики. Соответственно, главный вопрос сопоставительного изучения базовых значений этих глаголов состоит в том, каких животных тот или иной язык «объединяет» в одном звуковом глаголе. Так, можно легко сравнивать глаголы, выражающие в разных языках звуки лягушки — описывая, к звукам каких еще животных они могут отсылать².

Зона звуков неодушевленных предметов устроена гораздо сложнее — не только потому, что объектов-источников звука в данном случае несравнимо больше (соответственно, для них нельзя задать хоть сколько-нибудь исчерпывающего списка, как это

¹ Исследование тегинского говора хантыйского языка поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884. Исследование ижемского диалекта коми-зырянского языка поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

² Более одного предиката, как показано в настоящей монографии, языки используют для культурно значимых животных — например, в европейских языках для звуков собаки и кошки — в отличие, скажем, от лягушки (ср. о собаке во французском *aboyer, japper, gémir, gronder*). Но и в этом случае базовая семантика глагола задается прежде всего типом животного, а на него уже могут накладываться дополнительные характеристики, в частности, «эмоции», выражаемые данным звуком.

фактически делалось для животных), но и потому, что тип издаваемого звука здесь в значительной степени зависит от ситуации, приводящей к звучанию объекта (поскольку очевидно, что, в отличие от животных, неодушевленные объекты производят звук по большей части в результате внешнего воздействия). Иными словами, в случае животных звуковая ситуация, как правило, задается одним параметром — собственно типом животного, тогда как в случае неодушевленных объектов тип звучания может определяться целым набором разнородных параметров.

Данное различие проявляется и при исследовании семантических переходов. Действительно, построение типологии в этой области предполагает поиск частотных моделей сдвигов, т. е. пар исходных и производных значений. Для звуков животных достаточно проверить, какие переносы развивает глагол, соответствующий тому или иному животному, например, лошади. Иными словами, тип животного выступает ясной основой для сравнения метафорических моделей в разных языках — в этом случае для обнаружения сходств и различий достаточно сосредоточиться на производных значениях. Иначе обстоит дело со звуками неодушевленных объектов. В этой зоне требуется сначала понять, какая семантика служит отправной точкой для развития переносного значения, т. е. необходимо выявить параметры, которые позволят усматривать семантическую близость или различие исходных значений исследуемых предикатов. Для этого, в свою очередь, важно определить, какие признаки звуковой ситуации существенны для ее языкового кодирования и что стоит за объединением тех или иных типов звучания в одном глаголе. Именно эта проблематика и станет центральной для настоящего раздела. После обсуждения основных параметров, релевантных для категоризации звуков неодушевленных объектов в различных языках, мы кратко обозначим перспективы исследования переносных значений глаголов данного семантического класса.

Для построения предварительной типологии звуков неодушевленных объектов мы использовали материал 5 языков (в дальнейшем языковую выборку планируется расширить): французского (индоевропейские → романские), русского (индоевропейские → славянские), немецкого (индоевропейские → германские), коми-зырянского (финно-угорские → пермские, изучались данные относящегося к ижемскому диалекту говора с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа) и хантыйского (финно-угорские → обско-угорские, данные говора с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа, промежуточного между шурышкарским и казымским диалектами). Отметим, что русские глаголы звуков неодушевленных объектов не раз становились объектом семантического исследования (ср. прежде всего Стойнова 2008 и приведенный в этой работе библиографический обзор, а также Падучева 2004 и некоторые лексикографические статьи в НОСС 2004). Наш анализ русского материала опирался как на результаты этих работ, так и на наши собственные данные, полученные из Национального корпуса русского языка. Материал немецкого языка собран с использованием словарей (Duden, DWDS, Wortschatz Leipzig) и корпусов текстов (DWDS, COSMAS II), а также путем анкетирования носителей. Французский материал получен в ходе работы с носителями языка. Помимо этого использовались данные словарей Le Grand Robert и TLF, а также производилось уточнение сведений о сочетаемости лексем при помощи поисковой системы Google. Данные хантыйского и коми-зырянского языков получены в ходе их комплексного полевого изучения.

Итак, наша основная задача будет состоять в том, чтобы понять, каким образом языки структурируют множество разнообразных звуков, которые производятся неодушевленными объектами, то есть как все эти звуки могут распределяться между отдельными лексическими единицами. Как наивная интуиция, так и аналогия со звуками животных подсказывают, что важным семантическим параметром для звуковых глаголов является тип источника звука. Именно с его характеристик мы и начнем наш анализ.

2. Глаголы звука неодушевленных объектов: прямые употребления

2.1. Характеристики источника звука

Среди неодушевленных объектов, которые могут выступать источником звука, явным образом противопоставляются два класса: природные объекты (ср. такие звуки, как гром, журчание ручья, шелест листьев) и артефакты (ср. звон посуды, стук каблучков, грохот поезда). С каждым из этих классов связан свой круг звуковых ситуаций, так что теоретически типологию для каждого из них можно было бы строить отдельно. Так мы и собирались поступить, однако языковые факты заставили нас принять обратное решение.

С одной стороны, некоторые природные звуки действительно хорошо выделяются лексически, ср. русский и немецкий глаголы со значением звука текущей воды в ручье, которые в исходном значении не применимы ни к каким другим неодушевленным объектам (рус. *журчать*, нем. *plätschern*). С другой стороны, в большинстве случаев языки лексически не противопоставляют природные звуки артефактным — просто в силу близости тех или иных характеристик объектов или ситуаций: так, звук сухих листьев под ногами или под воздействием легкого ветра обычно описывается тем же глаголом, что и звук бумаг, перебираемых человеком (ср. рус. *шелестеть*, нем. *rauschen*); звук деревьев или веток, прогибающихся при ветре — так же, как пол под ногами (ср. рус. *скрипеть*, нем. *knarren*, коми-зыр. *d'urny*). Более того, даже такой сугубо природный и непредметный звук, как гром, может лексически совмещаться со звуками артефактов, а именно, обозначать выстрелы (ср. рус. *греметь / грохотать*, нем. *donnern*), а также нерегулярные соударения физических объектов или их частей — например, посуды при манипуляциях с ней человека или поезда при движении (ср. рус. *греметь / грохотать*, нем. *rumpeln*)³. Иногда, однако, для звука грома язык может использовать и специальный глагол (ср. коми-зыр. *gymoony*). Напротив, текущая вода в коми-зырянском,

³ В случае некоторых из этих глаголов (ср. рус. *греметь*, нем. *donnern*, каждое из которых этимологически связано с существительным 'гром') очевидно, что совмещение является результатом семантического сдвига от звука грома к звуку артефактов. Однако, во-первых, при работе с более широким типологическим материалом нам не всегда будут доступны этимологические свидетельства, доказывающие первичность одного значения по отношению к другому. Во-вторых, уже имеющиеся языковые данные показывают, что объединение грома с другими типами звучания необязательно является следствием метафорического переноса, скорее, речь идет именно о едином значении (ср. рус. *грохотать*,

в отличие от русского и немецкого (см. выше), «звучит» так же, как артефактный звук мотора / трактора (*žurguny*).

Таким образом, поскольку в большинстве случаев звуки природных объектов и явлений лексически не противопоставлены звукам, издаваемым артефактами, мы рассматриваем оба класса в рамках единого типологического описания.

Если такие источники звука, как гром или вода, легко вычлняются в силу своей когнитивной значимости, то определение остальных источников представляет собой более трудную задачу. С одной стороны, невозможно просто исчислить все неодушевленные объекты, которые в той или иной ситуации могут издавать звук. С другой стороны, язык не может использовать отдельный глагол для каждого объекта. Значит, необходимо выявить такие признаки источников звука, которые релевантны для выбора по отношению к ним того или иного глагола. По нашим данным, наиболее значимыми признаками такого рода являются материал и размер / вес объекта. Рассмотрим эти признаки на конкретно-языковых примерах.

2.1.1. Материал, из которого изготовлен объект

Среди материалов, задействованных в изготовлении объекта, язык естественным образом лексикализует звучание тех, которые производят наиболее заметный и характерный шумовой эффект. Как свидетельствует наша языковая выборка, в этом отношении выделяются металл, дерево и стекло, т. е. в языках, как правило, имеются лексемы, ассоциирующиеся со звучанием **металлических, деревянных и стеклянных** объектов.

Так, русский глагол *лязгать* применяется в прототипическом случае к изделиям из металла (см. Стойнова 2008), как в (1):

РУССКИЙ

- (1) *Захлопывались двери камер, лязгали засовы.* [Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова (1999)]

Сходное ограничение на материал объекта имеет русский глагол *скрежетать*, французский *ferrailler* или хантыйский *šäriti* (последний может описывать, к примеру, звук ржавого замка, железных дверных петель).

С деревянными предметами ассоциируется, в частности, хантыйский *šixarti* (причем, как отмечалось выше, в этой зоне объединяются природные и артефактные источники звука, ср. дерево при ветре, деревянные дверные петли, пол под ногами) или немецкий *knarren* (2):

НЕМЕЦКИЙ

- (2) *Der Holzboden knarrt, einige Latten fehlen.* [Die Zeit, 28.03.2007]
‘Деревянный пол **скрипит**, не хватает нескольких досок’.

Необходимо при этом отметить, что тот или иной материал изготовления — железо, дерево, стекло — задает только прототипические источники звука для рассматриваемых

нем. *rumpeln*) — такой анализ косвенно подтверждается и лексикографической практикой представления этих глаголов (см. MAC, DWDS).

глаголов. Помимо этих центральных употреблений, глаголы могут покрывать звучание ряда объектов другого типа, для которых в языке редко имеются специальные лексемы и которые поэтому попадают, так сказать, в «чужой» класс. Какой именно класс при этом выбирается — это часто предмет межъязыкового варьирования. Показательный пример такого рода — звуки, производимые **зубами**. Зубы как источник звука могут описываться, с одной стороны, «металлическими» глаголами (ср. в русском *лязгать*, *скрежетать*), с другой — «деревянными» (ср. русский *скрипеть*, хантыйский *šixarti*). В других случаях языки ведут себя более единообразно в отнесении того или иного источника звука к некоторому классу. Так, звук, характерный для изделий из **кожи** (ср. звук сапог при ходьбе), довольно регулярно покрывается предикатом для деревянных объектов (как русский *скрипеть* или немецкий *knarren*).

Звуки, соответствующие трем основным типам источников, не только вбирают в себя некоторые объекты других — «внешних» — классов, они могут еще и накладываться друг на друга. В частности, во многих языках в одном звуковом предикате объединяются стеклянные и металлические объекты (ср. русское *звенеть* — например, о звуке соударяющихся бокалов, оконных стекол, сотрясающихся при сильном ветре, колокольчика или колокола, цепей, трамвая на повороте; хантыйский *saŋleməti* — например, о звуке разбивающегося стекла, колокольчика, канистры, которую везут на санях). При этом нередко стекло выступает в сочетании не с любыми металлическими предметами, а только с предметами небольшого размера (монетки, ключи), ср. немецкое *klirren*, коми-зырянские глаголы на *z'il'*. Выбор такой подгруппы внутри общего класса металлических объектов явно демонстрирует, что наряду с материалом для типа звучания могут быть существенны и другие характеристики объекта — а именно, его размер и вес.

2.1.2. Размер и вес объекта

Размер и вес образуют два тесно связанных друг с другом параметра: глаголы могут специализироваться либо на **мелких и легких**, либо на **крупных и тяжелых** объектах. При этом в ряде случаев, как выше для немецкого *klirren* и коми-зырянских глаголов на *z'il'*, параметр размера / веса «склеивается» с материалом изготовления, для некоторых других глаголов материал, напротив, не имеет значения. Так, русский глагол *громохатъ* употребляется только по отношению к сравнительно большим предметам — независимо от того, из чего они изготовлены (ср. тяжелые цепи, трамвай, мебель). В свою очередь, немецкий глагол *klimpern* передает звуки множества мелких объектов, соударяющихся друг о друга, — тоже вне зависимости от материала (ср. камешки или монетки в кармане, ключи), как в (3):

немецкий

- (3) *In seiner Tasche klimpern noch immer die Kieselsteine vom Strand.* [Roland Schemel, Anubis (2001)]

‘У него в кармане все еще **позвякивали** камешки с пляжа’.

До сих пор, обсуждая различные параметры, эксплицитно мы рассматривали только свойства источника. Но при этом, поясняя значения отдельных глаголов, мы в примерах уже задавали не просто тип объекта, но и ситуацию, при которой данный объект может

издавать тот или иной звук (так, мелкие объекты «звучат» при соударении, кожаные сапоги при ходьбе, дерево при ветре и т. д.). Действительно, все эти объекты, находясь в неподвижном состоянии, при отсутствии внешнего воздействия, не производят никаких звуков — звучание возникает только в определенной ситуации. И тип этой ситуации естественным образом тоже влияет на лексикализацию раздающегося звука.

2.2. Тип ситуации

Зависимость звука от характера воздействия на объект можно проследить на простых примерах: действительно, один и тот же объект в разных ситуациях может производить различные звуки, которые, соответственно, описываются в языке разными глаголами. Так, стул звучит одним образом, если на нем кто-то беспокойно сидит (ср. русский глагол для этой ситуации *скрипеть*, нем. *knarren*), и другим — если его с шумом перемещают по комнате (рус. *гроыхать*, нем. *rumpeln*).

Ситуации, в которых неодушевленный объект может производить звук, довольно разнообразны. К самым общим типам воздействия относится, например, перемещение объекта — в этом случае звук может исходить от соударения или трения частей объекта (или элементов множественного объекта) друг о друга или о поверхность, ср. о цепи, которую приводит в движение привязанная собака (звенья цепи ударяются друг о друга), о посуде, которую перемещают по кухне (тарелки ударяются друг о друга), о движущейся телеге (колеса трутся об ось). Звук может быть связан с давлением на объект сверху — как правило, речь идет о воздействии человека своим весом, ср. о звучании пола, снега или сухих листьев, когда по ним кто-то идет, или — как в примере выше — о стуле, когда на нем беспокойно сидят.

Значимыми для лексикализации этих звуков в языке могут оказаться разные аспекты соответствующих ситуаций. Естественно предположить, что язык «реагирует» на сам характер звукопорождающего действия, противопоставляя дискретные соударения более длительному соприкосновению с объектом (трение или давление). Однако наши данные показывают, что язык классифицирует звуки гораздо более дробно. В частности, имеется ряд специальных ситуаций, для которых языки зачастую используют особые лексические средства. Тем самым язык позволяет проследить, какие параметры ситуации делают ее, с точки зрения человека, принципиально отличной от других.

К таким выделенным ситуациям относится, во-первых, **падение**. Формально падение представляет собой частный случай соударения объектов, тем не менее язык может лексически противопоставлять звук при падении другим типам соударений. Примерами лексем, обозначающих такой тип звука, могут служить немецкий глагол *plumpsen* или коми-зырянский *butkys'ny*, ср. (4)

- КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (4) *Puž jaher-ys or-is*
 лодка якорь-POSS3SG рваться-PST.3SG
- da butkys'-is l'apkyd va-as.*
 и падать.с.шумом-PST.3SG мелкий вода-ILL.POSS3SG

‘Якорь лодки сорвался и с шумом упал в мелкую воду’.

Во-вторых, среди звуковых ситуаций могут лексически выделяться такие, которые сопряжены с **деформацией** объекта. Так, звук при давлении на объект (например, человек сидит на стуле) в русском может описываться глаголами *скрипеть* и *трещать*, при этом *трещать* подразумевает, что от веса происходит деформация стула, и он может сломаться.

РУССКИЙ

- (5) *Гизелла не отвечала, люди притихли, перестали скрипеть стулья.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]
- (6) *И когда тот невольно откинулся назад, под ним затрещал стул, и бедняга с грохотом полетел на пол.* [Д. С. Данин. Нильс Бор (1969–1975)]

Аналогично во французском и немецком именно с ситуацией повреждения прототипически соотносятся, соответственно, глаголы *craquer* и *knacken*.

Наконец, еще один параметр, который может получать лексическое выражение в поле звуковых глаголов, затрагивает объекты, имеющие определенное функциональное предназначение. Язык может лексически противопоставлять ситуации, в которых эти объекты звучат, выполняя свою **функцию**, ситуациям, когда звуки возникают случайно. Так, в русском, если металлическое оружие (например, меч) прикреплено к поясу воина, то случайно производимый им звук (скажем, при движении этого воина) может описываться глаголом *бряцать*, звук же меча, который используется в бою (т. е. звук меча при его функциональном использовании), задается лексемой *звенеть* (и лексема *бряцать* в этом контексте невозможна).

Лексическое противопоставление функциональных и нефункциональных контекстов является отражением более общего свойства языка — его антропоцентричности (ср. Wierzbicka 1985, Рахилина 2000/2010). Действительно, экстралингвистическая реальность концептуализуется в языке не столько в соответствии с ее объективными физическими свойствами, сколько исходя из взаимодействия с ней человека. Так, в примере выше речь шла о двух акустически очень близких ситуациях (соударении меча о металлические доспехи, с одной стороны, и о меч противника — с другой). Тем не менее, человеку важно, что функционально эти ситуации абсолютно различны, и поэтому в языке за ними могут закрепляться разные лексемы.

Рассмотренный пример является ясным свидетельством того, что семантическое поле звуков (как и многие другие поля, ср. Рахилина, Резникова 2013) плохо поддается типологическому анализу на основе психолингвистического эксперимента. Такого рода экспериментальная методика широко применяется специалистами крупнейшего на сегодняшний день центра лексико-типологических исследований — Института им. Макса Планка в Неймегене (см., например, Majid, Bowerman (eds.) 2007, Majid, Levinson (eds.) 2011, Корецка, Narasimhan (eds.) 2012). Она подразумевает, что носителям разных языков предъявляются внеязыковые стимулы различного вида (цветовые таблички, если описываются цвета, аудиозаписи, если рассматриваются звуки, и т. д.), и информанты должны описать увиденное или услышанное словом своего языка (см. Главу 1). Однако во многих случаях возможности психолингвистического эксперимента оказываются ограничены. Обсуждавшиеся выше языковые факты наглядно показывают, что для

лексикализации звучания неодушевленного объекта важен не только сам акустический сигнал, но и в целом вся ситуация, сопровождающая данный звук.

2.3. Источник звука и тип ситуации: взаимодействие параметров

До сих пор свойства источника звука и тип ситуации, в которую он вовлечен, характеризовались как два отдельных признака, каждый из которых релевантен для описания звучащих объектов сам по себе. На самом же деле, однако, речь здесь идет не о независимых признаках, значения которых можно было бы механически перемножить и получить исчисление всех типов значений, реализуемых в языке (ср. подобный подход к типологии значений на материале глаголов приготовления пищи в Lehger 1974).

Напротив, выбор значения одного параметра часто задает определенное значение другого, так что получающиеся комбинации образуют устойчивые гештальты звуковых событий, или — в терминологии исследований Московской лексико-типологической группы — фреймы (см. Рахилина, Резникова 2013). Так, ситуация падения лексикализуется в отдельном звуковом глаголе преимущественно по отношению к тяжелым объектам (ср. немецкий *plumpsen* или коми-зырянский *bukys'ny*). Для легких предметов (например, монеток) звуковой эффект падения ничем не отличается от однократного соударения, тем самым эта ситуация не образует отдельного фрейма и не получает специального лексического выражения (ср. в русском *звякнуть* для различных соударений, в том числе и при падении). Стеклообразные объекты при падении обычно разбиваются, так что звук от ситуации падения в этом случае не противопоставляется звучанию стекла, разбивающемуся по какой-либо другой причине. Именно поэтому, как нам представляется, мы не встретили до сих пор (и не ожидаем встретить при расширении языковой выборки) специальных глаголов, описывающих падение стеклянных предметов.

Существенно не только то, что значения параметров комбинируются и лексикализируются не произвольным образом, а в соответствии с предсказуемой логикой, но и то, что некоторые звуковые события образуют сложные комплексы, в которых трудно выделить значимые характеристики источника звука, с одной стороны, и тип ситуации — с другой. Это касается прежде всего различных механизмов, которые издают звуки в процессе функционирования (ср. мотор, холодильник, швейная машинка). В языке, как правило, имеются конвенционализированные способы описания звуков тех устройств, которые распространены в данной культуре. Но поскольку необходимость описывать эти устройства в языке появляется достаточно поздно, то для этой цели обычно используются не специализированные лексические средства, а какие-то звуковые глаголы, уже задействованные для других типов объектов или ситуаций. По нашим данным, это могут быть другие неодушевленные предметы, явления природы или животные. Так, во французском звук мотора может описываться тем же глаголом, что и звук довольной кошки (*ronronner*); в немецком — лексемой, характеризующей протяжный крик медведя или быка (*brummen*, см. Главу 3); в русском — предикатом, выражающим шум ветра в закрытом пространстве, например, в трубе (*зудеть*); в коми-зырянском же звук мотора ассоциируется с шумом ручья (*žurgyny*).

В некотором смысле по отношению к механизмам тоже можно говорить о различных ситуациях, при которых они издают звук. Но в отличие от рассмотренных выше

объектов (как стулья или посуда), которые вовлекаются в самые разнообразные звуковые действия, для механизмов релевантными являются всего лишь два типа ситуаций: собственно нормальное функционирование (как в случае гудящего мотора) и функционирование с помехами — в этом случае как раз звук часто и свидетельствует о наличии неисправности. Вполне естественно, что язык лексически противопоставляет звучание прибора в обычном и испорченном состоянии. Но при этом для описания как неисправных, так и хорошо функционирующих механизмов язык задействует лексику, используемую изначально для природных объектов или явлений. Так, звук плохо работающих аудио-приборов (т. е. шумовые помехи) и в русском, и немецком ассоциируется со звуком горящих дров (ср. рус. *потрескивать*, нем. *knacken*). Во французском исходное значение для глагола, описывающего шумовые помехи, несколько иное, но примечательно, что речь здесь тем не менее идет об очень близкой ситуации, тоже связанной с воздействием высокой температурой — а именно, о звучании жидкости на горячей поверхности (*grésiller*).

Мы привели несколько примеров семантических сдвигов, в результате которых звуковые глаголы разных классов начинают использоваться для описания звучащих механизмов — нормально функционирующих или неисправных. По примерам видно, что одна и та же производная семантика может развиваться как из довольно близких исходных (как в случае с шумовыми помехами), так и из достаточно разнородных значений (как для звука мотора). Но если семантический перенос в одну зону может происходить из очень разных источников, то возникает естественный вопрос: существуют ли какие-либо ограничения на вариативность этих источников? Или же переход между различными классами звуковых глаголов осуществляется абсолютно свободно, и само наличие шумового эффекта является достаточным основанием для семантического сдвига? Забегая вперед, скажем, что ограничения здесь, конечно же, имеются, и их природу мы обсудим в следующем разделе.

2.4. Акустические характеристики звука

Как уже отмечалось, лексика звуков организуется вокруг фреймов, т. е. прототипических ситуаций, в которых тот или иной объект может издавать звук (ср. падение тяжелого предмета, шаги человека по снегу, шумовые помехи в телефонной трубке и т. д.). Типологический подход к этой лексике позволяет увидеть, что языки по-разному распределяют эти прототипические ситуации между лексическими единицами. Соответственно, задача, которую должно решать типологическое описание, состоит в том, чтобы выявить, с одной стороны, частотные, с другой — редкие или невозможные объединения фреймов в одной лексеме, а также объяснить, почему язык объединяет те или иные звуковые события.

Напомним, что фреймы по сути представляют собой устойчивые комбинации значений тех параметров, о которых речь шла в 2.1–2.3 (так, падение тяжелого предмета — это ‘большой вес / размер объекта’ + ‘ситуация падения’; шаги на снегу — это ‘снег’ + ‘давление сверху’ и т. д.). Совпадение в нескольких фреймах значения одного из параметров (материала объекта, его размера / веса или типа воздействия) зачастую как раз и объясняет, почему соответствующие фреймы выражаются в том или ином языке одной лексемой. Например, в русском сухие листья под ногами объединяются с переворачиваемыми страницами книги (*шуршать*) — на основании сходства

материала звучащих объектов (бумага во многих языках уподобляется природным листьям, ср. использование для бумаги классификатора *лист*). В немецком сухие листья под ногами описываются так же, как и раздавливаемая скорлупа или ручка, на которую случайно наступили, или же произвольный звук зубов во сне (*knirschen*) — здесь основанием служит общность типа воздействия (а именно, подразумевается давление, при котором объект может крошиться).

Тем самым следует несколько уточнить наблюдения, которые мы приводили в разделах 2.1–2.3. Если мы отмечали, например, что хантыйский глагол *šariti* применяется к железным объектам, это не означает, что звук любого железного предмета можно описать данной лексемой — речь идет о том, что те фреймы, которые она выражает (ржавый замок при повороте ключа; железные петли при открывании двери), объединяются потому, что звучащие объекты в каждом случае изготовлены из железа.

Итак, совпадение для нескольких звуковых ситуаций характеристик объекта или типа воздействия во многих случаях позволяет объяснить, почему те или иные фреймы соединяются в одной лексеме. Но все же этих параметров оказывается недостаточно для того, чтобы понять природу всех встретившихся в нашем материале комбинаций. Так, хантыйский глагол *šul'iti* покрывает две группы фреймов. Первая включает в себя звук листьев на деревьях при легком ветре, звук сухих листьев под ногами (7), звук переворачиваемых страниц книги, тем самым внутри этой группы сходным для всех фреймов является тип звучащего объекта (об уподоблении бумаги листьям дерева речь уже шла выше). Вторая объединяет звуки соударений массы небольших объектов (например, монет, осколков стекла, бисера, см. (8)) или частей объекта непостоянной формы друг о друга (золотого украшения на шее).

ХАНТЫЙСКИЙ

- (7) *Šuoš-ti pora-j-n kur ilpi-j-n jux lipət šul'i-j-ət.*
идти-IPFV.PRT время-OBL-LOC нога под-OBL-LOC дерево лист шуршать-OBL-NPST
'Когда идешь, под ногами листья дерева **шуршат**'.

ХАНТЫЙСКИЙ

- (8) *Xotəŋ tur lipi-j-n sak šul'i-j-ət.*
лебедь горло в-OBL-LOC бисер звякать-OBL-NPST
'В лебедином горле⁴ бисер **звякает**'.

Объединение первой и второй группы фреймов в одном глаголе нельзя объяснить ни сходством звучащих объектов (с одной стороны, листья и бумага, с другой — металлические и стеклянные предметы), ни типом воздействия (к листьям или бумаге не применима идея соударения, которая релевантна для второй группы). Тем самым семантика хантыгского *šul'iti* должна мотивироваться другими факторами.

Определенная логика должна стоять и за обсуждавшимися выше совмещениями звуков механизмов и природных объектов (ср. звук мотора и шум ручья для коми-зырянского *žurgynu*, шумовые помехи аудиоприборов и звук горящих дров для русского *потрескивать* и под.). В таких случаях ведь тоже ни тип объекта, ни тип ситуации не имеют

⁴ Лебединое горло — сушеная трахея лебедя, используемая для изготовления погремушки.

между собой ничего общего. Правда, здесь понятно, что совмещения возникают как результат метафорических переносов природных звуков на артефактные, но этот факт не отменяет необходимости и в этой зоне объяснить возможные и маловероятные комбинации фреймов в одной лексеме. Иными словами, мы возвращаемся к вопросу, который был поставлен в конце раздела 2.3 — об ограничениях на семантические переходы между разными классами звуковых ситуаций.

Хорошо известно, что метафора основана на сходстве, и очевидно, что сходство здесь может опираться только на собственно звуковую составляющую ситуации. Звуковым сходством, по-видимому, объясняются и те совмещения, которые (по крайней мере, на синхронном уровне) нельзя интерпретировать как результат метафорического сдвига — как, например, звуки листьев и соударений небольших объектов в случае хантыйского *šul'iti* (см. примеры (7–8) выше). Остается понять, какой именно акустический аспект звучания должен обнаруживать сходство, чтобы две ситуации в языке могли описываться одним глаголом.

По нашим данным, для языковой концептуализации наиболее существенной оказывается, так сказать, внутренняя структура звукового события — его длительность, единичность или повторяемость, монотонность или неоднородность — то, что можно было бы назвать «аспектуальными» характеристиками звука. В этом отношении все звуки можно поместить на своего рода континууме, крайние точки на котором образуют монотонные длительные звуки, с одной стороны, и мгновенные — с другой. Условно этот континуум можно разделить на следующие зоны:

1. Длительные регулярные монотонные (например, гудение самолета при посадке).
2. Нерегулярные длительные (например, шелест листьев дерева при ветре).
3. Нерегулярные дискретные (например, треск сухого дерева при горении).
4. Регулярные дискретные (например, стук каблучков).
5. Мгновенные (например, шум от удара или падения).

Все встретившиеся в нашем материале глаголы звука покрывают непрерывную область на этом континууме. Иными словами, если два и более фрейма объединяются в одном глаголе, это значит, что им соответствуют звуки либо одного «аспектуального» типа, либо нескольких смежных типов. Так, например, фреймы, описываемые коми-зырянским глаголом *žurgun* (напомним, это звук мотора и шум ручья), представляют один класс — нерегулярных длительных звуков. А хантыйский глагол *šul'iti* (звук листьев и соударения мелких предметов), соответственно, охватывает два смежных класса — нерегулярных длительных и нерегулярных дискретных звуков.

Примерами объединения смежных зон в других участках континуума могут служить хантыйский предикат *lotiti* и немецкий *klacken*. Глагол *lotiti* имеет два типа употреблений. Во-первых, он описывает звук при горении сухих дров или звук масла на раскаленной сковородке, т. е. попадает в класс нерегулярных дискретных звуков, ср.:

хантыйский

- (9) *Kor lipi-j-n sčrəm tut'jux-ət loti-l-ət.*
печь В-OVL-LOC сухой дрова-PL трещать-NPST-PL

‘В печи сухие дрова трещат’.

Во-вторых, *lotiti* может выражать более регулярные дискретные звуки, в частности, при повторяющихся ударах плоского объекта нежесткой структуры о другой объект, например, звук отклеившегося объявления, бьющегося на ветру о стенку, или куртки, бьющейся о тело человека, ср. тж. о крыльях чайки:

ХАНТЫЙСКИЙ

- (10) *Xalevik-en kamən śi loti-j-ət.*
 халей-poss2sg на.улице EMPH стучать-OBL-NPST

‘Халей (большая чайка) на улице так и хлопает крыльями’.

Таким образом, *lotiti* соединяет две зоны на континууме — дискретные нерегулярные и регулярные звуки. Следующий участок из двух смежных зон представлен немецким глаголом *klacken*: он описывает, во-первых, равномерно повторяющиеся звуки (каблуки по полу, клавиши компьютера, на котором кто-л. печатает, секундная стрелка в часах или стрелка метронома), как в (11). Во-вторых, *klacken* употребляется по отношению к однократным щелчкам (ср. звук захлопывающегося замка или ручки с пружинным механизмом), как в (12).

НЕМЕЦКИЙ

- (11) *Das Gebäude der National Insurance Company liegt verlassen da <...> die Schuhe eines Wachposten klacken auf dem Asphalt des Vorplatzes.* [Die Zeit, 30.10.2006]

‘Одиноко стоит здание National Insurance Company <...> на площади перед ним по асфальту стучат ботинки караульного’.

- (12) *Lässig lasse ich die Kofferverschlüsse klacken, starre auf das zusammengeschnürte Bündel, aus dem in den nächsten Minuten flugs ein Zelt entstehen soll.* [Die Zeit, 28.08.1992]

‘Я небрежно щелкаю замком чемодана и смотрю на перевязанный сверток, который в ближайшие минуты быстренько должен превратиться в палатку’.

Итак, подведем итоги нашего обзора исходных значений глаголов, выражающих звуки неодушевленных объектов. Исследуемые глаголы обозначают не просто звуки с теми или иными физическими характеристиками (как высота или громкость): каждый из них конвенционализованно связан с ситуацией, при которой данный звук возникает, т. е. с определенными звучащими объектами и с определенными действиями, которые над этими объектами осуществляются. Один глагол, как правило, ассоциируется не с одной ситуацией, а с набором таких ситуаций. При этом в разных языках множества ситуаций, объединяемых в одной лексеме, не совпадают, поскольку основанием для объединения могут служить разные параметры звукового события. Это могут быть свойства объекта-источника звука (материал его изготовления, размер и вес), способ воздействия на этот объект или же «аспектуальные» характеристики звучания (длительность, монотонность и повторяемость звука). Язык в каждом случае «выбирает» тот или иной параметр в качестве основания для лексического объединения нескольких звуковых событий. Соответственно, разные стратегии, которым следуют языки, и обуславливают межъязыковое лексическое разнообразие в исследуемой семантической зоне.

Обратимся теперь к переносным значениям, которые могут развивать глаголы звука неодушевленных объектов, и последовательно рассмотрим их переносы метонимического и метафорического типа.

3. Глаголы звука неодушевленных объектов: переносные употребления

3.1. Метонимические сдвиги

Как уже отмечалось, особенность звуков, издаваемых неодушевленными объектами, состоит в том, что они в большинстве случаев возникают как результат внешнего воздействия на эти объекты. Иными словами, такие звуки обычно сопряжены с некоторой незвуковой ситуацией (так, дверь скрипит, когда открывается, колеса стучат при движении транспорта). Эта экстралингвистическая связь обуславливает важное лингвистическое свойство изучаемых глаголов: они могут указывать не только на наличие определенного звука, но и на смежную ситуацию, сопровождающую этот звук (ср. *дверь скрипнула* как описание ситуации ‘дверь открылась’). А описывая смежные ситуации, они тем самым развивают метонимические значения.

Богатство метонимией делает зону глаголов звука благодатным объектом для изучения метонимических переходов. Заметим, что теория метонимии обычно занимается регулярными моделями метонимических сдвигов (типа ЧАСТЬ ↔ ЦЕЛОЕ; ОБЪЕКТ ↔ МАТЕРИАЛ, из которого он изготовлен; СИТУАЦИЯ ↔ ФРАГМЕНТ СИТУАЦИИ и под., ср., например Radden, Kövecses 1999), но не лингвистическими механизмами, действующими при такого рода сдвигах. Между тем, формальная сторона метонимических преобразований представляет немалый интерес, и связано это с особенностями метонимии как типа семантического сдвига. Как известно, в отличие от метафоры, которая качественно переосмысляет исходную ситуацию, метонимия по сути описывает ту же ситуацию, что и исходное значение, сдвигая только фокус внимания с одного ее аспекта на другой (ср. Падучева 2004, а также принятое в когнитивной традиции противопоставление метафоры и метонимии как переходов, соответственно, между разными доменами и внутри одного общего домена). Но если описываемая лексемой ситуация остается прежней, то необходимы дополнительные языковые средства, чтобы показать, что в данном контексте этой лексеме соответствует уже не исходное, а производное — метонимическое — значение. И действительно, метонимические переходы, представленные в нашей выборке, демонстрируют широкий спектр возможностей, к которым прибегают разные языки для маркирования семантического сдвига.

Первая и наиболее очевидная стратегия, позволяющая преобразовать звуковую ситуацию в ситуацию воздействия, сопровождающегося данным звуком, — это добавление в конструкцию нового аргумента (см. Падучева 2004, Стойнова 2008 о русском языке), ср. (13a–b).

РУССКИЙ

- (13) а. *Бумага шуршит.*
 б. *Мальчик шуршит бумагой.*

Пример (13a) содержит глагол звука с одним аргументом (источник), тогда как в примере (13b) у глагола появляется второй аргумент — агенс (*мальчик*) в номинативе, а ИГ, описывающая источник звука, меняет синтаксическую функцию и маркируется показателем творительного падежа.

Однако не все глаголы в нашей выборке допускают присоединение агенса без дополнительных морфосинтаксических преобразований. Так, в следующем французском примере добавление агенса требует каузативизации звукового глагола, ср. (14a) с непереходным употреблением глагола *crisser* и (14b) с введенным агентивным участником:

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (14) a. *La craie crisse quand on écrit qch. sur le tableau.*
 ‘Мел **скрипит**, когда что-то пишешь на доске’.
- b. *L'enfant fait crisser la craie sur le tableau.*
 ‘Ребенок **скрипит** мелом (букв. «заставляет мел скрипеть») по доске’.

Метонимический сдвиг глагола может маркироваться добавлением не только агенса, но и периферийных аргументов. В (15a–b) представлена иллюстрация из немецкого языка.

НЕМЕЦКИЙ

- (15) a. *Als er fiel, hat es wirklich **geplumpst**.*
 ‘Когда он упал, было столько **шума!**’
- b. *Der Sack **plumpste** auf den Boden.*
 ‘Сумка **плюхнулась** на пол’.

Глагол *plumpsen* исходно обозначает звук, сопровождающий ситуации падения (ср. 15a). Но в (15b) в фокусе оказывается уже не звук, а собственно падение, т. е. имеет место метонимический переход глагола, основанный на смежности двух ситуаций. Происходит он за счет того, что в (15b) в конструкцию включается локативный (направительный) аргумент *auf den Boden* ‘на пол’, характерный для глаголов падения (и шире, глаголов движения).

Помимо введения дополнительных аргументов показателем метонимического преобразования может служить мена морфосинтаксических свойств глагола. Так, в немецком переход от звука к деформации, сопровождающейся этим звуком, может маркироваться выбором другого вспомогательного глагола, как в (16a–b).

НЕМЕЦКИЙ

- (16) a. *Der Boden **hat** unter seinen Füßen **geknackt**.*
 ‘Пол **хрустел** под его ногами’.
- b. *Die Fensterscheibe **ist geknackt**.*
 ‘Оконное стекло **разбилось**’ (букв. «хрустнуло»).

В (16a) глагол *knacken* описывает звук и выступает со вспомогательным глаголом *haben*, маркирующим перфектную форму при большинстве немецких глаголов. Однако в (16b) тот же *knacken* употребляется с *sein* — показателем перфекта при глаголах перемены состояния. Тем самым *knacken* в (16b) описывает уже не просто звук, а деформацию — разбившееся окно.

Аналогичное отношение ‘звук’ — ‘деформация’ в русском языке может маркироваться на словообразовательном уровне. В частности, добавление к звуковому глаголу семельфактивного суффикса *-ну-* (17a–b) может переводить его в класс предикатов деформации:

РУССКИЙ

(17) а. *Ветки хрустели под его ногами.*

б. *Ветка хрустнула.*

Широкое использование словообразовательных средств для обозначения метонимически связанных ситуаций характерно для коми-зырянского языка. Многие глаголы звука в нем происходят от идеофонов: встраивание идеофонных корней в разные словообразовательные модели порождает целые гнезда семантически смежных дериватов с различными аспектуальными значениями. Например, звукоподражательный корень *rač-* (*račk-*, *račča-*) описывает треск при ломании деревянного объекта или тонкого льда. От этого корня образуются такие глаголы, как *račk-ed-ny* (треск-TR-INF) ‘ломать с треском’, *račk-ed-l-yny* (треск-TR-ITER-INF) ‘ломать с треском много раз’, *račk-ed-č-yny* (треск-TR-DETR-INF) ‘издать треск’ (описывает единичное действие, что типично для комбинации транзитивизатора и детранзитивизатора в коми-зырянской глагольной морфологии), *raččakuyny* ‘трещать’ (*kuyny* — грамматикализованный глагол ‘слышать, слышаться’), *račvartny* ‘ломать с шумом’ (где *vartny* — грамматикализованный глагол ‘бить’, который обычно выражает идею интенсивности; такая модель не ограничивается глаголами звука и также включает, например, глаголы физического воздействия, см., например, Бубрих 1949: 162).

Устанавливая метонимическое отношение между дериватами, мы тем самым выходим за рамки традиционного подхода к семантическим сдвигам, ведь обычно метонимические и метафорические переходы рассматривают как отношения между значениями одной лексемы, а не лексемы и ее производных (см., впрочем, Radden, Kövecses 1999). Однако типологический подход наглядно показывает, что на семантическом уровне сдвиги между дериватами следуют тем же моделям, что и переходы, не выходящие за границы одной лексемы. В частности, в нашем материале все языки реализуют общий (и, по-видимому, универсальный) когнитивный принцип — смежность звука и ситуации, в которой он возникает, но в то же время каждый язык задействует для этого свои грамматические и/или лексические средства. Соответственно, чтобы видеть за многообразием материала общезначимые когнитивные стратегии, которым подчиняются самые разные языки, теория семантических сдвигов должна учитывать деривационные отношения наравне с традиционными для нее внутрилексемными переходами (ср. аналогичный подход в Каталоге семантических переходов, созданном под рук. Анны А. Зализняк, см. Zalizniak et al. 2012).

3.2. Метафорические сдвиги

Выше, обсуждая зону прямых значений, мы уже говорили о метафорах — а именно, о переносах природных звуков на звучание механизмов. Ниже же речь пойдет о таких сдвигах, область-цель которых лежит уже за пределами поля звуков неодушевленных объектов.

Смежность звука и ситуации, его вызывающей, проявляется на лингвистическом уровне не только в богатстве метонимических связей — эта смежность оказывается существенной и в зоне метафор. Дело в том, что метафорические переносы для звуков неодушевленных объектов могут развиваться на базе двух разных составляющих исходного значения: собственно звукового эффекта (назовем их «звуковыми метафорами») и той смежной ситуации, которая за ним стоит («незвуковые метафоры»).

Для **звуковых метафор**, по нашим данным, областью-целью преимущественно выступают свойства человеческого голоса и речевые характеристики, а также неприятные физиологические ощущения⁵. Так, звук грома переносится на громкий голос (ср. рус. *греметь*, нем. *donnern*):

НЕМЕЦКИЙ

(18) a. *Ich weiß noch, wie sie sich immer versteckte, wenn es regnete, blitzte und **donnerte**.* [Die Zeit, 10.10.2012]

‘Я помню, как она всегда пряталась, когда шел дождь, сверкала молния и **гремел** гром’.

b. *Niemals, **donnerte** Stararchitekt Peter Zumthor; dürfe sein Werk in die unwürdigen Hände dieses Finanzjongleurs fallen!* [Die Zeit, 20.02.2012]

‘Никогда, — **гремел** популярный архитектор Петер Цумтор, — его творение не попадет в руки этого финансового жонглера!’

Звук, возникающий при трении частей объекта и свидетельствующий о его плохом функционировании (ср. о звуке дверей с несмазанными петлями), метафорически переинтерпретируется как хриплый голос (прежде всего старого человека), ср. рус. *скрунеть*, нем. *knarren*. Подобный голос может также отражать определенное эмоциональное состояние — раздражение, возмущение и под., ср. для французского *grincer*:

ФРАНЦУЗСКИЙ

(19) *On n’entendait que la voix de crécelle de Laure Provençal qui **grinçait** d’indignation.* (GUÈVREMONT, *Survenant*, 1945, p. 136) [TLF]

‘Слышен был только голос болтушки Лоры Провансаль, скрипящий от возмущения’.

Дискретные звуки, состоящие из часто повторяющихся квантов, могут развивать значение быстрой речи: такой переход характерен для русского *таракнуть* (в исходном употреблении, например, о повозке, едущей по неровной дороге) и коми-зырянского *tarkedčyny* ‘стучать’ (исходно о стуке в дверь, о частом стуке зубами при ознобе).

Среди неприятных физиологических ощущений звуковые метафоры описывают в основном боль в голове, ушах или в животе (см. типологический обзор этой модели перехода в Reznikova et al. 2012, ср. также семантические сдвиги в эту область от глаголов звуков животных, обсуждавшиеся в основной части монографии). В зоне артефактов наиболее распространенным метафорическим источником для неприятного ощущения в ушах

⁵ К производным значениям в случае звуковых метафор относятся, конечно же, и звуки различных механизмов и устройств, которые мы рассматривали отдельно — в одном ряду с прочими неодушевленными объектами.

является звук колокола: такой переход представлен, например, в русском *звенеть* (*звенели монастырские колокола* → *в ушах звенело*), французском *tinter* (*la grosse cloche de l'église tintait* [TLF] 'звонил большой колокол церкви' → *les oreilles me tintent* 'у меня звенит в ушах'). Боль в голове может выражаться через глаголы, обозначающие гулкий звук ветра, ср. в русском *гудеть* (*ветер гудит в трубе* → *голова гудит*), в немецком *dröhnen* (*der Wind dröhnte im Schornstein* 'ветер гудел трубе' → *mein Kopf dröhnte* 'моя голова гудела').

Незвуковые метафоры отличаются большим разнообразием значений. Они мотивируются не самим звучанием, а ситуацией, при которой этот звук возникает — идеей падения, деформации и под. Тем самым зона областей-источников в данном случае гораздо шире, чем для чисто звуковых метафор — это и обуславливает большее разнообразие моделей переходов. Приведем несколько примеров незвуковых метафор.

Для ситуации падения простейшим механизмом метафорического переосмысления является замена типа падающего объекта: если в исходном употреблении глагол отсылает к неодушевленному объекту, то применение его к объекту, называемому одушевленное лицо, образует метафору. Так, в коми-зырянском глагол *br'ingys'ny* обозначает звук при падении маленького металлического предмета. Но в контексте этого глагола может выступать и одушевленный актант: в этом случае глагол описывает падение пьяного человека. Таким образом, при замене типа актанта происходит метафорический сдвиг глагола, и мотивируется он сходством исходной и производной ситуации: в обоих случаях имеет место падение объекта.

Пример более сложного перехода, также основанного на ситуации падения, представляет русский глагол *зреть*. Как уже отмечалось выше, этот глагол исходно выражает звук грома, а также звуки при соударении различных предметов (например, посуды, см. 20а). Частным случаем соударения является удар при падении, поэтому метонимически *зреть* может отсылать и к падению. На формальном уровне метонимический переход маркируется инхоативным префиксом *за-* и локативной направительной группой, см. (20б).

русский

- (20) а. *Было слышно, как внизу разговаривают и **зремят** посудой Васена и Юлия Михайловна.* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]
 б. *Платьем она зацепила прислоненную к двери гладильную доску, доска **загрелмела на пол.*** [Е. И. Замятин. Наводнение (1929)]

Но далее метонимическое значение может претерпевать последующее метафорическое переосмысление. В этом случае в позиции локативной направительной группы выступает наименование места или организации, попадание в которые нежелательно для субъекта и подразумевает относительно длительное пребывание (ср. тюрьма, армия, больница). Тем самым семантика глагола существенно изменяется: он обозначает уже не падение, а попадание в это неприятное место. Но именно падение, вызывая представление о нежелательности ситуации, служит здесь основой метафорического переноса.

русский

- (21) *Леше тогда было тринадцать лет, он как сын врага народа тоже **загрелмел в лагерь.*** [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]

Мы привели несколько примеров метафор, мотивированных идеей падения. Рассмотрим теперь переносы, источником для которых служат разные виды деформации. По нашим данным, здесь выделяются два основных класса переходов. В первом случае метафорическое сходство касается самого действия деформации, во втором — его результата. Примером первого класса может служить коми-зырянский глагол *čažvarŋny*, обозначающий звук при разрывании бумаги или ткани. Метафорически он описывает человека, делающего резкие движения при игре на гармонии (как бы разрывая гармонию). Здесь перенос основан на визуальном сходстве действий субъекта в двух ситуациях — исходной и производной.

Второй класс случаев базируется на сходстве результата деформации. Так, немецкий глагол *knacken* обозначает звук, возникающий при нарушении целостности объекта (ср. выше пример 16). Среди прочих типов объектов этот глагол может описывать звук, сопровождающий раскалывание скорлупы ореха. Результатом этого действия является не только расколотая скорлупа, но и освобождаемый от скорлупы орех. И именно идея вскрытия, которое имеет целью достать что-л. ценное, и служит в данном случае основой для метафорического переноса: *knacken* в производных контекстах используется в значении ‘вскрыть, взломать’, и его объектами выступают существительные ‘замок’, ‘дверь’, ‘сейф’ и под.

Приведенные случаи незвуковых метафорических сдвигов довольно разнообразны. Очевидно, что если выявление базовой структуры семантического поля, как правило, оказывается возможным и на небольшой языковой выборке (ср. Рахилина, Резникова 2013), то для аккуратного описания метафорических моделей требуется привлечение гораздо более обширного языкового материала. Но все же, как мы надеемся, уже на данном этапе исследования нам удалось обозначить некоторые ключевые тенденции в развитии переносных значений.

5. Выводы

В данном разделе речь шла об одной подгруппе глаголов звука, а именно, о глаголах звучания неодушевленных объектов. Их особенности связаны с базовым свойством источника: неодушевленные предметы обычно производят звуки не сами по себе, а звучат в результате внешнего воздействия — в ситуации, в которую они вовлечены. Этот экстралингвистический факт определяет множество разных лингвистических свойств исследуемых глаголов.

Во-первых, способ описания звука зависит от того, что происходит с объектом-источником, то есть тип ситуации является одним из ключевых параметров, организуемых структуру лексических противопоставлений в данной зоне.

Во-вторых, смежность звука с физическим действием влечет за собой развитие метонимических употреблений, и типологические данные позволяют проследить механизм таких переходов. В частности, с точки зрения семантической теории важно, что метонимический переход может отражаться не только в синтаксисе (за счет изменения аргументной структуры), но и в морфологии (средствами словообразования).

В-третьих, смежность с физическими действиями расширяет круг метафорических употреблений: метафоры могут развиваться на основе не только особенностей звучания, но и неакустических свойств ситуации, сопровождающейся этим звуком. Таким образом, детальное исследование глаголов звучания неодушевленных объектов может способствовать более точному анализу ряда близлежащих зон — глаголов разрушения, падения и т. д.

Список условных сокращений

2,3 — 2,3 лицо; ACC — аккузатив; DETR — понижающая актантная деривация; GEN — генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; IMPV — имперфектив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объект; OBL — косвенная основа; POSS — possessивное склонение; PRT — причастие; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TR — повышающая актантная деривация.

Источники

Немецкий язык

COSMAS II. Corpus Search, Management and Analysis System: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>
Duden (1999): Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3. Auflage. Mannheim, Dudenverlag.

DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften: <http://www.dwds.de>.

Wortschatz Leipzig: <http://wortschatz.informatik.uni-leipzig.de>.

Французский язык

Le Grand Robert: Le Grand Robert de la langue française. Version électronique (deuxième édition) dirigée par Alain Rey du Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. 2005.

TLF: Le Trésor de la langue française informatisé: <http://atilf.atilf.fr/>.

Русский язык

MAC: Словарь русского языка в 4-х томах (М., Русский язык, 1999. Т. 1—4). Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

НОСС 2004: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск, под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Москва, Языки славянской культуры.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. 2006. Лексикографический тип: интерпретационные глаголы // Ю. Д. Апре-
сян (отв. ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки сла-
вянских культур. 145–163.
- Беликова А. Е. 2004. Семантика глаголов звучания в финском языке. Дисс. ... к. фи-
лол. н. Петрозаводск.
- Берсиров Б. М. 2001. *Структура и история глагольных основ в адыгских языках*. Май-
коп: ГУРИПП «Адыгея».
- Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. 2009. Глаголы боли: лексиче-
ская типология и механизмы семантической деривации // Брицын и др. (ред.). 8–27.
- Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.) 2009. *Концепт
БОЛЬ в типологическом освещении*. Киев: Вид. Дім Дмитра Бураго.
- Бубрих Д. В. 1949. *Грамматика литературного коми языка*. Т. 14. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Вашкявичус В. Ю. 2011. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия
и вербализации шумов (на материале кодифицированных иokkaзиональных зву-
коподражаний русского и китайского языков). Дисс. ... к. филол. н. Бийск.
- Вельди Э. А. 1988. Англо-эстонские параллели в ономотопее. Дисс. ... к. филол. н. Тарту.
- Виноградова О. И. 2013. К лексической типологии признаков слов, описывающих
фактуру поверхностей: данные английского языка // *Проблемы лексико-семанти-
ческой типологии: Сб. науч. трудов*. Вып. 2. Воронеж: Изд-во ВГУ. 39–72.
- Воронин С. В. 1982. *Основы фоносемантики*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Галиченко К. С. 2011. Семантика вкусовых прилагательных в современном хинди. Кур-
совая работа. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Евсевьев М. Е. 1963. Избранные труды. Т. IV. *Основы мордовской грамматики*. Саранск:
Мордов. кн. изд-во.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 1999. О том, чего нельзя сделать вместе // Е. В. Рахи-
лина, Я. Г. Тестелец (ред.) *Типология и теория языка: От описания к объяснению.
К 60-летию А. Е. Кибрика*. М.: Языки русской культуры. 450–457.

- Кашкин Е. В. 2012. Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование // *Урало-алтайские исследования*, 2 (7). 26–38.
- Кашкин Е. В. 2013. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... к. филол. н. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Кибрик А. Е. 2005. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя.
- Козлова Е. В., Хохлова Л. В. 2009. Метафоры боли и неприятных ощущений в языке хинди // Брицын и др. (ред.). 229–280.
- Костыркин А. В., Панина А. С. 2009. Лексика боли в японском языке // Брицын и др. (ред.). 365–392.
- Круглякова В. А. 2010. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... к. филол. н. РГГУ.
- Кустова Г. И. 2000. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // *Логический анализ языка. Языки этики*. М.: Языки русской культуры. 125–133.
- Кустова Г. И. 1998. Производные значения с экспериенциальной составляющей // *Семиотика и информатика* 36. 19–40.
- Кустова Г. И. 2004. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры.
- Кюсева М. В. 2012. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков 'острый' и 'тупой'. Дипломная работа. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Лучина Е. С., Стенин И. А. 2011. Переносные значения глаголов, обозначающих звуки животных, в мужевском говоре коми-зырянского языка // *Проблемы лексико-семантической типологии: Сб. науч. трудов*. Вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) 2007. *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. М.: Индрик.
- Миронов Т. П. 1936. *Теньгушевский (шокиа) диалект как результат скрещивания*. Саранск: Мордгиз.
- Мустайоки А., Протасова Е. 2007. Финские глаголы со значением плавания // Майсак, Рахилина (ред.). 380–405.
- Никунласси А. 2013. Болевые предикаты в финском языке // А. Е. Кибрик (ред.) *Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой*. М.: Изд-во МГУ. 255–273.
- Оглоблин А. К. 2008. *Грамматика индонезийского литературного языка*. СПб: Изд-во СПбГУ.

- Оскольская С. А. 2009. О глагольных показателях множественности участников в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Том V, часть 2). СПб.: Наука. 310–346.
- Павлова Е. К. 2014. Качественные признаки ‘мягкий’ и ‘твердый’ в типологической перспективе. *Дипломная работа*. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Падучева Е. В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры.
- Петухова Е. В. 2007. Особенности перевода звукоизобразительной лексики в художественных текстах // *Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. I. Курск: Изд-во КГУ. 46–50.
- Рахилина Е. В. 2000. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари. [Изд. 2, испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2010].
- Рахилина Е. В. 2010. Звуки Му // *Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В. П. Недаjkова*. М.: Знак. 283–302.
- Рахилина Е. В. (ред.) 2010. *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. 2007. О лексико-семантической типологии. // Майсак, Рахилина (ред.). 9–26.
- Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. 2004. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания*, 1. 60–78.
- Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. 2005. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В. Н. Топоров (ред.) *Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой*. М.: Языки славянской культуры. 304–314.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. 2013. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*, 2. 3–31.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А. 2010а. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Рахилина (ред.). 456–540.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. 2010б. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Рахилина (ред.). 396–455.
- Резникова Т. И. 2014. *Слог у автора неплох, реально доставляет: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным интернета)* // Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина (ред.) *Современный русский язык в интернете*. М.: Языки славянской культуры. 169–180.

- Розина Р. И. 2005. *Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол*. М.: Азбуковник.
- Стойнова Н. М. 2008. Семантика и морфосинтаксические свойства глаголов звука в русском языке. *Дипломная работа*. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Стойнова Н. М. 2011. Рец. на кн. *A. M. Urdze. Ideophone in Europa: Die Grammatik der lettischen Geräuschverben. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer. 2010 // Вопросы языкознания*, 6. 137–141.
- Тагабилева М. Г. 2011. Качественные признаки ‘пустой’, ‘полный’: к построению семантической типологии. *Курсовая работа*. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Н. Paasonen. *Mordwinisches Wörterbuch*, Band 1. Helsinki: Suomalais Ugrilainen Seura, 1990. LX – LXXXVI.
- Холкина Л. С. 2014. Категория качества в китайской лексике. Опыт типологического описания. *Дисс. ... к. филол. н.* МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Шапиро М. М. 2015. Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, коми-зырянского и ненецкого языков): семантика и типология // *Урало-алтайские исследования*, 1 (16). 29-52.
- Шэнь Цзяньши. 1986. Развитие теории о значимости правого компонента иероглифа в сюньгусюэ. 沈兼士《右文说在训诂学上之沿革及其推阐》. 沈兼士学术论文集, 中华书局.
- Шляхова С. С. 2003. *Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику*. Пермь: Пермский гос. педагог. ун-т.
- Anttila, Raimo. 1980. Affektivis[-deskriptiivis-otomatopoeetis]ten sanojen asema kielen merkkisysteemissä // *Virittäjä*, 80. 126–132.
- Balnat, Vincent (to appear). Les verba sonandi associés aux animaux en allemand // Irina Kor Chahine, Jean-Marie Merle (éds.). *Les verba sonandi*. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence.
- Benczes, Réka, Antonio Barcelona, and Francisco José Ruiz de Mendoza Ibáñez (eds.) 2011. *Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Towards a Consensus View* [Human Cognitive Processing, 28]. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Brugman, Claudia M. 1988. *The Story of ‘over’: Polysemy, Semantics, and the Structure of the Lexicon*. New York: Garland.
- Chay, Wan (채완). 1993. Onomatopoeia: Syntax and Meaning // *Saykwukesaynghwal* 3/2 (의성어, 의태어의 통사와 의미. 새국어생활 제3권 제2호). 54–72.
- Fauconnier, Gilles. 1985. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge: MIT Press.

- Fauconnier, Gilles, and Mark Turner. 1996. Blending as a Central Process of Grammar // A. Goldberg (ed.) *Conceptual structure, discourse and language*. Stanford: CSLI Publications, 1996. 113–130.
- Fauconnier, Gilles, and Mark Turner. 1998. Conceptual integration networks // *Cognitive science*, 22. 133–187.
- Fillmore, Charles J., Paul Kay, and Mary Catherine O'Connor. 1988. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let Alone* // *Language* 64.3. 501–538.
- François, Alexandre. 2008. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.) *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 163–215.
- Goldberg, Adele. 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Goldberg, Adele. 2005. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Goossens, Louis. 1990. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // *Cognitive Linguistics*, 1. 323–340.
- Hakulinen Auli (toim.) 2004. *Iso suomen kieliooppi*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 950. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Jämsä, Tuomo. 1986. *Suomen kielen yleisimpien verbien semantiikkaa*. Oulu: Oulun yliopisto.
- Jämsä, Tuomo. 1987. *Kriittinen katsaus verbisemantiikan tutkimusperinteeseen*. Oulun yliopiston suomen ja saamen kielen laitoksen tutkimusraportteja 28. Oulu: Oulun yliopisto.
- Juvonen Päivi, Ahti Nikunlassi. 2015. Temperature adjectives in Finnish // M. Koptjevskaja-Tamm (ed.) *The Linguistics of Temperature* (Typological Studies in Language 107). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 491–536.
- Kim, Jeongdo. 2013. *Suomen kielen ekspressiivisten sanojen muodostusta ja neutraalistumista sekä juoru-, hymy-, hyrrä- ja kapina-sanojen etymologioita*. Master's thesis. University of Helsinki, Faculty of Arts, Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria. 2008. Approaching Lexical Typology // M. Vanhove (ed.) *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 3–52.
- Kulonen, Ulla-Maija. 2010. *Fonesteemit ja sananmuodostus. Suomen kontinuatiivisten U-verbijohdosten historiaa*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Lakoff, George. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Cambridge: Cambridge University Press [в рус. пер.: Дж. Лакофф. Женщины,

- огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004].
- Lakoff, George, and Mark Johnson. 1980 / 2004. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press [в рус.пер.: Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004].
- Larjavaara, Matti. 2002. Puhuvat sanat // *Virittäjä*, 106. 444–450.
- Lee, Min-Wu (이민우). 2005. The Study on Symbolic-adverbs Meaning // *Emwunyenkwu* 33/3 (상징부사의 의미적 특성에 대한 연구. 어문연구 제33권 제3호). 59–82.
- Lehrer, Adrienne. 1974. *Semantic fields and lexical structure*. Amsterdam: North Holland.
- Leskinen, Heikki. 1991. Vieläkö nuoret *nurisevat*? // *Virittäjä*, 95. 355–371.
- Majid, Asifa, and Melissa Bowerman (eds.) 2007. Cutting and Breaking Events: A Crosslinguistic Perspective. *Cognitive linguistics* (special issue), 18.2.
- Majid, Asifa, and Stephen C. Levinson (eds.) 2011. The senses in language and culture. *The Senses and Society* (special issue), 6.1.
- Majid, Asifa, Fiona Jordan, and Michael Dunn. 2015. Semantic Systems in Closely Related Languages // *Language Sciences*, 49. 1–18.
- Mikone, Eve. 2002. *Deskriptiiviset sanat. Maaritelmat, muoto ja merkitys*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Miyajima, Tatsuo. 1972. *Doshi no imi yōhō kijutsuteki kenkyū*. Tokyo: Shueisha.
- Kopecka, Anetta, and Bhuvana Narasimhan (eds.) 2012. *Events of Putting and Taking: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins.
- Nirvi, Ruben E. 1937. Synonyymien ja synonyymiluonteisten sanojen syrjäämisestä ja kaotamisesta // *Virittäjä*, 41. 48–51.
- Orekhov, Boris (to appear). Les verbes désignant des cris d'animaux dans la langue bachkire: Influence russe et métaphorisation spécifique // Irina Kor Chahine, Jean-Marie Merle (éds.). *Les verba sonandi*. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence.
- Penttilä, Aarni. 1940. Deskriptiivisanojen tutkimusta // *Virittäjä*, 44. 246–253.
- Radden, Günter, and Zoltán Kövecses. 1999. Towards a Theory of Metonymy // Klaus-Uwe Panther and Günter Radden (eds.). *Metonymy in language and thought* [Human Cognitive Processing 4]. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins. 17–60.
- Rakhilina, Ekaterina. 2010. Animal Sounds: A Human Vantage Point // *Oslo Studies in Language* 2.2. 319–338.
- Ravila, Paavo. 1952. Onomatopoeettisten ja deskriptiivisten sanojen asema kielen äänesysteemissä // *Virittäjä*, 56. 262–274.

- Reznikova Tatiana, Ekaterina Rakhilina, and Anastasia Bonch-Osmolovskaya. 2012. Towards a Typology of Pain Predicates // *Linguistics* 50.3. 421–465.
- Ruiz de Mendoza, Francisco J., and Olga Diez. 2002. Patterns of Conceptual Interaction // R. Dirven, R. Pörings (eds.) *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 489–532.
- Ruiz de Mendoza, Francisco J., and Alicia Galera-Masegosa. 2011. Going beyond Metaphor: Metaphoric and Metonymic Complexes in Phrasal Verb Interpretation // *Language Value*, 3. 1–29.
- Ruiz de Mendoza, Francisco J., and Alicia Galera-Masegosa. 2012. Metaphoric and Metonymic Complexes in Phrasal Verb Interpretation: Metaphoric Chains // B. Eizaga Rebolgar (ed.) *Studies in Linguistics and Cognition* (Linguistic Insights 158). Frankfurt: Peter Lang: 153–184.
- Ruiz de Mendoza, Francisco J., and Lorena Pérez-Hernández. 2011. The Contemporary Theory of Metaphor: Myths, Developments and Challenges // *Metaphor and Symbol*, 26. 161–185.
- Ruoppila, Veikko. 1934. Muutamia piirteitä puheesta // *Virittäjä*, 38. 22–34.
- Rytkönen, Ahti. 1935. Deskriptiivistä sanoista // *Virittäjä*, 39. 90–102.
- Rytkönen, Ahti. 1937. Koloratiivinen konstruktio // *Virittäjä*, 41. 95–104.
- Sweetser, Eve. 1991. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure* [Cambridge Studies in Linguistics, 54]. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urdze, Aina Marite. 2010. *Ideophone in Europa: Die Grammatik der lettischen Geräuschverben*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer.
- Vanhatalo, Ulla. 2005. *Kyselytestit synonymian selvittämisessä*. Helsinki: Helsingin yliopisto.
- Wierzbicka, Anna. 1985. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Zalizniak, Anna A., Maria Bulakh, Dmitriy Ganenkov, Ilya Gruntov, Timur Maisak, and Maxim Russo. 2012. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*, 50.3. 633–669.

Сведения об авторах

Баранова Светлана Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Бессонова (Козлова) Екатерина Владимировна

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Выренкова (Марушкина) Анастасия Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Кашкин Егор Владимирович

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Мо-
сква

Комарова (Ванькаева) Александра Эрднеевна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Кор Шаин Ирина

Университет Ниццы София Антиполис, Ницца, Франция

Кузьменко Елизавета Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Кюсева Мария Викторовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Лучина Елена Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Максимова Анастасия Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Мерданова Солмаз Рамазановна

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Московский государственный психолого-педагогический университет

Мустакимова Эльмира Гаязовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Никунласси Ахти

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

Обери Гвенллиан

Университет Аберистуита, Уэльс, Великобритания

Орехов Борис Валерьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Павлова Елизавета Кирилловна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Панина Анна Сергеевна

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Парина Елена Алексеевна

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Протасова Екатерина

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

Рахилина Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Резникова Татьяна Исидоровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Рудницкая Елена Леонидовна

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Рыжова Дарья Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Хван Соген

Университет Ёнсе, Сеул, Корея

Холкина Лилия Сергеевна

Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Указатель животных

- А** аист.....286, 352, 361
- Б** баран44, 121, 127, 129, 137, 148, 169, 201, 206, 208, 210, 236, 238–239, 245, 250, 252–253, 285, 311, 339
белоглазка.....277
бобр.....17, 180
боров.....315
буйвол.....22, 137–138, 148, 311
бык21–22, 24–26, 32, 42, 45, 57–58, 61–62, 66, 83, 85, 91, 96, 98, 100, 103, 108–109, 112, 115, 117–118, 122, 125, 148, 169, 175–176, 183, 191, 201, 204, 208, 210, 222, 224, 245, 250, 252, 285, 300, 311, 320, 356–357, 369
- В** вальдшнеп54
верблюд.....17, 44, 148, 221–222, 231
вол109, 148, 222, 356
волк10, 16, 18, 22–24, 31–33, 45–46, 56, 68, 96, 101, 106, 113, 117, 122, 125, 135, 167, 175, 180, 182, 185, 188, 204–205, 208, 216, 225, 236, 239, 241–242, 244, 249, 255, 259, 265, 267, 286, 288, 292, 298–299, 304, 308, 311–312, 318, 322, 349–351, 354, 359
воробей98, 121, 133, 171, 180, 184, 201, 203, 209, 211, 214, 220, 223, 251, 284, 312–313, 319, 351
ворон, ворона15, 17–18, 22–24, 26, 29, 47, 60, 67, 73, 109–111, 119, 122–123, 130, 132, 145, 150, 180, 185, 187, 207, 212, 219, 225, 231, 244, 264, 284–285, 313, 318, 320
- Г** гагара17, 23
гадюка.....179
гиена349
глухарь54
голубь.....17, 24, 27, 33, 60, 71, 85, 98, 124, 129, 133, 150–152, 171, 180, 187, 205–206, 211, 215–216, 221–222, 245, 248, 252, 254, 258, 260, 264, 284, 327, 338–339, 361
горлица24

- гриф.....122–123, 313
 гусь.....15–16, 22–25, 27, 48, 57, 60, 79, 91, 133, 145, 147, 149, 185, 200, 207–
 208, 212, 222–223, 238, 244, 248, 264, 283–284, 292, 314, 331, 339
- Д** домашнее животное...37, 44, 57, 89, 100, 145, 148, 180, 211, 221–222, 235, 239, 245, 349
 дракон108–109, 113
 дрозд61, 98, 180, 184–185, 187, 269, 313
 дятел.....171, 180
- Е** единорог266
 еж19, 44, 184
- Ж** жаба.....19, 29, 208, 313–314, 322
 жаворонок23, 180, 223, 265
 жук32, 135–136, 139, 143, 184, 206, 214, 224, 283–285, 287
 журавль.....201, 222–223, 264, 352
- З** заяц.....16
 зебра.....16, 266
 землеройка180
 зимородок.....270
 змея15, 25–26, 29, 32–33, 42, 47–48, 60, 76, 84–85, 98, 100–101, 103, 114,
 147, 151, 183, 190, 200, 211–213, 236, 239–241, 243, 245–246, 250–251,
 257, 259, 293–294, 314, 316, 318, 321–322, 333–334, 350, 353–354, 360
 зяблик.....184
- И** индейка40, 258, 260
 индюк.....60, 64, 125, 180, 201, 238, 244, 264, 353
- К** какаду.....313, 322
 камышовка267
 коза.....15–16, 18–19, 26, 29, 44, 58, 61–62, 70, 81, 86, 89, 91, 96, 100, 109,
 122, 138, 145, 148, 153, 155, 169–170, 175–176, 180, 183, 201, 206–
 207, 224–225, 228, 238, 245, 250, 252, 264, 266, 311, 319–320, 328,
 331, 343, 351, 353, 356
 козел.....44, 137, 169–170, 250, 252, 285
 комар.....17, 24, 29, 59, 62, 64, 78–79, 99–100, 123, 135–136, 140, 143, 145,
 150, 172–175, 182, 184, 188, 215, 224, 239, 241, 243, 251, 260, 280,
 284, 287, 292, 314, 316, 321, 334–335, 341, 352, 354, 356
 конь45, 204, *см. также* лошадь
 корова.....16, 18–19, 22, 31, 42, 44, 57–58, 90–91, 96, 98, 100, 109, 112–113, 119,
 121–122, 125, 137–138, 148, 152, 157, 169–170, 175–176, 180, 183, 185,
 191, 201, 206, 208, 220–224, 231, 236–237, 239, 241–242, 244–246,
 248, 250, 252–253, 259, 264, 266, 311, 320, 328, 338, 340, 351, 356

- коршун201, 244, 285, 313
кот.....182, 190, 268, 315, 342, 357
котенок.....24, 41, 102, 147, 237, 268
кошка15–16, 18, 21, 24–25, 27, 31–32, 37, 40–42, 48, 51, 55, 57, 60–62, 71,
76, 86, 92, 98, 101, 106, 108, 110, 114, 124, 129, 136–138, 145–148,
151–153, 168–169, 174–175, 178, 182, 189–190, 203, 208, 211–212,
214, 219, 222, 224–225, 228, 231, 236–237, 239, 241–242, 245–246,
249–251, 255, 264–266, 271, 284, 291, 312, 315–317, 321, 329–330,
332, 349–351, 354, 362, 369
крокодил72
кролик269
крот16, 180
крыса.....17, 47, 82, 90, 237, 239, 241
кузнечик.....17, 32, 50, 59, 98–99, 135, 150–151, 156, 184, 188, 200, 204, 209, 248,
284, 297, 330, 353–354, 360
кукушка19, 134, 185, 187, 201, 226, 248, 312–313, 339–340, 353, 359, 361
курица16, 24–25, 27, 29, 48–49, 58, 60–61, 70, 79, 86, 98, 102, 114, 121,
123–125, 132, 145, 149, 151, 155, 180, 185, 187, 201–203, 236, 238–
239, 244–245, 248, 250, 254, 257, 264, 284, 292, 313–314, 334, 358
куропатка.....54
- Л** ласточка134, 143, 171, 180, 184
лебедь.....15, 25, 57, 180, 371
лев10, 15–19, 22, 26, 32, 45, 56–58, 64, 66, 85, 91–92, 96, 98–99, 103,
108–109, 112, 115, 117–118, 121–122, 126, 132, 134, 151–152, 155, 183,
191, 201, 210, 223–224, 244, 248, 265, 284, 286, 288, 292, 297–300,
302, 308, 312, 321, 342, 357, 368
лемминг98, 100, 106
леопард26, 201, 210, 286, 288, 312
летучая мышь....47
лиса16, 38, 56, 181, 201, 210, 225, 270–272, 284, 349–350
лось180, 183
лошадь10, 16, 18, 21, 24–25, 27, 43, 45, 58, 61, 70, 86, 91, 98, 100, 103,
121, 127, 137, 148–149, 180, 183, 188, 200, 202, 219–222, 229–231,
236–239, 243, 245, 248, 250–251, 259–260, 264, 266, 299, 303–304,
308, 314, 331, 334, 350–351, 359, 363
лягушка.....15, 19, 24, 29, 47, 60–61, 63, 92, 109–111, 119, 133, 144, 151, 154, 184,
200–201, 206, 208, 212, 215, 219, 225, 231, 244, 248, 264, 266–267,
270, 313–314, 322, 334, 352, 362
- М** медведь10, 16–18, 21, 24–26, 31, 59, 62, 64, 76–77, 82, 91, 99, 103, 113, 116,
121, 132, 134, 180, 190–192, 201, 210, 224, 252, 255, 259, 264, 286,
288, 312, 316–317, 321, 342, 357, 369
млекопитающее...188, 272

- морская свинка...55
 морской котик ...38
 москит.....184
 мул.....180
 муха.....17, 32, 52, 59, 62, 78–79, 99–100, 105, 123, 150, 157, 172, 174–176,
 184, 188, 224, 239, 248, 267, 284, 287, 292, 335, 356
 мышь.....17, 22, 24, 32, 47, 61, 83, 90, 99, 103, 110, 112, 118, 132, 134, 143, 149,
 151, 182, 201, 209, 237, 239, 241, 245–246, 251, 264, 266, 269, 284,
 287, 293, 312, 315, 319, 330, 336, 355, 357
- Н** насекомое15, 17, 21, 24–29, 32–33, 50–52, 58–59, 62, 64, 76–78, 82, 98–99,
 123, 125, 135, 150–154, 157, 172, 174, 184, 188–189, 200, 207, 212,
 214, 224, 230, 236, 240, 245–246, 264–265, 267, 284, 287–288, 290,
 293, 297, 322, 335, 338, 342, 356
 нерпа180
 носорог54
- О** обезьяна264, 271, 299, 307–308, 313, 319, 322
 овод172
 овца15–16, 26, 29, 44, 58, 60–62, 65, 89, 91, 98, 100, 109, 119, 122, 137,
 145, 148, 151, 153, 155, 169, 175–176, 180, 183, 185, 188, 201, 206,
 208, 216, 219, 224–225, 228, 231, 236, 238–239, 245, 250, 252, 266,
 311, 319–320, 339, 351, 356
 овчарка.....55, 74, 146
 олень54, 92, 121, 127, 129, 180, 183, 264, 266, 357
 орел12, 122–123, 201, 210, 248, 264, 285, 313, 352
 оса17, 116, 172, 184, 188, 224
 осел18, 58, 62, 91, 113–114, 117, 126, 130, 137–138, 148–149, 153, 180,
 183, 210, 238, 244, 248, 251, 253–254, 258–260, 264, 285, 298, 300,
 354
- П** павлин150–151, 156, 219–220
 пеночка180
 пес267, 277, 298, *см. также собака*
 песец210
 петух16, 60, 91, 98, 105, 115, 132, 145, 149, 151, 187, 201, 236, 238, 245,
 248, 251, 258, 264, 267, 272, 283, 297, 313–314, 340, 353
 попугай.....150–151, 156, 264, 307
 поросенок.....58, 67, 72, 83, 110, 182–183, 201, 243, 290, 315–316, 353–354
 птенец22, 32, 49, 61, 83, 99, 121, 132, 149, 151, 171, 182, 200–201, 204, 209,
 268, 284, 293, 312, 319, 330, 354, 357
 птица10, 15, 17–18, 22–24, 26–29, 31, 33, 48–50, 54, 57, 60–61, 67–68,
 79, 84, 90, 98, 117–118, 121–125, 127, 129, 132–134, 149–150, 154,
 171–172, 175, 178, 180–181, 184–185, 187–189, 201, 208, 210–212,

- 216, 218, 221–223, 226, 228–231, 251, 264–269, 277, 284–285, 289–290, 292–293, 297–300, 307–308, 312–313, 318–322, 327–330, 339–340, 352
- пчела17, 32, 52, 62, 64, 78, 92, 99–100, 105, 117, 150, 154, 172–174, 184–185, 188, 239, 248, 267, 284–285, 287, 314, 335, 338, 356
- Р**
- росомаха180
- рыба354
- рысь.....180, 210, 286
- С**
- саранча.....150
- сверчок.....59–60, 135, 150, 156, 224, 251, 264–265, 285, 298, 315, 354
- свинья16, 21, 32, 44, 58, 77, 83, 98, 100–103, 110, 112, 118, 137, 146–148, 151–152, 180, 183, 185, 191, 201–202, 206, 219, 225, 231, 238, 243, 245, 248, 264, 266, 269, 283–284, 292, 315–316, 329–331, 343, 359
- синица98, 180
- скворец171
- скот.....18, 22, 42, 49, 89, 109, 119, 121, 136–137, 148, 206, 210, 252–253, 260, 266, 311, 322, 328, 339, 356
- слепень.....188
- слон17, 54, 148–149, 151, 153, 183, 264
- снегирь.....180
- собака.....10, 16, 18, 22–24, 26, 31–33, 37–41, 45–46, 55–59, 64, 68, 72–74, 76, 85–86, 89, 91, 96, 98, 101, 106, 109, 111, 115–116, 121–122, 128, 134–136, 143, 145–148, 151, 153, 156, 164–167, 169, 174–175, 178, 181–182, 186, 189–190, 192–193, 204, 210, 212, 216, 219–223, 225, 227, 230–231, 236–238, 239–246, 248–249, 255–257, 264–267, 277, 279, 283–286, 290–291, 294, 298, 311–312, 317, 322, 327, 329, 331–332, 339, 343, 349–351, 353–354, 358, 362, 367
- сова.....56, 133–134, 145, 150, 180, 185, 187, 248, 264, 314, 337, 351, 360
- сокол19, 122–123, 210, 313
- соловей23, 33, 133, 184, 201, 362
- сорока.....24, 27, 29, 32, 98, 122–123, 132, 143, 180, 185, 190, 212, 214, 284–285, 313, 318, 354
- стрекоза17, 99, 135, 150, 172
- сурок17
- Т**
- теленок.....42, 44, 58, 109, 122, 137–138, 148, 222
- тетерев186, 193
- тигр15–18, 22, 26, 45, 56–58, 64, 66, 85, 98–99, 103, 121–122, 126, 134, 151–152, 155, 210, 223, 248, 286, 288, 292, 298–299, 306–308, 312, 319, 321, 342, 351
- трясогузка.....180
- тюлень.....180, 264

- У** утенок133, 314
утка.....15, 27, 49, 60–61, 79, 133, 145, 149, 180, 185, 201, 212, 236, 238–239,
244–245, 248, 283–284, 313–314, 334, 352–354
- Ф** фазан184, 284, 289, 339
филин187, 314
- Х** хищник16, 18, 38, 45, 58, 83, 85, 99, 180, 221, 223
хорек100–101, 106, 225
- Ц** цапля29, 258, 260, 313
цикада50, 98, 135, 150–151, 156, 267–268, 315
цыпленок22, 48, 99, 103, 110, 121, 123–124, 145, 149, 182, 187, 251, 264, 267,
284, 287, 312, 355
- Ч** чайка18, 60, 99, 110, 180, 187, 373
- Ш** шакал16, 284
шмель.....64, 99, 105, 135–136, 140–141, 143, 150, 184, 188, 216, 283, 287
- Щ** щенок24, 39, 55, 72, 74, 102, 126, 135, 144–148, 153, 182, 237, 249, 256–257,
289–291, 311–312, 353, 358
- Я** ягненок238, 356
ястреб.....122–123, 201, 313, 352

Научное издание

Глаголы звуков животных: типология метафор

Редакторы

Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова

Составитель

Е. В. Рахилина

Художественное оформление обложки

Надя Плунгян

Верстка

С. С. Белоусов

Подписано в печать ●●●●.2015. Формат 70×100 1/16

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс

Усл. п. л. ●●●. Тираж ●●● экз. Заказ № ●●●●

Издательство «Языки славянской культуры»

№ госрегистрации 1037739918449

Phone: +7 495 624-35-92 E-mail: lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис»

Тел. +7 499 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4